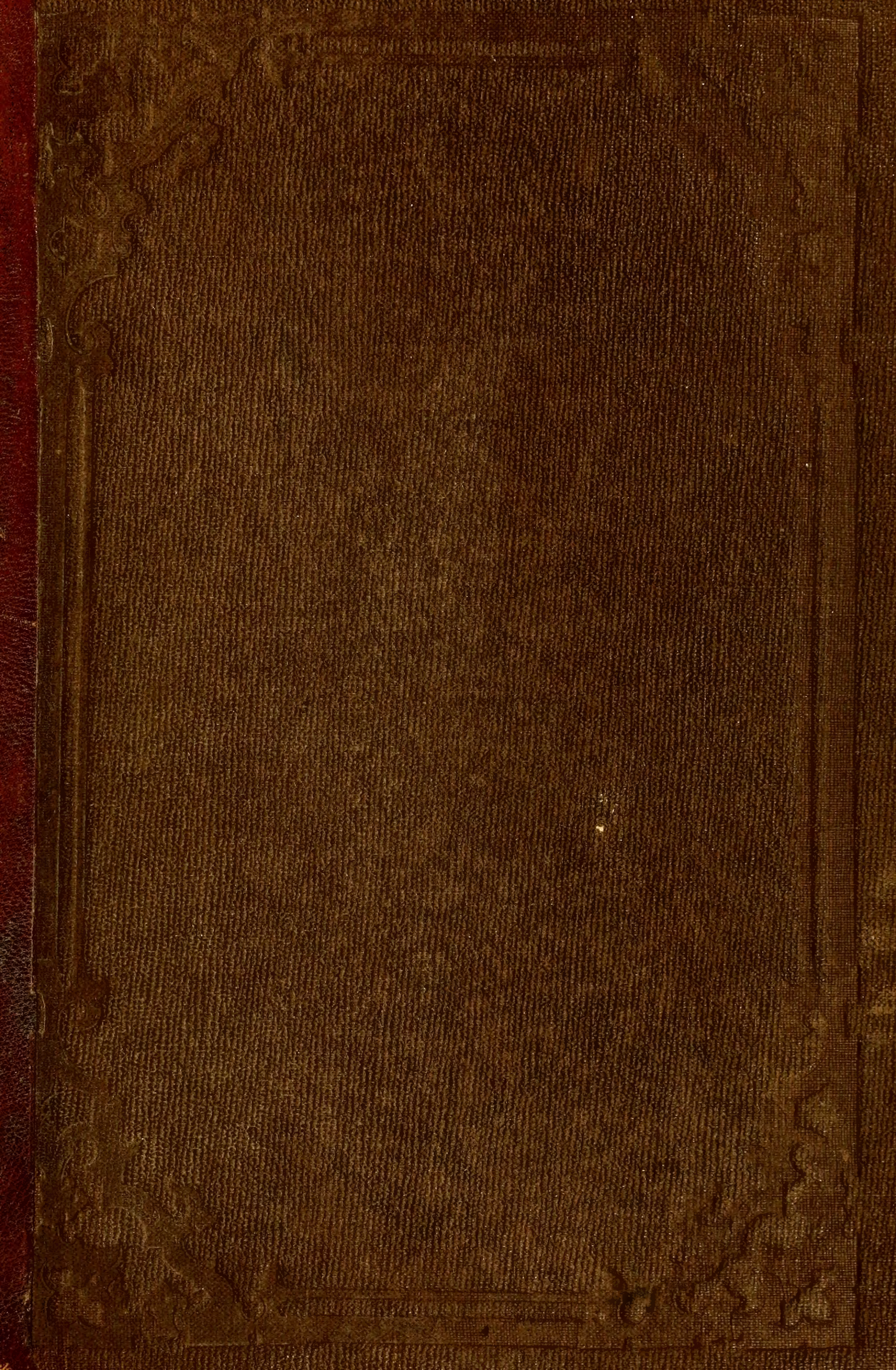

№ 55

Другу, Владимиру Ники-
тичу Кудрявцову отъ Н.
П. Фикоре(?), неизменнаго уро-
бовъ доброхотн[illegible].

СОЧИНЕНІЯ

Л. А. МЕЯ.

Томъ первый.

ДРАМАТИЧЕСКІЯ ПРОИЗВЕДЕНІЯ.

Изданіе графа Г. А. Кушелева-Безбородко.

С. ПЕТЕРБУРГЪ.
Въ типографіи Рюмина и комп.
1862.

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ,

съ тѣмъ, чтобы, по отпечатаніи, представлено было въ Цензурный Комитетъ узаконенное число экземпляровъ. С. Петербургъ, 22 января, 1862 года.

Цензоръ *Е. Волковъ.*

ЦАРСКАЯ НЕВѢСТА

ДРАМА

ВЪ ПЯТИ ДѢЙСТВІЯХЪ.

ДѢЙСТВУЮЩІЯ ЛИЦА:

Василій Степановичъ Собакинъ, новгородскій купецъ.

Калистъ, } его дѣти.
Марѳа, }

Григорій Григорьевичъ Грязной, }
Василій Григорьевичъ Грязной, }
Князь Михаилъ Темгрюковичъ, } опричники.
Малюта Григорьевичъ Скуратовъ, }
Князь Иванъ Гвоздевъ-Ростовскій, }

Бояринъ Матвѣй Лыковъ, нарвскій воевода.

Бояринъ Иванъ Сергѣевичъ Лыковъ, его племянникъ.

Любаша.

Елисей Бомелій, царскій лекарь.

Домна Ивановна Сабурова, купеческая жена.

Дуняша, ея дочь.

Петровна, работница Собакиныхъ.

Кумъ Савелій.

Кумъ Парѳёнъ.

Истопникъ.

Сѣнная дѣвушка.

Опричники, пѣсенники, плясуньи, слуги, прохожіе, бояре, боярыни.

Дѣйствіе происходитъ въ Александровской слободѣ, въ 1572 г. [1]

ДѢЙСТВІЕ ПЕРВОЕ.

ПИРУШКА.

Большая горница въ домѣ Григорія Грязного. На заднемъ планѣ низенькая дверь, и подлѣ нея поставецъ, уставленный кубками, чарками и ковшами. На правой сторонѣ сцены три красныя окна и противъ нихъ длинный столъ, накрытый скатертью; на столѣ свѣчи въ высокихъ серебряныхъ подсвѣчникахъ, солонка и судокъ. На лѣвой сторонѣ сцены дверь и широкая лавка съ узорнымъ полавочникомъ; къ стѣнѣ приставлена рогатина; на стѣнѣ виситъ самострѣлъ, большой ножъ, разное платье и медвѣжья шкура. По стѣнамъ и по обѣимъ сторонамъ стола — лавки, крытыя краснымъ сукномъ.

СЦЕНА ПЕРВАЯ.

ЯВЛЕНІЕ I.

Григорій Грязной и князь Иванъ Гвоздевъ-Ростовскій *сидятъ за столомъ другъ противъ друга; передъ ними два кубка и стопа.*

Кн. Иванъ Гвоздевъ-Ростовскій.

Такъ хороша?... А кто она такая?

Гр. Грязной.

Собакина, купеческая дочь...

Кн. Гвоздевъ-Ростовскій.

Постой, постой! Да не ея ль отецъ
Изъ Новгорода въ Слободу пріѣхалъ
Съ заморскими товарами?

Гр. Грязной.

Онъ самый.

Кн. Гвоздевъ-Ростовскій.

Домъ на углу, у церкви? Знаю, знаю:
У старика-то я вчера купилъ
Себѣ парчи узорчатой на ферязь...
Зачѣмъ онъ дочь сюда привёзъ съ собою?

Гр. Грязной.

Зачѣмъ?... Ты знаешь, Государь велѣлъ
Со всѣхъ концовъ и городовъ красавицъ
Свезти сюда, и лучшую изъ нихъ
Себѣ въ супруги выбрать хочетъ?...

Кн. Гвоздевъ-Ростовскій.

Слышалъ.

Гр. Грязной.

И вѣришь ли, мой другъ любезный Ваня?
Мнѣ кажется, что лучше Мароы нѣтъ,
Что на роду ей суждено царицей,
А не простой боярынею быть.

Кн. Гвоздевъ-Ростовскій.

Тебѣ во всёмъ повѣрю я, Григорій!
А вотъ своимъ глазамъ такъ я не вѣрю...

Гр. Грязной.

А что?

Кн. Гвоздевъ-Ростовскій.

Да такъ... Гляжу я на тебя:
Куда ты измѣнился, Гриша!... право!
Бывало мы, чуть дѣвица по сердцу,
Нагрянемъ ночью, дверь съ крюка сорвали,
Красавицу на тройку — и пошёлъ!
А—нынче мы болтаемъ, словно бабы...
Что̀ тутъ дремать? Друзья — какъ разъ — помогутъ.

Гр. Грязно̀й.

Нѣтъ, князь! Къ чему насиліе?... Не прихоть,
Любовь крушитъ мнѣ душу, да и Марѳа
Скорѣй наложитъ руки на себя,
Чѣмъ дастъ себя въ обиду... Слушай, князь:
Я честію хотѣлъ покончить дѣло:
Къ Собакину я сватовъ засылалъ.

Кн. Гвоздевъ-Ростовскій.

Ну, что-жь?

Гр. Грязно̀й.

Велѣлъ сказать мнѣ наотрѣзъ:
«Благодаримъ боярина за ласку,
А дочь свою я обручилъ другому.»

Кн. Гвоздевъ-Ростовскій.

Кому-жь другому?

Гр. Грязно̀й.

Лыкову Ивану.

Кн. Гвоздевъ-Ростовскій.

Да ты бы самъ съ отцомъ поговорилъ.

Гр. Грязно̀й.

Я говорилъ, такъ онъ поётъ другое:

Мы съ дядей наречённаго, Михайлой
Матвѣевичемъ, ужь дѣло порѣшили.

Кн. Гвоздевъ-Ростовскій.

А молодой-то Лыковъ — хоть куда!
Такой красивый, говоритъ такъ складно:
Не даромъ былъ онъ два года у нѣмцевъ.

Гр. Грязной.

Не говори мнѣ про него... Сегодня,
Скрѣпивши сердце, звалъ его я съ дядей
Откушать хлѣба-соли: погляжу,
Какой онъ басурманщины набрался?
Чай то-то онъ невѣстѣ нагородитъ,
Проклятый!

Кн. Гвоздевъ-Ростовскій.

Эй, послушайся меня:
Возьмёмъ силкомъ — и поминай, какъ звали!

Гр. Грязной.

Нѣтъ, не хочу...

(*Встаётъ.*)

А Лыкову Ивашкѣ
Не обходить кругомъ налоя съ Мароой!

Кн. Гвоздевъ-Ростовскій.

Да что-жь ты хочешь дѣлать?

Гр. Грязной.

Самъ не знаю...
А жаль мнѣ, что ты Мароы не видалъ:
Ты знаешь толкъ...

Кн. Гвоздевъ-Ростовскій.

Да кто его не знаетъ?
На что ужь нѣмецъ — Елисей Бомелій —

И тотъ смекаетъ! Встрѣтились намедни.
Онъ и давай хвалить твою Любашу:
«У твоего пріятель шлявна дѣвка!...»
Да, къ слову молвить. Развѣ ты Любашу
Ужь разлюбилъ?... А кажется, что дѣвки
Такой искать — не скоро и отыщешь:
Поётъ, что птичка; брови колесомъ,
Глаза, какъ искры, и коса до пятокъ!

Гр. Грязной.

Она мнѣ надоѣла...

Кн. Гвоздевъ-Ростовскій.

Что— такъ скоро?
И полгода, кажися, не прошло,
Какъ мы её въ Коширѣ подцѣпили...

Гр. Грязной.

Я не люблю ея.

Кн. Гвоздевъ-Ростовскій.

Напрасно, братъ!
А впрочемъ, какъ пройдетъ угаръ, полюбишь...
Давай-ка — выпьемъ!

(*Наливаетъ кубки; за дверью слышенъ шумъ.*)

Чу! никакъ и гости
Идутъ?.. Кого ты звалъ къ себѣ сегодня?

Гр. Грязной.

Всё нашихъ же... Ну, Лыковы прійдутъ,
Хотѣлъ быть Калистъ, Марѳинъ братъ, гуляка
И балагуръ, хоть тотчасъ въ скоморохи...
Прійдетъ Бомелій...

Кн. Гвоздевъ-Ростовскій.

Онъ зачѣмъ?

Гр. Грязной.

Мнѣ нужно.

СЦЕНА ВТОРАЯ.

ЯВЛЕНІЕ I.

Тѣ же, Малюта Скуратовъ, князь Михайло Темгрюковичъ, *въ богатомъ кафтанѣ, съ кинжаломъ за поясомъ; слуги.*

Гр. Грязной.

Добро пожаловать!

Малюта.

Здорово, Гриша!
И я пришелъ къ тебѣ попировать,
На старости медку хлебнуть немножко...
Съ собой взялъ князя...

Гр. Грязной.

Милости прошу!
Да что же ты ко мнѣ сегодня въ рясѣ?

Малюта.

Нельзя же, братъ! Я — параклисіархъ.
У васъ одно мірское на умѣ,
А мы съ великимъ нашимъ Государемъ
Вечерню слушали... Теперь, пожалуй,
Разоблачусь и я...

(*Снимаетъ тафью; слуги скидаютъ съ него рясу, и онъ остается въ кафтанѣ, шитомъ золотомъ, съ собольей опушкою. Гостямъ подносятъ кубки.*)

Вотъ это дѣло!
Мы съ княземъ шли къ тебѣ, да и продрогли.
Ну, будь здоровъ!

(*Пьётъ и кланяется Грязному.*)

Гр. Грязнóй, (*откланиваясь.*)

Благодарю, Малюта!

ЯВЛЕНІЕ II.

Тѣ же, Василій Грязнóй, Калистъ, Елисей Бомелій *и нѣсколько опричниковъ. На Бомеліѣ длинная чёрная мантія, на Калистѣ полукафтанье; на прочихъ кафтаны.* Михайло Матвѣевичъ и Иванъ Сергѣевичъ Лыковы.

Грязнóй (*идётъ на встрѣчу гостямъ.*)

Прошу покорно, гости дорогіе!

(*Целуется съ ними по очереди.*)

(*Лыковымъ.*)

Бояре!

(*В. Грязнóму.*)

Братъ, здорово!

(*Калисту.*)

Здравствуй, Калистъ!

(*Бомелію.*)

Благодарю тебя за честь, Бомелій!
Спасибо вамъ, что вспомнили меня,

(*Слуги подносятъ каждому изъ гостей по кубку; гости пьютъ и кланяются хозяину, который откланивается.*)

Ну, дорогіе гости! за трапезу
Прошу садиться... Только не взыщите:
Чѣмъ Богъ послалъ...

М. Лыковъ.

Мы лаской будемъ сыты.
А старая пословица гласитъ,
Что слаще мёду ласковое слово.

Гр. Грязной.

Другая поговорка есть, бояринъ,
Что баснями не кормятъ соловья...
Прошу покорно!

(*Гости садятся за столъ: слуги начинаютъ ставить кушанья.*)

Малюта (*М. Лыкову.*)

Разскажи-ка намъ,
Какъ въ Нарвѣ воеводствуешь, бояринъ?

М. Лыковъ.

Да, слава Богу, у меня все тихо:
Магистръ и нѣмцы, словно барсуки,
Сидятъ въ норàхъ и выглянуть не смѣютъ.

Малюта.

За умъ взялись, а то куда сварливы!
(*Ив. Лыкову.*)
Ты, молодецъ, на нѣмцевъ насмотрѣлся:
Что̀, какъ у нихъ тамъ зà моремъ живутъ?

Ив. Лыковъ.

Какъ и вездѣ: гдѣ хорошо, гдѣ худо.

Бомелій.

Неправда! Очень, очень хорошо!

Кн. Гвоздевъ-Ростовскій.

Зачѣмъ же вы къ намъ жалуете въ гости?
Ты знаешь: отъ добра добра не ищутъ!

Бомелій.

За нами шлётъ великій Государь
Чтобъ васъ учить.

Кн. Гвоздевъ-Ростовскій.

Ну да! Вы научили,
Какъ вашу жь братью нужно колотить:
Спасибо и на томъ!

Бомелій.

Какъ научили?

Кн. Гвоздевъ-Ростовскій.

Наслали намъ пищалей и снарядовъ,
И пушкарей. А то вѣдь наши дѣды,
Бывало, вашихъ рыцарей бивали
Простымъ дубьёмъ: оно вѣдь и устанешь!
Вотъ вамъ отъ насъ за это и спасибо!

Малюта.

А третіе спасибо — за вино.

Калистъ.

И подлинно: какъ нѣмцы вина гонятъ,
Такъ русскимъ ихъ навѣрно не гонять!

(*Гости смѣются.*)

Гр. Грязной.

Четвёртое спасибо! Ай-да Калистъ!
Люблю за то, что во-время и кстати

Ввернулъ словцо!

(Слугамъ.)

Эй, фряжскаго сюда!

Ив. Лыковъ.

А я скажу, что многое отъ нѣмцевъ
Не худо бы намъ, русскимъ, перенять.

Кн. Гвоздевъ-Ростовскій.

А что-такое?

Ив. Лыковъ.

Первое—порядокъ
Вездѣ, во всёмъ, въ домахъ, и городахъ,
Терпѣніе, досужество въ работахъ
И рвенье неусыпное къ трудамъ.
У нѣмцевъ нѣту росписи мѣстамъ.
У нихъ одинъ другому не укащикъ,
А всякой самъ блюдетъ себѣ и мѣсто.
За то у нихъ холопъ ужь не полѣзетъ
Въ бояре, и бояринъ не пойдётъ
Въ холопья, а живутъ себѣ смиренно,
Какъ—тамъ кому пришлося, и за тѣмъ
У нихъ повсюду,—смотришь,—тишь да гладь,
Да Божья благодать!

Малюта.

И дѣло: всякой
Сверчокъ знай свой шестокъ!

Бомелій.

Да: свой шестокъ!

Кн. Гвоздевъ-Ростовскій *(Бомелію.)*

Нѣтъ, ты молчи: тебѣ мы не повѣримъ!

Малюта намъ пословицу сказалъ,
А я тебѣ скажу другую: всякой
Куликъ свое болото хвалитъ! Понялъ?

(Бомелій отворачивается отъ кн. Гвоздева-Ростовскаго. Слуги вносятъ вино и начинаютъ наливать кубки.)

Ив. Лыковъ.

Еще скажу: хваленье Государю,
Зане онъ, какъ отецъ, о насъ печётся
И хочетъ, чтобы мы у иноземцевъ
Понаучились доброму!

Гр. Грязно́й.

Аминь!

(Поднимаетъ кубокъ.)

За здравіе Отца и Государя!
Да здравствуетъ на вѣки Государь!

(Всѣ встаютъ и осушаютъ кубки.)

Да здравствуетъ на вѣки Государь!

Кн. Михайло Темгрюковичъ.

Хозяинъ! приказалъ бы ты позвать
Сюда твоихъ гусляровъ, да заставилъ
Ихъ Бѣлаго Царя повеличать.

Гр. Грязно̀й.

Они готовы.

(Слугамъ.)

Пѣсенниковъ! живо!

Кн. Михайло Темгрюковичъ.

И пѣсенницъ! Онѣ потомъ попляшутъ,
А—мы на нихъ съ Малютою посмотримъ.

Малюта.

Смотри, а мнѣ такъ что̀-то надоѣло.

Кн. Михайло Темгрюковичъ.

Не притворяйся: знаю я тебя!

ЯВЛЕНІЕ III.

Тѣ же, гусляры, пѣсенники и плясуньи. *Войдя въ горницу, они кланяются гостямъ и становятся около поставца.*

Гр. Грязно̀й.

Ребята! Дорогихъ гостей потѣшьте
Моей любимой и завѣтной пѣсней —
Во славу православнаго Царя!

Малюта.

И мы подтянемъ.

(Гусляры настроиваютъ инструменты.)

Гр. Грязно̀й.

Ну, дружнѣй ребята!

Хоръ.

Слава на небѣ солнцу высокому.
Слава!
На землѣ Государю Великому
Слава!
Его борзые кони не ѣздятся.—
Слава!
Его платья цвѣтныя не носятся,—
Слава!

А бояре и слуги не старятся. —
Слава!

(При послѣднемъ словѣ гости встаютъ и поднимаютъ кубки.)

Малюта.

Гдѣ старѣться — намъ только молодиться!
И то сказать, бояре, что невольно
Съ такимъ Царёмъ, какъ нашъ, помолодѣешь,
Его еще на свѣтѣ не бывало,
А ужь о нёмъ пророки провѣщали!

В. Грязнóй.

А что-жь они вѣщали!

Малюта.

Аль не знаешь?..
Былъ юродивый старецъ Доментьянъ...
Когда его покойная княгиня
О дѣтищѣ, зачатомъ ей, спросила:
«Что имамъ я родити?» Онъ сказалъ:
— «Родится Титъ — широкій умъ!» — И точно:
Не мимо шли правдивыя слова —
И вѣщее сбылося предсказанье!

В. Грязнóй.

Широкій умъ — по царству! Чай, его
И басурманы хвалятъ?

Ив. Лыковъ.

Не вездѣ.

Малюта.

Такъ: не вездѣ!.. Хулителей не мало!
Но кто они? Презрѣнные рабы:

Природному владыкѣ измѣнили,
И, совѣсть прокаженную продавши,
Согласниками стали сатаны...
Князь Курбскій и другіе! А за ними
Стрекочутъ иноземцы, какъ сороки...
Ну, чѣмъ они корятъ Царя Ивана?

Ив. Лыковъ.

Прискорбно повторять мнѣ злыя речи,
А говорятъ, что Царь нашъ грозенъ...

Малюта.

Грозенъ;
Да, грозенъ онъ, какъ Божія гроза:
Безъ устали караетъ лиходѣевъ,
А праведнымъ — вѣщаетъ благодать!
Нѣтъ! Это скудоумные навѣты
Предателей, злословящихъ Царя.
За что? За то: зачѣмъ, дескать, онъ понялъ,
Что Царь казнить и жаловать волёнъ,
И что ему, вѣнчанному владыкѣ,
Негоже подъ приставниками быть?
Онъ грозенъ!.. Охъ! Гроза-то — милость Божья!
Гроза гнилую со́сну изломаетъ,
Да цѣлый боръ дремучій оживитъ!

В. Грязно̀й.

Вотъ речь, такъ речь! Ужь подлинно; не даромъ
Ты носишъ шубу съ царскаго плеча!

Малюта.

И, вамъ бояре, тоже вѣдь не даромъ
За сѣдлами Царь мётлы привязалъ:

Мы выметемъ изъ Руси православной
Весь соръ!

В. Грязной.

Вѣстимо! Гойда!

(Поднимаетъ кубокъ.)

Опричники (*поднимаютъ кубки.*)

Гойда! Гойда!

В. Грязной.

Теперь ещё одинъ застольный кубокъ —
И кончена смиренная трапеза;
Прошу васъ не прогнѣваться, бояре!

(Слуги наливаютъ кубки.)

Кн. Михайло Темгрюковичъ.

Благодаримъ, хозяинъ, за̀ хлѣбъ—за́ соль!

(*Гости пьютъ и кланяются Гр. Грязному.*)

Гр. Грязной, (*откланиваясь.*)

Хозяину гостей благодарить!

(Иные изъ гостей встаютъ изъ-за стола и расходятся по горницѣ; другіе остаются за столомъ. Слуги снимаютъ пустыя блюда.)

В. Грязной *(подходитъ къ Гр. Грязному.)*

Братъ! Что̀ твои гусляры пріуныли?
Не худо бы гостей повеселить!

Гр. Грязной.

Да чѣмъ велите...

Малюта.

Ну-ка, плясовую!

Кн. Михайло Темгрюковичъ.

Вишь, вишь! А говорилъ что надоѣло!

Малюта.

А ты и радъ накинуться на слово!

Гр. Грязной *(пѣсенникамъ.)*

Ребята, пой, а дѣвушки попляшутъ...

Хоръ начинаетъ:

»За рѣченькой яръ-хмѣль
Вкругъ кустика вьется...»

(На середину выходятъ двѣ дѣвушки и начинаютъ пляску. Гости составляютъ полукругъ. Калистъ придвигается ближе и ближе къ плясуньямъ и наконецъ приплясываетъ и припѣваетъ.)

Малюта.

Спасибо! Лихо! Что твои лебёдки!

(Указывая на Калиста.)

Гляди: и молодца расшевелили,
А—то сидитъ себѣ такой понурый...

(Калисту.)

Что, косточки небойсь заговорили?

Калистъ.

Люблю, бояринъ, пѣсню плясовую!
На сердце легче, какъ её заслышишь:
Такъ по тебѣ муражки и пойдутъ,
А подъ ногами словно кто подсыпалъ
Горячихъ угольевъ — такъ вотъ и ходятъ!

Бомелій.

Не пѣсенки, а дѣвушекъ онъ любитъ!
Мужчина молодой: жениться хочетъ...

Калистъ.

Женюся, у другого не спрошуся
И ни къ кому съ поклономъ не прійду...

Бомелій.

Ко мнѣ прійдешь.

Калистъ.

За снадобьями что — ли?

Бомелій

За снадобьями, да. Ты любишь дѣвку,
А дѣвка — нѣтъ. Вотъ ты идёшь ко мнѣ
А я тебѣ травы даю...

Калистъ.

Морòчишь.
Будь у тебя, братъ, корень приворотный,
Порѣже-бъ ты развязывалъ кису!
А то я знаю...

Бомелій.

Чтò ты знаешь?

Калистъ.

Пѣсню!

Бомелій.

Какую пѣсню знаешь?

Калистъ.

А такую.
Какъ парни привораживаютъ дѣвокъ.

Пропѣлъ бы я тебѣ её, да жалко —
Не про тебя её сложили! Вотъ что:
Въ толкъ не возьмешь!

Гр. Грязной.

А что же? спой-ка, Калистъ!
Мы въ толкъ бы взяли...

Калистъ.

Богъ съ тобой, бояринъ!
Куда мнѣ пѣть!

(Указывая на Бомелія.)

Я съ нимъ — вотъ пошутилъ.

Малюта.

Добро, добро! Отнѣкиваться поздно:
Самъ посулилъ, такъ волей, аль неволей,
А пой, любезный!

Калистъ.

Нечего ужь дѣлать:
Давайте балалайку.

(Одинъ изъ гусляровъ подаетъ ему балалайку; Калистъ перебираетъ нѣсколько ладовъ.)

Поётъ.

Ты — краса ли моя дѣвичья,
Ты — коса-ль моя трубчатая.
Не на радость ты мнѣ, дѣвицѣ,
Не въ утѣху доставалася:
Что тебѣ ли, русой косынькѣ,
Люди добрые завидуютъ,
За тебя ли, косу русую,

Извели меня, младёшеньку,
Опоили, горемычную,
Зельемъ — лютою отравою...
Охъ, не зельемъ извели меня,
Опоили не отравою,
А извёлъ меня соколій глазъ,
Опоила речь медовая!

Малюта.

Ай, Калистъ! Вотъ утѣшилъ, такъ утѣшилъ!
Да какъ-же ты на пѣсни-то гораздъ!

Ив. Лыковъ.

Благодарю тебя, любезный Калистъ!
Мнѣ за̀ моремъ всё сердце истомили
Нѣмецкія докучливыя пѣсни;
Ты русской пѣсней душу мнѣ отвёлъ!

Гр. Грязно̀й.

Спасибо, братъ!

Калистъ, *(кланяясь.)*

Да смилуйтесь, бояре:
Не издѣвайтеся!...

Малюта.

Ну, полно, полно!
Что хорошо, — то хорошо!
(Треплетъ его по плечу.)

Кн. Гвоздевъ-Ростовскій.

Съ Любашей
Ему бы спѣть: ужь вотъ была бы пара!

Малюта.

Аль память у меня виномъ отшибло?

(*Гр. Грязному.*)

Григорій! гдѣ же крестница моя?
Никакъ ты, братъ, свою голубку держишь
На запертп? Небойсь — не улетитъ!

Гр. Грязной.

Не знаю, что она нейдетъ?

(*Слугамъ.*)

Скажите
Игнатьевнѣ, чтобъ кликнула Любашу.

Калистъ.

Давно бы такъ!

М. Лыковъ (*тихо Малютѣ.*)

А кто это... Любаша?

Малюта (*тихо.*)

Любовница Грязного, чудо-дѣвка!
Мы изъ Коширы увезли её...

(*Вслухъ.*)

Я крестницей зову её затѣмъ,
Что за неё порядкомъ шестопёромъ
Я окрестилъ кощирскихъ горожанъ:
Такіе злые — лѣзутъ, да и только!

Кн. Гвоздевъ-Ростовскій (*отводитъ въ сторону Калиста.*)

Послушай, подразни маленько нѣмца...
Вишь онъ, какъ сычъ, насупился...

Калистъ.

Пожалуй.

(*Подходитъ къ Бомелію.*)

Что пріунылъ? Аль пѣсня не по сердцу?

Бомелій.

Я ваши пѣсни плохо понимаю.

Калиститъ.

А сказки понимаешь, что ли?

Бомелій.

Сказки?

Я сказокъ не слыхалъ еще...

Калистъ.

Такъ хочешь,

Я присказку скажу?

Бомелій.

Скажи.

Калистъ.

Ну, слушай.

(*Кн. Гвоздевъ-Ростовскій и нѣкоторые изъ гостей подходятъ ближе.*)

«Я маленькій былъ смѣлъ: жеребёночка съѣлъ, сѣлъ да и поѣхалъ...»

Что̀, хорошо?

(*Бомелій киваетъ головой; гости смѣются.*)

А дальше лучше будетъ!

«Вотъ ѣду я, ѣду, я самъ ни — гугу! Вижу — на рѣчкѣ, не то на лугу, плаваютъ три утки, а — можетъ — три галки... вотъ я себѣ и выломилъ три палки: первую-то бросилъ, да не добросилъ, вторую-то кинулъ да не докинулъ, а третьей и такъ мѣтилъ да не попалъ! Дѣлать нѐчего: надо ловить руками...»

(*Бомелій слушаетъ со вниманіемъ.*)

ЯВЛЕНІЕ IV.

Тѣ же и Любаша *выходитъ изъ боковой двери; на ней цвѣтная тѣлогрѣя; волосы ея заплетены въ двѣ косы. Увидя её,* Калистъ *останавливается.*

Бомелій.

Ну?

Калистъ.

Улетѣли!

(*Отворачивается отъ Бомелія.*)

Бомелій.

Какъ же улетѣли?..

(*Оборачивается и не договариваетъ.*)

Малюта.

А пташечка-пѣвунья прилѣтела!

(*Любашѣ.*)

Здорово, крестница!

Любаша, (*кланяясь гостямъ, которые отвѣчаютъ на ея поклонъ.*)

Здорово, крёстный!

Малюта.

Что позамѣшкалась? Небойсь съ постели?
Глазёнки словно заспаны...

Любаша, (*взглядывая на Грязного.*)

Ахъ! что ты!

Я не спала, а голова болѣла
Немного.

Малюта,

Вздоръ! Вотъ ты намъ спой-ка пѣсню,
Такъ боль всю какъ рукою сниметъ!

Гр. Грязной.

Что же —
Сухая ложка ротъ деретъ, бояре!
Прикажите по чарочкѣ медку?
За кубками и пѣсни слушать лучше.

Кн. Михайло Темгрюковичъ.

Хозяинъ! мёдъ-твой не въ мѣру хмѣленъ!

Гр. Грязной.

Какой ужь есть: изъ царскихъ погребовъ.

Кн. Михайло Темгрюковичъ.

Инъ — прикажи по чарочкѣ...

Грязной (*слугамъ.*)

Эй, мёду!

Любаша (*Малютѣ.*)

Послушай! я просить тебя хотѣла...

Малюта.

Что, пѣночка?

Любаша.

Какъ Царь жениться будетъ,
Ты наряди меня тогда на свадьбу —
Хоть сѣнной дѣвушкой къ невѣстѣ. Слышишь?

Малюта.

Изволь. А ты намъ пѣсню затяни.

Любаша.

Какую же?

Малюта.

Да знаешь... по протяжнѣй,
Чтобъ за̀ сердце хватала!

Любаша.

Погоди:
Сейчасъ спою.,.

(*Гуслярамъ.*)

А вы мнѣ подыграйте.
(*Садится къ столу. Слуги обносятъ гостей чарками.*)

Малюта (*берётъ чарку и садится возлѣ Любаши.*)

Хозяину веселье!

(*Пьётъ; Грязной кланяется.*)

Ну, бояре!
Прошу прислушать: крестница поётъ!

(*Гусляры подстроиваютъ инструменты.*)

Любаша.

Ты крестницу самъ къ пѣснѣ приневолилъ,
Такъ за неё ужь самъ и отвѣчай.

(*Гости окружаютъ Любашу.*)

Поётъ.

Снаряжай скорѣй, матушка родимая,
Подъ вѣнецъ своё дитятко любимое!
Я гнѣвить тебя ныньче зарекалася:
Отъ сердечнаго друга отказалася:
Расплетай же мнѣ косыньку шелко̀вую,
Уложи меня на кровать тесовую;
Пелену набрось мнѣ на груди бѣлыя
И скрести подъ ней руки помертвѣлыя,

Въ головахъ зажги свѣчи воску ярова
И зови ко мнѣ жениха-то старова:
Пусть войдетъ старикъ, смотритъ — да дивуется —
На красу-ль мою дѣвичью любуется!

Гости.

Благодаримъ! Спасибо! Славно! Славно!

М. Лыковъ.

Отмѣнно!

Кн. Михайло Темгрюмовичъ.

Знатная пѣвица!

Бомелій.

Да!
(*Любаша кланяется.*)

Кн. Гвоздевъ-Росовскій.

Что: да? Небойсь теперь ты понялъ?

Бомелій.

Понялъ.

Малюта (*встаётъ.*)

Ну, крестница, позволь поцеловать!
(*Целуетъ Лубашу.*)
Вотъ—какъ поётъ, что сердце замираетъ...
Эхъ! время-то поздненько, а не то
Я безъ другой бы пѣсни и не вышелъ...

Гр. Грязной.

Ты собрался никакъ домой?

Малюта.

Да время:
Пора гостямъ и со двора, хозяинъ!

Гр. Грязно̀й.

Да подожди.

Малюта.

А ты и позабылъ,

Что мнѣ пора идти на колокольню?
Чай, Государь изволилъ пробудиться;
Смотри—какъ разъ къ заутренѣ ударю
И васъ въ расплохъ застану всѣхъ. Прощай.
(*Гости встаютъ и берутся за шапки.*)

Гр. Грязно̀й.

И вы, бояре? Нѣтъ, ужь извините,
А такъ я васъ домой не отпущу!..
(*Слугамъ:*)
Живѣй, вина!
(*Гостямъ:*)
По чаркѣ, на прощанье!

Малюта.

Ну, будь по твоему.
(*Гостей обносятъ чарками; они пьютъ и раскланиваются съ Грязнымъ.*)
Теперь—ужь, братъ, прощай.
(*Любаша, подходитъ къ дверямъ.*)

Гр. Грязно̀й.

Ну, прощай, Малюта!
(*Гости прощаются съ Грязнымъ.*)

Кн. Михайло Темгрюковичъ.

Пора хозяину покой дать.

М. Лыковъ.

За̀-хлѣбъ—за-соль!

Гр. Грязно́й.

Прошу вперёдъ къ намъ жаловать, бояре!

Ив. Лыковъ.

Прошу тебя и насъ не забывать.

(*Бомелій въ это время смотритъ на Любашу; она раскланивается гостямъ.*)

Гр. Грязно́й (*Калисту.*)

Отцу съ сестрою поклонися, Калистъ!

(*Любаша отступаетъ.*)

Кн. Гвоздевъ-Ростовскій (*Грязно́му, не видя Любаши.*)

Мы въ церкви вѣдь увидимся съ тобой?
Я радъ, что ты повеселѣлъ и Марѳу
Васильевну Собакину забылъ.

(*Любаша вздрагиваетъ.*)

Гр. Грязно́й.

Забылъ! Скажи: забылся... До свиданья.

(*Бомелій хочетъ уйдти; Грязной, удерживая его, слугамъ и пѣсенникамъ:*)

Ступайте! Мнѣ не нужно васъ...

(*Слуги, пѣсенники и плясуньи уходятъ; Любаша прячется за медвѣжью шкуру.*)

ЯВЛЕНІЕ V.

Гр. Грязной, Бомелій Любаша *за медвѣжьей шкурой.*

Гр. Грязно́й.

Бомелій!

Мнѣ важное есть дѣло до тебя.

(*Указывая на скамью.*)

Садися здѣсь и выслушай, Бомелій!

(*Бомелій садится.*)

Сегодня ты съ гостями молодыми
Про дѣвушекъ про красныхъ говорилъ,
И, помнишь речь о корнѣ приворотномъ
У васъ зашла, и ты шутилъ, Бомелій?

Бомелій.

Нѣтъ, не шутилъ.

Гр. Грязнòй.

Какъ? Ты и вправду знаешь,
Чѣмъ дѣвушку къ себѣ приворожить?

Бомелій.

Да.

Гр. Грязнòй.

Ты смѣёшься?

Бомелій,

Нѣтъ

Гр. Грязнòй.

А можешь
Приворожить къ другому?

Бомелій.

Всё ровно.

Гр. Грязнòй.

Такъ я тебѣ, Бомелій, поклонюся;
Есть у меня пріятель... зазнобила
Ему сердечко красная дѣвица...
Нельзя ли какъ помочь бѣднягѣ?

Бомелій.

Можно.

Гр. Грязной.

Да вотъ бѣда: случилось, что иного
Она взлюбила, а его не любитъ...

Бомелій.

Его полюбитъ.

Гр. Грязной.

Ты не лжёшь?

Бомелій.

Не лгу.

Гр. Грязной.

Нѣтъ—поклянись мнѣ...

Бомелій.

Да повѣрь, бояринъ!

Гр. Грязной.

Послушай! Я... пріятель мой богатъ,
И домъ его, по милости царёвой,
Какъ чаша, полонъ; въ кладовыхъ довольно
И золота, и камней самоцвѣтныхъ,
И жемчугу, и всякого добра:
Бери любое, сослужи лишь службу:
Приворожи къ нему ту лиходѣйку,
Что и сама его приворожила!

Бомелій.

Изволь. Я дамъ ему лихого зелья:
Какъ выпить дастъ, такъ дѣвка и полюбитъ.

Гр. Грязнòй.

Что жь, это зелье, стало быть, напитокъ?

Бомелій.

Нѣтъ, порошокъ. Насыпать ей въ вино.
Пусть сыплетъ самъ, а то и не полюбитъ.

Гр. Грязнòй.

Ну, всыплетъ... А потомъ чтò нужно дѣлать?

Бомелій.

Поговорить.. сказать, что много любитъ...

Гр. Грязнòй.

О! Я скажу!... Я знаю, чтò онъ скажетъ...
Когда жь ты это зелье приготовишь?

Бомелій.

Дня черезъ три.

(*Встаетъ.*)

Пока прощай, бояринъ!
Спокоенъ будь.

Гр. Грязнòй (*удерживая его*).

А если не полюбитъ?

Бомелій.

Къчему мнѣ лгать?

Гр. Грязнòй.

Такъ я къ тебѣ зайду.
И, если ты пріятелю поможешь,
Озолочу тебя.

Бомелій.

Прощай!... Полюбитъ!

Гр. Грязной.

Прощай! Постой: я провожу тебя.

(*Провожаетъ Бомелія за дверь. Любаша выходитъ изъ-за шкуры и прокрадывается въ боковую дверь.*)

ЯВЛЕНІЕ VI.

Грязной, *потомъ* Любаша.

Грязной (*идетъ потупя голову*).

И вѣрю, и не вѣрю... Мудрено́,
А можетъ быть: сильна его наука!
Что̀, если не солгалъ онъ?...

Любаша (*тихо растворяя дверь и подходя къ Грязному*).

Ты одинъ?

Грязной.

Любаша!

Любаша.

Ну? чего ты испугался?

Грязной.

Зачѣмъ ты?

Любаша.

Я спросить тебя хотѣла:
Пойдешь ли ты къ заутренѣ?

Грязной.

Пойду.

(*Садится къ столу и закрываетъ лицо руками. Молчаніе*).

Любаша (*подходитъ къ Грязному*).

Скажи: за что ты на меня сердитъ?

(*Грязной не отвѣчаетъ.*)

Чѣмъ, глупая, тебя я прогнѣвила,
Что ты словечка вымолвить не хочешь?

Грязной (*не поднимая головы*).

Отстань.

Любаша.

Охъ, надоѣла я тебѣ!
Давно пора! Чего ты хочешь, дѣвка?
Тобою понатѣшились довольно,
И выбросятъ, какъ старую тряпицу!
Ты надоѣла: есть другая, — лучше,
Привѣтливѣй...

Грязной (*оборачиваясь*).

Ложися спать. Любаша!

Любаша.

Когда бы ты любилъ еще Любашу,
Ты зналъ бы, — спитъ она иль нѣтъ! Спасибо!
Ты позабылъ, какъ двери отворять
Ко мнѣ въ свѣтёлку... Господи! давно ли
Я думала, что любитъ онъ меня,
Давно ли онъ любилъ? Отъ поцелуевъ
Его и щеки даже не простыли...

(*Бросается къ Грязному.*)

Нѣтъ, быть не можетъ!... Ты меня не кинешь!
Я прогнѣвила чѣмъ-нибудь тебя,
Ты вѣрно полюбилъ съ сердцòвъ другую?
Оставь её! Она тебя не любитъ,

Я, я одна тебя люблю! Ты вспомни:
Я для тебя дѣвичій стыдъ забыла,
Забыла мать, отца, и родъ и племя,
Объ нихъ слезы не выронила я —
Всё для тебя, а ты меня покинешь!

(*Падаетъ на колѣни.*)

Не погуби души моей, Григорій!

(*Слышенъ ударъ колокола.*)

Грязнòй (*встаетъ*).

Заутреня...

(*Идетъ въ уголъ, надѣваетъ рясу и тафью.*)

Любаша.

Постой, не уходи!
Скажи мнѣ, что я брежу, что ты любишь
Меня, а не ее, не эту... Да скажи же
Мнѣ что нибудь!

(*Второй ударъ.*)

Грязнòй (*ходитъ.*)

Прощай!

Любаша (*бѣжитъ за нимъ*).

Постой, куда ты!

ЯВЛЕНІЕ VII.

Любаша (*возвращаяся*).

Ушёлъ!... И даже не взглянулъ ни разу!

(*Третій ударъ.*)

Не бойсь, на ту глядитъ, не наглядится!
И зелья для нея просилъ у нѣмца,
И золота сулилъ ему за зелье...
Она его приворожила, видишь!...

(*Ещё ударъ.*)

Охъ!... Отыщу же я твою колдунью—
И отъ тебя её отворожу!

(*За сценой благовѣстъ.*)

ДѢЙСТВІЕ ВТОРОЕ.

ПРИВОРОТНОЕ ЗЕЛЬЕ.

Улица въ Александровской Слободѣ. На лѣво церковь съ обширнымъ монастыремъ, обнесённымъ оградой; подлѣ нея, на углу, домъ въ три окна на улицу, ворота и заборъ; у воротъ, подъ окнами, деревянная лавка. Направо—длинный рядъ домовъ; изъ-за заборовъ выглядываютъ кой-гдѣ голыя деревья. На заднемъ планѣ, вдали, хоромы царя Іоанна и часть Слободы. На авансценѣ раскидистое дерево и подъ нимъ большой камень. Улица идётъ нѣсколько въ гору. Осенній вечеръ.

ЯВЛЕНІЕ I.

Петровна, *потомъ* Марѳа.

(*Петровна выходитъ изъ калитки и смотритъ изъ-подъ руки на улицу.*)

Марѳа (*за сценой.*)

Что? не видать, Петровна?

Петровна.

Не видать,

Родимая!... Никѣмъ—кого...

(*Изъ-за монастыря выходитъ женщина.*)

Постой-ка:
У церкви вонъ идётъ купецъ... Дitятко,
Не тятенька?... Взгляни сама, родная!
Глазёнки у тебя моложе.

Марѳа (*выглядывая изъ калитки.*)

Что̀ ты,
Петровна? Это — женщина.

(*Женщина входитъ въ одинъ изъ домовъ.*)

Петровна.

Ахти!
А мнѣ вѣдь покажись купецъ... Старенька,
Старенька я, родная: плохо вижу.

Марѳа (*смотритъ ещё нѣсколько времени на улицу и потомъ кричитъ въ калитку.*)

Дуняша!

Дуняша (*за сценой.*)

Что̀ ты?

Марѳа.

Выйдемъ за ворота,
Да посидимъ на лавочкѣ.

Дуняша.

Пожалуй.
Я только вотъ фату себѣ возьму.

Марѳа.

Возьми и мнѣ.

(*Садится на лавочку.*)

Петровна.

Эхъ, старость-то не радость!

Бывало, ночью, словно кошка, видишь,
А нынче... ровно кто песку насыпалъ
Тебѣ въ глаза...

ЯВЛЕНІЕ II.

Тѣ же и Дуняша *выходитъ изъ калитки.*

Да какъ тепло и тихо!

(*Подаетъ Марѳѣ фату.*)

Вотъ и фата тебѣ.

Марѳа (*накидывая фату.*)

Присядемъ, Дуня!
Петровна намъ про старину разскажетъ.

(*Дуняша садится возлѣ Марѳы. Петровна стоитъ у калитки, подпершись рукой объ щеку.*)

Дуняша.

Петровна! Чай, тебѣ годовъ ужь много?

Петровна.

Многонько, моя матушка, многонько...
Да вотъ мнѣ съ Госпожинокъ-то пошёлъ
Седьмой, не то ужь и осьмой десятокъ.

Дуняша.

Ну, пожила же ты на бѣломъ свѣтѣ!

Петровна.

Давно живу, чужой вѣкъ заживаю:
Пора костямъ и на покой, родная!

(*Вздыхаетъ.*)

Вѣкъ изжила, а вёдра не видала...
Ненастья съ горемъ вдоволь насмотрѣлась!

МАРѲА.

А говорятъ, что встарь все лучше было!

ПЕТРОВНА.

Вѣстимо лучше! Ныньче всё не то:
И люди-то, и время-то... Бывало
О-сю-пору снѣжокъ ужь порошитъ.
Пришелъ братъ Божій Яковъ — и крупица
Повыпадетъ, водица освѣжится,
Грязь закуётъ, а тутъ, глядишь, и зимка:
Егорій съ мостомъ, да Микола съ гвоздемъ.
А ныньче вотъ и Яковъ, Божій братъ,
А вишь — какая нéпогодь! Поутру
И крыши не бѣлѣютъ: всё туманы...
Теплынь какую Господи даетъ!

ДУНЯША.

Что-жь? Паръ костей не ломитъ вѣдь, Петровна?

ПЕТРОВНА.

Тепло-то не ко времени, родная!

ЯВЛЕНІЕ III.

Тѣ же, кумъ Савелій и кумъ Парѳёнъ *выходятъ изъ противоположнаго дома.*

КУМЪ САВЕЛІЙ.

Слышь, баитъ, пить ненадо, кумъ Парѳёнъ!

Кумъ Пареёнъ.

Не надо, кумъ, вотъ — видитъ Богъ — не надо!
Что жь? Человѣкъ недужный... гдѣ тутъ пить?...

Петровна (*тихо.*)

Знать къ нѣмцу за лекарствами ходили.

Кумъ Савелій (*останавливаясь.*)

Съ чего оно прикинулось? знать съ вѣтру!

Кумъ Пареёнъ.

А кто ихъ знаетъ! Можетъ, гдѣ продрогъ!
Вздохнуть не дастъ: вотъ грудь всю заложило!
Смерть да и только! Я ужь и бодягой,
И солью тёръ, и въ баню-то ходилъ:
Всё нѣтъ отдышки — рѣжетъ, какъ ножами,
Дай, молъ, схожу я къ нѣмцу. Вотъ спасибо,
Какой-то далъ травы:

(***Показываетъ свёртокъ.***)

Авось — поможетъ?

(***Вздыхаетъ.***)

А про вино заказывалъ на-строго:
«Не пей: умрёшь, коль будешь пить! Смотри же,
«Не пей вина!»

Кумъ Савелій (*покачавъ головой.*)

Ой, врётъ же онъ, собака,
Чтобъ такъ съ вина и умеръ человѣкъ?
Да вонъ ко мнѣ какая лихоманка
О ѳоминой недѣлѣ привязалась:
Чего-чего не дѣлалъ — всё трясётъ.
А какъ съ сердцовъ я тяпнулъ красоулю,
Слышь, какъ рукой всё сняло! Ей-же Богу!

Кумъ Парѳёнъ.

Что-жь нѣмецъ баитъ?..

Кумъ Савелій.

Эва! что̀ за знахарь,
Онъ нашего вина чай и не нюхалъ:
У нихъ другое за моремъ-то гонятъ!

Кумъ Парѳёнъ.

Другое?

Кумъ Савелій.

Да. Ну, ихнее вино —
Пожалуй — что въ недугѣ не годится,
А наше... нѣтъ! шалишь, поджарый нехристь,
Оно — тово!

Кумъ Парѳёнъ.

И въ правду, кумъ Савелій!
Ужь будто съ чарки что̀ и приключится?

Кумъ Савелій.

Чему тутъ быть! Пойдёмъ-ка, кумъ, въ кружало,
Да выпьемъ на алтынъ-другой!

Кумъ Парѳёнъ

Не-што̀!

(*Идутъ.*)

Кумъ Савелій.

А тра̀вку-то зачѣмъ несёшь съ собою?
Брось — ну ее? Какая тамъ она?
Лихая, можетъ! Брось подъ подворотню!

Кумъ Парѳёнъ.

И то! Почемъ узнаешь: можетъ, зелье!

Вишь, нѣмецъ, снадобьевъ какихъ даешь!
На! подавись своей травой поганой!

(*Бросаетъ свёртокъ и уходитъ, обнявшись съ кумомъ.*)

ЯВЛЕНІЕ IV.

Тѣ же, *кромѣ кумовьевъ.*

Дуняша.

Вотъ глупый-то народъ: возьмётъ лекарство,
А послѣ самъ же броситъ на дорогѣ!
Ужь не ходилъ бы къ нѣмцу, коль не вѣритъ.

Петровна.

Оборони Господь имъ вѣрить!

Дуняша.

Что̀ же?

Петровна.

И, матушка! Повѣрь-ка басурману,
Такъ онъ тебя сейчасъ и изведётъ.

(*Плюетъ.*)

Стрясись надъ нимъ! отъ слова не случится.

(*Маретъ.*)

Ну, ясочка! Ты тятеньки дождёшься,
А я пойду кой-что поприберу.

(*Уходитъ.*)

ЯВЛЕНІЕ V.

Тѣ же, *кромѣ* Петровны.

Дуняша.

Предобрая старуха!

Марѳа (*разсѣянно.*)

Да.

(*Помолчавъ.*)

Дуняша!

Ты не видала Вани?

Дуняша.

Гдѣ же видѣть?

Я у тебя гощу вторые сутки.

Марѳа.

Да, я забыла: онъ вчера вѣдь не былъ...

Сегодня вотъ увидишь: онъ пріидетъ!

Дуняша.

Вотъ говорятъ-то правду, что невѣсту

Сейчасъ узнаешь: только и речей,

Что про милòва друга!

Марѳа.

Смѣйся, смѣйся!

Пріидетъ твоя пора — сама полюбишь.

А мнѣ Ванюшу — грѣхъ и не любить:

Мы сызмала другъ къ другу привыкали.

Дуняша.

Такъ, стало, вы давно знакомы?

МАРѲА.

С дѣтства.

Вотъ видишь ли, мы въ Новгородѣ жили
Дворъ-о̀бъ дворъ съ Лыковымъ, съ отцёмъ Ванюши:
Покойникъ съ батюшкой друзьями были,
И насъ, дѣтей, сдружили межь собой,
И называли женихомъ съ невѣстой.
У Лыковыхъ былъ садъ, такой тѣнистый,
И ягодъ въ немъ бывало много... Мы
Туда съ утра позаберёмся съ братомъ
И рѣзвимся до сумерекъ съ Ванюшей.
Обѣдать кличутъ — кличутъ — не идёмъ:
Запрячемся, куда нибудь въ малину,
И притаимся, словно насъ и нѣтъ!
Начнёмъ играть и бѣгать до упаду,
Что хватитъ силъ... А я тогда была
Прерѣзвая: отъ мальчиковъ, бывало,
Не отстаю!... Мы эдакъ проиграли
Лѣтъ пять, иль шесть. Тутъ Ваню засадили
За грамоту, и насъ учить ужь стали;
Тутъ померъ старый Лыковъ, а Ванюшу
Къ себѣ взялъ дядя, Нарвскій воевода:
Такъ мы и не видались долго, долго...
Тутъ слухъ прошёлъ, что Царь усдалъ Ванюшу
Въ чужія земли... Какъ мнѣ было горько!
Наплакалась я вдоволь... Слава Богу,
Что понапрасну! Нынѣшней весною
Мы въ слободу пріѣхали, и съ Ваней
Опять свёлъ Богъ...

ДУНЯША.

Ты, чаї, и не узнала?

Мароа.

Куда узнать! Какъ мнѣ тогда сказали,
Что Ваня здѣсь и къ намъ зайдти хотѣлъ,
Я всё и жду: вбѣжитъ кудрявый мальчикъ
Ко мнѣ въ свѣтёлку — и давай рѣзвиться!
Да думаю: чай, выросъ вѣдь Ванюша?
Вотъ разъ сижу за пяльцами поутру,
Петровна входитъ: — «Тятенька зовётъ,
Велѣлъ сказать: «пришелъ, дескать, старинный
Знакомецъ нашъ. Иванъ Сергѣичъ Лыковъ.»
Я, какъ была, сбѣгаю внизъ, смотрю:
Стоитъ какой-то молодецъ, высокій,
Пригожій, статный — я и обомлѣла.
Отецъ смѣётся: «что̀ Иванъ Сергѣичъ!
Узналъ Мароушу?» Я стою, какъ дура:
Не то уйдти, не то остаться? Стыдно,
Такъ стыдно, хоть сквозь землю провалиться!

Дуняша.

А онъ?

Мароа.

Да я не помню. Говорилъ онъ
Мнѣ что-то: ничего не поняла!
Такъ и ушёлъ... Потомъ бывалъ онъ часто:
Ну, тутъ ужь я осмѣлилась и стала
Глядѣть и говорить, а больше — слушать.
Чего-чего онъ намъ не разсказалъ
Про сто̀рону заморскую, Дуняша!

Дуняша.

Чай, за̀ моремъ диковинокъ не мало?

Мароа.

Иное все — и люди, и земля.

Зима у нихъ не долго, а морозовъ
Большихъ и не слыхать; за то ужь лѣто
Тамъ хорошо! А горы тамъ такія
Высокія, что глазомъ не окинешь:
«Такъ въ небо и уходятъ» говоритъ!
А города большіе — пребольшіе,
И всё изъ камня сложено: и церкви,
И башни, и хоромы; а мосты
Предлинные, и тоже всё изъ камня.
Въ домахъ убранство чудное: и стёкла
Цвѣтныя всё, и комнаты обиты
Цвѣтнымъ сукномъ. А сами нѣмцы ходятъ
Богато, да и жёнъ нарядно водятъ,
И въ запертѝ не держатъ, какъ у насъ,
Боярынь и боярышень, а ѣздятъ
Всё въ золочѐнныхъ колымагахъ, гусемъ,
И кони всѣ въ узорныхъ чапракахъ,
И въ длинныхъ перьяхъ...

ЯВЛЕНІЕ VI.

Тѣ же, В. Собакинъ и Ив. Лыковъ *показываются на концѣ улицы.*

Дуняша.

Вонъ и твой отецъ,
И съ нимъ еще какой-то...

Марѳа (*быстро оборачивается.*)

Это Ваня!

(*На сценѣ начинаетъ темнѣть.*)

Дуняша.

Какой же онъ дородный и пригожій:
Не диво, что его ты полюбила!...

Марѳа.

Пойдёмъ на встрѣчу.

(*Хочетъ встать. По улицѣ идётъ прохожій.*)

Дуняша, (*удерживая ее.*)

Полно; Богъ съ тобою!
Увидитъ кто — пожалуй и осудитъ:
«Вонъ,» скажетъ, «дѣвки бѣгаютъ однѣ!»

Марѳа.

Я пошутила; мнѣ и здѣсь-то стыдно:
Уйдёмъ домой?

Дуняша.

Зачѣмъ же уходить?

Марѳа.

Дуняша! сердце что-то замираетъ...
Что̀, смотритъ онъ?

Дуняша.

Ещё бы не смотрѣлъ!

Марѳа.

А близко?

Дуняша.

Близко.

Марѳа (*вскакиваетъ.*)

Я пойду на встрѣчу!

В. Собакинъ.

Я говорилъ тебѣ, Иванъ Сергѣичъ,
Что будетъ дожидаться!

Ив. Лыковъ (*кланяясь дѣвицамъ.*)

Здравствуй, Марѳа
Васильевна!

Марѳа (*откланиваясь.*)

Иванъ Сергѣичъ!

(*Отцу.*)

Что̀ ты
Замѣшкался?

В. Собакинъ.

Вотъ къ жениху зашёлъ.

Марѳа (*не смотря на Лыкова.*)

Женихъ свою невѣсту забываетъ:
Вчера и глазъ не показалъ...

Ив. Лыковъ.

Напрасно!
Женихъ зашёлъ по утру, такъ невѣста
Ушла съ своей подругою куда-то,
А вечеромъ прійдти нельзя мнѣ было:
Насъ въ гости звали съ дядею...

В. Собакинъ.

Къ кому?

Ив. Лыковъ.

Къ боярину Грязно̀му. На пирушкѣ
И Калистъ былъ, да какъ же всѣхъ потѣшилъ:
Лихую пѣсню спѣлъ!

В. Собакинъ.

На что другое —

На пѣсни умудрилъ его Господь!

(*Марѳѣ.*)

Что, до̀ма онъ?

Марѳа.

Не знаю.

В. Собакинъ.

Гдѣ быть дома!

Ему бы всё шататься по кружаламъ,

Да въ зернь играть съ боярскими дѣтьми,

А до̀ма не сидится, да и только!

ЯВЛЕНІЕ VII.

Тѣ же и Калистъ *выходитъ изъ калитки въ красной рубахѣ и кафтанѣ на одно плечо.*

Калистъ.

Анъ, вотъ же дома!

(*Всѣ смѣются. Калистъ кланяется Сабуровой.*)

Здравствуйте, Авдотья

Богдановна!

(*Лыкову.*)

Здорово, братъ Иванъ!

В. Собакинъ.

Ну, диво, что ты дома.

Калистъ.

Эко диво!

Вотъ диво, если ты куда уйдешь.

В. Собакинъ.

Да что̀ мы у воротъ разговорились:

Пойдёмъ въ избу.

(*Лыкову.*)

Какая есть вишнёвка!

Калистъ.

Изрядная...

В. Собакинъ.

Вотъ — Калиста спроси!

(*Калисту.*)

А столъ накрытъ?

Калистъ.

Накрытъ.

В. Собакинъ (*Лыкову и другимъ.*)

Покорно просимъ.

(*Уходятъ. На сценѣ почти темнѐ. Въ нѣкоторыхъ домахъ начинаютъ мелькать огоньки. Сцена нѣсколько времени пуста.*)

ЯВЛЕНІЕ VIII.

Изъ-за церковной ограды выходитъ Любаша, *въ шубкѣ и фатѣ, и останавливается противъ дома Собакиныхъ, гдѣ зажигаютъ огонь.*

Развѣдала!... Такъ вотъ гнѣздо голубки?...

Посмотримъ на красавицу твою!

(*Подходитъ къ дому и смотритъ въ окно.*)

Не разглядишь никакъ... А? вижу, вижу...
Да... недурна... Румяна и бѣла,
И глазки съ поволокой... Это—Марѳа?
Мнѣ про неё другое говорили...

(*Отходитъ отъ окна.*)

Отъ сердца отлегло: разлюбитъ скоро
Григорій эту дѣвочку! И чѣмъ
Его плѣнить умѣла? Просто прихоть.
Взгляну ещё...

(*Подходитъ опять къ окну.*)

А!... Это ктò?.. ихъ двѣ!

(*Отскакиваетъ отъ окна.*)

Вотъ, вотъ она, Любашина злодѣйка,—
Черноволосая, съ собольей бровью!

(*Закрываетъ лицё руками.*)

Охъ, хо-ро-ша!

(*Помолчавъ.*)

Не чудится ли мнѣ?

(*Подходитъ къ окну.*)

Не чудится... Какая красота!
Что за плеча, какія косы, косы...
Длиннѣй моихъ!... Нѣтъ: этой не разлюбитъ!...
Да ужь и я её не пощажу!

(*Идётъ на другую сторону улицы.*)

Какъ душно мнѣ!.. Кровь къ сердцу приливаетъ
И голова горитъ...

(*Сбрасываетъ фату и осматриваетъ дома.*)

Гдѣ этотъ нѐхристь?
Да вонъ его лачуга... Постучимъ.

(*Подходитъ къ одному изъ домовъ и стучитъ въ окно.*)

Бомелій (*за сценой.*)

Кто тамъ стучитъ?

Любаша.

Открой окно — увидишь!

(*Черезъ нѣсколько времени окно поднимается, и на лицо Любаши падаетъ свѣтъ отъ фонаря.*)

Бомелій (*за сценой.*)

Любаша!

Любаша.

Выходи ко мнѣ скорѣе.

(*Слышенъ стукъ запора.*)

ЯВЛЕНІЕ IX.

Любаша и Бомелій *выбѣгаетъ изъ калитки съ фонаремъ.*

Бомелій.

Прошу войдти въ покои!

Любаша.

Не кричи!

Сосѣдей всѣхъ переполошишь, нѣмецъ!

Бомелій (*тихо.*)

Войдемъ ко мнѣ: здѣсь холодно и сыро.

(*Берётъ Любашу за руку.*)

Любаша, (*вырывая руку.*)

Да не пойду къ тебѣ я ни за что!
Вотъ отойдёмъ подальше...

(*Отходитъ подъ дерево; Бомелій идётъ за нею.*)

Да закрой же
Фонарь полой: народъ къ себѣ приманишь!

Бомелій, (*закрывая фонарь.*)

Зачѣмъ пришла? Я радъ служить...

Любаша.

Увидимъ.
Ты дашь мнѣ то, чего я попрошу?

Бомелій.

Для дѣвушки пригожей всё готово!

Любаша (*грозитъ ему.*)

Смотри же: чуръ потомъ не отпираться!
А я тебѣ ужь буду благодарна...

Бомелій.

Всё сдѣлаю

Любаша.

Послушай же, Бомелій!...
Я слышала, что ты досужій знахарь,
Что вѣдаешь недуги и лекарства,
И снадобья отвсюду добываешь...
На травы, на волшебные коренья
Тебя нечистый, можетъ, натыкаетъ...
Скажи же мнѣ: ты можешь ли составить
Своими чарами такое зелье,
Чтобъ не совсѣмъ сгубило человѣка,
А извело бы только красоту...
И то не вдругъ, а понемногу... Понялъ?

(*Бомелій киваетъ головой и смотритъ пристально на Любашу.*)

Такое зелье, чтобъ глаза потускли,
Чтобы сбѣжалъ съ лица румянецъ алый,
Чтобъ волосокъ по волоску повышалъ,
И высохла вся наливная грудь!

Бомелій.

Такое зелье я могу составить
Сейчасъ пожалуй.

Любаша.

Чтó же, это зелье
Какое?

Бомелій.

Просто бѣлый порошокъ,
Какъ сахаръ.

Любаша.

Ну, а еслибъ я хотѣла
Приворожить къ себѣ милóва друга,
Ты чтó бы далъ?

Бомелій.

Такой же порошокъ.
Тебѣ его не надобно.

Любаша.

Не надо.
Дай мнѣ другой.

Бомелій.

Зачѣмъ тебѣ?

Любаша.

Не хочешь?

Бомелій.

Пожалуй дамъ, но порошокъ мой дорогъ!

Его давать опасно: какъ узнаютъ,
Меня казнятъ...

Любаша.

На пыткѣ не скажу—
Откуда я взяла его!

Бомелій, (*продолжая пристально смотрѣть на Любашу.*)

А нужно?

Любаша.

Дай только, а потомъ проси съ меня,
Что хочешь!

Бомелій.

Дорогъ, очень дорогъ!

Любаша, (*поднимая руку къ огню.*)

Гляди сюда—вотъ перстень изумрудный:
Его Девахъ за дорогую цѣну
Бояршну Грязному уступилъ...
Возьми его за зелье...

(*Бомелій качаетъ головой.*)

Мало?

Бомелій.

Мало.

Любаша.

Ну, у меня есть ожерелье: жемчугъ
Такъ радугой и отливаетъ... Хочешь —
Возьми его?

(*Бомелій опять качаетъ головой.*)

Всё мало?

Бомелій.

Не продажный

Мой порошокъ!

Любаша.

Завѣтный что ли?

Бомелій.

Да!

Любаша (*смѣется.*)

А что же ты завѣту хочешь?

Бомелій.

Что же?

Съ тебя? Съ тебя не много...

(*Схватываетъ ее за руку.*)

Поцелуй!

Любаша, (*вырывая руку.*)

Что-о, нѣмецъ? Ты рѣхнулся!

Бомелій.

Поцелуй.

Ты дѣвушка пригожая! Не надо
Мнѣ отъ тебя ни жемчугу, ни камней:
Я самъ богатъ, самъ подарю тебя.
Боишься? твой бояринъ не узнаетъ!
Узналъ, такъ что́ же? Приходи ко мнѣ:
Мы заживемъ съ тобой, Любаша, знатно:
Я запирать не стану, какъ собаку...

(*Любаша смѣется.*)

Чему же ты смѣешься? Я люблю
Тебя, какъ увидалъ... Не вѣришь?
Люблю, люблю и много разъ люблю!

Любаша.

Бомелій, полно! Что̀—это за шутки?...

Бомелій.

Я не шучу, а правду говорю...
Пойдёмъ ко мнѣ: я зелье приготовлю,
И надарю тебѣ серёгъ и колецъ...
Въ накладѣ не останешься!

(*Беретъ её за руку.*)

Любаша (*вырываетъ руку.*)

Отстань же,
Не то скажу боярину!

Бомелій, (*возвышая голосъ.*)

И я
Скажу, что ты за зельемъ приходила.

Любаша (*въ смущеніи.*)

Тебѣ онъ не повѣритъ...

Бомелій.

Нѣтъ, повѣритъ.
Я видѣлъ перстень, разскажу какой,
Я знаю, гдѣ онъ купленъ былъ, я знаю,
Какое ожерелье у тебя...
Почёмъ я зналъ?

Любаша, (*смущаясь еще болье.*)

Что жь?... Говори, пожалуй:
Мнѣ пошутить хотѣлось надъ тобой...

Бомелій.

И я шутилъ: я зелья дать не смѣю.

Любаша.

Прощай, коли не смѣешь! Я найду
Другого, посговорчивѣй...

(*Перебѣгаетъ на другую сторону улицы; Бомелій бѣжитъ за ней.*)

Не трогай:
Я закричу!

Бомелій.

Не трону, только завтра
Всё раскажу боярину Грязно́му:
Онъ за тобой присматривать начнётъ,
Запретъ тебя!

(*Любаша вздрагиваетъ и останавливается.*)

Скажу: зачѣмъ ей зелье?
Кого она имъ хочетъ извести!

Любаша (*тихо.*)

Самъ бѣсъ тебя, проклятый, наущаетъ!

(*Вслухъ.*)

Тебѣ я вѣрно мало посулила...
Скажи: чего ты хочешь отъ меня?
Возьми съ меня послѣднюю тряпицу,
Самъ положи цѣну твоей заслугѣ:
Я выплачу, я въ кабалу пойду...
Ну, говори!

Бомелій.

Люби меня, Любаша!

(*Въ это время сквозь окна дома Собакиныхъ слышны весёлые голоса и женскій смѣхъ.*)

Любаша (*быстро оборачивается.*)

Смѣётся... О! заплатишь же ты мнѣ
За этотъ смѣхъ!

(*Бомелію.*)

Ступай готовить зелье,

(*Бомелій стоитъ въ нерѣшимости.*)

Я покупаю... слышишь? Я согласна...
Я... постараюсь полюбить тебя!

(*Бомелій опрометью бросается домой.*)

ЯВЛЕНІЕ X.

Любаша *идетъ подъ дерево и садится на камень.*

Вотъ до чего я дожила... Григорій,
Господь тебя осудитъ за меня.
Смѣялася! Ей весело, ей любо:
Ее честятъ, съ нея и глазъ не сводятъ!
И на меня, бывало, любовались,
И я бывала тоже весела!
Ну что же? Да, она меня красивѣй...
Да любитъ ли она его, какъ я?
Сейчасъ съ другимъ смѣялася!... Не любитъ..

(*На дворѣ у Собакиныхъ слышенъ шумъ.*)

ЯВЛЕНІЕ XI

Любаша, Ив. Лыковъ и Калистъ *выходитъ изъ калитки;* В. Собакинъ *держитъ фонарь.* Любаша *накидываетъ фату и прижимается къ дереву.*

В. Собакинъ.

Прощай, Иванъ Сергѣичъ! заверни же
Къ намъ завтра и Грязного приводи.

Ив. Лыковъ.

Пріидемъ, пріидемъ.

В. Собакинъ.

А ты куда же, Калистъ?

Калистъ.

А я его маленько провожу...

В. Собакинъ.

Ну, добрый путь! Калитку я оставлю:
Пріидешь — запри...

Калистъ.

Небойсь, никто не влѣзетъ!
(*Уходитъ съ Лыковымъ; В. Собакинъ притворяетъ калитку.*)

ЯВЛЕНІЕ XII.

Любаша, *потомъ* Бомелій.

Любаша.

Ушли! Такъ здѣсь Григорій завтра будетъ?
Спрошу его: посмотримъ, что̀ онъ скажетъ...
(*Встаетъ.*)

Что-жь этотъ окаянный не идётъ?

Бомелій (*выходитъ изъ дому и крадется къ дереву.*)

Ты здѣсь?

Любаша.

Принёсъ ты зелье?

Бомелій.

На, готово.

Любаша.

Давай сюда...

(*Бомелій даетъ ей порошокъ.*)

Но, если ты обманешь,
Иль станешь гдѣ хвалиться, берегися:
Самой себя тогда не пожалѣю,
А ужь тебя, голубчика, сгублю!

Бомелій.

Нѣтъ, я тебя обманывать не стану...
А ты меня?

Любаша.

И я не обману?

(*Оборачивается къ дому Собакиныхъ.*)

Ты на меня, красавица, не сѣтуй:
Купила я красу твою, купила,
Но заплатила дорого... позоромъ!

(*Бомелію.*)

Тащи меня въ свою конуру, нѣмецъ!

ДѢЙСТВІЕ ТРЕТІЕ.

ДРУЖКО.

Горница въ домѣ Собакина. Направо три красныя окна; налѣво, въ углу изразцовая печь; подлѣ нея, ближе къ авансценѣ, сѣнная дверь. На заднемъ планѣ, по серединѣ, дверь; на правой сторонѣ столъ передъ лавкою; на лѣвой, у самой двери, поставецъ. Подъ окнами широкая лавка.

ЯВЛЕНІЕ I.

В. Собакинъ, Ив. Лыковъ и Гр. Грязнóй *сидятъ на лавкѣ у стола; на Собакинѣ рубаха, на прочихъ кафтаны.*

В. Собакинъ.

Чтò Гòспода гнѣвить, Иванъ Сергѣичъ!
Семейка насъ изрядная: здѣсь трое,
Да въ Новѣгородѣ ещё осталось
Съ полдюжины — побольше молодцовъ.
Бывало, при покойницѣ хозяйкѣ,
Всегда за столъ садится самъ-двѣнадцать.
Вотъ поженилъ ребятъ, такъ стало меньше:
Своимъ домкомъ ужь зажили... Извѣстно:
Женатый сынъ — отрѣзанный ломоть!

Ив. Лыковъ.

Вѣдь у тебя женатыхъ двое?

В. Собакинъ.

Двое:

Борисъ съ Семёномъ. И у нихъ ужь дѣти!
Семёновы еще не великоньки,
А у Бориса старшему сынишкѣ
Съ поста пойдётъ двѣнадцатый годокъ.

Ив. Лыковъ.

Когда же дочь–то пристроишь къ мѣсту?
Пора бы намъ, названный тесть, весёлымъ
Пиркомъ — да и за свадебку!

В. Собакинъ.

Пора бы,

Да вишь еще покамѣстъ не до свадьбы.

Ив. Лыковъ.

Что жь такъ?

В. Собакинъ.

Какъ что? Да развѣ ты не знаешь?...
Аль не слыхалъ?... И то вѣдь не слыхалъ!
Я и забылъ, что ты въ Москву–то ѣздилъ...

Ив. Лыковъ (*безпокойно.*)

Да что такое? Говори скорѣе!

В. Собакинъ.

Намедни Государь приговорилъ
Смотрѣть всѣхъ дѣвокъ, что сюда свезёны...
Мою Марѳушу тоже прописали...

Ив. Лыковъ (*вскакиваетъ.*)

Её? зачѣмъ? Она моя невѣста!

В. Собакинъ.

Ау, дружокъ!

Ив. Лыковъ.

Ты шутишь что ль, Василій
Степанычъ? Я всего то былъ въ отлучкѣ
Дня три: когда жь успѣли прописать?

В. Собакинъ.

Успѣли — вотъ! Не вѣришь, такъ спроси
Григорія Григорьича: онъ знаетъ.

Грязной.

Да... знаю!

В. Собакинъ.

И Сабурову Дуняшу
Тожь прописали! Мать её водила
Три раза ужь на Царскій дворъ... Марѳуша
Поскажетъ: всѣхъ-то дѣвокъ прежде было
Двѣ тысячи, а послѣ вишь осталось
Двѣ дюжины, а ныньче — вотъ пошло
На перечётъ двѣнадцать...

(***Грязной** встаетъ изъ-за стола.*)

Чтò съ тобою,
Бояринъ?

Грязнòй.

Жарко... знать, ты на дрова
Не поскупился?

В. Собакинъ.

Больно тороватъ!
Да здѣсь и печь не топлена сегодня...
Должно быть — такъ съ чего нибудь тебя
Въ жаръ кинуло?

Грязной.

Должно быть такъ... Пройдётъ.

(*Ходитъ по горницѣ.*)

В. Собакинъ (*трепля по плечу Лыкова.*)

Иванъ Сергѣичъ! Полно, не кручинься!
Ты думаешь, что у тебя невѣсту
Съ руками оторвутъ? Есть и получше!

(*Лыковъ качаетъ головой.*)

Что головой трясешь? Небойсь, она
Пригоже всѣхъ?

Ив. Лыковъ.

Пригоже всѣхъ, Василій
Степанычъ!

В. Собакинъ.

Да... смазлива-то смазлива...
И умница, и добрая такая...

(*Помолчавъ.*)

Какъ женишься, такъ можешь похвалиться,
Что «вотъ дескать, моей милой хозяйки
Изъ дюжины не выкинешь!»

Ив. Лыковъ.

Женюсь!
Богъ вѣсть — женюсь ли! Чуетъ ретивое
Недоброе...

В. Собакинъ.

И думать не моги!
Я такъ съ тобой про свадьбу говорилъ,
Что радъ-бы радостью покончить дѣло,

Да обождать приходится маленько...
Вотъ Государь всѣхъ дѣвокъ пересмотритъ,
Тогда и мы свою сыграемъ свадьбу.

Грязнòй (*подходя къ столу.*)

А я ужь самъ и въ дружки назвался!

В. Собакинъ.

Ну! дружко есть, приданое готово,
За свахами у насъ не станетъ дѣло,
За короваемъ тоже...

Ив. Лыковъ.

Будь, что будетъ!
Я болѣе души своей люблю
Мою невѣсту, и безъ ней не долго
Промаяться мнѣ на бѣлòмъ свѣту...
Но... я — слуга Царю и Государю!

В. Собакинъ.

Да кто же не слуга ему!... Постой-ка,
Иванъ Сергѣичъ! Семъ-ка я Петровнѣ
Велю медку изъ погреба достать:
По чарочкѣ, да по другой мы выпьемъ —
Тѣмъ временемъ Мареуша подойдётъ.

Грязнòй.

А съ кѣмъ она пошла туда?

В. Собакинъ.

Да съ Домной
Ивановной Сабуровой...

(*Лыкову.*)

Позволь-ка!

(*Встаётъ изъ-за стола и уходитъ въ среднюю дверь.*)

ЯВЛЕНІЕ II.

Тѣ же, кромѣ Собакина

Ив. Лыковъ.

о яринъ! что̀ ты скажешь?

Грязно̀й.

Что̀ сказать?

Сегодня всё узнаемъ.

Ив. Лыковъ.

Еслибъ также,

Какъ я, ты былъ просватанъ, и невѣсту

Свою любилъ, какъ я, ты что̀ бы сдѣлалъ?

Грязно̀й.

Да ничего. Во всёмъ будь воля Божья!

Не наложить же руки на себя!

Вотъ я и самъ взлюбилъ твою невѣсту

И сватался, да получилъ отказъ,

Такъ что жь тутъ дѣлать? Развѣ дѣвокъ мало?

Не эта, такъ другая — всё равно!

Я самъ—еще къ вамъ въ дружки набиваюсь,

И мнѣ же любо ваше милованье:

Пошли Господь совѣтъ — вамъ да любовь!

Ив. Лыковъ.

Охъ, тяжело подумать...

ЯВЛЕНІЕ III.

Тѣже и Собакинъ *несётъ стопу мёда.*

Грязно̀й.

И не думай!
Самъ давича промолвилъ: будь, что будетъ!

В. Собакинъ (*Лыкову.*)

(*Становитъ стопу на столъ.*)
Постой-ка!
Тамъ въ поставцѣ есть чарочка... Авось-ли
Она тебя развеселитъ маленько!

(*Идётъ къ поставцу и наливаетъ двѣ чарки.*)

Ну, цѣлыхъ двѣ!

(*Наливаетъ чарки и подаётъ одну Грязному.*)

Прикушай-ка, бояринъ!

(*Подноситъ Лыкову.*)

Иванъ Сергѣичъ! прихлебни, голубчикъ!

Грязно̀й (*выпиваетъ чарку.*)

Эхъ, знатный мёдъ!

В. Собакинъ.

Забористый!

(*Лыкову.*)

Да пей же,
Иванъ Сергѣичъ! Что же ты не пьёшь!

(*Наливаетъ себѣ чарку.*)

Дай — чо̀кнемся!

(*Чокаются.*)

Вотъ такъ-то—будь здоровъ!

(*Пьютъ.*)

Такой-то мёдъ, что чарочки смѣются:
Одна другую — такъ и подзываютъ!

(*Подходитъ къ окну*).

Чай, скоро и Сабуровы съ Марѳушей
Вернутся... Вонъ и солнышко ужь сѣло...
Прикажете, бояре по другой?

Ив. Лыковъ.

Нѣтъ, подождёмъ ужь ихъ...

В. Собакинъ

Ну, подождёмъ.

(*Садится.*)

Да... что̀-то тамъ? Кого Господь поищетъ?..
Теперь бы хоть Сабурова Дуняша...
Такъ — ничего! купеческая жь дочь,
Какъ и моя, а кто узнаетъ?...

(*Помолчавъ.*)

Чу!

Никакъ онѣ? Калиткой кто-то хлопнулъ.

(*Прислушивается.*)

ЯВЛЕНІЕ IV.

Тѣ же и Домна Сабурова *въ ѳхобнѣ и шапкѣ.*

В. Собакинъ.

Онѣ и есть! Легки же на поминѣ,
Легки! Добро пожаловать къ намъ, Домна
Ивановна! Ну что̀, какія вѣсти?

Д. Сабурова, (*кланяясь гостямъ и хозяину.*)

Охъ, батюшка! дай духъ перевести!

В. Собакинъ.

А гдѣ же дѣвки?

Д. Сабурова.

Да пошли въ свѣтлицу
Снять о̀хобни. Сейчасъ сюда пріидутъ.

Ив. Лыковъ (*тихо Грязному.*)

А я ужь думалъ...

Грязно̀й (*тихо.*)

Говорилъ — не думай!

В. Собакинъ (*Сабуровой.*)

А ты что жь не снимаешь! Аль прозябла?
Такъ вотъ медкомъ погрѣемъ!

Д. Сабурова.

Что̀ ты, что̀ ты!
Ужь стану я вино пить?

В. Собакинъ.

Не вино,
А мёдъ... Да что ужь тутъ? Садись-ка, Домна
Ивановна!

Д. Сабурова (*снимаетъ о̀хобень.*)

Присѣсть-то-я присяду.
Куды устала: всё вѣдь на ногахъ.

(*Садится.*)

В. Собакинъ.

Ну, какъ вы тамъ?

Д. Сабурова.

Ахъ, батюшка Василій
Степановичъ! Мнѣ радость-то какую
Послалъ Господь!

В. Собакинъ.

А что такое, Домна
Ивановна?

Д. Сабурова.

Да какъ же, мой кормилецъ!
Вѣдь Государь съ Дуняшей говорилъ!

В. Собакинъ.

Нѣтъ! раскажи–ка... Только стой: ужь чаркой
Не обижать хозяина?

Д. Сабурова.

Не пью.

В. Собакинъ.

Мёдъ не иное что: не охмѣлѣешь!
Ужотко мы и дѣвкамъ поднесемъ.

(*Наливаетъ чарку и подноситъ Сабуровой.*)

Д. Сабурова.

Ну, развѣ ужь полчарочки...

В. Собакинъ.

Полчарки?
Нѣтъ, пить, такъ пить ужь цѣлую: у насъ
Таковъ обычай!

(*Сабурова берётъ чарку, кланяется хозяину и пьётъ.*)

То-то! на здоровье!
Поразскажи же намъ: какъ—что тамъ было?

(*Садится.*)

Д. Сабурова (*Ставитъ чарку на столъ и откашливается.*)

Вотъ, батюшка, пришли мы въ половину
Царицыну; впустили насъ въ хоромы:
Въ хоромахъ пресвѣтло-свѣтло; иконы,
Какъ жаръ, горятъ, всѣ въ золотыхъ окладахъ,
А на полу-то постланà камка
Червлёная. Вотъ, супротивъ камки,
Уставили всѣхъ дѣвокъ въ рядъ...

В. Собакинъ.

И нашихъ?

Д. Сабурова.

И нашихъ тутъ же: Дуня-то стояла
Такъ съ краешка, Марѳушенька подальше. .
Ну, — ужь и дѣвки! нечего сказать:
Всѣ на подборъ,—одна другой красивѣй!
И какъ же всѣ разряжены, Василій
Степанычъ! Тутъ и бархатъ, и атласъ!
Чтò жемчугу! Когда бы весь осыпать,
Ну, право, наберется четверикъ!
На Колтовской одной такъ даже страшно...
Ну вотъ, сгодя маленько, входитъ нѣмецъ,
Знать лекарь, что ли?.. Обошелъ всѣхъ дѣвокъ,
Иную за руку возьмётъ, подержитъ —
Подержитъ и опуститъ, на другую
Такъ глянетъ межь бровей и отойдётъ...
Тутъ поглядимъ еще — бѣгутъ бояре:
«Царь, Царь идётъ!» Мы нà-земь повалились,

А какъ ужь встали, видимъ: Государь
И съ нимъ Царевичъ, а кругомъ бояре!
На Государѣ золотнòй кожухъ
На соболяхъ и поясъ золотой,
Весь кованный; Царевичъ въ аксамитномъ
Кафтанѣ: такъ по золотому полю
И поразсыпалися алые цвѣточки!
Ну — солнце красное и свѣтлый мѣсяцъ!
Какъ глянетъ Государь, чтò ясный соколъ,
Въ хоромахъ–то какъ словно посвѣтлѣетъ!
Вотъ мимо дѣвокъ разъ прошелъ, другой
И третій... Съ Колтовской шутить изволилъ,
Что жемчугъ ей чай руки оттянулъ,
Спросилъ Дуняшу: чья она такая,
Откудова, который ей годокъ,
И грамотѣ смекаетъ ли? Да много
Разспрашивалъ, а самъ всё улыбался!
А на твою–то посмотрѣлъ такъ зорко...

Г. Собакинъ.

Чтò жь, говорилъ?

Д. Сабурова.

Нѣтъ, батюшка, ни слова.
Въ запрошлый разъ поговорилъ порядкомъ,
А ныньче нѣтъ. Такъ... будто бы хотѣлъ
Сказать ей что-то, да нахмурилъ брови
И отвернулся... Тутъ они и вышли.

Грязнòй.

Такъ, стало быть, неконченны смотры?

Д. Сабурова.

Не знаю ужь, кормилецъ мой не знаю...

(*Собакину.*)

Вотъ страхъ-то былъ, какъ Государь съ Дуняшей
Заговорилъ! Ну, думаю, пропала
Моя головушка! Какъ зарябило
Въ глазахъ—ночь-ночью, ничего не вижу;
А самое такъ сподымя и бьётъ!
Дуняша-то сначала заробѣла,
Да пошептомъ бормочетъ про себя...
А онъ всё съ лаской, такъ-это съ улыбкой,
И таково прокладно говоритъ...
Гляжу — совсѣмъ оправилася дѣвка:
И говоритъ и, почитай, смѣётся,
Глазёнки такъ и свѣтятся, сама
Вся раскраснѣлась, ясочка моя, —
Ну, маковъ цвѣтъ алѣетъ, да и полно.
А я-то, мой голубчикъ, я-то плачу:
Вѣдь дочка, не чужая кто, кормилецъ!

В. Собакинъ.

Вѣстимо такъ... А что̀ же? Вѣдь на милость
Нѣтъ образца! Ну, если такъ случится,
Что взыщетъ Богъ?

Д. Сабурова.

Куды ужь намъ, родимый!
Какія есть боярышни, княжны!...
Гдѣ съ ними намъ тягаться, худороднымъ?

В. Собакинъ.

Всё такъ, всё такъ... А ежели бы, Домна
Ивановна?... Какъ знать? Ты вотъ у насъ,
А къ твоему хозяину-то, можетъ,
Пришли бояре съ царскимъ словомъ! А?

Д. Сабурова.

И!... Полно батюшка! Какія рѣчи

Негожія повёлъ? да къ намъ бояре
И въ избу не заглянутъ, а не то–что
Съ царевымъ словомъ пріидутъ.

В. Собакинъ.

Ну, смотри,
Не прозѣвай!

Д. Сабурова.

Нѣтъ, батюшка, зачѣмъ же?
По цѣлымъ днямъ сижу всё у окна.
Да всё гляжу: не идутъ ли бояре?
Глаза всѣ проглядѣла!

(*Смѣётся.*)

Ахъ ты, старый!
Шути, шути! А, еслибъ довелося,
Пришёлъ бы самъ съ поклономъ...

В. Собакинъ (*кланяется.*)

Не оставь
Своею лаской.

Д. Сабурова.

Полно же, Василій
Степанычъ! Грѣхъ съ тобою только!

(*Встаётъ.*)

Пойдти—пугнуть мнѣ дѣвокъ: заболтались:
А мнѣ съ Дуняшей время ко дворамъ.

В. Собакинъ (*встаетъ.*)

Ступай — пугни, а я пугну Петровну:
Велѣлъ кой–что повынуть — не несётъ.

(*Уходятъ въ разныя двери.*)

ЯВЛЕНІЕ V.

Тѣ же, кромѣ Собакина и Сабуровой.

Грязной.

Напрасно тесть твой нареченный шутитъ
Съ Сабуровой... Я знаю Государя:
И слова онъ задаромъ не промолвитъ,
А тутъ съ Дуняшей долго говорилъ.

Ив. Лыковъ.

Неужели — Дуняша?.. Быть не можетъ?

Грязной.

А почему жь ты думаешь, что нѣтъ?
Вѣдь за свою невѣсту же боялся!

Ив. Лыковъ.

Ну, Мароа...

Грязной.

Что? красива? и Дуняши
Нельзя похаять: чѣмъ она не дѣвка?

Ив. Лыковъ.

Всё ужь не то!

Грязной.

Вотъ то-то же! Не надо
Заранѣе тужить и горевать...
Признаться, самъ я давеча потрусилъ,
Да видно по пустому...

Ив. Лыковъ.

Полно, такъ ли?

Грязной.

А такъ-то по пустому, что на свадьбѣ
Твоей мнѣ быть хмѣльному! Развѣ въ дружки
Не позовёшь?

Ив. Лыковъ.

Бояринъ, въ этой чести
Ты не откажешь мнѣ!

Грязной.

И посмотри,
Иванъ Сергѣичъ, что̀ за дружко буду!
Вотъ дай войдти сюда твоей невѣстѣ, —
Я нынче же поздравлю васъ, а кстати
И мёдъ здѣсь есть... Да что̀, и въ самомъ дѣлѣ?
Налью-ка я двѣ чарки пополнѣе,
Да жениху съ невѣстой поднесу!

(*Берётъ стопу,*)

Ив. Лыковъ (*встаетъ изъ за-стола.*)

Налей, налей.

Грязной.

Да не пролей, пріятель!
Вишь какъ темно̀...

Ив. Лыковъ (*ходя по комнатѣ.*)

Ты отойди къ окну.

Грязной.

И то!

(*Отходитъ къ окну и наливаетъ чарку.*)

Ну — вотъ, и жениховa чарка.

(*Ставитъ чарку на столъ.*)

Теперь невѣстѣ...

(*Берётъ другую чарку.*)

Что̀ это: изъ двери
Несётъ какъ будто?

(*Дѣлаетъ шагъ къ двери.*)

Ив. Лыковъ.

Ты ужь наливай:
Я дверь прихлопну.

Грязно̀й.

Потрудись, бояринъ!

(*Лыковъ идетъ къ двери; Грязной поспѣшно вынимаетъ изъ-за пазухи порошокъ и сыплетъ въ чарку.*)

Ив. Лыковъ, (*затворяя дверь.*)

И то — вѣдь дверь растворена.

Грязно̀й, (*наливая чарку.*)

Готово!
Всё дѣло за невѣстою...

Ив. Лыковъ, (*прислушиваясь.*)

Иду̀тъ.

ЯВЛЕНІЕ VI.

Тѣ же, В. Собакинъ *съ двумя свѣчами*, Петровна *съ двумя тарелками*.

В. Собакинъ.

Ужь не взыщите, гости дорогіе,
Что васъ въ потьмахъ оставилъ.

Грязной.

Ничего:

Другъ друга знаемъ.

(*Собакинъ ставитъ на столъ свѣчи.*)

В. Собакинъ (*Петровнѣ.*)

Ставь на столъ, Петровна!

(*Петровна ставитъ тарелки и уходитъ.*)

Для дѣвушекъ орѣшковъ, да постилки
Поприготовилъ — пусть ихъ поѣдятъ.

(*Увидя налитыя чарки, Лыкову и Грязному.*)

А вы-то что̀ же? Налили по чаркѣ,
А пить не пьёте!

Грязно̀й.

Это я, хозяинъ,
Для жениха съ невѣстою припасъ!

В. Собакинъ.

Ай, друженько! Постой же, вѣдь не также
Имъ подавать! Честь-честью — на подносѣ!

(*Идетъ къ поставцу и вынимаетъ подносъ.*)

Грязно̀й.

Давай, давай.

(*Устанавливаетъ чарки на подносѣ.*)

В. Собакинъ.

Вотъ такъ-то, понаряднѣй!

ЯВЛЕНІЕ VII.

Тѣ же, Сабурова, Марѳа и Дуняша.

Сабурова.

Ну, дѣвки, тутъ и угощенье!

(*Дѣвицы раскланиваются съ Грязнымъ и Лыковымъ.*)

В. Собакинъ.

Просимъ
Покорно: васъ и поджидали только!
Присядьте, да полакомьтесь маленько.

(*Сабуровы усаживаются на лавку.*)

Марѳуша, подчуй дорогихъ гостей!

Грязной.

Нѣтъ, ужь дозволь, хозяинъ, по порядку:
Я перво-на-перво по чаркѣ обнесу.

В. Собакинъ.

И это речь. Какъ думаешь ты, Домна
Ивановна! Поздравить не мѣшаетъ?

Сабурова.

Кого, родимый?

В. Собакинъ, (*указывая на Лыкова и Марѳу.*)

Жениха съ невѣстой.

Сабурова.

Святое дѣло, батюшка, святое!

*

В. Собакинъ (*Лыкову и Маров.*)

Что-жь, становитесь рядомъ-то?

(*Лыковъ встаетъ; Марва не трогается съ мѣста.*)

Марвуша!

Что покраснѣла? Нечего стыдиться:

Ступай, ступай!

(*Марва становится возлѣ Лыкова.*)

Ну, подноси, Григорій

Григорьевичъ!

Грязнòй (*подходитъ къ Лыкову съ подносомъ и кланяется.*)

Побольше жениху.

(*Лыковъ пьётъ и кланяется. Грязнòй подходитъ къ Марвѣ.*)

Поменѣе — невѣстѣ!

(*Марва прихлёбываетъ, ставитъ чарку на подносъ и кланяется.*)

Нѣтъ ужь, Марва

Васильевна! изволь всю чарку выпить,

Какъ изстари ведётся...

(*Марва берётъ чарку.*)

Всю до дна,

Чтобъ полнымъ домомъ жить

(*Марва допиваетъ и кланяется.*)

Грязнòй.

Вотъ — такъ, до капли!

(*Берётъ стопу, наливаетъ чарки и подноситъ Собакину.*)

Теперь тебѣ, хозяинъ?

В. Собакинъ

Опосля.

Гостей попотчуй!

(*Грязной подноситъ чарки Сабуровымъ.*)

Д. Сабурова, (*принимая чарку и кланяясь жениху съ невѣстой.*)

Дай вамъ Богъ согласья!

Дуняша (*берётъ чарку.*)

И радости!

(*Пьютъ. Лыковъ и Мароа кланяются. Грязной подноситъ чарку Собакину.*)

В. Собакинъ.

Теперь и мой чередъ.

Ну, дѣти, поздравляю васъ!

(*Пьётъ; Лыковъ и Мароа кланяются ему въ поясъ.*)

А дружкѣ

Пускай сама невѣста поднесётъ.

Мароа, (*подходя къ Грязному и принимая отъ него подносъ.*)

Дозволь тебя благодарить, бояринъ!

(*Наливаетъ чарку и подноситъ съ поклономъ Грязному.*)

Грязной (*берётъ чарку.*)

Я говорилъ ужь давеча Ивану

Сергѣичу: совѣтъ вамъ да любовь!

(*Пьётъ и кланяется; Лыковъ и Мароа откланиваются. Грязной ставитъ чарки на столъ.*)

В. Собакинъ.

И благодать Господня!

ЯВЛЕНІЕ VIII.

Тѣ же и Калистъ (*вбѣгаетъ въ попыхахъ.*)

КАЛИСТЪ.

Батька, батька!

(*Гости вздрагиваютъ; Марѳа роняетъ подносъ*).

В. СОБАКИНЪ.

А, чтобъ тебя! Чего ты раскричался?
Аль угорѣлъ?

КАЛИСТЪ.

Какое угорѣлъ!
Къ тебѣ идутъ бояре съ царскимъ словомъ!

(*Общее движеніе испуга.*)

В. СОБАКИНЪ.

Ко мнѣ?... Да ты рѣхнулся?

КАЛИСТЪ.

Не рѣхнулся:
Ступай встрѣчать... Чу! вонъ они въ сѣняхъ!

(*Отходитъ въ сторону.*)

ЯВЛЕНІЕ IX.

Тѣ же, Малюта *и нѣсколько бояръ, въ богатыхъ кафтанахъ и высокихъ собольихъ шапкахъ. Войдя въ комнату, они становятся въ два ряда, Собакинъ и прочіе кланяются имъ въ поясъ.*

Малюта, (*выходя впередъ, Собакину:*)

Василій! Нашъ Великій Государь,
Царь и Великій Князь Иванъ Васильичъ
Всея Руси, пожаловалъ тебя
Велѣлъ сказать тебѣ:

(*Собакинъ становится на колѣни и кланяется въ землю.*)

«Велѣньемъ Божьимъ,
Молитвами родителей моихъ,
Изволи Богъ мнѣ нынѣ сочетаться
Законнымъ бракомъ, и себѣ въ супруги
Понять твою, Васильеву, дочь Марѳу!»

ДѢЙСТВІЕ ЧЕТВЁРТОЕ.

НЕВѢСТА.

Проходная палата въ Царскомъ теремѣ. Налѣво дверь въ Царевнины покои; направо дверь въ сѣни. На заднемъ планѣ три окна съ позолоченными рѣшетками. Палата обита краснымъ сукномъ; лавки съ узорными полавочниками. На авансценѣ, съ лѣвой стороны, парчевое «мѣсто» Царевны. Съ потолка, на позолоченной цѣпи, спускается хрустальное паникадило; изъ двери въ дверь узкій коверъ.

ЯВЛЕНІЕ I.

В. Собакинъ *стоитъ неподалеку отъ Царевнина «мѣста,»* Д. Сабурова *выходитъ изъ двери, что налѣво.*

В. Собакинъ (*шепотомъ.*)

Что̀, какъ она!

Д. Сабурова.

Изволила забыться:
Авось-либо теперь полегче будетъ.

(*Покачавъ головой.*)

А то въ жару металась, да стонала,
Моя голубка, такъ–что вчужѣ жутко!

В. Собакинъ.

А нѣмецъ былъ?

Д. Сабурова.

Былъ... Говоритъ: пройдётъ!
Не надо только трогать, а оставить
На волю Божью... Это вишь припадокъ
Какой-то тамъ: пройдётъ и самъ собою.
Чего тутъ трогать! По-запрошлой почью
Царевна встала, да пошла ходить
По сѣннику, такъ мы, — не-то-что тронуть
Забились въ уголъ и дохнуть не смѣемъ!
Такой-то страхъ!

В. Собакинъ.

Что-жь, бредитъ?

Д. Сабурова.

Всё-то бредитъ!
И говоритъ всё съ кѣмъ-то, и смѣется...
А то навзрыдъ заплачетъ да застонетъ, —
Инда морозъ по кожѣ подерётъ!

В. Собакинъ.

Бѣда, бѣда!... Вѣдь вотъ какое горе
Наслалъ Господь мнѣ за мои грѣхи!...
Не думалъ не гадалъ я: дочь — Царевна!
Я самъ — бояринъ, сыновья — бояре!
Чего еще? Во снѣ-то даже счастье
Такое не приснится никому...
А тутъ пойди ты! Гдѣ бы веселиться,
А ты горюй...

Д. Сабурова.

Грѣшно намъ горевать:

На старости мы взысканы съ тобою!
Твою самъ Царь, а Дунюшку Царевичъ
Въ невѣсты выбралъ...

В. Собакинъ.

Да тебѣ-то что!
Твоя княгиня не хвораетъ, Домна
Ивановна!

Д. Сабурова.

Богъ милостивъ: Царевна
Оправится... Ну, дѣло молодое:
Такъ — что нибудь....

В. Собакинъ.

Нѣтъ, видно, что не такъ!
Ей нѐ съ чего, кажись бы, вдругъ свернуться...
А люди добрые сыскались...

Д. Сабурова.

Кто же?

В. Собакинъ.

Да тотъ же Лыковъ! Что ни говори,
Былъ женихомъ, ну и любилъ Мароушу...

Д. Сабурова.

И, что́ ты! Скромный эдакій дѣтина,
Смиренникъ, да тихонюшка такой...

В. Собакинъ.

Тихонюшка! Гляди ему въ глаза...
А знаешь: въ тихомъ омутѣ-то черти!

Д. Сабурова.

И то сказать: чужая-то душа
Потёмки!...

В. Собакинъ.

На него и подозрѣнье:
Когда съ Маѳушей сдѣлался припадокъ,
Его тогда жь схватили и къ допросу
Водили...

Д. Сабурова.

Не признался?

В. В. Собакинъ.

Не признался...
Да вотъ розыщутъ: если что такое,
Не отвертится! Только жаль — Царевна
Про это знаетъ...

Д. Сабурова.

Знаетъ?

В. Собакинъ.

То-то знаетъ!
Сама идти хотѣла къ Государю —
Просить за Лыкова.

Д. Сабурова.

Уговорили?

В. Собакинъ.

Да просто обманули — вотъ и все:
Сказали, что и такъ онъ оправдался.
Ужь тутъ и ложь во спасенье..

Д. Сабурова.

Извѣстно...
А что, про свадьбу не слыхать, Василій
Степанычъ?

В. Собакинъ.

Какъ же! Государь Малютѣ
Велѣлъ нарядъ вѣнечный снарядить.

Д. Сабурова.

Ну, кто-же дружки?

В. Собакинъ.

Годуновъ Борисъ,
Мой Калистъ, твой Иванъ, да самъ Малюта.

Д. Сабурова.

А свахи кто-же?

В. Собакинъ.

Годунова Марья,
Моя невѣстка, да твоя невѣстка...
Кто бишь еще?... Игнатьева жена!...
Въ отцово мѣсто самъ Царевичъ Ѳёдоръ
Ивановичъ, а въ тысяцкихъ Царевичъ
Иванъ Иванычъ... съ чарою да съ гребнемъ
Пойдётъ Собакинъ Дмитрій, со свѣчами...

ЯВЛЕНІЕ II.

Тѣ же, сѣнная дѣвушка, и *потомъ*, истопникъ.

Сѣнная дѣвушка. (*Д. Сабуровой.*)

Боярыня! Царевна пробудилась!

Д. Сабурова.

Сейчасъ, сейчасъ...

(*Сѣнная дѣвушка уходитъ.*)

А въ матерпно мѣсто

Кому-же?

В. Собакинъ.

Да кому жь, коль не тебѣ?

Д. Сабурова.

Ну, ужь и мнѣ!

В. Собакинъ.

Да слышишь ты: Малюта

Мнѣ говорилъ.

(*Въ сѣнныя двери входитъ истопникъ.*)

Истопникъ.

Бояре съ царскимъ словомъ.

Д. Сабурова.

Пойдти скорѣе,—доложить Царевнѣ!

(*Уходятъ съ истопникомъ въ разныя двери.*)

ЯВЛЕНІЕ III.

В. Собакинъ, Грязнòй и кн. Гвоздевъ-Ростовскій. *На Грязнòмъ и кн. Ростовскомъ низенькія собольи шапки и суконныя полукафтанья, стянутыя цвѣтными кушаками; за кушаками воткнуты большіе ножи въ серебряныхъ оправахъ. Войдя въ палату, бояре снимаютъ шапки, кланяются Собакину и опять надѣваютъ шапки.*

Грязнòй.

Большой поклонъ боярину Василью
Степанычу!

Собакинъ, (*откланиваясь.*)

Поклонъ и вамъ, бояре!

Грязно́й.

Великій Государь своихъ холопьевъ
Прислалъ съ поклономъ къ дочери твоей,
А нашей Государынѣ — Царевнѣ.

В. Собакинъ.

Иду сейчасъ Царевнѣ доложить.
Она не можетъ: цѣлый день тоскуетъ,
А ночь не спитъ.. всё мечется да бредитъ ..
Сегодня легче...

Грязно́й.

Доложи Царевнѣ,
Что лиходѣй ея во всёмъ сознался,
И Государевъ чужеземный знахарь
Берётся излечить ея недугъ.

В. Собакинъ.

Ты говоришь, что лиходѣй сознался...
А кто-же онъ?

Грязно́й.

Мы говоримъ тебѣ,
Что̀ намъ сказать указано. Ступай же —
И доложи Царевнѣ.

(*Собакинъ кланяется и уходитъ.*)

ЯВЛЕНІЕ IV.

Тѣ же, *кромѣ* Собакина.

Грязной (*кладётъ руку на плечо кн. Гвоздева-Ростовскаго.*)

Князь Иванъ!
Слыхалъ ли ты, что, если кто полюбитъ
Кого, такъ день и ночь по нёмъ тоскуетъ,
И плачетъ, и во снѣ-то даже видитъ
Милова друга?

Кн. Гвоздевъ-Ростовскій.

Много разъ слыхалъ.
Тебѣ знать лучше: ты и самъ недавно
Такой-то былъ... Что̀, дурь твоя прошла?

Грязной.

А что? вѣдь Царь нашъ на больной Царевнѣ
Не женится... Какъ думаешь ты, князь?

Кн. Гвоздевъ-Ростовскій.

Богъ вѣсть! Нарядъ вѣнечный снаряжаютъ,
А впрочемъ самъ ты знаешь, что Царевна
Изведена̀.

Грязной.

А... если излечится?

Кн. Гвоздевъ-Ростовскій (*взглядываетъ на него пристально.*)

Никакъ ты всё-еще изволишь бредить?

Грязной.

Иванъ! ты другъ мнѣ и меня не выдашь.

Когда бъ ты зналъ... Нѣтъ, этого не въ силахъ
Я вымолвить... Скажу тебѣ одно:
Зато, чтобъ разъ еще взглянуть на Марѳу,
Я по̀ локоть себѣ отсѣчь дамъ руку.

Кн. Гвоздевъ-Ростовскій.

Опомнися, Григорій, не ребячься...

(*Въ покояхъ Царевны слышны шумъ и голоса.*)

Грязно̀й.

Постой, постой. Что̀ тамъ у нихъ за шумъ?

Марѳа (*за сценой.*)

Пустите! я сама хочу ихъ видѣть!

ЯВЛЕНІЕ V.

Тѣ же; Марѳа, В. Собакинъ, Сабурова, боярыни, сѣнныя дѣвушки. *Марѳа блѣдна и встревожена; лѣтникъ ея въ безпорядкѣ; волосы растрёпаны; на голову небрежно накинутъ золотой вѣнецъ.*

Д. Сабурова (*бѣжитъ за Марѳой.*)

Помилуй, Государыня Царевна!
Напрасно безпокоиться изволишь, —
Сама идёшь къ боярамъ: имъ не слѣдъ бы
Увидѣть очи ясныя твои...

Марѳа.

Оставь меня.

(*Садясь на мѣсто, Грязному и кн. Гвоздеву-Ростовскому.*)

Бояре! подойдите —

Я слушаю.

Грязнóй, (*выходя впередъ.*)

Великій Государь,

Царь и Великій Князь Иванъ Васильичъ

Всея Руси пожаловалъ тебя:

Къ тебѣ прислать изволилъ насъ съ поклономъ

И наказалъ спросить намъ о твоемъ

Здоровьѣ, Государыня Царевна!

Мареа (*встаётъ.*)

Да я здорова, я совсѣмъ здорова!...

Кто говоритъ, что я была больна?

Я слышала — сказали Государю,

Что будто бы испортили меня...

Всё это — ложь! Вы слышите, бояре?...

Всё это — ложь и выдумка!

Грязнóй.

Дозволь

Держать другую речь.

(***Мареа** наклоняетъ голову въ знакъ согласія и безпокойно взглядываетъ на **Грязнóго**.*)

Иванько Лыковъ

Покаялся въ намѣреньѣ бѣсовскомъ

Тебя поганымъ зельемъ извести,

А Государь велѣлъ его казнить...

И самъ я недостойною рукою

Злодѣю прямо въ сердце угодилъ!...

Холопъ твой Гришка бьетъ тебѣ челомъ

И проситъ службу вѣрную попомнить!

(*Кланяется въ землю. **Мареа** вскрикиваетъ и падаетъ безъ чувствъ.*)

Грязнóй, (*вскакивая.*)

Чтò съ ней?

В. Собакинъ, (*подбѣгая къ Марѳѣ.*)

Опять припадокъ!

Сабурова, (*удерживая Собакина.*)

Полно, чтò ты!

Теперь её избави Боже тронуть!...
Голубушка! бѣлёхонька, какъ платъ...
Вотъ такъ-то съ нею и намедни было:
Глаза закрыла, губы посинѣли,
Дыханья нѣтъ — отходитъ, да и полно!

Кн. Гвоздевъ-Ростовскій.

Теперь Царевна видно испугалась...

Сабурова.

И есть съ чего! Хорошъ былъ женишокъ-то!
Ужь удружилъ невестѣ... Да ему
И казни мало! Кабы мнѣ да воля,
Разорвала бъ въ куски его, собаку!

Грязнóй (*тихо.*)

И такъ довольно: не просилъ прибавки!

Сабурова (*Грязнóму и кн. Ростовскому.*)

Бояре! вы бы шли, а здѣсь не гоже
Вамъ оставаться...

Грязнóй.

Нѣтъ, мы не пойдёмъ,
А подождёмъ, чѣмъ кончится припадокъ,
Чтобъ было намъ о чёмъ и доложить.

ЯВЛЕНІЕ VI.

Тѣ же, Малюта и нѣсколько бояръ. *Войдя въ палату, они останавливаются невдалекѣ отъ Царевнина «мѣста.»*

В. Собакинъ (*Сабуровой.*)

Не вспрыснуть ли водою? Что-то долго
Лежитъ безъ чувствъ...

Сабурова.

Не велѣно, Василій
Степанычъ!

В. Собакинъ.

Ну, за нѣмцемъ-то пошли:
Нельзя же такъ её оставить.

Сабурова.

Стой-ка!
Никакъ она очнулася?

(*Мароа поднимаетъ голову и протираетъ глаза.*)

Грязной, (*подбѣгая къ Мароѣ.*)

Очнулась!

Мароа.

Ахъ!... что̀ со мной!

(*Увидя Грязного, подбѣгаетъ къ нему.*)

Ты живъ, Иванъ Сергѣичъ!...
Такъ это сонъ?

(*Грязной дѣлаетъ шагъ назадъ: Мароа хватаетъ его за руку.*)

Пойди, пойди ко мнѣ!
Дай на тебя мнѣ вдоволь наглядѣться!...
Ты живъ, ты живъ!

Грязной, (*вырывая руку.*)

Царевна, образумься!
Вглядись въ меня: я — не Иванъ Сергѣичъ.

Марѳа.

Ахъ, Ваня, Ваня! Что за сны бываютъ!...
Сегодня я за пяльцами вздремнула
И вижу... Охъ! и вспомнить-то такъ страшно!...
Приснилось мнѣ, что будто я — Царевна...
Что Государь меня въ невѣсты выбралъ...
Что насъ съ тобой, Ванюша, разлучили...
Меня убрали въ царскія одежды,
И золотой вѣнецъ надѣли будто...

(*Хватается руками за голову.*)

Вотъ и теперь онъ голову мнѣ давитъ!

Грязной.

Опомнись, Государыня Царевна!

Сабурова, (*подходя на цыпочкахъ и дергая Грязного за рукавъ.*)

Оставь её, не поперечь, бояринъ!
За нѣмцемъ ужъ послали...

В. Собакинъ, (*ломая руки.*)

Что съ ней будетъ?

Сабурова.

Опомнится, опомнится, — не бойся!

Марѳа.

И говорятъ мнѣ будто бы: «Царевна

Вѣдь прежній твой женихъ-то — злодѣй:
Онъ извести тебя поганымъ зельемъ
Хотѣлъ, — за тѣмъ ты и хворать изволишь...
Его за это судятъ..» Что̀ тутъ было!
И грудь мнѣ жгло, и въ голову стучало...
Какъ я съ тоски во снѣ не умерла!
А тутъ приснилось, что въ палатѣ царской
Сидѣла я, и что кругомъ стояли
Сабурова, отецъ, боярыни... и ясно,
Такъ ясно всё, какъ будто на яву!
Постой!

(*Бѣжитъ къ «мѣсту.»*)

Сидѣла я на этомъ мѣстѣ,
Вотъ такъ... Они...

(*Оборачивается къ боярамъ и боярынямъ.*)

Да вотъ — они стоятъ!

(*Подбѣгаетъ къ Грязному и хватаетъ его за руку.*)

Ты видишь ихъ, ты видишь ихъ, Ванюша?...
Охъ страшно!... Лучше не гляди туда:
Тебѣ приснится также сонъ тяжелый!

(*Отворачивается и закрываетъ лицо руками.*)

Грязно̀й (*задыхающимся голосомъ.*)

Нѣтъ силъ снести! Такъ вотъ недугъ любовный!...
Ты обманулъ меня, проклятый нѣмецъ!

Марѳа, (*отнимая отъ лица руки и боязливо озираясь кругомъ.*)

Прошло!...

(*Помолчавъ.*)

А я, должно̀ быть, нездорова;
Въ груди всё жжетъ... Про что я говорила?
Про что бишь, дай Богъ память?... Да!...
Приснилось мнѣ, что будто бы въ палату
Отъ Государя приходилъ Грязно̀й
И говорилъ, что онъ тебя зарѣзалъ!

(*Смѣётся.*)

Вѣдь — вотъ во снѣ-то глупости какія
Привидятся... Грязно̀й еще хвалился,
И службу вѣрную просилъ попомнить...
Хорошъ же дружко! Хвалится невѣстѣ,
Что жениха зарѣзалъ... Ай, Грязно̀й!
Увижу, — разскажу ему до слова —
Какъ онъ меня изволилъ тѣшить...

(*Смѣётся.*)

Грязно̀й.

Ой-ли!...
Грязно̀й тебя сейчасъ ещё потѣшитъ!

(**Боярамъ.**)

Бояре! Я... я — грѣшникъ окаянный!
Я Лыкова оклеветалъ напрасно:
Въ царевниномъ недугѣ онъ невиненъ...
Я погубилъ невѣсту Государя!

(*Общее изумленіе.*)

Малюта.

Григорій! Что̀ ты, что̀ ты, Богъ съ тобою!

Кн. Гвоздевъ-Ростовскій. (*подбѣгая къ Грязно̀му.*)

Григорій! Ты себя погубишь!

Грязной.

Князь!

Малюта! Я — въ своемъ умѣ, и снова
Себя я обвиняю передъ вами:
Я погубилъ невѣсту Государя!

Марѳа, (*вслушиваясь.*)

Ты говоришь, что снамъ не надо вѣрить:
Не вѣрю... Только сонъ-то не простой!

(*Помолчавъ:*)

Однако я съ тобой заговорилась,
И къ пяльцамъ не притронулась сегодня,
А мнѣ еще ширинку надо кончить...

(*Садится на мѣсто и дѣлаетъ руками разныя движенія, будто принимаясь вышивать въ пяльцахъ.*)

Грязной.

Страдалица! и я тебя сгубилъ,
И самъ — еще поднёсъ тебѣ отраву!...
Бояре! я давно взлюбилъ Царевну
И сватовъ засылалъ къ ея отцу,
Да опоздалъ — другой хватился прежде:
Она была ужь Лыкова невѣстой.
Тогда у нѣмца я промыслилъ зелье,
И съ женихомъ сдружился, какъ Іуда,
И назвался ему на свадьбу въ дружки,
И самъ поднёсъ ей зелья въ чаркѣ мёду!

В. Собакинъ.

Разбойникъ, душегубецъ!... Помню, помню...
Я самъ ему и чарку вынималъ!

Сабурова.

И я тогда была съ Дуняшей: точно
Онъ подносилъ Царевнѣ чарку мёда!

Малюта.

Безумный! Что́ ты сдѣлалъ?

Грязно́й.

Да, безумный:
Она меня давно свела съ ума!...
Но видитъ Богъ, что самъ я былъ обманутъ:
Я зелья приворотнаго просилъ,
Приворожить къ себѣ хотѣлъ Царевну,
Затѣмъ, что я любилъ её, люблю,
Люблю, какъ буйный вѣтеръ любитъ волю!

В. Собакинъ.

Молчи, злодѣй! Ты смѣешь про Царевну
Такъ говорить! Бояре, уведите
Его отсюда! Именемъ Царя —
Я говорю вамъ: уведите!

(*Нѣкоторые изъ бояръ подходятъ къ Грязно́му.*)

Грязно́й (*боярамъ.*)

Стойте!

(*Собакину.*)

Бояринъ! я въ винѣ своей сознался,
И гибну самъ, чтобъ дочь твою спасти!
Сознался вольной волей, а неволей,
Ты изъ меня не выжмешь ничего!
Тутъ нечего кричать, а лучше слушать...

(*Боярамъ.*)

Спросите у Бомелія, какого
Онъ зелья далъ? Спросите подъ ножами:
Покается проклятый басурманъ!

МАРѲА.

Нѣтъ, полно шить! Игла изъ рукъ валится..
Такая лѣнь сегодня... да и жарко...
Иванъ Сергѣичъ! хочешь въ садъ пойдёмъ?

(*Встаётъ, и, пройдя нѣсколько шаговъ, дѣлаетъ движеніе рукою, будто отворяетъ дверь.*)

Каковъ денёкъ! Такъ зеленью и пахнетъ.

(*Будто останавливается на порогѣ.*)

Иванъ Сергѣичъ! помнишь — мы дѣтьми
Рѣзвилися и бѣгали съ тобою?
Не хочешь ли теперь меня догнать?
Я побѣгу вотъ прямо по дорожкѣ...

(*Оглядывается.*)

Э, не плутуй! зачѣмъ же ты подходишь?
Ты отойди подалѣе, вотъ такъ...
Ну!...

(*Хлопаетъ въ ладоши.*)

Разъ, два, три!

(*Бѣжитъ: бояре и боярыни въ испугѣ разступаются передъ нею. Добѣжавъ до конца сцены, Марѳа оборачивается.*)

Ага, братъ, не догналъ!
Что? каково теперь я стала бѣгать?

(*Идётъ назадъ.*)

А вѣдь совсѣмъ задохлась съ непривычки...

(*Дѣлаетъ нѣсколько шаговъ, потупя голову, и вдругъ наклоняется, будто срываетъ цвѣтокъ.*)

Ахъ, посмотри — какой же колокольчикъ
Я сорвала! Лазоревый, а жилки,
Какъ шелковинка аленькая... Правда,
Что онъ звенитъ въ Ивановскую ночь?

(***Покачавъ головою:***)

Про эту ночь Петровна говорила
Мнѣ чудеса...

(***Указывая рукою налѣво:***)

Вотъ этотъ кустъ зори
Мнѣ подарила Дунюшкина мать.
И славная зоря, чудесный запахъ!

(***Будто срываетъ вѣтку и мнётъ её въ рукахъ.***)

Я ею мою руки по утрамъ.

(***Идётъ дальше.***)

А какова смородина, Ванюша?

(***Будто приподнимаетъ вѣтку.***)

Та̀къ вѣтку ягоды и клонятъ къ зѐмли...
И яблоковъ по лѣту много будетъ...

(***Указываетъ направо.***)

Вотъ — эта яблонь вся была въ цвѣту:
Та́къ и бѣлѣла, словно одуванчикъ...
Отецъ подъ нею и скамью поставилъ,
Самъ сколотилъ... Не хочешь ли присѣсть?

(***Садится на мѣсто.***)

Охъ, этотъ сонъ!

(*Помолчавъ:*)

Ка̀къ поглядишь на небо,
Подумаешь — ка̀къ Богъ его соткалъ!
Вотъ ровно синій бархатъ! Что, Ванюша,
Вездѣ такое небо, какъ у насъ?
И облака такія?... Погляди-ка —
Вонъ облочко — ни дать, ни взять — вѣнецъ!
На насъ съ тобою такіе-то надѣнутъ...

(*Задумывается.*)

Грязно̀й.

(*Малютѣ.*)

Нѣтъ, не стерпѣть!

Веди меня, Малюта,
Веди меня на грозный судъ! но прежде
Послѣднюю мнѣ службу сослужи:
Дай мнѣ себя потѣшить, дай мнѣ съ нѣмцемъ
Развѣдаться!

ЯВЛЕНІЕ VII.

Тѣ же и Любаша *выбѣгаетъ изъ толпы сѣнныхъ дѣвушекъ и хватаетъ Грязно̀го за руку.*

Любаша.

Развѣдайся со мною!

Грязно̀й.

Любаша!

Любаша.

Да, опять-таки Любаша!...

Ты про меня и позабылъ, голубчикъ?...
Забывчивъ сталъ!... Что, на тотъ свѣтъ собрался,
Такъ — на̀ тебѣ! Не хочетъ и проститься
Съ своею полюбовницей!... А жалко,
Куды тебя мнѣ жалко! По напрасну
Сгубилъ себя: красавицу твою
И вылечатъ, да лекарь-то могила!
Что? Ты меня не разумѣешь?... Стой же,
Я всё тебѣ по пальцамъ разскажу:
Ты помнишь, какъ просилъ у нѣмца зелья?
Я слышала тогда весь разговоръ:
Да на другой же день сама я къ нѣмцу
Пошла и тоже выпросила зелья...
Ты за свое отсыпалъ много денегъ,
Я за свое дешевле заплатила...
Извѣстно — что ужъ! Съ дѣвокъ взятки гладки;
А только зелье будетъ похитрѣе:
Съ него какъ разъ зачахнетъ человѣкъ!

Грязно̀й.

Что̀ ты сказала?

Любаша.

Человѣкъ зачахнетъ,
Потомъ умрётъ... Тутъ нечему дивиться!
Вотъ подпись: я зелье подмѣнила,
А ты его, на мѣсто своего,
Поднёсъ моей разлучницѣ...

(*Грязно̀й отшатывается назадъ.*)

Чай, то-то
Былъ радъ! А тутъ, какъ выбрали въ невѣсты,
И начала прихварывать она,
Трухнулъ было? Да скоро спохватился:

Дай Лыкова оговорю, а, может,
Царь на больной не женится — тогда
На нашей улицѣ и будетъ праздникъ.

Грязной (*хватается за ножъ.*)

Проклятая!

Любаша.

Постой, постой: успѣешь,
Дай досказать... Тебѣ бы всё браниться,
А нѣтъ того, чтобъ похвалить Любашу!
Ужь, кажется, придумала я знатно:
И ты еще мнѣ долженъ поклониться:
Приворожилъ по милости моей!

(*Смѣётся.*)

Марѳа.

Иванъ Сергѣичъ? Съ кѣмъ это Дуняша
Разговорилась?

Любаша.

Слышишь-ли! зовётъ!
Ступай, ступай скорѣе, — полюбуйся!
И есть на что: что дальше — будетъ лучше!

(***Грязной** замахивается на неё ножёмъ.*)

Ну, что-жь, убей! Ты загубилъ мнѣ душу,
Ни слёзъ моихъ, ни просьбъ не пожалѣлъ...
Губи же вдосталь!

(***Бросается** къ **Грязному**.*)

Рѣжь меня, разбойникъ!

Грязной (*ударяетъ её ножёмъ.*)

Такъ на-жь тебѣ!

Любаша, (*падая.*)

Спасибо: прямо въ сердце!

(***Кн. Ростовскій, Сабурова, Малюта и сѣнныя дѣвушки подбѣгаютъ къ Любашѣ.***)

Сабурова.

Ахъ, батюшки, зарѣзалъ!

Грязной.

Да, зарѣзалъ!...

Собакѣ и собачья смерть!

Малюта (*наклоняясь къ Любашѣ.*)

Бѣдняжка!

(***Бояре бросаются на Грязного и обезоруживаютъ его.***)

В. Собакинъ.

Скрутите руки, руки-то скрутите,
Да отнимите ножъ: всѣхъ перерѣжетъ!

Грязной.

Пустите! Я не трону никого
И не уйду... Вы слышали, бояре,
Вы слышали, какого я ей зелья
Поднёсъ?... Она умрётъ, умрётъ: Пустите!

(***Вырывается и подбѣгаетъ къ Марѳѣ. Бояре его догоняютъ и схватываютъ снова.***)

В. Собакинъ.

Тащите вонъ его, скорѣй тащите!

Грязной.

Не троньте, дайте мнѣ проститься съ нею!

(***Вырывается и бросается передъ Марѳой на колѣни.***)

Страдалица невинная, прости!

Марѳа (*встаётъ.*)

Иванъ Сергѣичъ! Ты ужь и уходишь!
Куда же ты? Сейчасъ отецъ пріидётъ...

Грязной.

Прости меня! Когда пріидёшь ты въ память
И про меня они тебѣ разскажутъ,
Ты проклянешь кромѣшника... Кляни,
Кляни его! Но о душѣ проклятой
Хоть разъ одинъ усердно помолися!

Марѳа.

Не уходи... Какой ты несговорный,
Ни мало не похожъ на жениха:
Пріидетъ къ своей невѣстѣ въ кои вѣки
И только повернётся! Будешь завтра?

Грязной.

Прости меня! За каждую слезинку,
За каждый стонъ, за каждый вздохъ твой, Марѳа,
Я щедрою рукою заплачу:
Самъ буду бить челомъ Царю Ивану
И вымолю себѣ такія муки,
Какихъ не будетъ грѣшникамъ въ аду!

(*Встаётъ; его уводятъ.*)

Прощай! прощай!

Марѳа (*кричитъ ему вслѣдъ.*)

Пріийди же завтра, Ваня!...

СЕРВИЛІЯ

ДРАМА

ВЪ ПЯТИ ДѢЙСТВІЯХЪ.

ЕЯ ИМПЕРАТОРСКОМУ ВЫСОЧЕСТВУ

ГОСУДАРЫНѢ

ВЕЛИКОЙ КНЯГИНѢ

МАРІИ НИКОЛАЕВНѢ.

имѣетъ счастіе всепреданнѣйше посвятить трудъ свой

Л. Мей.

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Вѣкъ первыхъ римскихъ кесарей обнимаетъ собою одну изъ самыхъ знаменательныхъ историческихъ эпохъ: его можно назвать заповѣдною скрижалью, на которой древній міръ начерталъ окончательные выводы своей религіозной и гражданской жизни. Всѣ духовныя и физическія силы древности, направленныя отъ четырехъ исходныхъ пунктовъ: религіи, закона, науки и искусства, стремятся къ одному центру, составляютъ четыре литеры, четыре звука одного слова — ***Римъ***. Скоро это слово достигаетъ полноты своего смысла и означаетъ вселенную; но въ нравственномъ отношеніи смыслъ языческаго Рима и языческая вселенная представляютъ взорамъ наблюдателя плачевное зрѣлище. Перенесёмся во вторую половину кесарскаго вѣка и бросимъ бѣглый взглядъ на тогдашній Римъ.

Сосредоточивъ все вниманіе на своей внутренней жизни, Римъ сознаётъ повсемѣстное присутствіе внутренняго зла, тайнаго и неуловимаго недуга, который сушитъ его сердце и уноситъ жизненныя силы. Тщетно призываетъ онъ на помощь религію, философію и патріотизмъ: религія отвѣчаетъ ему сладострастнымъ бредомъ поэтовъ, философія — схоластическими софизмами, патріотизмъ — обвинительными рѣчами покупныхъ доносчиковъ. Семейный бытъ, сохранившій прежнія суровыя формы, уже

утратилъ прежнее значеніе, и Римъ весь отдается быту общественному, выраженному въ растлѣвающихъ удовольствіяхъ цирка и термъ. Наука находится въ младенчествѣ и доступна немногимъ; искусство, хотя и доведено до идеала, но посвящено одной чувственности и только ослабляетъ немощной духъ Рима.

Для насъ, православныхъ и вѣрноподданныхъ христіанъ, понятенъ безъименный недугъ языческаго міра: онъ заключался въ отсутствіи святыни вѣры и закона, охраняемыхъ державною десницею Помазанника Божія.

Но для Рима, слѣпотствовавшаго во тьмѣ идолослуженія, законы сдѣлались мёртвыми буквами, а повелители всесвѣтной имперіи — орудіями всевышняго правосудія, карающаго людей, *да спасутся!*

Поразительнымъ примѣромъ небесной кары можетъ послужить Калигула, съ котораго внезапно начинаются бѣдствія Рима, какъ-бы ниспосланныя свыше, въ возмездіе за первое притѣсненіе христіанъ.

Приведёмъ слова греческаго писателя Филона, изображающаго начальные мѣсяцы правленія Калигулы золотымъ вѣкомъ:

«Римъ и Италія, Европа и Азія», говоритъ онъ, «казалось, пировали на непрерывномъ празднествѣ. По всѣмъ городамъ, у всѣхъ алтарей, совершались жертвоприношенія, виднѣлись люди въ бѣлыхъ одеждахъ, увѣнчанные цвѣтами; повсюду, подъ звуки музыки, учреждались игры, пляски, конныя ристанія. Богатый и бѣдный, патриціи и плебей, господинъ и рабъ, заимодавецъ и должникъ веселились вмѣстѣ, какъ во времена Сатурна.»

Черезъ годъ весь міръ трепеталъ передъ безумнымъ Калигулой, а тотъ сожалѣлъ, что у Рима не одна голова и что онъ не можетъ отрубить ея однимъ взмахомъ сѣкиры.

Калигулу смѣнили Клавдіи, Коммоды, Геліогобалы...

Нескоро измѣнилась горестная судьба Рима. Три вѣка представляютъ собою почти-непрерывную лѣтопись своеволія, смутъ, крамолъ, кровопролитія, разсчитаннаго звѣрства, роскоши, разврата и безвѣрія. Въ духовномъ опьянѣніи, растерзавъ на себѣ послѣднія ризы, древній міръ шёлъ быстрыми шагами къ своей гибели, доколѣ лучезарный крестъ Искупителя не освѣтилъ потёмной бездны языческихъ заблужденій.

И между-тѣмъ, въ средѣ общаго мрака, тяготѣвшаго надъ Римомъ, появлялись иногда проблески высокаго духа и добродѣтели; отъ толпы раболѣпныхъ поклонниковъ порока отдѣлялись люди самоотверженные, мужи добра и правды. Такъ представитель неостоической школы, Музоній Руфъ, изгнанный Нерономъ изъ Рима, удостоился даже похвалы одного изъ отцовъ церкви *). Такъ, при Неронѣ же, два другіе неостоика, Тразеа и Соранъ, гласно противодѣйствовали лживымъ доносамъ, губившимъ именитыхъ гражданъ, порицали современную роскошь и развратъ и служили Риму примѣромъ нравственности, прямодушія и строгой жизни. Несправедливо обвиненные въ измѣнѣ противъ Рима и осужденные на смерть, они геройскою кончиною запечатлѣли неравную борьбу съ низкими льстецами окружавшими Нерона. Вмѣстѣ съ Сораномъ, и также безвинно, погибла двадцати-лѣтняя дочь его, Сервилія...

Но здѣсь я долженъ перейдти къ моей драмѣ.

Основное ея содержаніе заимствовано изъ послѣднихъ страницъ тацитовой лѣтописи, которая прерывается на описаніи гибели неостоиковъ. Историческія данныя перемѣшаны въ драмѣ съ посильнымъ вымысломъ, навѣяннымъ общимъ характеромъ эпохи. Общественная жизнь римлянъ въ эту эпоху, преданность кліентовъ патронамъ, значеніе отпущенниковъ въ семейной и гражданской жизни Рима, начинавшаяся эманципація **) женщинъ, разладъ философіи съ существовавшимъ порядкомъ и всепобѣдное вліяніе христіанскаго ученія—вотъ тѣ немногія черты, которыми мнѣ хотѣлось обвести мою драму, какъ слабый очеркъ римскаго быта при Неронѣ.

---

*) См. Апологію св. Юстина.

**) Въ римскомъ значеніи этого слова.

ДѢЙСТВУЮЩІЯ ЛИЦА [2].

Люцій Телезинъ, Кай Светоній — римскіе консулы.

Софоній Тигеллинъ, префектъ преторіи.

Преторъ.

Тразеа Петъ, Соранъ Бареа, Паконій Агриппинъ, Гельвидій Прискъ, Монтанъ — сенаторы.

Сенцій Торкватъ, юрис-консультъ.

Валерій Аруленъ Рустикъ, народный трибунъ.

Осторій Сабинъ, всадникъ.

Эгнатій, отпущенникъ.

Фульциній Аферъ, Авидій Гиспо, Посидесъ, Ве́локсъ, Мѐлла, Цестъ — граждане.

Деметрій, философъ-циникъ.

Жрецъ.

Квесторъ.

Отпущенникъ.

Центуріонъ.

Преторіанецъ.

Гладіаторъ.

Мимъ.

Возничій.

Музыкантъ.

Первый, второй, третій и четвертый граждане.

Первый, второй и третій глашатаи.

Ликторъ.

Продавецъ поленты.

Архимагиръ.

Первый и второй рабы.

Старикъ.

Сервилія, дочь сенатора Сорана.

Силія, вдова сенатора Антистія.

Локуста.

Антонія, кормилица Сервиліи.

Неволея, Фортуната — невольницы Локусты.

Дѣвочка.

Сенаторы, трибуны жрецы, канефоры, писцы, преторіанцы, пѣвцы, музыканты, плясуньи, рабы, невольницы, прохожіе и народъ.

Дѣйствіе въ Римѣ, въ 67-мъ году по Р. Х.

ДѢЙСТВІЕ ПЕРВОЕ.

Римскій форумъ[3]). —На заднемъ планѣ базилика—Аргентарія, базилика—Эмилія и храмъ Минервы. Мимо нихъ проходитъ священная дорога. Съ правой стороны арка Фабія, храмъ Вулкана съ священнымъ лотосомъ, храмъ Ромула съ священнымъ кипарисомъ, и Грекостазъ. Съ лѣвой стороны Капитолій, городская тюрьма, омбиликъ, храмы Согласія и Юпитера Громовержца. Вокругъ форума идётъ тройной портикъ изъ коринѳскихъ колоннъ; въ промежуткахъ колоннъ изваянія боговъ и героевъ. Посреди форума водомётъ Діаны, украшенный статуею богини. — Въ глубинѣ сцены, на горахъ Палатинской, Целійской и Эсквилинской возвышаются золотые чертоги Нерона, опоясанные рощами и садами. Вдали виденъ водопроводъ Клавдія. — На первомъ планѣ сцены: справа домъ Сорана, съ выступною террассою и бесѣдкой; слѣва термополій [4]) и небольшой домъ, надъ дверьми котораго написано: Locusta [5]). Эти зданія отдѣляются отъ форума улицей. — Утро. — По форуму изрѣдка проходятъ воины, рабы, торговцы плодами и съѣстными припасами.—На первой ступенькѣ водоёма двое гражданъ играютъ въ кости; [6]) вокругъ игроковъ группа зрителей

ЯВЛЕНІЕ I.

Ф. Аферъ, Авидій Гиспо, Поспдексъ Мелла, Велоксъ, Цестъ,

А. Гиспо (*высыпаетъ изъ рожка кости.*)

А! наконецъ... шесть да четыре — десять:
Ударъ фортуны!

Ф. Аферъ.

Праведные боги!
Какой счастливый смертный этотъ Гиспо!
Весь женскій полъ ему благоволитъ:
Не только молодая Фортуната,
Сама Фортуна!

А. Гиспо, (*злобно поглядѣвъ на Афера.*)

Прикуси языкъ.
Я этихъ шутокъ не люблю,. Фульцній!

Ф. Аферъ.

Не можетъ быть!...
(*Смѣётся.*)
Вы знаете, друзья,
Прелестную невольницу Локусты?

Мелла.

Которую? ихъ много...

Ф. Аферъ.

Фортунату.

Мелла.

Я не видалъ.

Посидесъ.

А я недавно видѣлъ.

(*Гиспо собираетъ кости.*)

Велоксъ.

Чтò, какова?

Посидесъ.

Беззубая старуха
И фурія!

Ф. Аферъ (*торжественно протягиваетъ руку.*)

Се истина гласитъ
Правдивыми устами Носидеса!

Гиспо (*встаетъ нахмуривъ брови.*)

Довольно: разочтемся.

Ф. Аферъ.

Какъ прикажешь.
Ты выигралъ два асса и кодрантъ...
(*Снимаетъ съ пояса кошелекъ и считаетъ деньги.*)
Я нахожу, что имя у старухи
Приличное.

Мелла.

А что, она слѣпа?

Аферъ.

Подслѣповата... Да не въ этомъ дѣло.
Я, видишь ли, не знаю — у кого
Сестерцій [7]) больше: у богини счастья,
Или у этой гарпіи? притомъ же
Амуръ ея покорный рабъ!

А. Гиспо, (*вспыливъ.*)

Aedèpol! [8])
Отдай скорѣй мнѣ деньги, а не то...

Ф. Аферъ (*медленно приподнимается.*)

Не то?..
(*Подходитъ скрестивъ руки къ Гиспо.*)
Не то?..

А. Гиспо (*отступаетъ.*)

Я жаловаться буду:
Отсюда до префекта не далеко.
Отдай мнѣ деньги.

Ф. Аферъ.

Вотъ онѣ, возьми...

(*Отдаетъ деньги.*)

Я знаю, ты на выигрышъ сторгуешь
Вѣнокъ изъ розъ для нимфы безъ волосъ!

А. Гиспо (*грозитъ ему кулакомъ.*)

Нѣтъ, я на нихъ куплю тебѣ веревку!
(*Уходитъ.*)

Ф. Аферъ, (*смѣется и кричитъ ему вслѣдъ.*)

Поскупишься!.. А ежели и купишь,
Такъ вѣрно самъ удавишься на ней!

ЯВЛЕНІЕ II.

Тѣ же, *кромѣ* Гиспо.

Велоксъ. (*Ф. Аферу.*)

За что ты такъ на Гиспо нападаешь?

Ф. Аферъ.

Помилуй, Велоксъ, онъ—исчадье зла!
Я ужь давно слѣжу за нимъ, а нынче

Нарочно заманилъ его играть,
Чтобъ помѣшать его преступнымъ козням:
Вы знаете ли—что̀ такое Гиспо?
Рабъ, низостью добившійся гражданства,
Скупецъ, кліентъ достойный Капитона,
Наушникъ, трусъ постыдный и предатель!..
Связался съ этой дряхлой Фортунатой,
Рабыней отравительницы...

Мелла (*оглядывается.*)

Тише!
Ты позабылъ, что мы на площади,

Ф. Аферъ.

Такъ что̀ же? Или ты не знаешь, Мелла,
Что, кромѣ кесаря, трибуна и боговъ,
Я никого на свѣтѣ не боюся?
Я — римлянинъ!

Мелла.

Да мы и всѣ римляне,
А все же осторожность не мѣшаетъ.

Ф. Аферъ.

Ты правъ: я горячуся понапрасну.
Пожалуй будемъ тише говорить...

(*Понижая голосъ.*)

Ты спрашивалъ меня, любезный Велоксъ,
За что̀ я такъ на Гиспо нападаю?
О, Аполлонъ! пошли мнѣ даръ витійства!
Будь этотъ Гиспо мытаря продажнѣй,
Презрѣннѣй и гнуснѣе кареагенца,
Клянусь, я толькобъ пожалѣлъ о немъ.

Но онъ — онъ лжецъ и подлый соглядатай:
Онъ въ скаредной душѣ своей таитъ
Злой умыселъ на нашего трибуна
Валерія?

МЕЛЛА.

На нашего любимца?

ВЕЛОКСЪ.

На нашего защитника-патрона [9].)

МЕЛЛА.

На отрасль дома Рустиковъ?

ПОСИДЕСЪ.

На друга
Сенатора Тразеи?

Ф. АФЕРЪ.

На него;
И не одинъ трибунъ Валерій Рустикъ,
А всѣ друзья народные: Пакопій,
Соранъ, Тразеа... всѣ они погибнутъ
Невинной жертвой лживаго доноса.

МЕЛЛА.

Юпитеръ!... Но откуда эти вѣсти?

Ф. АФЕРЪ.

Послушайте...

ЯВЛЕНІЕ III.

Тѣ же и Продавецъ поленты [10]) *катитъ на двухколесной тележкѣ жаровню, на которой стоитъ накрытой котелокъ.*

Продавецъ поленты (*кричитъ.*)

Горячая полента!
Кому поленты?

(*Останавливается предъ разговаривающими.*)

Прямо съ очага
Богини Форнаксъ!

Велоксъ.

Мы ужь закусили.

(*Полентовщикъ проходитъ дальше.*)

ЯВЛЕНІЕ IV.

Тѣ же и Дѣвочка *съ корзинкою цвѣтовъ.*

Купите, добрые граждане, анемоновъ.

Мелла.

Ненадобно.

Дѣвочка.

Купите гіацинтовъ:
Сама рвала сегодня на зорѣ!

Ф. Аферъ (*даётъ ей мелкую монету.*)

Ступай, дитя!

Дѣвочка.

Спаси тебя Юнона!

(*Отходитъ, крича на распѣвъ:*)

Фіалки, гіацинты, анемоны!

Ф. Аферъ.

Однако здѣсь неловко... Отойдёмъ
Къ дверямъ Сорана: тамъ насъ не услышатъ

(*Отходитъ къ соранову дому. Форумъ начинаетъ покрываться народомъ. Женщины и дѣти тѣснятся съ амфорами около водомёта. Вокругъ продавца поленты собирается полуоборванная толпа.*)

Ф. Аферъ (*указываетъ на домъ Локусты.*)

Вы видите вотъ тотъ вертепъ тигрицы?...
Она къ себѣ недавно затащила
Овечку...

Мелла, (*улыбаясь.*)

Съ бѣлокурою косой?

Велоксъ.

Съ лукавой бровью надъ лазурнымъ глазомъ?

Поспдесъ.

Съ плечами Леды?

Мелла.

Словомъ: Неволею!

Ф. Аферъ.

Ну, да... къ–чему скрываться предъ друзьями?
Отъ бѣдной безпомощной сироты

Всѣ боги и богини отступились,
И только благосклонная Киприда
Своихъ очей ещё не отвратила.
Её Локуста держитъ для приманки
Богатыхъ и развратныхъ волокитъ
И никуда изъ дома не пускаетъ,
А нà ночь запираетъ на замòкъ.

Мелла.

А какъ же вы видаетеся?

Ф. Аферъ (*качаетъ головой.*)

Мèлла!
Ты посѣдѣлъ, а всё не понимаешь
Того, чтò дѣти знаютъ наизустъ:
Нѣтъ для Амура ни замкòвъ, ни стражи.
Но слушай дальше. Хитрая Локуста
Скрываетъ очень-ловко отъ невольницъ
Свои поступки гнусные и козни:
Наперсница всѣмъ тайнамъ Фортуната.
Но молодымъ невольницамъ Юпитеръ
Даётъ въ удѣлъ глаза и уши рыси...
Конурка Неволеи наверху,
Подъ дождикòмъ, и сквозь густые ставни
Бѣдняжка видитъ только лоскутъ неба
Да атріумъ... [11]) Вчера ей не спалòся,
А было поздно: ужь вторая стража.
Вдругъ зазвенѣлъ придверный колокольчикъ [12]),
Свѣтъ ночника мелькнулъ сквозь щели ставня,
Послышались поспѣшные шаги
И шопотъ Фортунаты: «Ты ли, Гиспо?»
Замѣтьте: Гиспо ходитъ каждый день
Къ Локустѣ и, украдкой отъ ревнивой

Своей старухи, сильно докучаетъ
Любовью Неволеѣ...

Велоксъ.

Вотъ за что̀
Другъ друга вы не любите!

(*Ф. Аферъ презрительно улыбается.*)

Посидэсъ.

Ахъ, Вѐлоксъ,
Да не мѣшай же слушать!

Ф. Аферъ.

Неволея
Спрыгнула съ ложа, подошла къ окну
И увидала въ щелку Фортунату
И съ нею Гиспо. Оба, какъ ехидны,
Приползшія къ пастушьему огню,
У ночника коробились, сверкали
Другъ на друга глазами и шипѣли.
Они сначала говорили тихо,
Такъ тихо, что преступныя слова̀
Безъ звука на губахъ ихъ шевелились;
Потомъ ихъ рѣчи сдѣлались слышнѣе,
И наконецъ старуха прошептала:
«Смотри, будь осторожнѣе, Авидій!
Локуста́ всё разскажетъ Мессалинѣ [13]);
Но если доказательствъ не найдется?...
Ты знаешь, это дѣло не простое:
Въ немъ Тигеллинъ [14]) участье принимаетъ,
А онъ шутить не любитъ... берегися!»
А Гиспо ей: Не бойся Фортуната:
Не только на философовъ безмозглыхъ,
Но даже на красавчика-трибуна

И на его обжорливаго друга
У насъ найдутся вѣрныя улики.»
«Ну, если такъ,» сказала Фортуната:
«Пожива будетъ славная!»... И оба
Захохотали громко, но тотчасъ же,
Какъ-будто спохватившись, поглядѣли
Такъ пристально на ставень Неволеи,
Что вся она со страха задрожала
И отошла скорѣе отъ окна...
Ну, что̀ теперь вы скажете о Гиспо?

Мелла.

Ужасно!

Посидэсъ.

Никакого нѣтъ сомнѣнья:
Готовится доносъ, и на кого же?
На лучшихъ граждань Рима!

Велоксъ.

Но Авидій
Вѣдь никого по имени не на̀звалъ?

Посидэсъ.

Къ чему? Вѣдь мы ихъ сразу отгадали.
Валерій чуть не на̀званъ: въ цѣломъ Римѣ
Друго̀го нѣтъ красавчика-трибуна
Обжора другъ — конечно ужь—Паконій!
Философы — Тразеа и Соранъ.

Велоксъ.

Да: это правда... Чтожь мы будемъ дѣлать?

Посидэсъ.

Предупредимъ патроновъ поскорѣе.

Велоксъ.

Я, впрочемъ, за трибуна не боюся:
Скажи онъ слово — римскія матроны
Тотчасъ же обратятся въ амазонокъ
И Римъ возьмутъ.

Ф. Аферъ. (*съ упрёкомъ.*)

Ну, что теперь за шутки?
Когда бѣда трибуну угрожаетъ,
Его спасать не женщинамъ, а трибу...
Но какъ спасти?

Цестъ, (*молчавшій всё время.*)

Я Гиспо задушу.

Ф. Аферъ.

Нѣтъ, Цестъ! Твое намѣренье похвально,
И Гиспо не мѣшаетъ задушить,
Но теперь: онъ будетъ нуженъ.

Цестъ (*киваетъ, въ знакъ согласія, головой.*)

Послѣ...

Поспдэсъ.

Однакожь мѣшкать нѣчего! Пойдёмте
Искать своихъ патроновъ: я иду
Къ Валерію, но гдѣ онъ — въ базиликѣ [15]),
Иль дома?

Ф. Аферъ.

Ты отправься въ базилику,
А Мѐлла на̀ домъ.

Велоксъ.

Я пойду къ Тразеѣ.
А кто изъ васъ къ Паконію пойдётъ?

Ф. Аферъ.

Наконій спитъ и никого не пріиметъ.
Мы съ Цестомъ лучше подождемъ Сорана:
Онъ, кажется, отправился въ Сенатъ.

Посидэсъ.

Пора, пора! Итакъ на насъ всѣ смотрятъ...
Сойдемся здѣсь же, завтра утромъ... Vale!

ЯВЛЕНІЕ V.

Ф. Аферъ *садится на каменную скамью у сoранова дома:* Цестъ *стоитъ подлѣ, задумавшись. Толпа прибываетъ. Граждане, отпущенники, гладіаторы, преторіанцы и рабы наполняютъ форумъ. Вдоль портика ставятъ скамьи.)*

Ф. Аферъ.

Цестъ, для чего сбирается народъ!

Цестъ.

Глазѣть на ходъ жрецовъ и канефоровъ.

Ф. Аферъ.

Я позабылъ: теперь панаѳенеи [16])...
А скоро ли процессія начнётся?

Цестъ.

Должно-быть, скоро.

ЯВЛЕНІЕ VI.

(По сценѣ проходитъ старикъ, покрытый рубищемъ. Онъ очень усталъ и съ трудомъ передвигаетъ ноги, опираясь на посохъ. Поравнявшись со скамьей, онъ останавливается въ нерѣшимости.)

Ф. Аферъ *(встаётъ со скамьи.)*

Отдохни, старикъ!

(старикъ медлитъ.)

Садись, садись: ты, вѣрно издалёка?

(Старикъ, въ изнеможеніи, опускается на скамью и закрываетъ лицё руками.)

Не хочешь ли съ дороги освѣжиться?
Пойдемъ со мной вонъ въ этотъ термополій.

(Старикъ отрицательно качаетъ головой. Ф. Аферъ подаетъ ему кошелёкъ.)

Смотри: ты обронилъ свой кошелёкъ.
Вотъ онъ...

Старикъ *(отводитъ руку Афера.)*

Ненужно, добрый человѣкъ!

(Ф. Аферъ, поглядѣвъ въ недоумѣніи на старика, отходитъ въ сторону. Слышенъ звукъ трубы.)

ЯВЛЕНІЕ VII.

(*На форумѣ появляется* Глашатай, *одѣтый Меркуріемъ. Въ рукахъ у него серебряная труба и кадуцей.*)

Глашатай, (*протрубивъ три раза.*)

Божественный нашъ кесарь Нѐронъ-Августъ
Послалъ меня къ вамъ, римскіе граждане,
Глашатаемъ своей священной воли!

Народъ.

Да здравствуетъ божественный нашъ кесарь!

Глашатай

Внемлите мнѣ: по случаю торжествъ
И шествія въ честь праведной Минервы,
Божественный нашъ кесарь Нѐронъ-Августъ,
Желая съ вами радость раздѣлить,
Велѣлъ открыть, для игоръ и для зрѣлищъ,
Театръ и циркъ на всѣ панаѳенеи.

Народъ.

Да здравствуетъ божественный нашъ кесарь!

(*Глашатай проходитъ форумъ и скрывается.*)

ЯВЛЕНІЕ VIII.

Тѣ же, Отпущенникъ, Гладіаторъ, 1-й, 2-й, 3-й и 4-й Граждане, Музыкантъ, Возничій, Мимъ, Преторіанецъ. Ф. Аферъ и Цестъ *стоятъ въ сторонѣ у соранова дома.*

Преторіанецъ.

Хвала Нерону-Августу, вождю
Непобѣдимыхъ римскихъ легіоновъ!
Да здравствуетъ нашъ кесарь Неронъ–Марсъ!

Гладіаторъ.

Онъ льва задушитъ голыми руками [17])!
Да здравствуетъ нашъ кесарь–Геркулесъ!

Музыкантъ.

Онъ голосомъ божественнымъ и лирой
Вливаетъ жизнь въ бездушную природу
И камни въ трепетъ сладостный приводитъ!
Да здравствуетъ нашъ кесарь–Аполлонъ!

Возничій.

Хвала ему! Когда онъ по аренѣ
Несётся на квадригѣ [18]) бѣлоснѣжной.
Подумаешь — самъ Фебъ сошёлъ на землю.

Мимъ.

Когда на сцену кесарь нашъ выходитъ,
Богиня краснорѣчія незримо
Вселяется во всѣ его слова,
Во всѣ его движенія.

Отпущенникъ. [19])

Граждане!

Нашъ кесарь Нèронъ выше всѣхъ боговъ.
Онъ весь Олимпъ въ себѣ соединяетъ!
Хвала ему!

Ф. Аферъ (*тихо Цесту.*)

Вотъ этотъ похвалилъ!

Отпущенникъ.

Граждане! Кто построилъ новый Римъ?

Ф. Аферъ (*тихо.*)

А старый гдѣ? [20])

Отпущенникъ.

Кто насъ поитъ и кормитъ?
Кому земля несметныя богатства,
Зарытыя царицею Дидоной,
Въ теченіе столѣтій сохранила?
Въ чью пользу сновидѣнье указало
Сокрытый кладъ?

Ф. Аферъ (*тихо.*)

Лжётъ: клада не нашли
И самъ сновидецъ съ горя удавился. [21])

Отпущенникъ.

На всѣ мои вопросы отвѣчаю:
Онъ, онъ, ему, ему, въ его же пользу!...
Но предоставимъ болѣе достойнымъ
Исчислить всѣ достоинства его;
Забудемъ обо всѣхъ благодѣяньяхъ,
Оказанныхъ имъ Риму, или міру,
А упомянемъ только объ одномъ,
Что сами боги кесарю Нерону
Обязаны признательными быть.

(*Торжественно оглядывается кругомъ. Всѣ молчатъ.*)

Давно ли намъ безвѣріе грозило?
Давно ли ложное ученіе съ Востока
Умы людей собою заражало?
На нашу почву пало злое сѣмя,
И деревомъ вѣтвистымъ разросталось,
И тѣнь свою бросало на Олимпъ;
Но кесарь поднялъ страшную сѣкиру
И древо ядовитое срубилъ
До корня...

ЯВЛЕНІЕ IX.

Тѣ же и А. Гиспо (*выходитъ изъ толпы.*)

Гиспо.

А не вырвалъ съ корнемъ вонъ!

Ф. Аферъ.

Опять закаркалъ этотъ чёрный воронъ!

А. Гиспо (*отпущеннику.*)

Я рѣчь твою, по долгу гражданина
И кесаря слуги, перебиваю.
Ты началъ говорить о христіанахъ [22]...
А знаетъ ли божественный нашъ кесарь,
Что христіане снова появились?

(*Общее изумленіе.*)

Отпущенникъ.

Гдѣ? въ Римѣ?

А. Гесно.

Нѣтъ, подъ Римомъ... въ катакомбахъ.

(*Толпа взволновалась. Изъ нея раздаются крики.*)

Какъ? Христіане! . . . .

. . . . . . Губители младенцевъ!
Они наслали голодъ и болѣзни!
Зажгли нашъ Римъ!
Своей нечистой кровью
Преддверья нашихъ храмовъ осквернили!

Первый гражданинъ.

Не можетъ быть: ихъ кесарь истребилъ.
Я видѣлъ самъ, какъ ихъ въ куски рубили...

Второй гражданинъ.

Я видѣлъ, какъ ихъ вѣшали на крючьяхъ,
Какъ въ землю ихъ живыми зарывали.

Третій гражданинъ.

Я видѣлъ, какъ, зашивъ въ медвѣжьи шкуры,
Ихъ псами пріучёнными травили.

Четвёртый гражданинъ.

Дѣйствительно, не можетъ это быть.
Мы помнимъ всѣ ту ночь, когда намъ кесарь
Для празднества открылъ свои сады
И освѣтилъ ихъ небывалымъ свѣтомъ;
Мы помнимъ, какъ, на кольяхъ и цѣпяхъ,
Живые факелы качались и горѣли:
То были нечестивцы — христіане!
Ихъ облекли въ туники смоляныя,
Пропитанныя сѣрою горючей,
Пробили кольями имъ шеи съ тыла

И, на цѣпяхъ поднявши вверхъ, зажгли...
Откуда же они опять явились?

Первый гражданинъ.

Прибавь ещё, что сами христіане
Искали мукъ и къ плахѣ собирались,
Какъ мотыльки на свѣточъ.

А. Гиспо.

Каждый вечеръ
Сгараетъ очень много мотыльковъ,
Но остаётся больше... Я не знаю, —
Откуда появились христіане —
Съ крестовъ, съ костра, изъ челюстей звѣрей.
Изъ нѣдръ земли, а, можетъ быть, изъ Рима;
Но христіане, или тѣни ихъ,
Сбираются вседневно въ катакомбахъ,
И ежели..

(*Смолкаетъ и глядитъ на террассу сорановадома. На террассѣ появляется Сервилія, въ сопровожденіи Антоніи и двухъ невольницъ. Въ рукахъ невольницъ кошницы цвѣтовъ. Покрывало Сервиліи откинуто назадъ; въ распущенные волосы вплетены крупныя нити жемчуга. Общая тишина. За сценой начинается священная музыка.*)

ЯВЛЕНІЕ X.

Тѣ же, Сервилія, Антонія и Невольницы.

Отпущенникъ (*къ Гиспо.*)

Ты что́ же замолчалъ?

А. Гиспо.

(*Указываетъ движеніемъ головы на террассу.*)

Кто̀ это?

Отпущенникъ.

Дочь сенатора Сорана,
Сервилія.

Гиспо.

Молва не обманула:
Красавица!...

Отпущенникъ.

Да̀... скоро Гименей
Свой пламенникъ зажжётъ для этой нимфы
И для Тразеи.

Гиспо.

Что̀ ты говоришь?
Онъ въ дѣды ей годится.

Отпущенникъ (*пожимаетъ плечами.*)

Это воля
Ея отца.

ЯВЛЕНІЕ XI.

Тѣ же и конный глашатай (*въ рукахъ у него знамя Минервы съ бронзовой совой.*)

Глашатай, (*раздвигая толпу.*)

Граждане, мѣста! мѣста!

Священная процессія идетъ!

(Народъ разступается во всѣ стороны и пёстрымъ поясомъ охватываетъ форумъ. На священной дорогѣ показывается шествіе канефоровъ. Впереди идутъ маститые старики съ оливковыми вѣтвями, за ними воины, вооруженные щитами и копьями; за воинами юноши и дѣти. Дѣвицы несутъ на головахъ священныя корзины; ихъ сопровождаютъ невольницы, однѣ съ опахалами и складными сѣдалищами, другія съ возліяльниками, наполненными водою и мёдомъ. За всей этой толпой слѣдуютъ музыканты, рапсоды и вооруженныя съ ногъ до головы плясуньи; за плясуньями движется корабль, на которомъ развѣвается легкій парусъ съ изображеніемъ побѣды Минервы надъ титанами. Корабль окружаютъ жрецы. При появленіи шествія, весь народъ падаетъ на колѣни; только старикъ попрежнему сидитъ неподвижно на скамьѣ. Гиспо указываетъ на него отпущеннику, который утвердительно киваетъ головой. Шествіе близится медленно и обходитъ форумъ.)

Хоръ.

О, Аѳина-мпродавица,
Дщерь Зевеса лѣпокудрая!
Благодарные народы
Про тебя сложили оды
И поютъ ихъ въ честь твою.

Олимпійская красавица,
Непорочная, премудрая!
Ты оливу прорастила,
Ты титановъ поразила
Въ сокрушительномъ бою.

(Поравнявшись съ домомъ Сорана, шествіе останавливается. Плясуньи, подъ звуки флейтъ, начинаютъ воинственную пляску, представляющую битву Минервы съ титанами. По окончаніи пляски, шествіе направляется къ храму Минервы, въ который слѣдуетъ положить парусъ священнаго корабля. Сервилія, Антонія и невольницы бросаютъ съ террасы цвѣты.)

Хоръ.

Мужи, старцы убѣленные,
Дѣвы, юноши стыдливые,
Всѣ твоей опоры просятъ,
Всѣ на жертвенникъ приносятъ
Тучныхъ агнцевъ и козлятъ.
Прійми дары смиренные,
Ниспошли намъ дни счастливые:
Да на вѣки, Титанида,
Насъ побѣдная эгида
И копьё твое хранятъ!

(Шествіе входитъ въ храмъ Минервы. Переждавъ послѣднихъ жрецовъ, Отпущенникъ, Гиспо и нѣсколько человѣкъ подходятъ къ старику.)

ЯВЛЕНІЕ XII.

Старикъ, А. Гиспо, Отпущенникъ, Первый, Второй, Третій и Четвертый граждане, Ф. Аферъ и Цестъ, Сервилія, Антонія и невольницы. Народъ.

Отпущенникъ.

Посмотримъ, что за странный человѣкъ?

(*Указываетъ на старика.*)

Прирось къ скамьѣ, какъ мохъ сѣдой къ утёсу...

(*Старику.*)

Го! старый Фавнъ! ты умеръ, или живъ?

(*Старикъ не перемѣняетъ положенія.*)

Первый гражданинъ.

Не глухъ ли онъ?

Второй гражданинъ.

Не слѣпъ ли?

Третій гражданинъ.

Просто, дремлетъ.

А. Гиспо.

Такъ разбудить!...

(*Подходитъ къ старику.*)

Эй, полно спать: проснися!
Эй!

(*Бьётъ старика по плечу*).

Старикъ (*поднимаетъ голову*).

Я не сплю...

(*Помолчавъ:*)

Но сонъ тяжелый вижу!

(*Величественно встаетъ со скамьи. Лицо его покрылось румянцемъ; глаза горятъ.*)

Четвёртый гражданинъ.

(*Дергаетъ Гиспо за одежду.*)

Не тронь его; ты видишь: сумасшедшій!

(*Гиспо боязливо отходитъ. Сервилія, намѣревавшаяся уйдти, останавливается. Народъ начинаетъ толпиться около старика. Молчаніе.*)

Старикъ (*поднимаетъ глаза къ небу.*)

Благодарю тебя, всесильный Боже!
Мой часъ насталъ...

(*Къ народу.*)

Зачѣмъ вы здѣсь, безумцы?

(*Указываетъ посохомъ на удаляющееся шествіе.*)

Что̀ это за потѣха Вельзевула?

Второй гражданинъ.

Онъ бредитъ... Что такое онъ сказалъ?
Какого Вельзевула?

Старикъ.

Сатаны!

Отпущенникъ.

Онъ вѣрно варваръ: Скиѳъ или Пареянинъ.

(*Старику.*)

Старикъ! твои слова намъ непонятны:
Кто эти Вельзевулъ и сатана!

Старикъ.

О, чада тьмы!... Слѣпотствуя во мракѣ,
Рождаяся рожденіемъ грѣховнымъ
И смертію грѣховной умирая,
Не знаете отца грѣха и смерти!
Ходя въ грѣхѣ и рабствуя грѣху,
Вы своего не знаете владыки!

Отпущенникъ.

Да это просто сумасбродный риторъ,
Или философъ-циникъ, какъ Деметрій.

(*Старику.*)

Старикъ, ступай-себѣ своей дорогой...
Философовъ-пришельцевъ намъ не нужно:
И отъ своихъ приходится намъ тошно!

Ф. Аферъ.

Зачѣмъ его тревожили?

А. Гиспо.

Зачѣмъ?
Онъ спитъ, когда проходятъ канефоры.
Да и теперь зачѣмъ онъ говоритъ,
Что мы не знаемъ своего владыки?
Мы кесаря владыкой признаемъ!

Старикъ.

Владыка вашъ не кесарь — сатана,
Исконный врагъ добра и благодати;
Вы — воинство позорное его!

А. Гиспо.

Вы слышите, граждане? этотъ нищій
Поноситъ насъ и гласно уличаетъ
Въ измѣнѣ кесарю...

Старикъ.

О, злое племя!

(*Идётъ смѣлыми шагами къ водомёту Діаны. Толпа передъ нимъ разступается.*)

Первый гражданинъ (*къ Гиcно.*)

Оставь его: онъ точно сумасшедшій.
Никто въ разсудкѣ здравомъ не посмѣетъ
На форумѣ такъ дерзко говорить...
Не намъ судить, гдѣ боги осудили...

Старикъ (*останавливается.*)

Кто осудилъ?... Какіе боги?... Боги!
Ихъ нѣтъ, слѣпцы!
Одинъ есть Богъ Всесильный,
Вселенную и горній міръ создавый,
Но вы его не знаете, безумцы!
Гдѣ ваши боги? гдѣ они?
(*Указываетъ на храмы.*)
Въ кумирняхъ!
Въ притонѣ любострастныхъ, пресыщенныхъ
Виномъ и мясомъ жертвеннымъ жрецовъ...
Что̀ ваши боги? Срамныя идеи
Разврата, лжи, убійства и корысти,
Боготворимо-чтимыя народомъ
Въ мѣди и въ камнѣ, въ о̀бразахъ безстудныхъ,
Возникшихъ подъ рѣзцомъ и молоткомъ
Наёмнаго ваятеля...
О, горе!
Вотъ до чего прельщеньемъ сатанинскимъ
Унизились и исказились люди,
Созданья, сотворенныя Всевышнимъ,

По образу Его и по подобью!
Ихъ вѣра грѣхъ! — Ихъ боги — истуканы!
Прозрите ль вы душой, идоложерцы.
Вотъ ваши боги!

(*Разбиваетъ посохомъ изваяніе Діаны*).

Мрамора осколокъ...

(*Народъ, оцѣпенѣвшій на мгновеніе, схватываетъ каменья и съ яростнымъ воплемъ устремляется на старика. Сервилія вскрикиваетъ и закрываетъ лицо руками. За сценой слышны голоса:*)

Трибунъ! Трибунъ Валерій!

(*На форумъ влетаетъ колесница, окружённая конными воинами.*

ЯВЛЕНІЕ XIII.

Тѣ же, воины и Валерій Рустикъ

Валерій (*соскакиваетъ съ колесницы и бросается въ толпу.*)

Что такое?
Ножи! каменья!..

(*указываетъ на старика.*)

Что за человѣкъ?

Сервилія (*подбѣгаетъ къ периламъ террасы.*)

Трибунъ!

(*Валерій быстро оборачивается. Взглянувъ на Сервилію, онъ едва удерживается отъ восклицанія и почтительно наклоняетъ голову.*)

Спаси несчастнаго безумца,
Не дай пролиться крови у порога
Сенатора Сорана!

Валерій (*къ народу.*)

Успокойтесь ..

(*голосъ его слегка дрожитъ.*)

Не стыдно ли шумѣть, какъ-будто галлы,
Иль кимвры осадили Капитолій?..
Что̀ сдѣлалъ вамъ старикъ?

Народъ (*кричитъ:*)

Онъ святотатецъ!
Не признаетъ всеправедныхъ боговъ!
Кощунствуетъ!
Смѣется надъ жрецами!
Разбилъ кумиръ Діаны свѣтозарной!
Гляди!..

(*нѣсколько рукъ указываетъ на разбитую статую.*)

Валерій (*съ изумленіемъ смотритъ на старика, который всё время стоялъ недвижимо и спокойно выжидалъ своихъ убійцъ.*)

Кто ты, безумецъ дерзновенный?

Старикъ.

Я грѣшный рабъ Спасителя Христа.

(*Въ народѣ раздаются бѣшеные крики:*)

Христіанинъ!
Звѣрь!

Аспидъ ядовитый!

Каменьями!

Въ клочки его!

(*нѣсколько человѣкъ, въ томъ числѣ отпущенникъ и Гиспо, кидается на старика.*)

Валерій (*громовымъ голосомъ.*)

Назадъ!

(*Толпа останавливается: Аферъ и Цестъ подходятъ къ Валерію и становятся сзади его.*)

Забыли вы, что нѣтъ самоуправства?
Что только кесарь нашъ имѣетъ право,
Съ согласія Сената и народа,
На жизнь и смерть! (*воинамъ*) Возьмите старика!

(*Воины исполняютъ его приказаніе и связываютъ старику руки. Народный ропотъ утихаетъ.*)

Валерій (*старику.*)

Послушай, нечестивый изувѣръ!
Тобою оскорбленная богиня
Пріяла образъ благородной дѣвы
И чистымъ словомъ непорочныхъ устъ
Спасла тебя на краткій мигъ отъ смерти,
Чтобы ты могъ раскаяться...

(*Сервилія, краснѣя, опускаетъ покрывало и медленно удаляется съ своими провожатыми. Валерій бросаетъ на неё долгій взглядъ.*)

ЯВЛЕНІЕ XIV.

Тѣ же, *кромѣ* Сервиліи, Антоніи и невольницъ.

Валерій (*продолжаетъ.*)

Но знай!
Юпитеръ самъ простить тебя не можетъ:
Тебя ждетъ казнь.

Народъ (*кричитъ:*)

На висѣлицу!
Въ циркъ!
Подъ когти тигра!
Въ челюсти гіены!
На крестъ!
На раскалённую рѣшётку.

Старикъ (*радостно.*)

Идёмъ скорѣй! Я жажду лютой смерти!
О, Господи! мнѣ, грѣшнику, дозволь
Сподобиться неслыханныхъ мученій,
Да видятъ эти жалкіе безумцы, —
Ка̀къ сладко умирать христіанину,
Твое святое имя прославляя!

ДѢЙСТВІЕ ВТОРОЕ.

Термы Агриппы [23]. — Мраморная столовая о четырёхъ іоническихъ колоннахъ. Потолокъ сведёнъ въ ключъ, опускающійся виноградною кистью; бѣлыя стѣны увѣнчаны рельефнымъ карнизомъ. На задней стѣнѣ ниша о трехъ уступахъ, по которымъ бѣжитъ вода; по обѣимъ сторонамъ ниши статуи Гигіи и Бахуса. Правая и лѣвая стѣны столовой прорѣзаны высокими дверьми. Посрединѣ сцены мозаиковый столъ на металлической ножкѣ, изображающей Сатира; вокругъ стола трапезныя ложа, одѣтыя пурпуровыми тканями. У лѣвой двери горка съ драгоцѣнными сосудами.— Столовая освѣщается множествомъ лампъ, привѣшенныхъ къ канделябрамъ. На треножникахъ курятся благовонія.

ЯВЛЕНІЕ I.

Паконій, Сенцій, Монтанъ и Гельвидій.

Паконій (*указываетъ на столъ.*)

Замѣтьте, носъ придавленъ у Сатира,
А сквозь волосъ просунулись рога:
Такое изваяніе Сатира,
По мнѣнію ученыхъ [24], означаетъ,
Что этотъ козлоногій волокита,
Напившись, неудачно подрался
И подтвердилъ собою изреченье
Горація въ какой-то одѣ: vinum
In praelia inermem trudit.

Гельвидій.

Sic!

Ужь ты бы не цитировалъ поэтовъ:
Навѣрное всё спутаешь...

Паконій.

Не спорю:
Быть-можетъ, я не такъ прочелъ стихи,
Но смыслъ остался всё одинъ и тотъ же,
Что и добрякъ полѣзетъ съ пьяна въ драку.

Монтанъ.

Однако же, Паконій, попытайся
Безъ эпизодовъ продолжать разсказъ.

Паконій.

Меня Гельвидій съ толку сбилъ стихами...
Я продолжаю... Мы остановились
На томъ, какъ я явился къ Мессалинѣ,
Чтобъ разузнать подробнѣй о доносѣ,
Ка̀къ у нея я встрѣтилъ Капито̀на,
И ка̀къ онъ мнѣ лицомъ своимъ напомнилъ
Курносаго Сатира...

Сенцій.

Это такъ.
Но растолкуй намъ, почему Валерій
Самъ не хотѣлъ навѣдать Мессалины?

Паконій.

Съ недавнихъ поръ Валерій самъ не свой:
На форумѣ и днюетъ и ночуетъ,
Сталъ блѣденъ, худъ, угрюмъ и молчаливъ,
Какъ жрецъ Изиды... Но, прошу вниманья!
Я позабылъ сказать, что Мессалина

Насъ принимала въ перистильномъ гротѣ,
Откуда, только передъ нами, вышелъ
Ваятель Главкъ: онъ лѣпитъ съ Мессалины,
Для кесаря, статую Амфитриты...
Представьте гротъ изъ накра и коралла,
Причудливо раскинувшаго вѣтви;
Въ вѣтвяхъ дробятся струйки водомётовъ
И впутались растенья водяныя;
Полъ зернью мелкихъ раковинъ усыпанъ
И золотымъ пескомъ изъ Хризорроя;
Представьте, въ благовонномъ полумракѣ,
На ложѣ, мхомъ искусственнымъ поросшемъ,
Обрызганномъ росинками жемчужинъ,
Въ вѣнкѣ изъ влажнолиственныхъ нарцисовъ,
Владычицу сѣдаго Океана.
Она на свѣжемъ ложѣ приподнялась
И выжимаетъ воду изъ волосъ,
А волосы такъ мягки и волнисты,
Что, кажется, прольются сквозь персты
И утекутъ съ водою по помо̀сту.
Богиня улыбается. Одежда
Прозрачными струями обливаетъ
Погибы легкотрепетнаго стана
И отбѣжала только отъ ноги,
Какъ пѣна бѣлой, смѣло-обнажённой,
Во всей ея скульптурной красотѣ,
До самаго колѣна... Обоянье!
Въ глазахъ темнѣетъ...

Вотъ вамъ Мессалина!

Монтанъ.

Ого, Паконій! что̀ за краснорѣчье!

Не хочешь ли ты сдѣлаться тритономъ
Богини моря?

Паконій.

И, трубя повсюду
О красотѣ ея, ловить мурѐнъ,
Дорадъ и вкусныхъ устрицъ?... Я согласенъ!
Но, кромѣ шутокъ, эта Мессалина
Такъ хороша, что смѣло можетъ быть
Преемницей Поппеи.

Сенцій.

Не находка:
Римъ женскаго владычества не любитъ.

Паконій.

Ты думаешь, что Мессалина можетъ
Напомнить соименницу свою [25])?
Нѣтъ, ты ея не знаешь... Мессалина —
Дитя весны и солнца, какъ мимоза:
Коснись ея всё, чуждое цвѣтку,
Она свернётъ печально лепесточки,
И только... Но придирчивый Монтанъ
Просилъ меня не дѣлать отступленій:
Я постараюсь кончить поскорѣе,
И потому...

(*Входитъ Эгнатій.*)

ЯВЛЕНІЕ II.

Тѣ же и Эгнатій.

Гельвидій.

А! вотъ и нашъ Эгнатій!

Монтанъ.

Да будетъ твой приходъ благословенъ!
Поторопи Паконія разсказомъ:
Онъ насъ моритъ хвалами Мессалинѣ,
И до-сихъ-поръ объ общемъ нашемъ дѣлѣ
Не началъ даже.

Паконій.

О, неблагодарность!
Какъ опытный ораторъ, я хотѣлъ
Всё разсказать , какъ слѣдуетъ, по пунктамъ;
Но ежели вы такъ нетерпѣливы,
Я обойдусь немногими словами.
Доносы Гиспо заключались въ томъ,
Что всѣ мы — злые стоики...

Монтанъ.

Ка̀къ ново!

Паконій.

Что всѣ мы были близкими друзьями
Рубеллію, погибшему достойно
За умыслы преступные его;
Что мы любовь народную снискали
Въ намѣреньѣ, скрываемомъ усердно,
Но слишкомъ-явномъ.

Сенцій.

Это ужь не шутки.

Паконій.

Какія шутки! Еслибъ Мессалина
Къ Валерію пріязни не питала,
Мы были бъ всѣ обвинены Сенатомъ
Въ измѣнѣ Риму... А потомъ... ты знаешь?

Сенцій.

Ланцетъ... Благодаренье Мессалинѣ!

Эгнатій.

Благодари не Мессалину, Цеста.

Сенцій.

За что?

Эгнатій (*подаетъ ему свитокъ папируса.*)

Прочти вотъ этотъ свитокъ, Сенцій!

Сенцій.

Я вечеромъ не вижу.

Монтанъ.

Дай сюда:
Я прочитаю.

(*Развёртываетъ свитокъ и пробѣгаетъ его глазами.*)

Что́ это такое?
Послушайте!

(*Читаетъ вслухъ.*)

«Преторіи Префекту,
Софонію Либеллѣ Тигеллину.
Я, римскій гражданинъ Авидій Ги́спо,
По силѣ клятвы, мною принесённой
Предъ алтаремъ всеправедныхъ боговъ

И долгу гражданина, объявляю,
Что римскіе сенаторы: Тразеа,
Соранъ, Монтанъ, Гельвидій и Паконій,
А также римскій юрисконсультъ Сенцій,
Трибунъ Валерій Рустикъ и кліенты
Его, граждане — Велоксъ, Цестъ и Мелла
А больше всѣхъ отпущенникъ Эгнатій
И римскій гражданинъ Фульциній Аферъ,
Замыслили измѣну противъ Рима.
Всё сказанное клятвой утверждая,
Могу представить должныя улики
На всѣхъ поименованныхъ. Авидій,
Авидія Домиція сынъ, Гиспо.»

Сенцій.

Что это значитъ?

Эгнатій (*берётъ свитокъ у Силана.*)

Значитъ, что Авидій,
Не положась вполнѣ на Мессалину
И не желая съ кѣмъ-либо дѣлиться,
Самъ намаралъ безграмотный доносъ.

Паконій.

Но какъ же онъ къ тебѣ попался?

Эгнатій.

Просто.
И вмѣстѣ съ тѣмъ почти-невѣроятно...
Авидій Гиспо, написавъ доносъ,
Отправился съ нимъ прямо къ Тигеллину
Сегодня, раннимъ утромъ. По дорогѣ
Онъ встрѣтилъ Цеста: тотъ его толкнулъ

Такъ ловко, что Авидій растянулся
На мостовой и выронилъ свой свитокъ.
Цестъ поднялъ; Гиспо, на ноги вскочивши,
Какъ кошка прыгнулъ старику на грудь,
А Цестъ своей увѣсистой рукою
Сдавилъ ему неосторожно горло...

Гельвидій.

И подушилъ доносчика порядкомъ?

Эгнатій.

Сказать точнѣе: просто задушилъ.

Монтанъ.

Какъ, до смерти?

Эгнатій.

Нѣтъ...–Гиспо прежде крикнулъ
И побагровѣлъ, а de facto умеръ
Потомъ уже... На крикъ его сбѣжались...
По счастію, я шелъ случайно мимо,
И Цестъ успѣлъ мнѣ свитокъ передать.

Паконій.

Mehercule! забавная развязка!

Сенцій.

Предназначенье праведной судьбы,
Которая доселѣ насъ хранила
И нынѣ не престала сохранять.

Гельвидій.

Вопросъ: къ–чему?.. Но гдѣ же нашъ спаситель?

Эгнатій.

Кто, старый Цестъ? Покамѣстъ онъ въ темницѣ,
А послѣ вѣрно будетъ брошенъ въ циркъ.

Монтанъ.

Намъ надобно спасать его скорѣе.

Паконій.

А если не удастся?

Эгнатій.

Самъ спасётся...
Германика любимый ветеранъ,
Силачъ, отлитый съ волоса до ногтя
Изъ мрамора, конечно, не робѣя,
Подниметъ на рогатину тигрицу
И даже льва...

Сенцій.

Я думаю, что кесарь,
Знатокъ и страстный посѣтитель цирка,
Не согласится выпустить изъ рукъ
Такого звѣробойца.

Паконій.

Безъ–сомнѣнья...
Я самъ, хотя люблю душевно Цеста,
Но, признаюсь, желалъ бы посмотрѣть
На схватку звѣря съ старымъ геркулесомъ.

Монтанъ.

Однако же попытка въ пользу Цеста
Необходима!

Паконій.

Это наше дѣло.

Сенцій.

Друзья мои, намъ должно хлопотать
О личной безопасности: сегодня

Спаслися мы, а завтра не спасёмся.
Вы вспомните, что въ Римѣ мало Цестовъ,
А Гиспо много...

Эгнатій.

Это справедливо.

Гельвидій.

И даже такъ, что намъ пора принять
Послѣднія, рѣшительныя мѣры.
Желая правды, мира и добра,
Мы медлимъ непростительно: вседнепно
Сбираемся для безполезныхъ преній,
И, подавая поводъ для доносовъ,
Походимъ не на стоиковъ степенныхъ,
На крикуновъ и жалкихъ сумасбродовъ.
Чего хотимъ мы? Свергнуть Тигеллина
И прекратить эхидные доносы, [25])
Что высосутъ у Рима кровь изъ сердца.

Монтанъ.

Не мы одни, весь Римъ того желаетъ.

Сенцій.

Для этого намъ слѣдуетъ представить,
Что Тигеллинъ—корыстный временщикъ
И кесаря ликъ свѣтлый заслоняетъ
Своею мрачною фигурой отъ народа;
Что, грабя Римъ, тиранствуя надъ Римомъ,
Онъ, въ то же время, на него клевещетъ
И кесаря всечасно раздражаетъ
Извѣтами на благородныхъ гражданъ,
Которые нетолько не виновны
Въ злыхъ умыслахъ, взводимыхъ Тигеллиномъ,

Но сознали и вѣрятъ неизмѣнно,
Что кесарь нашъ есть повелитель міра.
Глава его, душа его, зерцало,
Въ которомъ виденъ образъ божества.
Вотъ наша цѣль.

Паконій.

И наши убѣжденья
Согласны съ этой цѣлью; но какъ же
Достичь ея?

Гельвидій.

Идя прямой дорогой.
Эгнатій намъ составитъ протоколъ,
А мы его подпишемъ, обязуясь
Предъ кесаря предстать съ глаголомъ правды
И умолять, отъ имени всѣхъ римлянъ,
О пресѣченьѣ зла и безпорядковъ,
Производимыхъ дерзкимъ Тигеллиномъ.
Согласны вы?

Паконій, Сенцій и Монтанъ.

Согласны.

Эгнатій.

Но Валерій,
Соранъ, Тразеа?

Паконій.

Не-ужè-ли можно
Въ нихъ сомнѣваться?

Эгнатій.

Кто же сомнѣвался?...
Я только вамъ хотѣлъ про нихъ напомнить.

Гельвидій.

Понятно, что во всякомъ общемъ дѣлѣ
Согласье нужно общее.

Монтанъ.

Итакъ
Теперь мы всё рѣшилися?

Сенцій.

Рѣшились.

Гельвидій.

Пиши, Эгнатій, кратче, но сильнѣе,
А главное, яснѣе.

Эгнатій.

Постараюсь.

Паконій.

Позвольте предложить одинъ вопросъ:
Всё сказано?

Сенцій

Всё.

Паконій.

Стало-быть, мы можемъ
Покончить дѣловые разговоры.
Благодаря судьбѣ, мы торжествуемъ:
Избавились отъ гнуснаго доноса,
Рѣшилися, какъ дальше поступать,
И, слѣдственно, обязаны, немедля,
Принесть богамъ горячія молитвы.
И возліянья...

Вы не позабыли,
Что я, предвидя счастливый конецъ,
Васъ пригласилъ отпраздновать удачу
Трапезою?.

Гельвидій.

Добился своего!

Монтанъ.

Но мы не всѣ здѣсь на-лицо?

Паконій.

Валерій

Наврядъ прійдётъ.

Монтанъ.

А твой философъ-циникъ?

Паконій.

Деметрій [26]) также точенъ, какъ тѣникъ
На солнечныхъ часахъ, и посмотрите,
Что скоро самъ войдетъ къ намъ длинной тѣнью.

Гельвидій.

Пусть входитъ: тѣнь для термъ необходима.

Паконій.

Да, кстати! Догадался ли вы,
Зачѣмъ я нынче выбралъ эти термы?

Монтанъ.

Загадка сфинкса!

Паконій.

Кто-жь Эдипомъ будетъ?

Эгнатій.

Пожалуй, я: здѣсь вѣрно новый поваръ?

Паконій.

О, мудрый мужъ! ты выше всѣхъ похвалъ!

ЯВЛЕНІЕ III.

Тѣ же. *Входитъ* Деметрій. (*На нёмъ худая мантія; въ рукахъ посохъ; за спиной сума.*)

Деметрій (*останавливается у двери и ограждаетъ глаза рукою.*)

Туда ли я по слѣпотѣ зашёлъ?
Паконій звалъ меня на скромный ужинъ,
А здѣсь — дворецъ и пиръ...

Паконій (*идётъ ему навстрѣчу.*)

Умилосердись
И не громи укорами своими
На этотъ только вечеръ...

Деметрій (*ставитъ въ уголъ посохъ.*)

Я молчу.

Паконій.

Позволь тебя съ друзьями познакомить.
Ты съ Сенціемъ и молодымъ Монтаномъ
Знакомъ уже?..

(*Указываетъ на Гельвидія и Эгнатія.*)

Вотъ—это зять Тразеи,
Сенаторъ и пріятель мой Гельвидій,
А это—вотъ—Эгнатій, римскій стоикъ...
Онъ выросъ въ домѣ стараго Сорана,
Воспитанъ и любимъ имъ, какъ родной.

Деметрій.

Благодарю за новое знакомство:
Оно меня вполнѣ вознаградитъ
За твой обманъ.

Паконій.

О, ради Діогѐна,
Не упрекай! Я такъ тебя боюся...

Гельвидій.

Твой страхъ понятенъ для меня, Паконій!
Ну, если намъ докажутъ, что не должно
Ни ѣсть, ни пить?

Паконій (*хватаетъ себя за голову.*)

Me miserum! скорѣе,
Скорѣй за столъ!

(*ударяетъ въ лодоши.*)

ЯВЛЕНІЕ IV.

Тѣ же. *Въ дверяхъ показываются рабы съ возліяльниками, блюдами и вѣнками.*

Паконій.

Прошу возлечь на ложа,
Ad libitum. За дружеской трапезой
Почётныхъ мѣстъ существовать не можетъ:
Всѣ равныя!

(*Собесѣдники возлегаютъ. Рабы, надѣвъ имъ на головы пиршественные вѣнки, подаютъ сосуды съ водою и длинные платы.*)

Паконій (*отираетъ руки.*)

Свершая омовенье,
Прилично, кажется, сказать два слова
О предстоящей трапезѣ. Межъ нами,
Обычные состольники мои,
Есть новый гость и строгій порицатель
Всѣхъ жизненныхъ удобствъ: я разумѣю

Деметрія. Желая угодить
Его суровымъ правиламъ и вкусу,
Я заказалъ сегодня лёгкій ужинъ
На образецъ аѳинскаго: въ нёмъ будетъ
Не болѣе трёхъ скромныхъ перемѣнъ.

Демертій.

Не болѣе?... Забавно!.... Я увѣренъ...
Что, ежели я попрошу тебя
Исчислитъ блюда первой перемѣны,
Ты будешь въ затрудненіи.

Паконій.

Нисколько.
Намъ подадутъ немного свѣжихъ устрицъ
Да раковинъ, поджаренныхъ въ золѣ,
Павлиныи яица, свиныя ножки,
Свиное вымя съ уксусомъ и тминомъ,
Медвѣжью печень, голову ягнёнка...
Ну, что еще?.. Телячьи потроха,
Съ подливкою изъ масла и горчицы,
Да разныхъ птичекъ въ соусѣ горячемъ,
Да... вотъ и всё... Прибавочныя снѣди
Я не считаю: это ужь бездѣлка!
Кусочки брюквы, въ уксусѣ варёной,
Поджаренная въ маслѣ чечевица,
Сыръ, стрекозы, оливы изъ разсола,
Улитки, раки...

Деметрій

Пощади, Паконій!

Монтанъ (*Деметрію.*)

Ты, кажется, невѣрно, разсчиталъ,
Что у него плохая память?

Деметрій.

Правда...
Я не дивлюсь способности римлянъ
Ничѣмъ не брезгать, но дивлюся крайне
Вмѣстимости желудка ихъ.

Паконій.

А я
Дивлюсь тому, кàкъ греческій философъ
Не постигаетъ таинства науки,
Преподанной его же земляками,
Учеными, поэтами...
Но время,
Трапезные начатки отдѣливъ
Для алтаря Діаны свѣтозарной,
Наполнить кубки искромётнымъ сокомъ
И тихую бесѣду повести
За вечерей.

(*рабамъ.*)

Готовьте возліянья!

(*Рабы уносятъ сосуды съ водой и совершаютъ возліянія передъ серебряной статуею Діаны, поставленной на серебряномъ подносѣ. Столъ покрывается разнородными кушаньями. Виночерпій наливаетъ изъ кратэры тяжёлый кубокъ и подаётъ его колѣнопреклоненно Паконію*).

Паконій, (*принимая кубокъ.*)

Благословите, Гигія и Бахусъ! [27])

(*Отпиваетъ кубокъ и передаётъ его Деметрію.*)

Хіосское,—и перваго разбора;

Кубокъ обходитъ всѣхъ пирующихъ; за ними становятся рабы и прислуживаютъ имъ во всё время ужина.)

ЯВЛЕНІЕ V.

Тѣ же и Архимагиръ, [28]) *съ золотымъ блюдомъ; на нёмъ закрытыя устрицы. Онъ подходитъ къ* Деметрію.

Пахоній (*Архимагиру.*)

Что̀ это значитъ: устрицы закрыты?

Архимагиръ.

Онѣ прикрыты только, благородный
Пахоній!

Пахоній.

Для того, чтобъ сохранить
Въ нихъ ароматъ и свѣжесть?...
Понимаю.

(Архимагиръ обноситъ устрицы; гостямъ подаютъ тарелки и заострённыя съ одного конца золотыя ложки.)

Деметрій (*открываетъ раковину.*)

Ого!... смотрите въ раковинѣ жемчугъ.

Гельвидій.

И у меня!

Монтанъ.

И у меня.

Эгнатій

У всѣхъ.

Сенцій.

Наконій, эта роскошь выше мѣры!
Какъ можно бросить тысячи сестерцій
На обыдённый ужинъ?

Наконій.

Что̀ за шумъ
Изъ-за пригоршни жемчугу дрянно̀го!...
Я, впрочемъ, не причастенъ ничему:
Во всёмъ виновенъ торопливый поваръ.

(*Архимагиру.*)

Откуда жемчугъ?.. Отвѣчай, мошенникъ!

Архимагиръ (*становится на колѣни.*)

Такой уло̀въ... Прости великодушно.

Наконій.

Встань: я тебя прощаю. Это блюдо

(*Архимагиръ встаётъ.*)

Возьми себѣ, а эти черепки,
Насыпанные зёрнами, тотчасъ же
Отнесть моимъ гостямъ любезнымъ на̀ домъ.

Гельвидій.

Наконій!..

Наконій.

Тс! Теперь я вашъ диктаторъ,
И запрещаю прекословить мнѣ.

(*Рабамъ*)

Подать намъ свѣжихъ устрицъ, а ритоны [29])

Напить øазосскимъ съ аравійской миррой.

(*Гостямъ*)

По каплѣ нектаръ Øазоса впивая,
Мы будемъ слушать музыку...

(***Рабы подносятъ устрицъ на финифтяныхъ блюдахъ и подаютъ гостямъ питейные рога.***)

Монтанъ! -
Ты не споешь вакхическаго гимна?

Монтанъ.

Нѣтъ, не могу: не въ голосѣ!

Паконій.

Досадно!...
Скажи хоть речь въ честь бога винограда.

Монтанъ.

Уволь, Паконій, отъ речей!..
А хочешь,
Я постараюсь кое-какъ припомнить
Стихотворенье одного поэта...

Паконій.

Безъ имени?

Эгнатій.

Мы, впрочемъ, догадались.

Паконій.

Читай же намъ подъ музыку.

Монтанъ.

Пожалуй...

(***Паконій ударяетъ два раза въ ладоши. За сценой слышатся тихіе звуки флейты.***)

Монтанъ (*декламируетъ.*)

«Вакхъ вѣчно-юный! Я днесь на алтарь твой набросилъ
Вѣтвей зеленаго лавра и, агнчій тукъ возложивши,
Облилъ пурпурнымъ виномъ и возжёгъ тебѣ скромную жертву.
Жалкій безумецъ, доселѣ вполнѣ я не вѣдалъ
Силы твоей животворной, о сынъ свѣтлоокой Семелы!
Чужды мнѣ были и пѣсни селянъ, собиравшихъ
Съ лозъ виноградныхъ прозрачно-янтарные грозды,
Чужды мнѣ были и рѣзвыя игры вакханокъ:
Жилъ я безъ цѣли, пока не видалъ Эвринолы.
Сидя недавно, подъ сѣнью оливовой рощи,
Скрытый пахучимъ намётомъ вѣтвей остролистыхъ,
Слушалъ я оргіи шумной далёкіе клики.
Вдругъ предо мною, еленицѣ стройной подобна,
Лёгкой, беззвучной стопою прошла Эвринона.
Быстрая пляска и сокъ виноградный ее утомили:
Тихо склонилась она на траву и заснула
Сномъ непробудно-глубокимъ, но жарко-тревожнымъ.
Млѣя отъ страсти, я видѣлъ, какъ тирсъ изъ руки ея выпалъ,
Какъ, постепенно скользя изъ-подъ тигровой кожи,
Млечной волной выбѣгали упругія плечи,
Какъ прикипали къ горячимъ ланитамъ рѣсницы,
Какъ раскрывались уста и манили лобзанья…
Жалкій безумецъ, доселѣ вполнѣ я не вѣдалъ
Силы твоей животворной, о сынъ свѣтлоокой Семелы!»

Сенцій.

Стихи недурны, только не по мнѣ:
Я не любитель греческихъ вакханокъ
Съ ихъ тирсами и тигровою кожей.
Ну, то-ли дѣло римскія менады? [30])
Увёртливы, какъ птички полевыя,
Обнажены подъ тонкою небридой,

Съ запястьями на трепетныхъ рукахъ,
Съ обѣтами во взорахъ раскалённыхъ,
Съ тимпаномъ надъ кудрявой головою...
Глядѣлъ бы вѣкъ!..

Наконій (*ударяетъ три раза въ ладоши.*)

Да вотъ онѣ: гляди!

(*За сценой раздается весёлая музыка: въ столовую вбѣгаетъ нѣсколько менадъ*).

ЯВЛЕНІЕ VI.

Тѣ же и Менады.

Начинается пляска. — Менады, сцѣпясь руками, носятся по сцѣнѣ, разбѣгаются, сходятся, опять разбѣгаются. Посерединѣ остается одна менада. Не двигаясь съ мѣста, словно прикованная къ помосту, она извивается, какъ змѣя; каждая фибра ея тѣла дрожитъ подъ музыкальный тактъ тимпана; движенія становятся быстрѣе и быстрѣе, и вдругъ она вся перекидывается назадъ и замираетъ въ томительной позѣ. Но это одинъ мигъ: менада порвала цѣпь и кружится по сценѣ. Гости рукоплещутъ.— Въ то время, какъ всё вниманіе пирующихъ привлечено плясуньями, за сценой раздаются шумъ, шаги бѣгающихъ людей и наконецъ крики:

Пожаръ! Пожаръ!

ЯВЛЕНІЕ VII.

Тѣ же (*Въ столовую вбѣгаетъ запыхавшійся рабъ.*)

Рабъ.

Горитъ библіотека!

Пляска прекращается. Общая суматоха. Менады суетятся; рабы забираютъ сосуды, столовую утварь и приборы. Тѣ и другія толпою устремляются къ правому выходу, тѣснятся, давятъ другъ-друга и уходятъ въ двери. Нѣсколько лампъ угасаетъ отъ движенія воздуха. Шумъ за сценой становится сильнѣе. — Пирующіе спокойно остаются на ложахъ.

ЯВЛЕНІЕ VIII.

Тѣ же, *кромѣ* рабовъ и менадъ.

Паконій.

Мнѣ кажется, мы всѣ нетороплпвы.
И, слѣдственно, допить ритоны можемъ
(*допиваетъ ритонъ.*)
Я не кричалъ нарочно на рабовъ:
Мерзавцы перебили бы амфоры
И ужинъ намъ испортили бъ совсѣмъ...

Теперь онъ цѣлъ! Надѣюсь, вы зайдёте
Ко мнѣ?

(Сквозь лѣвую дверь начинаетъ пробиваться дымъ. Паконій указываетъ на него рукой.)

Однакожь, сильно пахнетъ дымомъ:
Пора уйдти.

(встаётъ и идётъ къ дверямъ; другіе слѣдуютъ его примѣру.)

Деметрій (*Паконію.*)

Я полагалъ, что ты
Безъ ужина останешься сегодня
И что за твой сегодняшній обманъ
Тебѣ отмститъ, по-крайпей-мѣрѣ, случай.

Эгнатій (*подходитъ къ дверямъ*).

Наврядъ ли случай; двери заперты.

Сенцій.

Какъ-такъ?

Эгнатій.

Замкомъ.

Вельвидій.

Что жь это? западня?

Монтанъ.

Насъ сжечь хотятъ?

Эгнатій.

Сгорѣть намъ будетъ трудно,
А задохнуться можемъ.

Монтанъ.

Постучись же:

Намъ отопрутъ

Эгнатій (*прислушивается у дверей.*)

Но тотъ ли, кто насъ заперъ?
Повѣрьте: это дѣло Тигеллина...
И за дверями никого неслышно. .

Гельвидій.

Чтожъ дѣлать?

Паконій.

Выбить, если можно, двери,
Пока не спохватились...

Эгнатій.

Не трудися:
Со мной есть ключъ отъ всякого замка
(*вынимаетъ изъ-подъ тоги главный ключъ.*)
Но тише, тише...
(*осторожно отворяетъ двери и просовываетъ въ нихъ голову*).
Никого... Бѣгите!

Паконій.

Эгнатій! Ты спасаешь насъ вторично:
Чѣмъ мы тебѣ отплатимъ!

Эгнатій.

Я спасаю
Не васъ — себя...

Всѣ поспѣшно уходятъ. Сцена пуста. Дымъ густѣетъ. Черезъ нѣсколько времени Эгнатій возвращается, подбѣгаетъ

къ статуѣ Гигіи и ударяетъ два раза по ея подножію. Статуя сдвигается съ мѣста и открываетъ потаенную дверь; въ двери показывается Тигеллинъ.)

ЯВЛЕНІЕ IX.

Эгнатій, Тигеллинъ.

Эгнатій (*целуетъ полу тигеллиновой тоги.*)

Будь вѣкъ благополученъ
И счастливъ, благородный Тигеллинъ!

Тигеллинъ (*входитъ въ столовую.*)

Гдѣ стоики?

Эгнатій.

Я думаю, ужь дома.

Тигеллинъ.

Всё удалося?

Эгнатій.

Лучше, чѣмъ я думалъ.
Чтобъ одурачить этихъ мудрецовъ,
Довольно было ссоры двухъ плебеевъ,
Немного шума и немного дыма.

Тигеллинъ.

Какъ и всегда, ты выдумалъ прекрасно.
Одна стрѣла въ двѣ цѣли угодила:
И термы можно будетъ перестроить
По плану и желанію Нерона…

Эгнатій.

И стопки попалися намъ въ руки.

Тигеллинъ.

Теперь ты твёрдо убъжденъ въ успѣхѣ?

Эгнатій.

Теперь они мнѣ жизнь свою довѣрятъ:
Надняхъ я имъ составлю протоколъ,
И всѣ они подпишутся...

Тигеллинъ.

Объ этомъ
Ты дома мнѣ подробнѣе раскажешь.
Скажи мнѣ лучше о самомъ себѣ,
Но только откровенно, понимаешь?

Эгнатій.

Я не могу передъ тобой таиться.

Тигеллинъ.

Безъ цѣли ты мнѣ преданъ быть не можешь...
Ты не тщеславенъ, вовсе не корыстенъ...
Что-жь придаетъ тебѣ такія силы?
Какая страсть твой разумъ окрыляетъ?
Месть?... Жажда власти?... Ненависть?...

Эгнатій (*наклоняетъ голову.*)

Любовь.

ДѢЙСТВІЕ ТРЕТІЕ.

Перистиль въ домѣ Сорана. Шестьнадцать колоннъ, связанныхъ лёгкими арками, образуютъ на мраморномъ помостѣ перистиля правильный четвероугольникъ. На арки наброшенъ навѣсъ изъ цвѣтущаго плюща. Посрединѣ четвероугольника сажалка, выложенная мраморомъ и отѣнённая кустомъ жасмина; по—угламъ четыре водоёма; у одного изъ нихъ бронзовая фигура лани, пьющей воду. Въ промежуткахъ колоннъ вазы и статуи. Перистиль обнесёнъ грядками цвѣтовъ; на заднемъ планѣ онъ отдѣляется трехступеннымъ порогомъ отъ уборной, задёрнутой занавѣсомъ. Справа и слѣва—надворныя стѣны дома съ выступами, украшенными живописью. Между выступовъ, направо, двѣ занавѣшанныя двери въ библіотеку и спальню; налѣво одна дверь въ божницу, другая въ пріёмную.

— — — — —

ЯВЛЕНІЕ I.

Сервилія *сидитъ подъ жасминнымъ кустомъ. Она въ голубой туникѣ безъ рукавовъ и безъ покрывала; чёрные волосы лежатъ на ея головѣ тяжелой косой, пронзённой золотой стрѣлою; въ рукахъ у нея длинный списокъ. Сервилія задумалась и играетъ стеблемъ цвѣтка въ водѣ сажалки. Въ нѣсколькихъ шагахъ отъ Сервиліи* Антонія *за прялкой, и четыре невольницы, занятыя шитьёмъ.*

Антонія (*прядётъ.*)

Въ былое время римскія матроны
Любили заниматься рукодѣльемъ

И въ атріумъ сбирались ежедневно,
Чтобъ ткать и шить смиренныя одежды
И слушать пѣсни тихія невольницъ.
Теперь не тѣ обычаи и нравы:
Съ утра тѣснятся въ атріумѣ гости,
Да паразиты, да толпа кліентовъ,
А римскія матроны не умѣютъ
И въ руки взять иглы, иль челнока.
Дѣвицы благородныя стыдятся
Веретéна и прялки, позабывши,
Что пряжею богини не гнушались,
А за тканьё...

ЯВЛЕНІЕ II.

Тѣ же и Эгнатій.

Эгнатій (*выходитъ при послѣднихъ словахъ изъ пріемной.*)

До смерти убивали!

Антонія (*тихо.*)

Всегда съ насмѣшкой... дерзкій недовѣрокъ!

Эгнатій (*подходитъ къ Сервиліи и низко кланяется.*)

Сервилія! да свѣтитъ это утро
Привѣтною улыбкою боговъ
Твоимъ очамъ небесно-виднымъ!

Сервилія (*отвѣчаетъ на его поклонъ лёгкимъ движеніемъ головы.*)

Salve!

Эгнатій.

Родитель твой прислалъ тебѣ сказать,
Что онъ съ тобой поговорить желаетъ
И проситъ подождать его немного
Здѣсь, въ перистилѣ.

Сервилія, (*не поднимая глазъ.*)

Жду нетерпѣливо
Безцѣннаго родителя.

Эгнатій, (*пристально поглядѣвъ на Сервилію, отходитъ къ Антоніи.*)

Дозволь,
Почтенная Антонія, замѣтить,
Что ты меня превратно понимаешь...
Упомянувъ о праведныхъ богиняхъ,
Я намекнулъ на древнее преданье,
Хранимое религіею нашей:
Изволь сама припомнить, какъ Минерва,
Завидуя искусству Арахнеи,
Во гнѣвѣ, челнокомъ её убила,
А остальные праведные боги
Рѣшили обезсмертить Арахнею,
И тутъ же обратили въ паука!
Вотъ видишь ли: я вѣрю и дивлюся
Величію и мудрости боговъ,
А ты меня считаешь недовѣркомъ!..

(*Пожимаетъ плечами и уходитъ въ пріёмную.*)

———

ЯВЛЕНІЕ III.

Тѣ же, кромѣ Эгнатія.

Антонія.

Слухъ кошачій и песячья душа!

Сервилія (*встаётъ съ мѣста.*)

Кормилица! оставь его въ покоѣ
И не сердись: его отецъ мой любитъ.

(*Бросаетъ цвѣтокъ и подходитъ къ Антоніи.*)

Позволь мнѣ поработать за тебя:
Я докажу, что римскія дѣвицы
Не всѣ стыдятся говорливой прялки,
И прясть умѣютъ.

Антонія.

Милое дитя!
Да развѣ ты на остальныхъ похожа?
Родитель твой воспитывалъ тебя
Въ смиреномъ благочестіи... Не даромъ
Ему наука разумъ просвѣтила:
Онъ сердце нѣжной женщины вмѣстилъ
Въ груди могучей твердаго мужчины,
И волю непреклонную отца
Смягчилъ любовью матери, которой
Ты сызмала лишилась.

(*Складываетъ руки.*)

Веселися
Въ элизіумѣ, праведная тѣнь!

Сервилія.

Я не знавала матери моей,

Но ты её собою замѣнила,
Любимая Антонія моя!

(*Целуетъ Антонію.*)

Антонія

Я?... нѣтъ, моя Сервилія! Напрасно
Ты думаешь, что я тебя растила:
Всё твой отецъ. Онъ взялъ меня изъ праха,
Онъ душу мнѣ очистилъ и покрылъ
Сосудъ скудельный яркой позолотой.
Я... я была орудіемъ бездушнымъ
Въ рукахъ у вертоградаря, который
Ухаживалъ за молодымъ ростеньемъ...
И вотъ былинка листья распустила
И развилась въ цвѣтокъ благоуханный...

Сервилія (*съ упрёкомъ.*)

Антонія!.. позволь я сяду прясть.

Антонія (*встаётъ.*)

Садись, моя привѣтливая нимфа!
Развеселися: ты грустна сегодня
И вовсе не похожа на невѣсту.

Сервилія.

Не называй невѣстою меня:
Мнѣ въ этомъ словѣ слышится разлука
Съ моимъ отцомъ.

Антонія.

Изволь, я перестану...

(*Невольницамъ.*)

Возьмите лиру! будемъ вторить пѣсней
Работѣ нашей юной госпожи.

(*Одна изъ невольницъ уходитъ.*)

ЯВЛЕНІЕ IV.

Тѣ же, *кромѣ невольницы. (Сервилія садится за прялку)*

Антонія.

Поистинѣ, разумно говорится,
Что клевета какъ мошка, незамѣтно
Въ щель проползётъ... Ты чище голубицы,
А на тебя клевещутъ злые люди...
Дня три тому, я встрѣтила рабыню
Сосѣдки нашей Силіи [32]), Аллею:
Съ ней госпожа обходится жестоко
И при себѣ въ уборной истязуетъ
За каждую бездѣлку: за пылинку
На зеркалѣ, за погнутую шпильку,
За волосокъ, отставшій отъ кудрей.
Аллея мнѣ за тайну говорила,
Что Силія тебя при всѣхъ поноситъ
И называетъ наглою дѣвчёнкой,
Которая гуляетъ по террассамъ
И въ разговоръ съ мужчинами вступаетъ.

Сервилія.

Какія речи низкія! Не вѣрю,
Чтобы вдова сенатора могла
Такъ говорить.

Антонія.

Аллея увѣряетъ,
Что Силія всѣмъ сердцемъ ненавидитъ
Тебя за встрѣчу съ молодымъ трибуномъ
Валеріемъ...

Сервилія (*Краснѣетъ и начинаетъ прясть.*)

Я слушать не хочу
Про эту злую женщину...
(*Входитъ невольница съ лирой.*)

ЯВЛЕНІЕ V

Тѣ же и невольница.

Сервилія (*Антоніи*).

Вели
Невольницамъ запѣть скорѣе пѣсню:
Пусть отдохнётъ мой оскорбленный слухъ
На тихостройномъ ритмѣ...

Антонія (*невольницамъ.*)

Начинайте!

Хоръ.

Расчешися ты, руно,
Въ пряди волокнистыя,
Навивай, веретено,
Нитки серебристыя!
Мы кудели напрядёмъ,
Мы основу наснуёмъ,
Станемъ брачныя туники
Ткать для юной Эвридики

(*Сервилія вздрагиваетъ и перестаётъ прясть.*)

Расчешися ты, руно,

Въ пряди волокнистыя,
Навивай, веретено,
Нитки серебристыя!

ЯВЛЕНІЕ VI.

Тѣ же и Соранъ *выходитъ изъ пріёмной, подходитъ потихоньку къ Сервиліи и целуетъ её.*

Сервилія (*встаётъ и обнимаетъ Сорана.*)

Carissime!

Соранъ.

Ты—истая квиритка:
Прядёшь подъ пѣсню мамки и невольницъ.

Сервилія.

Мнѣ было грустно...

Соранъ.

Молодымъ дѣвицамъ
И грустно передъ радостью.

(*Махаетъ рукой Антоніи и невольницамъ.*)

Уйдите!

(*Антонія и невольницы уходятъ.*)

ЯВЛЕНІЕ VII.

Соранъ, Сервилія.

Соранъ (*отходитъ съ Сервиліею на авансцену.*)

Сервилія! Ты знаешь, что подъ старость
Судьба меня утѣшила нежданно
Почётнымъ предложеніемъ Тразеи,
Учителя и друга моего?

(*Сервилія молчитъ.*)

Ты знаешь, что Тразеа удостоилъ
Тебя своимъ вниманьемъ и желаетъ
Назвать супругой?

Что же ты молчишь?

Сервилія (*тихо.*)

Я знаю...

Соранъ.

Время смутное настало;
Гоненія и ложные доносы
Распространили повсемѣстный ужасъ.
Хоть истина должна сразить неправду;
Но скоро ли?.. Доселѣ достоянье
И жизнь гражданъ висятъ на волоскѣ...
Я старъ и хилъ... тебѣ нужна опора
Такая, какъ Тразеа: цѣлый Римъ
Съ него берётъ примѣръ и подражаетъ
Его рѣчамъ, пріёмамъ и осанкѣ.
Тразеи имя — символъ благородства,
И мудрости, и твёрдости геройской;
Поэтому я пригласилъ Тразею,

Чтобъ кончить дѣло — чѣмъ скорѣй, тѣмъ лучше
Приготовляйся къ брачному обряду.

СЕРВИЛІЯ.

Отецъ!.. послушай... Охъ, какъ тяжело!
Послушай... Не-уже-ль тебѣ не жалко
Съ Сервиліей твоею раставаться?
Я молода... Давно ли я надѣла
Дѣвичью сто́лу?.. Дай мнѣ подышать
Твоей любовью и безпечной волей!

СОРАНЪ.

Сервилія! стыдися отвѣчать
Словами неразумнаго ребёнка
На речи задушевныя...

СЕРВИЛІЯ.

Постой!
Ложь устъ моихъ еще не оскверняла.
Передъ тобой я разрываю грудь
И обнажаю трепетное сердце:
Гляди въ него!.. Ты мудръ и прозорливъ;
Гляди въ него! Ты видишь ли, ка̀къ крѣпко
Его тоска холодная сжимаетъ?
Предчувствіемъ бѣды неотразимой,
Сомнѣньями и неотступной думой
Моя душа тревожная полна...
Ты знаешь ли? меня и днёмъ и ночью
Преслѣдуетъ повсюду чудный призракъ:
Ты помнишь, тотъ старикъ-христіанинъ...
Онъ весь въ крови; но взоръ его сверкаетъ
Величіемъ святого вдохновенья...
Онъ на меня привѣтливо глядитъ
И на́ небо рукою указуетъ?..

Соранъ.

Утѣшься: твой загадочный фанатикъ
Исчезъ вчера изъ городской тюрьмы
И не одинъ... Измучивъ на допросѣ,
Его, полуживаго, опустили
Въ темницу и сковали вмѣстѣ съ Цестомъ:
Цестъ перервалъ заржавленныя цѣпи
И, выломавъ оконную рѣшетку,
Унёсъ на мощныхъ плечахъ старика.
Должно-быть, ночью онъ пробрался къ Тибру
И переплылъ его съ христіаниномъ,
Поблизости Фабриціева Моста...
По-крайней-мѣрѣ, полусонный сторожъ
Замѣтилъ, какъ на лѣвомъ берегу
Приподнялась громадная фигура
Съ какой-то ношей?.. И теперь твой призракъ,
Конечно, рыщетъ въ галлинарскихъ дебряхъ
Съ полсотнею такихъ же бродягъ.

Сервилія.

Онъ спасся! Да хранитъ его Юпитеръ!

Соранъ.

Вотъ точно такъ, повѣрь мнѣ, убѣгаютъ
Всѣ призраки изъ костяной темницы,
Что̀ люди называютъ головой.
Когда они исчезнутъ, въ ней зажжётся
Свѣтильникъ яркій разума... И ты
Его лучами также озаришься,
Назвавшися супругою Тразеи.

Сервилія.

Не поминай мнѣ имени Тразеи:
Межъ нимъ и мной стоитъ уже не призракъ.

Да!.. я должна во всёмъ тебѣ признаться.
Мнѣ кажется... что я люблю... другого...

(Падаетъ на колѣни.)

Отецъ! убей и прокляни меня,
Или спаси и вырви страсть изъ сердца!

Соранъ *(поднимаетъ Сервилію.)*

Безумное, безумное дитя!
Ты словъ своихъ сама не понимаешь.
Ты любишь?.. Да любовь и страсть—химера,
Любовь — недугъ прилипчивый души:
Чтобы ему развиться, нужно время
И отъ него лекарство — тоже время.
Ты не могла любовью заразиться,
Любить еще не можешь, и не любишь.

Сервилія.

Я не могла? я не могу любить?
Я не люблю? .

(Подбѣгаетъ къ Сорану)

Не смѣйся надо мною
И пожалѣй Сервилію твою!
Спаси меня! спаси меня!..

(Припадаетъ къ Сорану на плечо головой и рыдаетъ.)

ЯВЛЕНІЕ VIII.

Тѣ же и рабъ.

Рабъ,

Сенаторъ
Тразеа.

Соранъ.

Попроси его сюда.

(*Рабъ уходитъ.*)

ЯВЛЕНІЕ IX.

Соранъ, Сервилія.

Соранъ.

Сервилія отри пустыя слёзы!

Сервилія.

Отецъ, для пепла матери моей,
Не погуби дитя свое родное!..

Соранъ (*строго.*)

Сервилія! я даромъ словъ не трачу:
Сегодня же судьба твоя рѣшится...
Одѣнься и скорѣе приходи.

Сервилія (*гордо приподнимаетъ головy*).

Пріиду.

(*Дѣлаетъ нѣсколько шаговъ и останавливается*).

А ты, отецъ, скажи Тразеѣ,
Что дочь твоя, Сервилія, клянётся
Не быть его женою никогда!

(*Уходитъ въ уборную.*)

Соранъ (*съ изумленіемъ смотритъ ей вслѣдъ.*)

Нѣтъ! это—не ребяческій порывъ,

А боль души растерзанной... Уже-ли
Инстинктъ сильнѣе разума и воли?...

(*Изъ пріёмной выходятъ Тразеа и Эгнатій.*)

ЯВЛЕНІЕ X.

Соранъ, Тразеа, Эгнатій. (*Въ рукахъ у Эгнатія свитокъ, чернильница и тростниковое перо.*)

Соранъ (*идётъ на встрѣчу Тразеѣ*).

Ты застаёшь меня въ недоумѣньѣ:
Я предложилъ себѣ одинъ вопросъ
И разрѣшить его не въ состояньѣ.

Тразеа (*пожимаетъ руку.*)

Намъ многое прійдётся разрѣшить,
Мой старый другъ!

Соранъ.

И разрѣшить скорѣе

Тразея.

Да! каждый день и каждый часъ намъ дорогъ,
А время, *этотъ образъ подвижной*
Недвижной вѣчности, летитъ на крыльяхъ ..

Соранъ.

Тебѣ читалъ Эгнатій протоколъ?

Тразеа.

Я самъ прочёлъ: составленъ онъ искусно,
Но двѣ-три фразы—болѣе—чѣмъ рѣзки.

Эгнатій.

Въ прошеніи ихъ можно и смягчить..

Тразеа.

Такъ; но, пока напишется прошенье,
Скрѣпленный всѣми нами протоколъ
Останется такой живой уликой,
Что Тигеллинъ за каждую строку
Заплатитъ грудой золота... А впрочемъ,
Считай мои слова за *nota-bene*:
Я первый подпишусь на протоколѣ.

Эгнатій.

Зачѣмъ же? Я составлю лучше новый.

Тразеа.

А Тигеллинъ покамѣстъ насъ сожжетъ,
Иль наградитъ подаркомъ отъ Локусты?
Нѣтъ! дай сюда.. Судьбы не измѣнить.

(*Берётъ у Эгнатія свитокъ, кладётъ на подножіе одной изъ статуй и подписываетъ.*)

Тебѣ, Соранъ.

(*Передаётъ свитокъ.*)

Соранъ (*подписываетъ.*)

За доблестнымъ Тразеей
Весь Римъ подпишетъ.

Тразеа.

Чистый парадоксъ:
Едва ли въ Римѣ сотая часть гражданъ
Писать умѣетъ.

Соранъ.

Можно научить (*подаётъ свитокъ Эгнатію.*)

Эгнатій.

Теперь идти къ Валерію?

Тразеа

Ненужно:

Валерій не подпишетъ.

Соранъ

Почему?

Тразеа.

Вотъ почему. На случай неудачи,
Намъ надобно защитника имѣть:
А кто жь надежнѣй защитить насъ можетъ,
Какъ не Валерій?

Эгнатій.

Властію трибуна,
Которую мы помнимъ по преданью?

Тразеа.

Всѣмъ: именемъ, любовію народа,
Отвагою, краснорѣчивымъ словомъ,
А, можетъ быть, и властію трибуна.

Эгнатій.

Но нѣтъ причинъ бояться неудачи:
За насъ—весь Римъ.

Тразеа.

На это возраженье
Отвѣтитъ смерть Рубеллія, Сенеки,
Изгнаніе Музонія... Скорѣе
Мы можемъ ожидать центуріона [32])
Съ извѣстіемъ о грозномъ обвиненьѣ,
Чѣмъ что-либо другое.

Соранъ.

Я согласенъ:

Валерія ненужно безпокоить.

(*Эгнатію.*)

Пускай теперь подпишутъ остальные...
А ты имъ передай нашъ разговоръ.

Тразеа.

И повѣсти́, что мы черезъ недѣлю
Надѣемся предъ кесаря предстать.

Соранъ.

Иди же къ нимъ и не забудь, Эгнатій,
Что участь многихъ ввѣрена тебѣ:
Малѣйшая ошибка, промедленье,
Неосторожно-сказанное слово,
Намёкъ на нашу цѣль — и мы пропали...
Но я тебя воспитывалъ и вѣрю
Тебѣ, какъ сыну.

Эгнатій.

Вѣришь не напрасно,
Мой благодѣтель и второй отецъ!

(*Целуетъ руку Сорана.*)

Эгнатій твой погибнетъ, иль достигнетъ
Желанной цѣли.

(*Уходитъ.*)

ЯВЛЕНІЕ XI.

Тразеа, Соранъ.

Соранъ (*указываетъ на уходящаго Эгнатія*).

Явственный примѣръ

Побѣды воспитанья надъ природой:
Эгнатій-мальчикъ былъ волчёнка диче;
Эгнатій-мужъ достоинъ удивленья,
Какъ образецъ разумнаго безстрастья
И тонкости... не правда ли, Тразеа?

Тразеа.

Неоспоримо... хоть съ недавнихъ поръ
Я начинаю сомнѣваться
Въ возможности преодолѣть природу.

Соранъ

Твои сомнѣнья сходятся съ моими,
И знаешь, кто ихъ на меня наводитъ?..
Сервилія!

Тразеа.

А на меня Валерій.

Соранъ.

Валерій?... Что̀ такое съ нимъ случилось?

Тразеа.

Соранъ, твоя пріязнь даётъ мнѣ право
На смѣлое и тяжкое признанье...
Ты знаешь ли, что я пришёлъ съ отказомъ?

Соранъ.

Съ какимъ отказомъ... отъ чего?..

Тразеа.

Отъ брака
Съ Сервиліей.

Соранъ (*послѣ нѣкотораго молчанія.*)

Отъ всякого друго̀го

Я принялъ бы подобныя слова
За кровную обиду; но отъ друга,
Но отъ Тразеи... я ихъ принимаю
За тёмную загадку...

Тразеа.

Объяснимся...
Но не забудемъ, другъ мой, изреченья
Сенеки: *nihil magnum nisi quod*
Est placidum.

Соранъ.

Я это изреченье
Себѣ поставилъ правиломъ, Тразеа:
«Величіе — въ спокойствіи.»

Тразеа.

Послушай.
Я дочь твою люблю и почитаю,
Какъ моего Валерія: сильнѣе
Изобразить любви я не могу.
Но погляди Соранъ, на насъ... Нельзя же
Намъ утѣшать себя съ Анакреономъ
И говорить, что къ старческимъ сѣдинамъ
Пристала юная краса дѣвицы,
Какъ роза къ бѣлымъ лиліямъ!.. Конечно,
Я долженъ былъ заранѣе подумать
О посѣдѣлыхъ волосахъ моихъ;
Но эта необдуманность и служитъ
Безспорнымъ доказательствомъ того,
Что разумъ нашъ безсиленъ надъ побудкой...
Я былъ слѣпцомъ, да мнѣ глаза открыла
Моя же дочь замужняя, Сабина:
Она пришла и объявила мнѣ,
Что я, къ осенней жатвѣ, буду... дѣдомъ!

Соранъ.

Тразеа! Эти доводы...

Тразеа.

Позволь!
Я привожу ихъ,—только—какъ вступленье.
Сознайся, что мы оба виноваты,
Что оба мы съ тобою заблуждались,
Скрѣпляя дружбу узами родства:
Какъ-будто безъ того мы не родные!
Оставимъ это... Разсуди, Соранъ,
Имѣю ли я право, начиная
Борьбу на жизнь и смерть съ временщикомъ,
Связать свою загадочную участь
Съ судьбой твоей Сервиліи?

Соранъ.

А я,
Ея отецъ, я развѣ не усердный
Сообщникъ твой?

Тразеа.

Соранъ, отецъ—не мужъ!
Припомни, чѣмъ за мужа поплатилась
Супруга злополучнаго Сенеки?
Но выслушай теперь послѣдній доводъ
Невольнаго отказа моего.
Скажи мнѣ прямо, какъ ты понимаешь
Валерія?

Соранъ.

Я такъ цѣню высоко
Валерія, что, по моимъ понятьямъ,
Одинъ безукоризненный Тразеа
Достоинъ былъ усыновить его.

Тразеа.

Здѣсь похвала Тразеѣ неумѣстна...
Чтобъ болѣе не длить намъ разговора,
Скажу тебѣ: Валерій мой страдаетъ,
И гордое молчаніе хранитъ,
А мы—его страданія причина...

Соранъ

Мы?

Тразеа.

Оба мы: онъ любитъ безнадежно
Сервилію... Не спрашивай меня,
Ка́къ я успѣлъ проникнуть эту тайну,
Но знай, что, послѣ безконечныхъ споровъ,
Я убѣдилъ Валерія прійдти
Къ тебѣ сегодня... Другъ мой, не–уже–ли
Мы, старики, уступимъ молодому
Въ величіи и благородствѣ духа?

Соранъ.

Всё это такъ нежданно объяснилось,
Что я не въ силахъ пріискать отвѣта
И съ мыслями собраться не могу...
Однако же, Тразеа, откровенность
Питается правдивыми рѣчами,
Какъ родниками свѣтлыми ручей...
Я, въ свой черёдъ, тебѣ признаться долженъ:
Сервилія моя тебя не любитъ
И полюбила горячо другого.

Тразеа (*безпокойно.*)

Кого же?

Соранъ.

Я не знаю; но узнаю...

(Ударяетъ въ ладоши, входитъ рабъ.)

Сейчасъ ко мнѣ прибудетъ благородный
Трибунъ Валерій Рустикъ: пригласи
Повременить недолго въ перистилѣ.

(Рабъ уходитъ.)

(Тразеѣ.)

А мы съ тобой пойдёмъ въ библіотеку
И кончимъ нашъ тяжёлый разговоръ.

(Уходятъ; сцена пуста.)

ЯВЛЕНІЕ XII.

(Входитъ Сервилія. На ней бѣлая стола и прозрачное покрывало, прикрѣпленное къ волосамъ алмазнымъ уборомъ матронъ.)

Сервилія *(подходитъ къ цвѣтамъ.)*

Цвѣты мои! и вы, въ палящій полдень,
И вы, краса вѣнча̀нная весны,
Тоскливо наклоняете коронки
Подъ знойными лобзаніями вѣтра;
Но васъ кропитъ разсвѣтная роса,
Вечерняя прохлада освѣжаетъ
И въ полдень поливаетъ васъ рука
Заботливой Сервиліи...

А сердце,
Палимое огнемъ ревнивой страсти,

Кропится только горькими слезами
И кровью обливается. .

(Берётъ у водоёма лейку и начинаетъ поливать цвѣты. Входитъ Валерій и останавливается.)

ЯВЛЕНIЕ XIII.

Сервилія, Валерій.

Сервилія, (*не видя Валерія.*)

Зачѣмъ же
Богами чувство женщинѣ дано,
Когда свободу чувства отнимаютъ
У ней судьба и люди?...

(ставитъ лейку на водоёмъ).

Вся природа,
Цвѣты, деревья, волны голубыя
И птицы голосистыя поютъ
Хвалебный гимнъ праматери—Кипридѣ,
А бѣдная Сервилія не можетъ
Назвать того, къ кому душа стремится,
Сказать: люблю, люблю тебя!

(*оборачивается и, увидавъ Валерія вскрикиваетъ.*)

Валерій!

Валерій (*кланяется Сервиліи.*)

Привѣтъ прекрасной дочери Сорана!

Сервилія (*откланивается.*)

Благодарю ..

(*Идётъ на встрѣчу Валерію.*)

Благодарю и случай,
Который неожиданно привёлъ
Къ пенатамъ нашимъ дорогаго гостя.
Отецъ сейчасъ прійдётъ... Не поскучай
Бесѣдой неразумною дѣвицы.

Валерій.

Прости меня, Сервилія... Невольно
Я прѐрвалъ нить твоихъ мечтаній ясныхъ
И образъ лучезарный ихъ затьмилъ,
Какъ туча мимолетная невольно
Лучи звѣзды вечерней затьмѣваетъ.

Сервилія.

Не ты, а я виновна, и стыжуся,
Что мой нестройный лепетъ долетѣлъ
До слуха благороднаго трибуна:
Смѣшны мужамъ меча и латиклавы [33])
Дѣвичьи грёзы...

Валерій.

Грёзы молодыя
Съ душой дѣвицы также неразлучны,
Какъ день и свѣтъ, какъ ароматъ и роза.
Смѣшно, когда мужчина станетъ грёзить...
О невозможномъ счастьѣ!

Сервилія.

Я слыхала,
Что для разумной воли человѣка
Нѣтъ въ мірѣ невозможнаго.

Валерій.

Не спорю;
Но трудно, чтобы воля человѣка
Была всегда разумна и свободна.
Представь себѣ.. я говорю примѣрно...
Представь себѣ, что я случайно встрѣтилъ
Богиню въ очертаньяхъ смертной дѣвы,
Что красоты ея не описать,
Что вся она, какъ нѣкогда Киприда,
Слилася изъ волны морской и свѣта,
Что обликъ ея дѣвственный сіяетъ
Невинно-величавой чистотою,
А очи—небо пламенное Рима:
Днемъ въ нихъ лазурь бездонная глядится,
А въ сумракъ зажигаются въ нихъ звѣзды...
Невольной данью чудной красотѣ—
Во мнѣ любовь безумная проснулась..
Безумная: я дерзостно забылъ,
Что юная красавица—невѣста
И чья жь? отца и друга моего?
Скажи теперь, Сервилія, свободна ль,
Разумна ль, воля у меня?

Сервилія.

Я на примѣръ примѣромъ отвѣчаю.
Положимъ: эта дѣвушка не любитъ
И прежде не любила жениха,
И поклялась—не быть его женою...

Валерій (*блѣднѣетъ.*)

Сервилія, ты шутишь?..
Я не вѣрю,
Чтобъ ты могла безжалостно шутить!

Сервилія.

Я не шучу безсонными ночами,
Слезами, одиноко-пролитыми,
И всей святыней чувства и любви...

Валерій.

Сервилія! клянуся грознымъ Стиксомъ,
Никто и никогда такъ не полюбитъ
И не любилъ, какъ я тебя люблю!
Но.., выслушай...

ЯВЛЕНІЕ XIV.

Тѣ же и Тразеа.

Тразеа.

Остановись, Валерій!
Тразеа проситъ у тебя прощенья,
И у тебя, Сервилія!
Подъ старость
Глаза людей слабѣютъ и не могутъ
Сносить лучей дневныхъ, не только блеска
Сіяющей и юной красоты...
Простите же меня великодушно!
Свою вину посильно я загладилъ:
Какъ твой отецъ, я для тебя, Валерій,
Просилъ у друга моего, Сорана,
Твоей руки, Сервилія!

Валерій.

Тразеа!

Тразеа.

Соранъ вашъ бракъ благословить согласенъ
И вслѣдъ за мной идётъ сюда.

Валерій (*обнимаетъ Тразею.*)

Тразеа!
Отецъ и другъ мой!

Сервилія (*подаётъ Тразеѣ руку.*)

Вотъ моя рука
И слово благородное римлянки:
Тебя я уважаю наравнѣ
Съ моимъ отцомъ и съ будущимъ супругомъ.

(*Валерію.*)

Валерій, я давно тебя любила,
Теперь люблю еще сильнѣй!

ЯВЛЕНІЕ XV.

Тѣ же и Соранъ.

Сервилія (*кидается въ объятія Сорана.*)

Отецъ,
Прости твою Сервилію!

Соранъ (*целуетъ её.*)

Дитя,
Дитя мое, Сервилія моя!

Валерій (*подходитъ къ Сорану.*)

Сорану благородному извѣстна

Моя любовь къ Сервиліи: теперь
Я жду его отеческаго слова.

Соранъ.

Усыновленникъ мудраго Тразеи
Чужимъ изъ дома моего не выйдетъ.
Валерій! я всегда тебя считалъ
Своимъ роднымъ по сердцу и по мыслямъ:
Позволь же мнѣ обнять тебя, назвавши
Моимъ любезнымъ и желаннымъ сыномъ.

(*Обнимаетъ Валерія.*)

Вотъ дочь моя! тебѣ передаю
власть мою надъ нею: будь ей мужемъ,
Люби её, храни и защищай.

(*Соединяетъ руки Валерія и Сервиліи.*)

А ты, незримый и верховный разумъ,
Благослови союзъ моихъ дѣтей!

Валерій.

Сервилія!

Сервилія.

Валерій мой!

(*Бросаются другъ другу въ объятія.*)

Соранъ (*отираетъ слезу.*)

Тразеа,
Вопросы о душѣ намъ разрѣшаетъ,
Не наша философія — любовь.

(*Указываетъ на Валерія и Сервилію.*)

Взгляни на нихъ: ихъ радости и счастью
Кто можетъ помѣшать?

ЯВЛЕНІЕ XVI.

Тѣ же и Рабъ.

Рабъ.

Центуріонъ!

Валерій.

Центуріонъ?

Сервилія (*подбѣгаетъ къ Сорану.*)

Зачѣмъ Центуріонъ?

Соранъ.

Не знаю...

(*Рабу:*)

Приведи его

(*Рабъ поднимаетъ занавѣсъ пріёмной. Входитъ Центуріонъ.*)

ЯВЛЕНІЕ XVII

Тѣ же и Центуріонъ.

Центуріонъ.

Граждане

Сенаторы, Тразеа и Соранъ!
Отъ имени Сената и народа,
Я посланъ вамъ обоимъ возвѣстить,
Что вы и соумышленники ваши
Обвинены въ измѣнѣ противъ Рима.

ДѢЙСТВІЕ ЧЕТВЕРТОЕ.

Пріёмная въ домѣ Локусты; Задняя стѣна комнаты задёрнута чернымъ занавѣсомъ; боковыя стѣны, съ врѣзными колоннами, выкрашены черной краской. Направо дверь въ атріумъ; налѣво маленькая дверь, искусно скрытая выступомъ колонны. По стѣнамъ разставлена бѣдная утварь; нѣсколько складныхъ сѣдалищъ, и, съ лѣвой стороны, у двери, невысокій аналогій; надъ нимъ качается двурогая лампа, привѣшенная къ потолку желѣзной цѣпью. Ночь.

ЯВЛЕНІЕ I.

Локуста *перебираетъ на аналогіи нѣсколько свитковъ папируса, уложенныхъ въ ящичекъ.* Силія *сидитъ подлѣ аналогія. На Локустѣ чёрная туника, приподнятая съ правой стороны до колѣна; правая нога безъ обуви; волосы распущены; на головѣ вѣнокъ изъ желѣзняка.* Силія *въ сѣрой мантіи съ откиднымъ кукулемъ* [34]*); изъ-подъ мантіи видна пурпурная туника съ легкимъ золотымъ шитьёмъ.*

Локуста (*вынимаетъ и развертываетъ одинъ изъ свитковъ*).

Теперь намъ остаётся испытать
Могущество любовныхъ чаръ Медеи:

Имъ научила нѣкогда меня
Покойная Канидія [36].... Посмотримъ.

(*Читаетъ.*)

«Отлить изъ воска малое подобье
«Того, надъ кѣмъ должны свершиться чары;
«Развесть огонь волшебный изъ вѣтвей
«Смоковницы, ростущей на гробницахъ,
«И похоронныхъ вѣтокъ кипариса;
«Въ огонь волшебный бросить: семь яицъ,
«Окрашенныхъ въ крови могильной жабы,
«Совиныхъ перьевъ, иберійскихъ травъ
«И всѣхъ костей, отнятыхъ у голодной
«Волчихи... Не гасить отнюдь огня,
«Пока костей не обратитъ онъ въ уголь,,.
«Домъ окропить аверискою водою...
«Потомъ намазать ядомъ василиска
«Фигуру восковую (имя—рекъ),
«И, сердце у нея произивъ иглою,
«Произносить такое заклинанье:
«Богиня тьмы и тайны!...

И такъ дальше.

(*Свёртываетъ свитокъ.*)

Желаешь ли ты, Силія, извѣдать
На сколько мощны эти чарованья?

Силія.

Локуста, дѣлай, что̀ тебѣ угодно.
Я, какъ ребёнокъ, стала суевѣрна,
Слаба и легкомысленна... Бывало,
Я вѣрила однѣмъ могучимъ чарамъ —
Очей лазурныхъ и привѣтныхъ устъ:
Теперь любовь красу съ лица согнала,

Какъ ночь зорю съ потухнувшаго неба.
Я исхудала тѣломъ и душою,
И поневолѣ вѣрю заклинаньямъ.

Локуста.

Недугамъ тѣла пособить нетрудно:
Крупинки три моей жемчужной мази,
Да капля эликсира — и румянецъ
Опять освѣтитъ блѣдныя ланиты....

Силія.

Но чѣмъ недугъ душевный исцѣлить?

(*Сбрасываетъ мантію и встаётъ.*)

Локуста! много страстныхъ поцелуевъ
Ремни моей котурны прожигало:
Нѣтъ класса и нѣтъ возраста, который
Не заплатилъ бы мнѣ сердечной дани —
Отъ консула до низкаго раба,
Отъ юноши стыдливаго до старца;
Но я надъ ихъ отчаянной любовью,
Надъ ревностью, надъ ихъ враждой взаимной
Безжалостно смѣялась, какъ надъ боемъ
Шутовъ и карловъ на аренѣ цирка.
Настало время полюбить и мнѣ:
И мнѣ на страсть отвѣтили презрѣньемъ
И предпочли другую... О, Юнона!
Чего бы не дала я за возможность
Смѣнить титулъ и званіе матроны
На званіе гетэры, за возможность
Сносить презрѣнье и любить!... Да нѣтъ:
Я только мстить могу и ненавидѣть....

(*помолчавъ*)

Локуста, ты условья не забыла?
Мильйонъ сестерцій, если ты погубишь...
Сервилію доносомъ, или.. .

Локуста (*перебиваетъ.*)

Знаю...
Однакожь ты не слишкомъ вѣрь разсказамъ.
Дѣйствительно, мнѣ нѣсколько извѣстны
Какъ польза, такъ и нѣкоторый вредъ
Врачебныхъ травъ; но остальное—слухи....

Силія (*улыбается.*)

Я уважаю въ женщинѣ стыдливость
И скромность.

Локуста.

Впрочемъ.... надобно замѣтить,
Что чары, совершенныя Медеей,
Имѣли цѣль двоякую: вопервыхъ,
Возжечь любовь угасшую Язона,
А во вторыхъ, испепелить мгновенно
Креона дочь.

Силія.

Мнѣ помнится, Медея
Сожгла свою соперницу не чарой,
Отравленной туникой?

Локуста.

Можетъ–быть.
Вопросъ не въ томъ: Сервилія погибнетъ...
Должна погибнуть.... та̀къ, или иначе...
Но вотъ вопросъ: помогутъ ли намъ чары
Валерія привесть къ твоимъ стопамъ?

Силія.

Ты, стало-быть, сама не вѣришь чарамъ?

Локуста.

Я вѣрю имъ.... но гдѣ же твой Валерій?
Съ тѣхъ самыхъ поръ, какъ стоики публично
Обвинены и судятся Сенатомъ,
Валерій скрылся; цѣлыхъ двѣ недѣли
О немъ нѣтъ слуху... Не-уже-ли онъ,
Опора триба и поборникъ правды,
Бѣжалъ отъ страха и позорно кинулъ
Друзей, родныхъ, невѣсту молодую
И честь свою на произволъ судьбы?
Да и куда бѣжать отъ правосудья?

Силія.

Локуста! не обманывай меня:
Ты мнѣ сказать не хочешь, но Валерій...
Погибъ?

Локуста.

Клянусь, я ничего не знаю!
Не можетъ-быть, чтобъ онъ погибъ безвѣстно,
Въ какой-нибудь темницѣ потаенной:
Отъ Мессалины этого не скрыть,
А Мессалина и въ смиренной долѣ
Своихъ друзей отстаивала гласно;
Теперь же Мессалина.... но ты знаешь

Силія.

Такъ гдѣ-жь Валерій, ежели онъ живъ?

Локуста (*пожимаетъ плечами.*)

Быть-можетъ, тайный недругъ....

Силія.

Замолчи!

Я выносить сомнѣнія не въ силахъ:
Расшевели утробу всей земли,
Не пощади ни чаръ, ни заклинаній,
И покажи Валерія живаго,
Иль тѣнь его!

Локуста.

Теперь я не могу,
Но завтра приготовлю все, что̀ нужно.

(*За сценой слышенъ колокольчикъ.*)

Силія.

Кто это? посѣтитель?

Локуста.

Вѣроятно.

Силія.

Я не хочу, чтобъ здѣсь меня застали.

(*абрасываетъ Имантію и накрывается кукулемъ.*)

Локуста.

Не бойся, я давно распорядилась:
Тебя проводитъ вѣрная рабыня
Въ другую дверь.

(*Отворяетъ дверь въ атріумъ.*)

Силія.

До завтра?

Локуста.

Да, до завтра.

(*Силія уходитъ.*)

ЯВЛЕНІЕ II.

Локуста *одна.*

Локуста.

О римлянки! въ ребячьемъ вашемъ сердцѣ
Любовь и месть смѣняются чредою,
Какъ день и ночь.

ЯВЛЕНІЕ III.

Локуста и Эгнатій (*приподнимаетъ уголъ занавѣса.*)

Эгнатій (*вполголоса.*)

Ушла твоя Дидона?

Локуста (*тихо.*)

Ушла.

Эгнатій.

А всё ли у тебя готово?

Локуста.

Не въ первый разъ... Однако же идутъ.

(*Эгнатій опускаетъ занавѣсъ.*)

(*Дверь атріума отворяется; одна изъ невольницъ Локусты вводитъ Сервилію, закутанную съ ногъ до головы въ тёмную имплювіату* [37]). *По знаку Локусты, невольница уходитъ.*)

ЯВЛЕНІЕ IV.

Сервилія, Локуста.

ЛОКУСТА.

Сервилія, привѣтствую тебя!
Я думала, что ты не согласишься
Прійдти ко мнѣ въ глухую ночь.

СЕРВИЛІЯ.

Напрасно:
Моя душа полна одной печали
И для иного чувства недоступна, —
Тѣмъ болѣе для страха за себя.

ЛОКУСТА.

Чѣмъ я могу служить тебѣ?

СЕРВИЛІЯ.

Локуста,
Моё несчастье знаетъ цѣлый Римъ:
Отецъ мой обвиненъ и оклеветанъ;
Женихъ мой... гдѣ онъ, праведные боги?..
Узнать ихъ участь и поднять завѣсу
Грядущаго — вотъ для чего пришла
Къ Локустѣ дочь несчастнаго Сорана:
Не откажи помочь своимъ искусствомъ,
Сними съ очей гнетущую повязку
И дай прозрѣть мнѣ въ будущность отца
И моего Валерія... Локуста,
Ты можешь ли грядущее провидѣть?

ЛОКУСТА.

Грядущее намъ вѣетъ изъ-подъ крылъ

Незримаго, неслышнаго Сатурна,
А кто изъ насъ полётъ его извѣдалъ?
Но не хочу скрывать передъ тобою:
Я знаю средство... если согласишься...

СЕРВИЛІЯ.

Что̀ бъ ни было, я наперёдъ согласна.

(*Откидываетъ покрывало и снимаетъ съ шеи серебряный ковчежецъ.*)

Вотъ здѣсь мои вѣнчальные уборы,
Алмазы, жемчугъ, гэммы дорогія:
Пріими ихъ за труды свои въ задатокъ

(*Отдаетъ ковчежецъ Локустѣ.*)

Я продала приданое свое
И выручила семьдесятъ талантовъ:
Они твои, Локуста, если ты
Поможешь мнѣ и разгадаешь участь
Валерія и моего отца.

ЛОКУСТА.

Но, знаешь ли, Сервилія, что я
Должна покой могилы потревожить
И вызвать тѣнь волшебницы Саганы?
Передъ ея безплотными очами
Минувшее сливается съ грядущимъ
Въ одинъ недвижный, настоящій мигъ...
Ты въ-силахъ ли снести безъ содроганья
Явленье тѣни?

СЕРВИЛІЯ.

Ежели весь тартаръ
И смерть сама передо мной предстанутъ,
Я не содро̀гнусь.

Локуста.

Подожди меня:
Черезъ минуту я къ твоимъ услугамъ.

(*Приподнимаетъ занавѣсъ и уходитъ.*)

ЯВЛЕНІЕ V.

Сервилія *одна.*

О, боги! укрѣпите робкій духъ
И волю слабой женщины: не праздность,
Не дерзость, не пустое любопытство,
А чувство и любовь повелѣваютъ
Мнѣ преступить запретные предѣлы
И тлѣнною рукою приподнять
Таинственный покровъ нетлѣнной жизни.

(*Занавѣсъ отодвигается и открываетъ лабораторію Локусты, поднятую на двѣ ступени выше пріемной. На полкахъ и на столахъ видны въ полумракѣ разные сосуды и вазы; человѣческіе черепа и кости, скелеты животныхъ, металлическія полоски съ волшебными знаками и свитки папируса. На полу лежатъ мѣдный щитъ, груды лавровыхъ вѣтвей и ароматическихъ ростеній. Въ одномъ углу механическая прялка съ колесомъ; въ другомъ углу—восковая фигура Гекаты, выкрашенная бѣлою, черною и красною краской; въ рукахъ у нея бичъ, лампада и мечъ, обвитый*

змѣею. Посрединѣ треножникъ съ пылающей жаровней. Локуста стоитъ съ волшебнымъ жезломъ подлѣ треножника.)

ЯВЛЕНІЕ VI.

Локуста, Сервилія.

Локуста (*подходитъ къ Сервиліи.*)

Сервилія, хоть я убѣждена
Въ успѣхѣ чаръ (сегодня новолунье,)
Но свой вопросъ я снова повторяю:
Согласна ль ты на вызовъ изъ Аида
Колдуньи?

Сервилія.

Да!

Локуста.

Ты этого желаешь:
Да будетъ такъ...

(*Чертитъ жезломъ кругъ и вводитъ въ него Сервилію.*)

Теперь позволь тебя
Предостеречь...

За этою чертою (*грозитъ Сервиліи.*)
Я невластна. Не выходи изъ круга!..

(*Идётъ къ треножнику и начинаетъ бросать въ огонь волшебныя снадобья, произнося шопотомъ невнятныя заклинанія. Надъ жаровней вспыхиваетъ синее пламя: въ воздухѣ проносится жалобный звукъ.*)

Локуста (*возвышаетъ голосъ.*)

Геката, Геката!
Я слышу, я знаю —
Ты близко, ты близко:
Привѣтствуютъ воемъ
Тебя въ новолунье
Сторожкіе псы.
Геката, Геката!
Я въ пламя бросаю
Главу василиска
И мирру съ алоемъ
И старой колдуньи
Сѣдые власы

(***Надъ жаровней поднимается дымъ. Жалобный звукъ повторяется слышнѣе. Локуста берётъ мѣдный щитъ.***)

Символомъ созданья
И тайной природы
Тебя заклинаю,
Подземная сила:
Страшися, страшися
Таинственныхъ словъ!
Полна обаянья,
Я въ тартара своды
Щитомъ ударяю:
Раскройся могила!
Явися, явися,
Сатана на зовъ!

(***Ударяетъ въ щитъ. Комната озаряется красноватымъ свѣтомъ; въ дыму появляется призракъ старухи.***)

ЯВЛЕНІЕ VII.

Сервилія, Локуста, Призракъ.

Призракъ (*глухо.*)

Кто вызывалъ меня?

Сервилія (*твердымъ голосомъ.*)

Подземный призракъ!
Дочь римскаго сенатора Сорана,
Сервилія, осмѣлилась нарушить
Могильный твой покой и умоляетъ
Ей на вопросъ сомнительный отвѣтить...
Отвѣтишь ли?

(*Призракъ молчитъ.*)

Отвѣтишь ли?

(*Локуста повелительно протягиваетъ жезлъ.*)

Призракъ.

Спроси.

Сервилія.

Скажи мнѣ: гдѣ трибунъ Валерій Рустикъ,
Мой вѣрный другъ и дорогой женихъ?
Скажи ещё: помилуетъ ли кесарь
И защититъ ли моего отца,
Неправо обвиненнаго въ измѣнѣ
Предателемъ и гнуснымъ лицемѣромъ?

Призракъ.

На твой вопросъ тебѣ отвѣтитъ тотъ,
Кого сама неправо обвиняешь.

(*Исчезаетъ. Занавѣсъ задергивается.*)

ЯВЛЕНІЕ VIII.

Сервилія *одна.*

Исчезла!... Охъ, какъ страшенъ міръ загробный!
Коснись меня она костлявымъ пальцемъ,
Иль просто погрози мнѣ—я упала-бъ
Бездушнымъ трупомъ... Что̀ она сказала?...
Юпитеръ, дай мнѣ силы до конца!
Я чувствую, что разумъ мой мутится...

(***Подходитъ*** *къ аналогію и склоняетъ голову на руки.*)

Да... вспомнила. Она мнѣ говорила:
«На твой вопросъ тебѣ отвѣтитъ тотъ,
Кого сама неправо обвиняешь»....
Кого же обвиняю я?...

Эгнатій (*выходитъ изъ-за занавѣси.*)

Меня.

ЯВЛЕНІЕ IX.

Сервилія, Эгнатій.

Сервилія (*быстро оборачивается.*)

Эгнатій!

Эгнатій.

Я, Сервилія! Не бойся:
Я не врагомъ пришелъ къ тебѣ, а другомъ.

Сервилія.

Какое лицемѣріе! Ты смѣешь,
Ты не стыдишься называться другомъ?

Эгнатій.

Сервилія! вопервыхъ,—успокойся:
Весь этотъ вызовъ призрака нарочно
Придуманъ мной, а для чего — узнаешь...
Позволь мнѣ возвратить твои игрушки.

(*Подаетъ ей ковчежецъ.*)

Сервилія (*отступаетъ.*)

эти вещи отдала Локустѣ
не хочу принять ихъ изъ руки
Предателя...

Эгнатій.

На это оскорбленье
Отвѣчу я, Сервилія, тебѣ
Со временемъ. Покамѣстъ объясню,
Кто этотъ призракъ грознаго Аида.

(*Кладётъ ковчежецъ на аналогіи.*)

Локуста мнѣ старинная знакомка...
Я зналъ, что ты къ ней явишься сегодня,
И вмѣстѣ съ нею приготовилъ шутку:
Невольница Локусты, Фортуната,
Съиграла роль волшебницы Саганы...
Прости меня за это испытанье.

Сервилія.

Скажи, Эгнатій, кто тебѣ далъ право
Такъ нагло издѣваться надъ несчастьемъ?
Оклеветать предъ Римомъ добродѣтель

И честь въ лицѣ сановника и старца,
Который былъ тебѣ вторымъ отцомъ,
Любилъ тебя, воспитывалъ, лелѣялъ,
Покрыть бѣдою голову сѣдую,
Убить печалью цѣлую семью —
Всё это—тяжкій грѣхъ и преступленье;
Но издѣваться надъ несчастьемъ — низость!

Эгнатій.

Весьма-велерѣчивые упреки!
Я, впрочемъ, былъ давно на нихъ готовъ...
Не знаю — ты готова ли прослушать
Мое признанье... Я предупреждаю,
Что буду долго говорить съ тобою
И что отъ этой будущей бесѣды
Зависитъ участь твоего отца...
Ты хочешь слушать?

Сервилія.

Говори, Эгнатій...
Но не надѣйся хитрыми рѣчами
Прельстить меня: любовь моя къ отцу
И страсть моя къ Валерію, которой
Нѣтъ имени на языкѣ людей,
Замѣнятъ мнѣ и прозорливый разумъ,
И мужество, и волю...

(*Садится.*)

Эгнатій.

Мы увидимъ...
Начну съ того, что назову себя:
Передъ тобой, Сервилія, Эгнатій,
Отпущенникъ сенатора Сорана.

Въ другихъ словахъ: передъ тобою рабъ,
Отпущенный на волю господиномъ.
Ты — римлянка, и съ молокомъ всосала
Извѣстныя понятія о рабствѣ;
Но думала ль ты иногда о томъ,
Какъ грозный Римъ рабовъ пріобрѣтаетъ?
Я приведу тебѣ одинъ примѣръ:
Вообрази, что хмѣльная когорта,
Не слушаясь вождя, во время мира,
Предательски-нежданно, тёмной ночью,
Напала на германское селенье,
Зажгла его и грабитъ. Дикари,
Опомнившись отъ ужаса и сна,
Бросаются на грабящую шайку
Съ дубинами и копьями... Напрасно!
Ихъ слабое оружіе дробится
О шлемы и желѣзныя кольчуги,
И трупы ихъ валятся подъ мечами
На головни пылающихъ жилищъ.
Всѣ старики, старухи и младенцы,
Какъ лишній грузъ, безъ жалости убиты,
А молодыя жёны и дѣвицы
И отроки отведены въ неволю.

Сервилія.

Зачѣмъ мнѣ знать объ ужасахъ войны!
За праваго—поборниками боги,
Неправые страдаютъ за неправду.

Эгнатій.

Не смѣшивай войны и грабежа.
Я для того о нёмъ упоминаю,
Чтобъ перейдти къ себѣ...

Какъ медвѣжёнокъ,
Похищенный ловцами изъ берлоги.
Я грызъ свои верёвки и кусался,
Пока трёхдневный голодъ не осилилъ
Моей природы... Насъ пригнали въ Римъ
И вывели на рынокъ, какъ животныхъ,
Въ ошейникахъ; меня купилъ Соранъ,
И вотъ я въ вашемъ домѣ поселился
Невольникомъ и жалкимъ сиротою.

СЕРВИЛІЯ.

Не клевещи! ты въ домѣ нашемъ выросъ
Не такъ, какъ рабъ: тебя родитель мой
Не раздавилъ пятою, какъ змѣёнка,
А отогрѣлъ у сердца своего.

ЭГНАТІЙ.

Но это сердце было мнѣ чужое!
Ужели снисходительность Сорана,
Заботы о моемъ образованьѣ,
Его вниманье, похвалы и ласки
Могли мнѣ всё былое замѣнить?
Среди любимыхъ умственныхъ занятій,
Среди трудовъ — сродниться съ языкомъ,
Съ законами, съ гражданской жизнью Рима,
Среди моихъ отчаянныхъ усилій
Проникнуть глубже въ тайники науки,
Моимъ очамъ нежданно появлялась
Минувшаго ужасная картина:
Ночной пожаръ родимаго селенья,
Отецъ мой, съ размозженной головою,
И мать моя, съ затянутою петлей...
Сервилія! въ подобныя минуты

Я сознавалъ, старался сознавать,
Что долженъ быть Сорану благодарнымъ;
Но вмѣстѣ съ тѣмъ я чувствовалъ, какъ сильно
Въ лицѣ его всѣхъ римлянъ ненавижу!

Сервилія.

Несправедливо мстить невиннымъ людямъ
За свой тяжёлый жребій. Не участье,
Живой укоръ заслуживаетъ тотъ,
Кто жалокъ былъ и сдѣлался къ другому
Безжалостнымъ.

Эгнатій.

Позволь мнѣ продолжать.
Прейдя молчаньемъ глупые года,
Честимые поэтами за что-то
Весною жизни, приступаю прямо
Къ той неизбѣжно-роковой минутѣ,
Которая, позднѣе или раньше,
Перерождаетъ душу человѣка.
Я понялъ вдругъ, что въ жизни у меня
Есть цѣль, что я ея достигнуть долженъ,
Преодолѣвъ всѣ трудности пути,
И къ ней пошелъ... надежда засвѣтила
Мнѣ впереди звѣздою путеводной,
И жизнь моя осмыслилась...
Въ два года,
Примѣрнымъ хладнокровіемъ, трудами,
Лишеньями, прилежнымъ изученьемъ
Изгибовъ человѣческаго сердца,
Услугами, разсчитанною лестью,
Я пріобрѣлъ довѣренность Сорана,
Отпущенъ имъ на волю, получилъ

И званіе и тогу гражданина,
Введёнъ былъ въ школу стоиковъ, сдружился
Со всѣми представителями школы,
Проникъ всѣ тайны, понялъ всѣ интриги
Двора Нерона, и увлекъ Тразею
И стоиковъ въ борьбу съ временщикомъ...
Всё для чего? чтобы достигнуть цѣли!
А стоики—и первый твой отецъ —
Мнѣ были бы естественной препоной.

Сервилія

Не знаю я, чего ты достигаешь,
Но средства обнаруживаютъ ясно
Преступность цѣли.

Эгнатій.

Выводъ нелогиченъ:
Цѣль иногда оправдываетъ средства.
Но кончимъ... Участь твоего отца
И стоиковъ въ моихъ рукахъ и волѣ.
Ты поняла? Два слова Тигеллину —
И твой отецъ оправданъ.

Сервилія.

Поняла...
Но самого тебя не понимаю.

Эгнатій.

Сейчасъ поймёшь... Я испыталъ тебя:
Та женщина, которая безстрашно
Идётъ къ Локустѣ и глядитъ въ глаза
Ночному привидѣнію, навѣрно
Не побоится пошлыхъ предразсудковъ,
Пожертвуетъ минутнымъ увлеченьемъ,

Оцѣнитъ твёрдость разума и воли
И постоянство истиннаго чувства.
Сервилія! ты можешь, если хочешь,
Спасти отца — твоимъ единымъ словомъ,
Движеньемъ брови, лёгкою улыбкой!

Сервилія.

Эгнатій я готова... объяснися,
Скажи, чего ты требуешь?

Эгнатій (*падаетъ ей въ ноги.*)

Любви!

Сервилія (*встаётъ, блѣдная, какъ мраморъ.*)

Будь проклятъ день, въ который ты родился!

Эгнатій (*простираетъ къ ней руки.*)

Сервилія!.. Сервилія!.. два года,
Два вѣка мукъ, терзаній и борьбы,
Люблю тебя, ревную, умираю
Отъ ревности, отчаянья и страсти!
Отецъ твой и Тразеа — это жертвы
На алтарѣ любви моей къ тебѣ...
Ты для меня — единая богиня,
Которой я и вѣрю, и молюся...
Взгляни: я слѣдъ ноги твоей целую,
Челомъ въ прахъ склоняюся и плачу!

(*Рыдаетъ, припавъ головой къ помосту.*)

Сервилія.

Вотъ мой отвѣтъ, Эгнатій, и другого
Ты отъ меня не жди: патриціанка,
Невѣста благороднаго трибуна

И любящая женщина не можетъ
У ногъ своихъ безъ омерзѣнья видѣть
Предателя и подлаго раба!

Эгнатій (*встаётъ.*)

Такъ знай же, горделивая матрона:
Валерій твой палъ подъ рукой убійцы!

Сервилія.

Ты лжёшь, презрѣнный! Еслибы Валерій
Погибъ, моё недремлющее сердце
Расторглось бы на части!

Эгнатій.

Утѣшайся
Безсонницей и чуткостью сердца!..
Однакоже довольно пустословить...
Прослушай мой послѣдній приговоръ:
Я поклялся, что ты отсюда выйдешь
Моей женой, и не нарушу клятвы.

Сервилія.

Я прежде черепъ раздроблю о стѣны,
Чѣмъ до меня рука твоя коснётся.

Эгнатій.

Съ безумными речей не стоитъ тратить...
Пойми, что̀ ты во власти у меня
И не питай надежды на спасенье:
Твой крикъ замрётъ подъ сводами глухими,
А слухъ хозяйки дома и невольницъ
Мертвѣе камня. Люди не помогутъ,
А боги... пьютъ свой нектаръ на Олимпѣ.

Сервилія.

И громъ на богохульника готовятъ!

Эгнатій.

Эгнатій въ ихъ безсильный громъ не вѣритъ,
А вѣритъ въ умъ и волю человѣка.
Сервилія! я твёрдо убѣжденъ,
Что ты меня со-временемъ полюбишь:
Теперь ты къ этой мысли не привыкла,
Но дай пройдти минутному волненью...

Сервилия.

Чудовище!..

Эгнатій.

Я призову Локусту:
Она тебя въ уборную проводитъ.
При свѣтѣ лампъ, подъ звуки томной цитры,
Подъ сѣнью ароматною цвѣтовъ,
Ты просвѣтлѣешь мыслями и чувствомъ.
На нѣсколько мгновеній я оставлю
Тебя одну... Размысли хорошенько,
Одумайся, Сервилія!

(*Уходитъ за занавѣсъ.*)

ЯВЛЕНІЕ X.

Сервилія (*тушитъ лампу и подбѣгаетъ къ дверямъ атріума.*)

О боги!
Всё заперто...
Послѣдняя надежда!

(*Рыдаетъ.*)

Валерій мой! бѣдный мой Валерій!
Прости навѣкъ... Ещё одно мгновенье —
И смерть меня избавитъ отъ позора.

(*Ломаетъ себѣ руки.*)

Но гдѣ же вы, всевидящіе боги?
Спасите! васъ несчастье умоляетъ:
Спасите отъ погибели...

Да нѣтъ!

(*Отчаянно.*)

Вы слѣпы, глухи!

(*Дверь налѣво тихо отворяется; изъ нея выходитъ Неволея въ бѣлой одеждѣ, съ факеломъ.*)

ЯВЛЕНІЕ XI.

Сервилія и Неволея.

Неволея (*подходитъ къ Сервиліи.*)

Не зови боговъ,
Сестра моя Сервилія!

Сервилія.

Кто ты?

Неволея.

Невольница Локусты, Неволея,
Сестра твоя о Господѣ.

Сервилія.

Сестра?..
Откуда ты? зачѣмъ сюда пришла?

Неволея.

Пришла спасти тебя, во имя Бога
И нашего Спасителя Христа.

Сервилія.

Ты христіанка?

Неволея.

Я оглашена
И омываю горькими слезами
Мои грѣхи...

(*Указываетъ на дверь.*)

За этой тайной дверью
Есть тайный ходъ подземный въ катакомбы:
Пойдёмъ со мной! пойдёмъ скорѣе... чу!

(*За занавѣсомъ слышны скрипъ двери и шаги.*)

Сервилія.

Веди меня! .
Тебѣ, Богъ христіанскій,
Сервилія судьбу свою вручаетъ!

(*Уходятъ.*)

ДѢЙСТВІЕ ПЯТОЕ.

Капище Венеры [38]) — Посрединѣ задней стѣны восьмиколонное преддверье капища съ рѣшётчатыми створами. Направо арка въ смежный притворъ кумирни; налѣво, противъ арки, колоссальный истуканъ Венеры. У подножья статуи трехступенная эстрада и на ней сѣдалища кесаря и двухъ консуловъ; у нижней ступеньки эстрады курульный стулъ претора и скамья трибуновъ; по бокамъ разставлены полукругомъ скамьи съ приступками для сенаторовъ. Эстрада и скамьи ограждены раздвижными перилами и крыты пурпуромъ. Въ лѣвомъ углу, за перилами, столъ для писцовъ. Посрединѣ сцены жертвенникъ. За сценой слышенъ гулъ толпы.

ЯВЛЕНІЕ I.

Консулы Кай Светоній и Люцій Телезинъ, сенаторы, преторъ, два трибуна и писцы *стоятъ у своихъ мѣстъ*, квесторъ *за сѣдалищемъ* Кесаря, глашатай *за преторскимъ стуломъ*, Сабинъ Осторій *у скамьи трибуновъ; ликторы размѣщены съ двухъ сторонъ передъ перилами;* жрецъ.

Жрецъ (*подходитъ къ жертвеннику.*)

Да будутъ мнѣ свидѣтелями боги!
Ни птицъ полетъ, ни внутренности жертвы
Не предвѣщаютъ ничего худаго,
И трибуналъ имѣетъ приступить

Къ рѣшенью дѣлъ и всякимъ разсужденьямъ.

(*Присутствующіе садятся, за исключеніемъ квестора, глашатая, Сабина Осторія и ликторовъ Жрецъ уходитъ.*)

ЯВЛЕНІЕ II.

Тѣ же, *кромѣ* жреца.

Преторъ (*встаётъ.*)

Для славы и для счастія особы
Божественнаго кесаря Нерона,
И, слѣдственно, для счастія и славы
Богами охраняемаго Рима,
Нашъ трибуналъ откроетъ засѣданье
Прочтеніемъ проэкта нашихъ дѣйствій
Къ искорененью стоицизма.

(*Развёртываетъ свитокъ и читаетъ.*)

«Primo:

За присужденьемъ къ вѣчному изгнанью
Сенаторовъ: Гельвидія, Монтана,
Паконія [39]) и Сенція Торквата,
Собранье наше полагаетъ: вызвать
Тразею и Сорана, уличенныхъ
Въ умышленной измѣнѣ противъ Рима.
По вызовѣ жъ виновныхъ, не стѣсняясь
Неявкою очередныхъ трибуновъ,
А именно: Валерія, трибуна
Тринадцатаго триба, прочитать
Сенаторамъ Тразеѣ и Сорану

Примѣрное рѣшенье трибунала,
Которое затѣмъ благоговѣйно
Препроводитъ на судъ и усмотрѣнье
Божественнаго кесаря Нерона».

К. Светоній.

Ты пригласилъ виновныхъ, преторъ?

Преторъ.

Да

К. Светоній.

Явилися?

Преторъ

Явилися.

К. Светоній.

Глашатай,
Исполни долгъ!

Глашатай (*подходитъ къ периламъ.*)

Благоволятъ, граждане
Сенаторы Тразеа и Соранъ
Предъ трибуналъ явиться!

ЯВЛЕНІЕ III.

Тѣ же, Тразеа и Соранъ *выходятъ изъ-подъ арки и останавливаются передъ перилами.*

К. Светоній.

Трибуналъ
Васъ пригласилъ, сенаторы-граждане,
Затѣмъ, чтобъ вамъ прочесть свое рѣшенье
И дать возможность строгость приговора
Смягчить сознаньемъ вашего проступка.

Л. Телезинъ

Что скажетъ въ оправданіе Тразеа?

Тразеа.

Тразеа почитаетъ униженьемъ
Отвѣтствовать на ложь и клевету.

Л. Телезинъ.

Ты трибуналу отвѣчать обязанъ.

Тразеа.

Я отвѣчать обязанъ высшей силѣ
И кесарю, а кесарь знаетъ всё:
Я самъ ему признался откровенно
Въ моихъ поступкахъ, въ правилахъ, въ понятьяхъ,
Въ моихъ рѣчахъ и даже въ помышленьяхъ.
До полученья отъ него отвѣта,
Я буду глухъ и нѣмъ на всѣ вопросы.

К. Светоній.

Божественный нашъ кесарь Неронъ–Августъ
Въ Кампаніи.

Тразеа.

Но я ему писалъ.

Л. Телезинъ.

Однако же позволь тебѣ замѣтить,
Что кесарь самъ назначилъ трибуналъ,
И мы, по предоставленной намъ власти,
Тебя осудимъ, если ты теперь же
Намъ не представишь ясныхъ доказательствъ
Невинности своей и правоты.

Тразеа.

Я не могу и не хочу стѣснять
Законныхъ вашихъ дѣйствій: вы въ нихъ властны,
Какъ я въ своихъ... Но, если трибуналу

Отвѣтъ Тразеи нуженъ непремѣнно,
Вы можете на память записать,
Что я, Тразеа, всей моей душою,
Всѣмъ сердцемъ презираю Тигеллина,
Который ложно говорилъ устами
Усердныхъ обвинителей моихъ.

К. Светоній.

Нашъ трибуналъ не изъ дѣтей составленъ:
Онъ различитъ, что̀ истинно, что̀ ложно?

Тразеа.

Послушайте, сенаторы и судьи,
И консулы: ты, Люцій Телезинъ,
И ты, Светоній! Первый человѣкъ
Погибнуть можетъ: правда не погибнетъ!..
Вы слышите народный шумъ и крики?
То голоса̀ молвы тысячеустой,
Которая потомству передастъ
И вашъ позоръ, и судъ лицепріятный,
И имена смиренныя страдальцевъ,
Несправедливо обвинённыхъ вами...

Л. Телезинъ.

Довольно! Это гордое упорство
Сочтётся, при рѣшеніи суда,
За новую улику.

Тразеа.

Превосходно!
Я подожду правдиваго рѣшенья.

А. Светоній (*Сорану*.)

Соранъ, тебѣ грозитъ ещё одно

И важное, по смыслу, обвиненье:
Твой обвинитель — этотъ римскій всадникъ,
Сабинъ Осторій... Знаешь ли его?

Соранъ.

Я видывалъ Осторія, во время
Азійскаго проконсульства, въ Пергамѣ:
Онъ помогалъ корыстному Акрату
Отнять обманомъ у пергамскихъ гра̀жданъ
Картины ихъ и ста̀туи.

С. Осторій.

А ты,
Ты поукрылъ насильно этихъ гражданъ,
Которые Акрата оскорбили,
Хотя Акра̀тъ—отпущенникъ Нерона,..
Ты римлянинъ, сенаторъ и проконсулъ,
Гоняясь за любовью чужеземцевъ,
Поддерживалъ мятежническій духъ
Племёнъ азійскихъ... Кто тебѣ былъ другомъ?
Рубеллій Плавтъ, который осуждёнъ
Сенатомъ за измѣну противъ Рима!

Соранъ.

Я дружбою Рубеллія гордился
Такъ точно, какъ горжуся справедливо
Любовію и дружбою Тразеи.

Тразеа.

Благодарю... У нашихъ римлянъ есть
Пословица, что путнику въ дорогѣ
Весёлый другъ нужнѣе колесницы;
Но я скажу: на жизненномъ пути
Надёжный другъ всего необходимѣй.

С. Осторій.

Отцы и судьи! собственнымъ сознаньемъ
Въ своихъ связяхъ съ преступными людьми,
Соранъ мои укоры подтверждаетъ:
Мнѣ кажется: другихъ уликъ ненужно...
Но вы—еще не знаете, ка̀къ гнусны
И какъ преступны умыслы Сорана:
Охотой ставъ подъ знамя стоицизма
И обвинённый на равнѣ съ другими,
Соранъ дерзнулъ прибѣгнуть къ заклинаньямъ
Подземныхъ силъ и призывать на помощь
Жильцовъ могилы.

Соранъ.

Это—клевета.

С. Осторій.

Пусть преторъ поступаетъ по закону.

Преторъ.

Благоволитъ прослушать трибуналъ
Второй параграфъ нашего проэкта

(*Читаетъ.*)

« *Secundo*: Пригласить предъ трибуналъ
Дочь римскаго сенатора Сорана,
Сервилію ».

Л. Телезинъ.

Приглашена?

Преторъ.

Явилась.

Соранъ.

Я узнаю правдивый римскій судъ:
Онъ не щадитъ ни возраста, ни пола.

Тразеа.

Квириты судятъ безпомощныхъ женщинъ,
Должно-быть по предчувствію, что скоро
Самихъ ихъ тѣ же женщины осудятъ.

Л. Телезинъ.

Нашъ трибуналъ законами и волей
Божественнаго кесаря Нерона,
Поставленъ выше всякихъ порицаній,
И не тебѣ судить его...
Глашатай,
Исполни долгъ!

Глашатай (*громко.*)

Благоволитъ гражданка,
Дочь римскаго сенатора Сорана,
Сервилія, предъ трибуналъ явиться.

ЯВЛЕНІЕ IV.

Тѣ же и Сервилія. (*На ней длинная туника изъ грубой ткани; покрывало совершенно скрываетъ ея станъ и лицё. Сервилія проходитъ нѣсколько шаговъ и останавливается.*)

Соранъ.

О бѣдное, о бѣдное дитя!

Тразеа (*тихо.*)

Сервилія, друзья твои не дремлютъ...

К. Светоній.

Мы, консулы и судьи, пригласили
Дочь римскаго сенатора Сорана,
Сервилію, затѣмъ, чтобы спросить:

Давноль и ка́къ знакомъ съ ней римскій всадникъ
Сабинъ Осторій?

Сервилія (*тихо.*)

Я его не знаю.

С. Осторій.

Не правда: ты меня встрѣчала часто
На форумѣ, на улицахъ и въ храмахъ.

Сервилія (*взглядываетъ на Осторія.*)

Быть-можетъ, ты со мною и встрѣчался,
Но я тебя ни разу не видала.

С. Осторій.

Должно быть, ты моё лицо забыла...
Припомни, ка̀къ кормилица твоя
Ходила продавать твои наряды
Въ ту лавку?.. знаешь?..

Сервилія.

Знаю, что мнѣ стыдно
И за тебя, и за твои слова.

Л. Телезинъ.

Здѣсь трибуналъ: предъ ликомъ правосудья
Не существуетъ ложнаго стыда.

С. Осторій.

Позволь спросить: зачѣмъ ты приказала
Продать свое приданое?

(*Сервилія молчитъ.*)

Зачѣмъ?

Сервилія.

Уже-ли трибуналъ не запрещаетъ
Такихъ вопросовъ?

С. Осторій.

Ты на нихъ не хочешь,
А правильнѣй—боишься отвѣчать.
Я помогу тебѣ и самъ отвѣчу:
Ты продала приданое затѣмъ,
Чтобъ, выручивъ значительную сумму,
Снести её волшебникамъ и магамъ.

(*Указываетъ на Сорана.*)

По наущенью своего отца,
Ты къ нимъ ходила, совершала чары
И вызывала съ ними изъ Аида
Боговъ подземныхъ... можетъ-быть, на гибель
Сената и народа!.. Признавайся:
Зачѣмъ ты имя кесаря не разъ
Во время заклинаній поминала?
А! ты молчишь, блѣднѣешь?..
Я сказалъ.

(*Сервилія складываетъ руки, становится на колѣни и плачетъ, закрывшись покрываломъ.*)

К. Светоній.

Сервилія, ты можешь оправдаться?

(*Молчаніе.*)

Мы ждёмъ отвѣта...

Сервилія (*встаётъ.*)

Консулы и судьи!
Нѣтъ,—я боговъ подземныхъ не звала [40])
И гибели ни чьей не замышляла.
Молилась я единственно о томъ,
Чтобъ кесарь нашъ, по благости душевной,

Помиловалъ любезнаго отца.
Я къ магамъ не ходила, а ходила
Къ... гадальщицѣ, и точно отнесла
Ей всѣ мои вѣнчальные уборы.
Проси она души моей и жизни —
Повѣрьте, я ихъ бы отдала.
Ужель за эту женщину я буду,
Какъ за себя, отвѣтствовать закону?
Я прежде съ нею не была знакома:
Слыхала только объ ея искусствѣ,
Но таинъ искусства этого не знала;
Сама же я о кесарѣ иначе,
Какъ о богахъ, нигдѣ не говорила.
Но если я виновна, осудите
Меня одну: несчастный мой родитель
Не вѣдалъ даже о моёмъ проступкѣ...

Соранъ.

Сервилія, не трать сердечныхъ словъ!
Благоволите, консулы и судьи,
Прослушавъ дочь, прослушать и отца:
Вы дочь мою, Сервилію, призвали
Какъ жалкую преступницу, къ отвѣту;
Но въ чёмъ она преступна и виновна?
Она со мной въ Пергамѣ не была
И Плавта не знавала. Отношенья
Мои къ Тразеѣ и другимъ особамъ,
Которыя обвинены со мною,
Ей были вовсе чужды. Не-уже-ли
Вы можете вмѣнить ей въ преступленье
Дочернюю привязанность и нѣжность?
Прошу васъ—отдѣлить судьбу отца

От участи невиннаго ребёнка —
И жребій мой, каковъ бы ни былъ онъ,
Покажется мнѣ сладостнымъ.

Сервилія (*простираетъ къ нему руки.*)

Родитель!

Соранъ.

Сервилія!

(*Они хотятъ броситься другъ къ другу въ объятія: ликторы разлучаютъ.*)

Л. Телезинъ.

Соранъ, предъ трибуналомъ
Нѣтъ ни отца, ни дочери, а есть
Сообщникъ и сообщница.

Преторъ.

Не время ль
Позвать теперь свидѣтелей? По списку,
Важнѣе всѣхъ отпущенникъ Эгнатій...

К. Светоній.

Явился онъ на вызовъ?

Преторъ.

Да.

К. Светоній.

Глашатай,
Исполни долгъ!

Глашатай (*громко.*)

Отпущенникъ Эгнатій!

ЯВЛЕНІЕ V.

Тѣ же и Эгнатій (*подходитъ къ жертвеннику. Соранъ наклоняетъ голову; Тразеа презрительно смотритъ на Эгнатія.*)

Л. Телезинъ.

Эгнатій, ты обязанъ намъ поклясться
Юпитеромъ, что скажешь трибуналу
Всю истину.

Эгнатій (*кладетъ руку на жертвенникъ.*)

Клянуся!

Телезинъ.

Подойди
И объясни, что знаешь, откровенно.

Эгнатій (*подходитъ къ экстрадѣ.*

Свидѣтельство мое не многословно.
Я снова просмотрѣлъ ихъ протоколъ
И свѣрилъ съ черновою: онъ исправенъ.

(*Подаётъ претору свитокъ.*)

Хотя здѣсь говорится о префектѣ
Преторіанцевъ и о тѣхъ доносахъ,
Которые терзаютъ гражданъ, но...
Я самъ составилъ этотъ протоколъ
И знаю твёрдо стоиковъ: конечно—
Они не ждали лёгкихъ обвиненій
И будутъ рады, если ихъ осудятъ,
Какъ безпокойныхъ и зловредныхъ гражданъ,
Которымъ слѣдуетъ пресѣчь всѣ средства

Къ развитію химерныхъ ихъ идей.
Чѣмъ ни рѣшилъ бы трибуналъ ихъ участь,
Рѣшенье будетъ крайне-благосклонно:
Они со мною сами согласятся
И, вѣрно, мнѣ не будутъ прекословить.

Л. Телезинъ.

Соранъ, ты слышишь?

(*Соранъ не поднимаетъ головы.*)

Тразеа.

Именитый консулъ!
Онъ слышитъ... *Ты* не видишь, что презрѣнье
И скорбь уста Сорана заграждаютъ.

(*Указываетъ на Эгнатія.*)

Взгляните: этотъ низкій обвинитель,
Когда-то плѣнный сирота-ребенокъ,
Безъ языка и образа людскаго,
Сораномъ поднятъ былъ изъ состраданья
И снятъ съ мостковъ на грязномъ рабскомъ рынкѣ.
Не годъ, не два, десятки лѣтъ Соранъ
Его растилъ, какъ дорогаго сына,
Образовалъ и отпустилъ на волю,
И даже въ завѣщаньи отказалъ
Не малое богатство... Вотъ награда!

(*Между сенаторами поднимается ропотъ; на нѣсколькихъ лицахъ выражается участіе.*)

Вскормите звѣря дикаго—и тотъ
Вамъ будетъ преданъ...

Эгнатій.

Перестань, Тразеа!

Твои слова всѣ клонятся къ тому,
Чтобъ объяснить молчаніе Сорана
Презрѣніемъ... Зачѣмъ же *ты* молчишь?

Тразеа.

Я не молчу.

Эгнатій.

Но замолчишь, Тразеа,
Когда я буду говорить о цѣли
Твоихъ собратій.

Тразеа.

Новаго не скажешь!
Все знаетъ кесарь; я ему писалъ.

Эгнатій.

И ты такъ легковѣренъ?...

(*За сценой шумъ. Слышны голоса.*)

Преторъ! преторъ!
Свидѣтелей къ тебѣ не допускаютъ!
Вели открыть рѣшотку!

Преторъ (*ликторамъ.*)

Отворите!

(*Ликторы отворяютъ рѣшотку.*)

ЯВЛЕНІЕ VI.

Тѣ же, Ф. Аферъ, Посидесъ, Мелла.

(*Сквозь отворенную рѣшётку видна часть форума, покрытая густою массою народа. Передняя толпа взбирается на ступени храмовой лѣстницы, сталкиваетъ стоящихъ на ней преторіанцевъ и тѣснится у дверей капища. Въ первомъ ряду Аферъ, Цестъ, Мелла и Посидесъ.*)

Преторъ (*вошедшимъ.*)

Кто вы такіе?

Ф. Аферъ.

Римскіе граждане:
Цестъ, Аферъ, Посидесъ и Мелла.

Преторъ.

Зачѣмъ же вы явились въ трибуналъ?

Посидесъ.

Мы избраны валеріевымъ трибомъ—
Просить тебя.

Преторъ.

О чёмъ?

Мелла.

Позволь намъ, преторъ,
Прослушать, за отсутствіемъ трибуна.
Рѣшенье трибунала.

Преторъ (*послѣ нѣсколькихъ словъ съ консулами.*)

Позволяю.

(*Ликторамъ тихо:*)

Но затворить рѣшётку.

Одинъ изъ ликторовъ (*тихо.*)

Невозможно!

Посидесъ.

Съ тѣмъ вмѣстѣ, преторъ, ты насъ допусти
Въ свидѣтели.

Преторъ.

Чего же вы хотите?

Посидесъ.

Хотимъ тебя увѣрить, что невѣста
Трибуна нашего, Валерія, — права̀,
А вы... то есть, не всѣ вы... виноваты.

Преторъ.

Вы объяснитесь...

Голосъ изъ толпы.

Аферъ, говори!

Ф. Аферъ.

Пресвѣтлый, правосудный трибуналъ!
Дочь римскаго сенатора Сорана,
Сервилія, обвинена неправо.

(*Консулы и сенаторы начинаютъ шептаться. Преторъ торопливо пишетъ Эгнатій подходитъ къ нему и говоритъ на ухо. Изъ-подъ арки, одни за другими выходятъ вооруженные преторіанцы и становятся вдоль стѣнъ капища.*)

ЯВЛЕНІЕ VII

Те же и преторіанцы

Аферъ (*продолжаетъ.*)

Сервилія обманута Локустой,
Которая, заранѣй сговорившись
Съ предателемъ Эгнатіемъ, успѣла
Завлечь ее въ свой тартаръ обѣщаньемъ
Открыть предъ нею будущность Сорана.
Вы можете порядкомъ допросить
Невольницу Лоскуты, Фортунату.

(*Указываетъ на С. Осторія.*)

Вотъ этотъ старый всадникъ былъ подкупленъ,
Черезъ Локусту, Силіей, вдовою
Сенатора Антистія: спросите
Ея невольницъ.

А волшебнымъ чарамъ
Сервилія ни мало не причастна,
И вообще мы клятвой утверждаемъ,
Что нѣтъ ея невиннѣй въ цѣломъ Римѣ,
И что она достойна быть супругой
Такого молодца и гражданина,
Какъ нашъ трибунъ Валерій. Кто не вѣритъ,
Тотъ недругъ намъ и трибу.

Я сказалъ.

(*Оборачивается къ Сервиліи и кланяется.*)

Сервилія (*откидываетъ покрывало.*)

Благодарю тебя, Фульциній Аферъ,
Не за себя, за твоего трибуна,

За память о душѣ его безцѣнной.

(*Опускаетъ покрывало и плачетъ.*)

Соранъ (*Фульцинію Аферу.*)

Отецъ за дочь тебя благодаритъ.

Тразеа.

А я за Римъ.

Поспдесъ.

Скажи еще имъ, Аферъ,

Что у такихъ хорошихъ дочерей

Худыхъ отцовъ навѣрно не бываетъ.

Мелла.

А у отцовъ хорошихъ и друзья

Должны быть также нехудые, Аферъ!

(*Сенаторы выражаютъ свое неудовольствіе ропотомъ.*)

Нѣсколько голосовъ:

Что это значитъ, преторъ?

Здѣсь не форумъ!

Свидѣтели съ какихъ-то перекрестковъ!

Гдѣ ихъ улики? Какъ ихъ допускать

Къ присягѣ? Plebs! туничники!

Ф. Аферъ (*спокойно.*)

Законы

Не дозволяютъ гражданъ оскорблять,

А ограждаютъ ихъ права и личность.

Мы требуемъ, чтобъ вы насъ допустили

Къ свидѣтельству и достодолжной клятвѣ.

Л. Телезинъ.

Свидѣтели, отъ васъ не отнимаютъ

Законныхъ правъ: вы можете явиться
Въ другое время. Наше засѣданье
Кончается, и преторъ прочитаетъ
Примѣрное рѣшенье трибунала.

Преторъ (*встаетъ и скидаетъ съ себя претексту.*)

Благоволятъ отцы и судьи слушать!

(*Читаетъ:*)

«Единогласнымъ мнѣніемъ, скрѣпленнымъ
Печатями и подписію общей,
Всѣ члены трибунала положили:
Сенаторовъ Тразею и Сорана,
Безспорно уличенныхъ трибуналомъ
Въ умышленной измѣнѣ противъ Рима,
Лишить публично римскаго гражданства
И осудить на вѣчное изгнанье;
Имущество виновныхъ распродать,
И, воспретивши имъ огонь и воду,
А вмѣстѣ съ тѣмъ отнявъ у нихъ права
На собственность во всѣхъ владѣньяхъ Рима,
Оставить имъ безпрекословно право:
Все отчуждать въ общественную пользу,
Хотя бы даже самую ихъ жизнь.
Дочь римскаго сенатора Сорана,
Сервилію, по молодости лѣтъ
И по сомнѣнью въ важности проступка,
Отдать, для испытанья, на поруки
Такому-то...»

Здѣсь слѣдуетъ назвать
Кого-нибудь... Положимъ, что... Эгнатій...

(*Вписываетъ*)

Теперь намъ остается подписать,

Такъ-какъ трибуны римскаго народа
Согласны и не произносятъ...

ЯВЛЕНІЕ VIII

Тѣ же и Валерій *появляется въ преддверіи капища.*

ВАЛЕРІЙ.

Veto! [41])

НѢСКОЛЬКО ГОЛОСОВЪ.

Валерій!!

(*Изъ груди Сервиліи вырывается страшный крикъ; она шатается и падаетъ на руки подоспѣвшаго Сорана.*)

ЭГНАТІЙ.

Живъ?.. Смертельный врагъ мой живъ!
А я, безумецъ, вѣрилъ въ силу воли!
Проклятье!

(*Рветъ на себѣ волосы.*)

ВАЛЕРІЙ.

Властью римскаго трибуна,
Я закрываю засѣданье.

ЯВЛЕНІЕ IX.

Тѣ же и Тигеллинъ.

Тигеллинъ, (*подходя къ Валерію.*)

Что̀–о?!
Трибунъ? трибунъ при кесарѣ Неронѣ!
Трибунъ и veto?!

Преторъ.

Мы не позволяемъ.
Валерій не являлся въ засѣданье,
потому теряетъ въ этомъ дѣлѣ
Права̀ трибуна.

Валерій.

Консулы и судьи!
Я вамъ привёзъ отъ кесаря посланье

(*Подаётъ свитокъ Л. Телезину, который передаётъ его квестору.*)

Тигеллинъ.

Отъ Кесаря?

Эгнатій (*тихо.*)

А!.. это Мессалина!

Преторъ.

Я требую вниманія!

(*Всѣ встаютъ; глубокая тишина.*)

Квесторъ (*читаетъ.*)

«Отцы–
Сенаторы! Трибунъ Валерій Рустикъ

Всё это время былъ удержанъ мною
Для пересмотра нѣкоторыхъ дѣлъ:
Прошу считать, на прежнемъ основаньѣ
Его моимъ очереднымъ трибуномъ.
Календы мая. Кесарь Нѣронъ–Августъ.»

Валерій.

При этомъ кесарь далъ мнѣ повелѣнье
Увѣдомить сенаторовъ и судій,
Что завтра утромъ онъ прибудетъ въ Римъ.

Народъ.

Дà здравствуетъ божественный нашъ кесарь!
Дá здравствуетъ божественный нашъ кесарь!

Преторъ.

Собранье наше кончено... Отцы–
Сенаторы! мы можемъ удалиться.

(*Присутствующіе сходятъ съ мѣстъ. Консулы, преторъ, нѣсколько сенаторовъ, квесторъ, глашатай, писцы и ликторы уходятъ одни за другими. Валерія окружаетъ толпа. Кліенты целуютъ полы его тоги.*)

Эгнатій (*Тигеллину.*)

Не выпускай Валерія изъ храма;
Вели убить!

(*Тигеллинъ, молча, указываетъ на толпу, пожимаетъ плечами и уходитъ.*)

ЯВЛЕНІЕ X.

Тѣ же, *кромѣ вышедшихъ.*

Эгнатій (*глядитъ вслѣдъ Тигеллину.*)

Не хочешь?
Такъ я самъ...
Пусть разорвётъ толпа меня на части,
Я не одинъ погибну: всё-же легче!

(*Садится на скамью.*)

Валерій (*пожимаетъ руки нѣкоторымъ изъ окружающихъ его.*)

Теперь я вашъ, друзья мои!

(*Подходитъ къ Тразеѣ, обнимаетъ и целуетъ его.*)

Тразеа!

(*Ищетъ глазами Сорана и, увидѣвъ Сервилію, вскрикиваетъ:*)

Сервилія!

(*Бросается къ Сервиліи.*)

Сервилія! ты здѣсь!

Сервилія (*слабымъ голосомъ.*)

Валерій!.. ты... не подходи ко мнѣ!
Я такъ слаба... не подходи ко мнѣ!

Валерій (*останавливается.*)

Сервилія, да что съ тобой?.. твой голосъ,
Твои глаза...

Сервилія.

На нихъ—печать могилы.

Валерій.

Сервилія! зачѣмъ меня пугать?

Сервилія (*Сорану.*)

Пусти, отецъ!.. мнѣ легче...

(***Выпрямляется. Валерію:***)

Милый другъ!

Я чувствую, во мнѣ достанетъ силы
Всё разсказать... Меня сейчасъ судили.

Валерій.

Тебя? судили?

Сервилія

Да... за колдовство.
Я о тебѣ и о моемъ отцѣ
Пошла гадать... Нашлися злые люди
И мнѣ въ вину поставили гаданье...
Но гдѣ жь ты былъ, мой дорогой Валерій?

Валерій.

У кесаря. Условіемъ спасенья
Отца, Тразеи, всѣхъ насъ было то,
Чтобъ я не смѣлъ показываться въ Римѣ
И вѣсти не давалъ вамъ о себѣ.
Быть-можетъ, это было испытанье?

Сервилія.

А я, Валерій, думала, что мы
Не встрѣтимся съ тобой на этомъ свѣтѣ.
Меня враги увѣрили... сказали:
«Валерій твой палъ подъ рукой убійцы!»

Я плакала, я плакала такъ долго,
Молилася, молилась такъ усердно,
Что наконецъ Господь меня утѣшилъ.

Валерій.

Сервилія! ты очень-нездорова...
Тебѣ покой и сонъ необходимы,
А здѣсь такое множество народа.

Соранъ.

Дитя моё! уйдёмъ скорѣй отсюда:
Ты отдохнёшь подъ кровлею родною.

Сервилія.

Я отдохну, но подъ другою кровлей...
Валерій! обѣщай исполнить волю
И просьбу умирающей: клянися —
Не мстить моимъ заблудшимся врагамъ,
Клянись не предаваться малодушью,
Отчаянью...

Валерій.

Сервилія!..

Сервилія.

Клянися!

Валерій.

Клянусь тебѣ, Сервилія!

Сервилія.

Послушай!

(*Берётъ его за руку и дѣлаетъ нѣсколько шаговъ.*)

Эгнатій (*встаётъ со скамьи.*)

Она его сама ко мнѣ подводитъ...
Пойдёмъ на встрѣчу молодой четѣ!

Сервилія (*останавливается.*)

Валерій!

(*Голосъ ея звучно раздается подъ сводами капища. Толпа тѣснится внимательнымъ кружкомъ. Эгнатій становится за Валеріемъ.*)

Я прозрѣла въ новый міръ,
Узнала силу чудной благодати
И поняла душою просвѣтлѣнной,
Что наша человѣческая мудрость,
Поэзія, искусство и наука,
И наши боги — эти идеалы
Юдольныхъ добродѣтелей и истинъ —
Не болѣе, какъ тѣни отъ пылинокъ
Предъ вѣчнымъ солнцемъ правды и любви...
Я — христіанка!

(*Валерій вздрагиваетъ. Толпа съ ропотомъ отступаетъ.*)

Эгнатій (*радостно.*)

А! моя звѣзда,
Ты не угасла!

Сервилія.

Да я христіанка,
Но имени Христова не достойна...
Простясь съ тобою мысленно на вѣки,
Я, у святаго алтаря Господня,
Произнесла обѣты! посвятить
Себя на службу Богу и отречься
Отъ радостей земныхъ и отъ любви.
Когда жъ тебя я снова увидала,

Изъ моего болѣзненнаго сердца
Рванулся вопль, такой ужасный вопль,
Что струны жизни разомъ порвалися...
Теперь звучитъ послѣдняя струна,
И та слабѣетъ...
Милый мой Валерій!
Сервилія, поклонница кумировъ,
Тебя любила сердцемъ; христіанка
Тебя душой своей безплотной любитъ...
Увѣруй, обратися ко Христу —
И мы съ тобою въ небѣ съединимся!

(*Голосъ ея слабѣетъ съ каждымъ словомъ.*)

Я знаю... ты увѣруешь... и скоро...
Найди того, котораго недавно
Ты защитилъ отъ ярости народа:
Онъ защититъ тебя отъ искушенья
И отъ духовной гибели спасётъ,
Какъ спасъ меня и многихъ грѣшныхъ братій...
Теперь земное кончено.
Валерій,
Простись съ твоей Сервиліей... Отецъ...

(*шатается. Валерій и Соранъ её поддерживаютъ.*)

Дай руку... гдѣ ты... гдѣ ты, мой Валерій?..

Валерій.

Здѣсь, здѣсь, мой другъ! у сердца твоего!

Эгнатій.

Съ ней обморокъ! Врача сюда скорѣе!

Сервилія (*шёпотомъ.*)

Прости меня, Небесный Искупитель!
Какъ я прощаю... злѣйшаго врага...

Валерій.

Сервилія!.. Сервилія!.. Я вѣрю,
Съ тобою вмѣстѣ вѣрю...

Соранъ.

Не зови:
Сервилія насъ больше не услышитъ!

Валерій.

Меня услышитъ!

(*Выхватываетъ изъ-подъ тоги ножъ.*)

Тразеа (*останавливаетъ руку Валерія.*)

Клятвы не забудь!
Гдѣ духъ ея, туда не долетитъ
Душа самоубійцы.

(*Валерій закрываетъ лицё руками и плачетъ.*)

Эгнатій (*подходитъ ближе и смотритъ на трупъ Сервиліи.*)

Умерла...
Враговъ... меня простила, умирая...

(*Раздираетъ на себѣ одежду.*)

О, горе мнѣ! Есть Всемогущій Богъ,
Есть неумытный Судія на небѣ,
Защитникъ добрыхъ и каратель злыхъ!

ПСКОВИТЯНКА

ДРАМА

ВЪ ПЯТИ ДѢЙСТВІЯХЪ.

ДѢЙСТВУЮЩІЯ ЛИЦА:

Царь Іоаннъ Васильевичъ Грозный.

Царевичъ Іоаннъ.

Борисъ Ѳедоровичъ Годуновъ.

Малюта Скуратовъ.

Князь Аѳанасій Вяземскій.

Дьякъ Елизаръ Вылузгинъ.

Иванъ Бобрищевъ-Пушкинъ.

Сокольничій.

Елисей Бомелий.

Князь Юрій Ивановичъ Токмаковъ, царскій намѣстникъ и степенный посадникъ въ Псковѣ.

Бояринъ Иванъ Семеновичъ Шелога (Псковичъ.)

Бояринъ Никита Матута (Псковичъ.)

Максимъ Иларіоновичъ, бывшій степенный посадникъ въ Псковѣ.

Иванъ Гахоновичъ.

Григорій Хрустоловъ.
Юрій Копылъ. — псковскіе посадники.
Иванъ Тенишинъ.
Яковъ Кротовъ.

Михаилъ Андреевичъ Туча.
Четвёртка Терпигоревъ. — посадничьи сыновья.

Дмитро Патрикѣевичъ, сотскій.

Ѳедосъ Гоболя.
Иванко Тѷргоша.
Клементій Сесторимовъ.
Иванко Подкурскій. — очередные псковскихъ концовъ.
Кѷлтырь Раковъ.
Василій Суконникъ.
Яковъ Желѣзовъ.

Юшко Велебинъ, гонецъ.

Семёнъ Ивановъ Бороусовъ, псковской гость.

Боярыня Вѣра Дмитріевна Шелога.

Боярышня Надежда Дмитріевна Насонова, ея сестра.

Перфильевна, мамка.

Княжна Ольга Юрьевна Токмакова.

Боярышня Степанида Матута
Княжна Дябренская
Боярышня Ѳедосья Умылъ-Бородина
} подруги Ольги.

Настька, сѣнная дѣвушка.

Власьевна
Ипатьевна
Парѳёновна
} мамки.

Тысяцкій, судья, псковскіе бояре, опричники, рынды, московскіе стрѣльцы, псковская вольница, сѣнныя дѣвушки, мальчишки, народъ.

Въ первыхъ четырёхъ дѣйствіяхъ—Псковъ: въ пятомъ—берегъ рѣки Мѣдѣдни.

Первое дѣйствіе въ 1555, остальныя въ 1570 году. [42].)

ДѢЙСТВІЕ ПЕРВОЕ.

ДѢЙСТВУЮЩІЕ:

Бояринъ Иванъ Семеновичъ Шелога.

Вѣра Дмитріевна, его жена.

Надежда Насонова, сестра Вѣры.

Князь Юрій Ивановичъ Токмаковъ.

Матрена Перфильевна, мамка Надежды.

Псковъ. 1553 годъ.

Свѣтлица. На заднемъ планѣ—сѣнная дверь; направо два окна въ садъ; одно раскрыто, и въ него вбивается нѣсколько вѣтокъ черёмухи. Налѣво полурастворенная дверь; подлѣ нея столъ, и на немъ ларецъ; передъ открытымъ окномъ пяльцы и два стула съ высокими рѣзными спинками. Утро.

ЯВЛЕНІЕ I.

Надежда *сидитъ за пяльцами;* Перфильевна *стоитъ у стола и отпираетъ ларецъ.* Надежда *въ сарафанѣ; волосы заплетены въ косу.* Перфильевна *въ тѣлогрѣѣ и кикѣ.*

Перфильевна.

Вотъ, матушка-боярышня, такъ поднизь!...
Гляди-ка-ся, какъ жемчугъ-то подобранъ —
Роса на травкѣ... Эдакую поднизь

Не-то, что королевишнѣ носить,
Хоть–бы самой царицѣ — право-слово!
(*Подходитъ къ Надеждѣ.*)
Прикинемъ-ка къ волосикамъ твоимъ
Шелковымъ...
(*Примѣриваетъ поднизь.*)
Куда–какъ разуборно?...
Сама–то ты жемчужина въ окатѣ,
Аль камешекъ лазоревый... во Псковѣ
Красавицъ нѣту супротивъ тебя,
Опричь твоей сестрицы.

Надежда.

Полно, няня!
Хвали сестру, да не стыди меня:
Мы съ Вѣрушкой и сестры, да неровни.

Перфильевна.

Надёженька! да вы съ сестрой — двойчатки,
Двѣ ягодки на вѣточкѣ одной...
Намедни мы пошли съ сестрицей въ церковь —
Народу много, и пригожихъ много —
Гляжу — гляжу: всё дѣвки молодыя,
А краше Вѣры Дмитріевны нѣтъ!
Вотъ, думаю я спросту, хоть и стёрто,
Да золото литое, хоть и цѣльно,
А серебро.

Надежда (*въ раздумьѣ.*)

Перфильевна! не знаешь,
О чемъ сестра тоскуетъ?

Перфильевна (*кладётъ поднизь на пяльцы и вздыхаетъ.*)

Знаетъ грудь

Да подоплёка... Муженёкъ не ѣдетъ —
Вотъ и тоскуетъ... Порознь-то давненько,
А молодой-то женѣ безъ мужа скучно.

НАДЕЖДА.

Такая всё печальная, такая
Понурая... Словечка не промолвитъ;
Сидитъ себѣ весь день надъ колыбелью,
Да Оленьку целуетъ...

ПЕРФИЛЬЕВНА.

Эхъ, Надёжа!
Какъ выйдешь замужъ, такъ сама узнаешь
Въ ту пору,—коково оно легко
И мужа-то любить, и дѣтокъ нянчить.
Вотъ, погоди: твой женишёкъ, князь Юрій,
Съ бояриномъ вернётся изъ похода —
Ужь,—плачь не плачь,—а косу расплету.

НАДЕЖДА (*наклоняется надъ пяльцами.*)

Заплачется, коль суженый невзраченъ.

ПЕРФИЛЬЕВНА.

Князь Юрій-то! Да что ты, Богъ съ тобою!
Не грѣхъ тебѣ?.. Да эдакаго князя
Всѣ дѣвушки съ руками оторвутъ...
Бывало онъ по улицѣ поѣдетъ —
Конь, что твой звѣрь: и фыркаетъ, и пляшетъ,
И на дыбки, а онъ-то, разсоколикъ,
Сидитъ себѣ на нёмъ и въ усъ не дуетъ:
Знай, шапочку соболью оправляетъ,
Да встряхиваетъ кудрями, а самъ

На теремъ нашъ всё смотритъ, всё-то смотритъ...
А то не взраченъ!

(*Бьётъ объ полы руками.*)

Дура же, я дура!
И не въ домёкъ, что ты меня морочишь:
Давно ль сама хвалила жениха?

Надежда (*улыбается*)

Я пошутила.

Перфильевна.

Видно, пошутила!
А плакала зачѣмъ, какъ онъ уѣхалъ?..
Ну, что̀ стыдиться? плакать незазорно
По суженомъ...

(*Качаетъ головой и смѣётся.*)

Забыть мнѣ, — не забыть,
Какъ онъ въ Великихъ-Лукахъ-то со мною
Столкнулся — и давай мнѣ напѣвать
Про дѣвичью красу, свою зазнобу...
Изъ Лукъ-то мы когда съ тобой?

Надежда.

Великимъ
Постомъ.

Перфильевна.

Ну—вотъ, на пятой-то недѣлѣ
Ровнёхонько былъ годъ... Аль на четвёртой?
Не помню... а распутица стояла:
Такая склизь, что — Боже упаси!
Плетуся я проулкомъ отъ вечеренъ,
Да подъ ноги гляжу, а князь-отъ Юрій

На встрѣчу мнѣ: «Перфильевна, здорово!»
Я кланяюсь, а онъ мнѣ говоритъ:
«Скажи своей боярышнѣ, родная,
Что вся душа моя по ней изныла
И Божій день, молъ, безъ нея не въ день.
(А самъ кису мнѣ въ руки суетъ-суетъ.)
Смотри жь, скажи Перфильевна!»—«Скажу, молъ,
Родимый мой, скажу.»

Надежда.

И не сказала!

Перфильевна.

Какъ не сказала?... Да Господь съ тобою!
Да ты тогда...

Надежда.

И слушать не хочу.
Молчи, молчи!

(*Зажимаетъ Перфильевнѣ ротъ и смѣется. За сценой слышенъ дѣтскій крикъ.*)

Ахъ! Оленька проснулась.
Вѣдь это мы съ тобою разбудили.

Вѣра (*за сценой.*)

Шш-шш-шш,
Баю-бай-бай-бай,
Баю-бай-бай-бай,

Перфильевна (*шепотомъ.*)

Припрятать подпизь, да сходить на погребъ.

(*Запираетъ поднизь въ ларецъ и уходитъ въ сѣнную дверь.*)

ЯВЛЕНІЕ II.

Надежда, *потомъ* Вѣра.

Вѣра (*за сценой напѣваетъ вполголоса.*)

Баю-баюшки-баю,
Баю-Оленьку мою!
Что на зорькѣ на зорѣ,
О весенней о порѣ,
Птички Божіи поютъ,
Въ тёмномъ лѣсѣ гнѣзда вьютъ.
Баю-баюшки-баю
Баю Оленьку мою!
Соловейко—соловей!
Ты гнѣзда себѣ не вей:
Прилетай ты въ нашъ садокъ,
Подъ высокой теремокъ.
Баю-баюшки-баю,
Баю Оленьку мою!
По кусточкамъ попорхать,
Спѣлыхъ ягодъ поклевать
Солнцемъ крылышки пригрѣть,
Олѣ пѣсенку пропѣть.
Баю-баюшки-баю,
Баю Оленьку мою!

(*Входитъ въ свѣтлицу. На ней цвѣтная шубка и каптуръ.*)

Надежда (*оборачивается.*)

Что̀, Оленька подъ пѣсенку твою
Заснула?

Вѣра.

Да.

(*Садится на стулъ.*)

А ты чему смѣялась?

Надежда.

Съ Перфильевной: она хвалила князя,
А я его бранила.

Вѣра.

Жениха-то?

Вѣдь я шутя.

Вѣра (*улыбается.*)

А любишь не на шутку?

Надежда.

Не знаю какъ: люблю и не люблю...
Какъ здѣсь онъ былъ, такъ я его боялась,
А какъ уѣхалъ, стало, словно, жалко...
Бывало, и не думаю о немъ,
И нѐ взгляну, когда проѣдетъ мимо,
Теперь-то—вотъ хоть бы глазкомъ взглянула,
Да нѐ на что. Когда они вернутся?
Пора бы насъ порадовать...

Вѣра (*потупилась.*)

Пора!...

Надежда.

Давно твой мужъ подъ Колывань уѣхалъ?

Вѣра.

Давно...

Надежда.

И Оли не видалъ, сестрица?

Вѣра, (*задыхаясь.*)

Нѣтъ...

Надежда.

Какъ же онъ утѣшится, сердечный!
Какъ расцелуетъ Оленьку!

Вѣра (*вскрикиваетъ.*)

Молчи!
Не нѣжь меня...

Надежда (*испуганнымъ голосомъ.*)

Господь съ тобою, Вѣра!

Вѣра (*падаетъ на колѣни.*)

Сестра, сестра! я обманула мужа:
Моя малютка — не его ребенокъ!

Надежда (*поднимаетъ Вѣру.*)

Голубушка-сестрица, полно, полно!
Перекрестися... Что ты говоришь?
Опомнися!

Вѣра (*опускается на стулъ.*)

Опомнюсь я въ могилѣ.

(*Рыдаетъ. Надежда хочетъ её обнять.*)

Не подходи ко мнѣ, не оскверняйся:
Я грѣшница, я клятву преступила —
Нѣтъ у меня ни друга ни сестры!

Надежда (*обнимаетъ и целуетъ Вѣру.*)

Мой другъ!... сестра!... не надрывай мнѣ сердца...
Господь проститъ. Давай Ему молиться...

Вѣра.

Надёжа, мнѣ не замолить грѣха,
Не выплакать у Господа прощенья!

Надежда.

Зачѣмъ же такъ отчаяваться, Вѣра?
У Господа и слёзы на счету...

Вѣра.

Не смыть съ души любви проклятой,
Не смыть со щекъ проклятыхъ поцѣлуевъ
Любовника...

(*Отираетъ слезы.*)

Нѣтъ! жеребій мой выпалъ
И какъ мнѣ быть,—я твердо порѣшила...
Пріѣдетъ мужъ, подамъ ему топоръ,
Скажу: «Пришла съ тобою распроститься.
Прискучилъ мнѣ твой свычай и обычай,
Нашла себѣ я мужа помоложе,
Да надъ тобой, сѣдымъ, и насмѣялась!
Ищи и ты хозяюшку другую,
Получше, да почище, а съ меня
Снимай и стыдъ, и голову...»

Надежда.

Ахъ, Вѣра!
Какъ у тебя языкъ-то повернулся
На эту рѣчь грѣховную? Татаринъ —
И тотъ своей хозяйки не зарѣжетъ,
А твой Иванъ Семеновичъ — крещеный!
Ну... пригрозитъ, посердится, потужитъ,
Да и проститъ...

Вѣра

Не надо мнѣ прощенья
И милостей! Я мужу не жена
И никогда женой ему не буду:

Люблю другого, и любови этой
Мужъ и ножёмъ не вырѣжетъ изъ сердца.

(*Обнимаетъ Надежду.*)

Охъ, не кори! И ты бы полюбила,
Когда бъ *ему* въ недобрый часъ попалась
На зоркій глазъ, на ласковое слово...
И ты бы грѣхъ на душу приняла!

НАДЕЖДА.

Да кто жь такой?

ВѢРА.

Не спрашивай, Надёжа!
Не вымолвить, а то языкъ отсохнетъ!
Я и въ молитвахъ шёпотомъ боюся
Проговорить желанное словечко:
Назвать *его* по имени...

(*Хватаетъ Надежду за руку.*)

Послушай!
Грѣхъ говорить, а промолчать не въ-силу.
Хоть ка̀знися, да выслушай...

НАДЕЖДА (*припадаетъ головой къ плечу Вѣры.*)

Не бойся:
Я... не стыжусь... Я... вышла изъ подростковъ.

ВѢРА.

Такъ слушай же! Шла замужъ я неволей...
Привыкла послѣ... Мой Иванъ Семенычъ
Пренравный, а души во мнѣ не чаялъ
И баловалъ, какъ малаго ребёнка:
Въ глаза глядитъ и мысли-то, кажися,

Всѣ выглядитъ—да высмотритъ насквозь...
Сегодня, что ни есть мнѣ приглянулось,
А завтра—ужь несутъ на дворъ купцы...
Даритъ, даритъ, да самъ еще боится —
Въ угоду ли? колечко, не колечко,
Запястье, не запястье... Такъ мы жили
Съ нимъ до весны... Весною слышно стало:
На нѣмцевъ рать сбираютъ. Мой хозяинъ
Куды тужилъ, что надо намъ разстаться,
Да какъ тутъ быть? пошёлъ и онъ въ походъ.
Поплакала я, Богу помолилась,
Дала обѣтъ къ печёрскимъ чудотворцамъ!
Сходить, какъ только радостную вѣстку
Услышу... Вотъ и прискакалъ гонецъ:
«Сломали нѣмцевъ — Богъ послалъ побѣду.»
Недѣли съ три прошло — другой гонецъ:
«Царь будетъ въ Псковъ, и наши съ нимъ вернутся...»
Пріѣхалъ царь, вернулися и наши,
А мужа нѣтъ: остался на сторожѣ
Подъ Колыванью — словно не надолго,
Прислалъ поклонъ мнѣ съ нашими, гостинцы...
Жду-жду — не ѣдетъ... Думаю: навѣрно
Господь меня за то и наказуетъ,
Что я дала обѣтъ и не сдержала...
Взяла съ собою дѣвушекъ, пошла
Угодникамъ господнимъ поклониться...
Ты не была въ монастырѣ?

НАДЕЖДА.

Въ Печёрскомъ?

Нѣтъ, не была...

ВѢРА.

Туда дорога лѣсомъ...

А лѣсъ густой; берёзы да осины
Переплелися, спутались вѣтвями,
Какъ волоса, а молодой кустарникъ
Сплошнымъ плетнёмъ раскинулся — разросся —
Продору нѣтъ. Идёмъ мы по опушкѣ,
Вдругъ Степанида мнѣ и говоритъ:
«Боярыня, гляди-ка: подъосинникъ.
Пойдемъ искать грибовъ.»

Надежда.

Ты и пошла?

Вѣра.

Я и пошла.... Довно ужъ это было,
А какъ теперь гляжу на этотъ лѣсъ:
Уютъ, прохлада; солнышко, какъ зайчикъ,
По молодымъ кустамъ перебѣгаетъ;
Мохъ, что коверъ шелко̀вый подъ ногами...
А впереди деревья гуще-гуще,
Темнѣй-темнѣе: такъ къ себѣ и ма̀нятъ.
Иду... кругомъ грибовъ и ягодъ вдоволь...
Тутъ боровикъ, волвянка, подъорѣшникъ.
Тутъ земляника... Тишь въ лѣсу такая,
Что ни одинъ листокъ не шелохнётся...
Вотъ слышится мнѣ, будто-бы кукушка
Кукуетъ гдѣ-то, только далеко̀...
Дай, думаю, послушаю поближе:
На долго ли Господь грѣхамъ потерпитъ?
Аукнула и побѣжала дальше.
За мной: ау! ау! а я ныряю
Промежъ кустовъ, не хуже куропатки...
Вотъ и иду... кустарникъ чаще-чаще, —
Всё жимолость, да цѣпкая такая:

То тамъ, то здѣсь лѣтникъ сучкомъ прихватитъ...
На ту бѣду моя кукушка смолкла;
Куда идти — не знаю, да и полно...
Остановилась, духъ перевела,
Подумала: «заблудишься, пожалуй!»
Пошла назадъ тихонько, а сама
По сторонамъ гляжу, ищу дороги...
Кажися, здѣсь? Прошла шаговъ съ десятокъ —
Нѣтъ: здѣсь не шла; свернула полѣвѣе —
Опять не то; взяла направо — топь: —
По щиколдку ушла нога въ болото.
Я крикнула— никто не отвѣчаетъ;
Ещё, ещё — опять отвѣту нѣтъ...
Я не сробѣла, крикнула погромче,
Прислушалась: чу! кто-то отозвался....
Я на голосъ бѣжать, бѣжать, бѣжать,
Всё цѣликомъ, по хворосту, по кочкамъ,
Изорвала лѣтникъ, каптуръ сронила,
Валежникомъ всѣ ноги исколола,
Всѣ руки исцарапала — задаромъ:
Не изъ лѣсу бѣгу, а прямо въ лѣсъ!
Трущоба, глушь!.. А сучья, словно руки,
Такъ-вотъ тебя за пòлы и хватаютъ...
Страхъ обуялъ: я побѣжала шибче,
Куда глаза глядѣли, безъ пути,
Безъ памяти, бѣжала и кричала,
Пока языкъ и ноги не отнялись;
Споткнулася о что-то и упала—
Тутъ изъ очей и выкатился свѣтъ...

Надежда.

Какъ ты жива осталась?.. Жутко, Вѣра!..
И слушать — страхъ!..

Вѣра.

Нестрашенъ страхъ, Надёжа,
А страшенъ грѣхъ... Вотъ какъ любовь-змѣя
Подъ сердце ляжетъ, словно подъ колоду,
Да высосетъ всю кровь изъ ретивòго,
Да какъ не то, что о грѣхѣ молиться —
А, кажется, молилась бы грѣху, —
Такъ тутъ вотъ жутко... что твой лѣсъ потёмный!

(*Помолчавъ.*)

Ну... Что̀ со мною было — я не знаю...
Какъ сквозь просонковъ слышала: кричали,
Трубили въ рогъ... Очнулася я поздно,
Ужь въ сумерки... Въ какомъ-то я шатрѣ...
Гляжу: ковёръ подостланъ подо мною,
А въ головахъ камчатная подушка,
И парчевòй попоной я накрыта...
Кругомъ собаки лаютъ, кони ржутъ,
Народъ гуторитъ...

Надежда.

Что жь это такое?
Бояре, чтоль, охотилися?

Вѣра.

Онъ...
Приподняла я голову — подходитъ...
Въ потьмахъ лица не видно, только очи,
Какъ уголья въ жаровнѣ... Говоритъ:
«Долгонько спалось, гостья дорогая?
А намъ бы вотъ довѣдаться: какъ гостья
Велитъ себя по имени назвать,
Какъ величать по отчеству?» Самъ—въ поясъ.

Я ни гугу: языкъ не шевелится...
А вижу-то, что изъ бояръ-бояринъ:
По речи слышно: голосъ такъ и льётся,
Что за осанка, что за ростъ и плечи!..
Онъ мнѣ опять: «Мужёвая жена,
Аль красная дѣвица — обзовися:
Мы до дому проводимъ.» Я молчу.
Сверкнулъ глазами, отвернулся, крикнулъ:
«Князь Вяземскій! послать сюда дѣвчёнку!»
И вышелъ вонъ... Втолкнули Степаниду...
А тамъ, ужь какъ свезли меня домой,
Какъ на постель раздѣли — положили —
Не помню.

НАДЕЖДА.

Вѣра!.. Знаешь ли ты?

ВѢРА.

Что?

НАДЕЖДА.

И я бы также полюбила...

ВѢРА.

Надя,
Да ты скажи мнѣ: какъ же не любить-то?
Душа изъ тѣла рвётся... Ты послушай!

(*Слышенъ отдалённый звукъ трубъ.*)

НАДЕЖДА, (*въ смущеніи, прислушивается.*)

Что—это? трубы?

ВѢРА.

Пусть-себѣ ихъ трубятъ!

Дослушай лучше пѣсенку мою.
Проснулася я ночью на постели:
Щемитъ мнѣ сердце — сладко таково;
По тѣлу дрожь, какъ искры присѣкаетъ;
Коса трещитъ, вертится изголовье;
Въ глазахъ круги огнёвые пошли...
Вскочила я, окошко распахнула,
Дышу-дышу всей грудью... а въ саду
Роса дымится и укропомъ пахнетъ,
И подъ ухомъ въ травѣ куетъ кузнечикъ...
Ну, что̀, Надёжа, что̀ бы ты сказала,
Какъ еслибъ онъ да шасть изъ-за угла,
Да пошептомъ промолвилъ: «Эхъ, молодка?
Аль ласковымъ глазкомъ на насъ не взглянешь?
Аль бѣлою рукою не поманишь?
Пустила бы въ свѣтелку...»

Я шатнулась

И о косякъ ударилась плечёмъ.
А самоё трясетъ, какъ въ лихоманкѣ..
Сказать хотѣла: «отойди, проклятый!»
А говорю: «влѣзай же, что ль скорѣе!»
Ужь видно Богъ попуталъ за грѣхи!.

(*Трубы слышнье. Надежда глядитъ въ окно. Вѣра опускаетъ голову на руки и плачетъ. Молчаніе.*)

Вѣра (*встаётъ.*)

Да что̀ тутъ! вырвалъ сердце мнѣ изъ груди.
Какъ изъ гнѣзда безкрылую косатку,
Ударилъ о̀ земь, да и прочь пошелъ.

(*Ходитъ по свѣтлицѣ.*)

Жену завелъ — Настасьею зовутъ,

Романовной по батькѣ прозываютъ ..
Ужь я-бъ ее, лебедку, угостила,
Да не достанешь: руки коротки!

(*Труба раздаётся у самыхъ воротъ.*)

НАДЕЖДА (*отскакиваетъ въ испугѣ отъ окна.*)

Ахъ, Господи помилуй! Вѣра, Вѣра!
Они, они!.. Иванъ Семенычъ съ княземъ!

ВѢРА (*вскрикиваетъ.*)

Мужъ!.

НАДЕЖДА.

Убѣги, голубушка-сестрица!,.
Я не пущу ихъ!

(*Бросается къ сѣнной двери.*)

ВѢРА (*ломаетъ себѣ руки.*)

Матушка, не выдай!
Дай унести мнѣ Оленьку: убьетъ!

(*Бѣжитъ въ дверь на лѣво.*)

НАДЕЖДА (*прислушивается къ сѣнной двери.*)

Скорѣй, скорѣй!.. ворòта отворили... .
Скорѣй!.. идутъ по лѣстницѣ...

ВѢРА (*вбѣгаетъ съ Оленькой на рукахъ.*)

Пусти!

ЯВЛЕНІЕ III.

Сѣнная дверь растворяется; на порогѣ показываются бояринъ Шелога *и князь* Токмаковъ; *оба въ кольчугахъ и шлемахъ.*

Шелога (*входитъ.*)

Здорово! Дорогихъ гостей не ждали?

(*Снимаетъ шлемъ и молится.*)

Вѣра (*бросается въ безпамятствѣ между нимъ и Токмаковымъ.*)

Пусти, пусти!

Шелога (*заступаетъ ей дорогу, смѣясь.*)

Аль мужа не признала?
Знать съ нѣмцами и самъ я нѣмцемъ сталъ.
Здорово, Вѣра! дай поцеловаться:
Кажися, годъ промаялись...

(*Хочетъ её обнять.*)

Вѣра (*отскакиваетъ отъ него.*)

Не тронь.
Не тронь ребёнка.

Шелога (*крестится.*)

Наше мѣсто свято!
Ребёнка?.. Какъ ребёнка?..

(*Дѣлаетъ шагъ впередъ.*)

Вѣра (*отбѣгаетъ къ окну.*)

Отойди!
Въ окошко кинусь...

Шелога.

Господи, помилуй!..

Неужто я на смертный грѣхъ вернулся!..

(*Возвышаетъ голосъ.*)

Жена!.. а чей пащёнокъ этотъ?..

Надежда (*падаетъ на колѣни.*)

Мой!

ДѢЙСТВІЕ ВТОРОЕ

Псковъ, 1730 годъ.

Садъ князя Юрія Токмакова. Яблони, груши, кусты смородины, малины и крыжовника. Вдоль сада пробита широкая дорожка. Направо видны боярскія хоромы; налѣво щелистый заборъ въ сосѣдній садъ. На первомъ планѣ, справа, густое дерево черёмухи, подъ нимъ столъ и двѣ скамьи; слѣва разростокъ бузины. На заднемъ планѣ, изъ-за деревьевъ, виденъ Кремль и часть Пскова. Сумерки. Боярышни и сѣнныя дѣвушки играютъ въ горѣлки; мамки сидятъ за столомъ, перебираютъ ягоду и шепчутся.

ЯВЛЕНІЕ I.

Ольга *горитъ. За ней нѣсколько паръ; въ первой парѣ княжна* Дябренская *и боярышня* Умылъ-Бородина; *во второй боярышня* Матута *и* Настька.

Ольга.

Горю!

(*Умылъ-Бородина и княжна Дябренская бѣгутъ.*)

Умылъ-Бородина.

Лови!

(*Ольга бѣжитъ за нею; Умылъ-Бородина увёртывается.*)

Проворнѣй — не поймаешь!

(*Сбѣгается съ княжной Дябренской.*)

Ольга (*смѣётся и грозитъ Умылъ-Бородиной.*)

Ну, погоди, Ѳедосья, попадёшься!

(*Возвращается на мѣсто.*)

Горю!

(*Стеша Матута и Настька бѣгутъ.*)

Стеша Матута (*пробѣгаетъ мимо Ольги.*)

Сгоришь!

(*Бросается и ловитъ.*)

Не ты ли подожгла?

Стеша Матута (*улыбается.*)

Куда ужь намъ!... Сосѣди ближе...

Ольга (*хватаетъ её за руку.*)

Стеша!

Стеша Матута (*откидываетъ голову.*)

Ну, Ольга?

Ольга (*вполголоса.*)

Ну!... Да ты меня не нукай,
А говори по сердцу всё, какъ есть...

Стеша Матута (*также вполголоса.*)

Такъ что жь?... Скажу... Ты думаешь, боюся?

(*Громко.*)

Параша! Ѳеня!

(*Княжна Дябренская и Умылъ-Бородина подходятъ.*)

Будетъ намъ въ горѣлки:
Устала... ноги—точно какъ колодки.

КНЯЖНА ДЯБРЕНСКАЯ.

И у меня.

УМЫЛЪ-БОРОДИНА.

А что̀ жь мы будемъ дѣлать?

СТЕША МАТУТА.

Такъ-что нибудь...

НАСТЬКА.

Боярышни, давайте —
Кто ягоду крупнѣе наберётъ?

УМЫЛЪ-БОРОДИНА.

Давайте... кто затянетъ «по малину»?

СТЕША МАТУТА.

А хоть бы я... Ну, разсыпайся, жемчугъ!...
Подруженьки, ау!

(*Ныряетъ въ кусты; остальныя разсыпаются по саду съ крикомъ.*)

Ау! ау!

ЯВЛЕНІЕ II.

ИПАТЬЕВНА.

Вотъ молодость-то рѣзвая, что̀ зябликъ;
Всё прыгъ, да скокъ, всё съ вѣтки да на вѣтку —
Не посидитъ на мѣстѣ и часочку...

ПАРѲЁНОВНА.

Ипатьевна, когда жь и порѣзвиться,
Коль не въ подросткахъ?.. Что̀, твоей-то сколько?

ИПАТЬЕВНА.

Да что̀? никакъ пятьнадцатый годокъ,
Парѳёновна!

ПАРѲЁНОВНА.

Ну, мати, перестарокъ!
Сложить ихъ четырёхъ-то, врядъ дотянутъ
До Власьевны...

ВЛАСЬЕВНА.

Да! ты гляди на нихъ!
Изъ молодыхъ, да раннія... поди-ко-сь!
Одна моя такая егоза̀,
Что гдѣ-это такая уродилась?..
Ни въ батюшку, ни въ матушку... знать въ вѣтеръ,
Аль въ по́лымя пожарное...

ИПАТЬЕВНА.

Такъ что̀ жь ты?
Вѣстимо: надо по коню уздечку...

ПАРѲЁНОВНА.

По дѣвкѣ — парня...

ВЛАСЬЕВНА.

На-тка, подступися,
Заговори-ка съ ней о сватовствѣ...

(*Махаетъ рукой.*)

И во̀рогу того не пожелаю!

ПАРѲЁНОВНА (*качаетъ головой.*)

Ахъ, мать моя! да какъ же это?

Власьевна.

Также:
Росла такая сызмалу... Досужа,
Привѣтлива, отходчива; а воли
Съ нея никто—и батька — не снимай!

Ипатьевна.

Иныя такъ покорливы: изъ воли
Родительской не смѣютъ выходить,
И на обычій дѣвичій стыдливы...
Вотъ хоть бы мы съ Перфильевной—извѣстно,
Своимъ добромъ не слѣдъ бы и хвалиться, —
А къ слову молвить: выносили пташекъ.

Власьевна.

Ну, матушка, у вашихъ соколёнъ
И путы золотыя, а у Стеши
Пеньковыя...

Парѳёновна.

Пеньковыя! Порыться
У васъ въ пенькѣ, по кладовымъ-то вашимъ,
Такъ, чай, зобницу жемчугу нароешь,
А, говорятъ, рублями — прудъ пруди:
Всѣ закромà насыпаны до верху.

Власьевна.

Какъ вамъ не знать сосѣдскаго добра!

Ипатьевна.

Ужь полно, полно, Власьевна-голубка,
Ужь не грѣши на старости!... Богатъ,
Куды богатъ бояринъ твой, Никита
Семеновичъ!...

Парѳёновна.

Богатъ и тороватъ.
Хоша и вдовъ, а холостаго лучше...

Ипатьевна.

И молодецъ, — одинъ на цѣлый Псковъ.
Посватала бъ ему я и невѣсту —
Ужь былъ бы благодаренъ! Отдадутъ...
Затѣмъ: женихъ сподручный имъ...

Власьевна.

Не сватай.
И безъ тебя найдутся: свахъ во Псковѣ
Что въ огородѣ кочней...

Парѳёновна.

Знать, что правду
Просвирня наша мнѣ вчера сказала.
Не погнѣвися, матушка Матрёна
Перфильевна, на глупый спросъ, и ты
Не погнѣвися, Власьевна!

(*Перфильевна не отвѣчаетъ.*)

Власьевна.

А мнѣ что?
Звони — языкъ не колоколъ, не треснетъ.

(*Вдали запѣваютъ пѣсню.*)

Голосъ Стеши Матуты:

По малину я ходила, молода, —
Прилучилась молодёшенькѣ бѣда.
По малину, по малину, по смородину...

Нѣсколько голосовъ подхватываютъ:

По малину, по малину, по смородину...

ПАРѲЁНОВНА.

Вотъ ты молчокъ, Перфильевна, и слова
Мнѣ на ушко ни разу не шепнула,
Да быль и правда — все одно, что масло:
Хоть въ рѣку вылей — выплыветъ наверхъ.

ПЕРФИЛЬЕВНА.

Да что̀ ты, мать?

ВЛАСЬЕВНА.

Къ чему ты прибираешь?

ПАРѲЁНОВНА.

Къ тому и прибираю: «Быть княжнѣ
Боярыней...» а вы отъ насъ таитесь:
Нашли простыхъ!

ПЕРФИЛЬЕВНА.

Что жь? мало ли княжёнъ?

ПАРѲЁНОВНА.

Да лихъ не всѣ намѣстничія дочки!...
Твоей княжнѣ, Перфильевна!

ПЕРФИЛЬЕВНА (*кланяется.*)

Спасибо
На чести-почести! Не ждали—не гадали,
Анъ радость и въ воро̀та къ намъ!...

ПАРѲЁНОВНА.

Смекаешь,
Ипатьевна?

ИПАТЬЕВНА (*качаетъ головой.*)

Ну, что̀ и говорить!

(***Голоса ближе.***)

Стеша (*за кустами.*)

Ужь какъ росъ въ лѣсу да кустикъ молодой —
Я запуталась въ немъ русою косой.
По малину, по малину, по смородину...

(*Голоса дѣвушекъ.*)

По малину по малину, по смородину...

Перфильевна.

Ну, разъигрались ласточки, распѣлись:
Знать будетъ вёдро...

Ипатьевна.

Дай имъ Богъ на радость!
А ты-то что̀ разгукалась совою?
Что̀ и взаправду учала таиться?
Диви бъ чужія... Слава Богу, сватья,
Да и кума въ придатокъ.

Власьевна.

Эка зависть!
Хоть не носить чужого сарафана,
Такъ дай рукой поглажу по камкѣ.

Перфильевна.

Послушайте-ко, ро̀дныя, негоже
Хвалить пирогъ, поколѣ тѣсто мѣсишь.
Взойдётъ опара — дѣло въ полудѣлѣ,
И какова-то выдастся начинка;
Вотъ испечёмъ, да подадимъ на столъ,
Тогда хвалите, милостные гости,
И сами мы хвалиться станемъ... такъ-то-сь!
А что̀ теперь?... какое сватовство?...
Вопъ вѣсти-то изъ Новгорода... Лучше
И не слыхать бы...

Парѳёновна.

А какія вѣсти?...
Прослышала я мелькомъ, да не вѣрю:
Опять-таки просвирня говорила...

Власьевна.

Ужь эта — жёрновъ: положи извёстки —
Все за муку измелетъ... Пустомеля!

Перфильевна.

Нѣтъ, Власьевна! просвирня чисто мелетъ,
А тутъ, гляди, посыпать не съумѣетъ...
Такія страсти... Самъ вѣдь князь-отъ Юрій
Мнѣ сказывалъ — ужь стало Божья правда.

Ипатьевна.

Да не томи, Перфильевна!

Парѳёновна.

И впрямь!

Перфильевна.

Охъ, матушки, вѣдь царь Иванъ Васильичъ
На Новгородъ прогнѣваться изволилъ,
Пришёлъ со всей опричиною...

Парѳёновна, Ипатьевна и Власьевна

Что ты?!

Перфильевна.

Казнитъ по всѣмъ концамъ и по посадамъ [43])
И стараго, и малаго — кто виненъ,
А кто и невиновенъ — безъ разбора,
Безъ жалости, безъ милости казнитъ.
Пригналъ оттуда къ князю спѣшный вершникъ:

«Стонъ-стономъ, князь, по городу стоитъ;
На Волховѣ, пониже моста съ вёрсту,
Набило тѣлъ — такая-то плотина,
Что полою водою не размоетъ...
Три тысячи, никакъ — онъ говорилъ —
На площади казнёно было за̀-день,
А что ужь тамъ, по пригородамъ, сёламъ,
Монастырямъ... Охъ, Господи, помилуй
Насъ грѣшныхъ!

ЯВЛЕНІЕ III.

Стеша Матута *выходитъ на дорожку; за ней* Ольга, *другія боярышни и дѣвушки.*

Перфильевна, (*указывая на нихъ.*)

Дѣти... доскажу.

Стеша Матута (*сбираетъ ягоды по дорожкѣ и поётъ.*)

Кто-то на̀ помочь мнѣ, дѣвицѣ, пріидётъ?
Кто-то косыньку отъ вѣтокъ отовьётъ?
По малину, по малину, по смородину...

Боярышни и дѣвушки.

По малину, по малину, по смородину...

(*Всѣ собираются въ кучку; въ платкахъ у нихъ ягоды.*)

Стеша Матута (*запѣваетъ.*)

Не видалъ, не чаялъ суженый сѣдой:

Увидалъ — распуталъ косыньку милой.
По малину, по малину, по смородину!..

Всѣ вмѣстѣ.

По малину, по малину, по смородину!..

(*Подходятъ къ мамкамъ.*)

Княжна Дябренская (*Ипатьевнѣ.*)

Смотри-ка, мама, что я набрала!
Видала ты крупнѣе?

Ѳедосья Умылъ-Бородина

Эко диво,
Что крупную малину отъискала!
Ты мнѣ найди смородину такую:

(*Развёртываетъ платокъ.*)

Не ягода — бурмицкое зерно.

Стеша Матута.

А мнѣ сегодня, просто, незадача:
Впередъ шла Настька — все обобрала,
Что повиднѣй...

Перфильевна.

Ужь эта воръ-дѣвчёнка:
И ягоду наперечётъ всю знаетъ!

Настька.

Я, мамушка, всё съ краешка...

Перфильевна.

Толкуй ты!

Стеша Матута.

Что жь мы стоимъ? Садитесь разбирать.

(*Княжна Дябренская и Умылъ-Бородина*

садятся на скамью; Настька и сѣнныя дѣвушки перебираютъ ягоды, стоя.)

Ольга *тихо* Стешѣ Матутѣ.

Ну, что же, Стеша?

Стеша Матута (*тихо.*)

Отойди подальше.

(*Ольга отходитъ. Стеша Матута садится на скамью. Вслухъ.*)

Эхъ, дѣвушки! прямыя вы косатки:
Летали — щебетали безъ умолку,
А сѣли — смолкли. Затяните пѣсню,
Иль Власьевну попросимъ: скажетъ сказку.

Княжна Дябренская и Умылъ-Бородина.

Голубка-Власьевна, пожалуйста, для насъ...
Пожалуйста!.. одну!..

Власьевна.

Да отвяжитесь
Какія сказки! всѣ перезабыла...

Стеша Матута.

Нѣтъ, помнитъ, помнитъ. Мнѣ еще недавно
Разсказывала на̀-ночь...

Власьевна.

Охъ, юла!
Разслышала ты много!.. приставала:
«Скажи, скажи!» а стала говорить —
Гляжу — на первой присказкѣ заснула...
Какъ ключъ ко дну... И вся тебѣ тутъ сказка.

Стеша Матута (*смѣётся.*)

Такъ доскажи: теперь я не засну...
Начни вотъ эту: *про царевну Ладу.*

Умылъ-Бородина.

Ахъ, разскажи намъ, мама, «про царевну!»

Княжна Дябренская.

Да разскажи же, Власьевна!

Ипатьевна.

Ну, полно:

Повесели боярышень...

Власьевна

Постойте:

Я, можетъ, вспомню «про царевну...»

(*Опирается головой на руки. Молчаніе. Стеша Матута отходитъ къ кустамъ налѣво.*)

Стеша Матута (*рвётъ бузину; вполголоса.*)

Ольга!

Ольга (*выходитъ изъ за куста. Шепотомъ.*)

Я здѣсь... Ну, что?..

Стеша Матута (*также.*)

Покончимъ сразу, Ольга!

Ты любишь?..

Ольга.

Да.

Стеша Матута, (*задыхаясь.*)

Сосѣда?

Ольга (*качаетъ головой.*)

Не сосѣда.

Стеша Матута (*хватаетъ её за руку.*)

Какъ, не его, не дьявола-Четвёртку?

Ольга.

Клянусь тебѣ Заступницею, Стеша!..
Люблю я…

(***Шепчетъ.***)

Умылъ-Бородина.

Что̀ же, мама?

Власьевна.

Погоди же!
Вѣдь сказка не доро̀га: тамъ споткнёшься,
Да и опять пошёлъ; а тутъ иное —
И о словечко не моги запнуться…

Стеша Матута.

Охъ, Ольга! еслибъ ты да разумѣла,
Какой мнѣ камень сдвинула ты съ сердца,
Сама со мной заплакала бъ навзрыдъ
Отъ радости…

(***Припадаетъ*** *къ Ольгѣ на грудь и плачетъ.*)

А я — твоя рабыня:
Возьми меня, вели розпять ножами —
И слова не промолвлю…

Власьевна.

Такъ и быть,
Скажу вамъ сказку, только чуръ — ужь слушать,
Да не мѣшать.

Умылъ-Бородина и княжна Дябренская.

Какъ можно!.. мы не будемъ.

(Ольга и Стеша Матута целуются, подходятъ, рука въ руку, къ скамьѣ и садятся. Въ саду темнѣетъ.)

Власьевна *(откашливается.)*

Сказка про хорòбраго витязя Горыню, про лютого змѣя Тугарина и про царевну Ладу.

«Починается сказка
Приговоромъ да присказкой,
Тихимъ пòшептомъ, частымъ причитомъ;
Починается сказка —
Чтò отъ синяго моря Хвалынскаго,
Отъ семи рѣкъ восточныхъ,
Отъ семи звѣздъ закатныхъ,
Отъ семи горъ великихъ полуночныхъ.
Ой, на морѣ-морѣ
Погасаютъ зòри,
За поморскою Камень-горой поднебесною,
За янтарнымъ узорочнымъ теремомъ!
Нà небѣ темно, въ теремѣ звѣзды;
Нà небѣ звѣзды, въ теремѣ мѣсяцъ;
Нà небѣ солнце, въ теремѣ ночь непроглядная...
Зачурòванъ тотъ теремъ съ покòнъ-вѣковъ —
И полòженъ зарокъ на немъ изстари
На три сотни головъ богатырскiихъ,
А молòдшихъ людей на три тысячи.
Гдѣ онъ сталъ, та земля не извѣдана;
Тутъ дорога къ нему заповѣдана,
И залёгъ ту дорогу Тугàринъ-Змѣй.
Пасть у Змѣя, чтò печь раскалённая,
Лапы—словно дубы трёхъ-охватные,

Крылья мѣдныя, когти булатные,
Хвостъ на семьдесятъ саженъ волочится...
Русскій духъ слышитъ Змѣй ровно за̀ семь верстъ,
Убиваетъ людей ровно за̀ версту,
Убиваетъ, собака, ничѣмъ другимъ,
Какъ разбойничьимъ, громкимъ по̀свистомъ:
Зашипитъ онъ — деревья шатаются,
Ко сырой мать-землѣ приклоняются,
А какъ свиснетъ...»

(*За сосѣднимъ заборомъ раздаётся рѣзкій свистъ; дѣвушки вскрикиваютъ.*)

Ай!..

Княжна Дябренская (*въ испугѣ.*)

Что̀ это, мамушка?

(*За заборомъ весёлый хохотъ и опять свистъ, еще сильнѣе.*)

Перфильевна.

Ахъ, окаянный! Господи прости,
Перепугалъ не на̀ животъ, а на смерть.

Ипатьевна.

Да кто̀-это, Перфильевна?

Перфильевна.

А кто же,
Какъ не постылый сорванецъ-Четвёртка!

(*Обращается къ забору.*)

Подслушалъ видно... Подожди: ужо-тка
Скажу я князю: будетъ на орѣхи,
Хоть ты и сынъ посадничій... Вѣдь, вишь ты,
Какой пострѣлъ!

Пароёновна.

Перфильевна, уйдти бы,
Покамѣстъ-что?..

Перфильевна.

Вѣстимо, что уйдти:
Съ нимъ до грѣха недолго...

(*Сѣннымъ дѣвушкамъ:*)

Убирайте
Всё со стола. Боярышни, пойдёмте!

(*Боярышни и дѣвушки торопливо собираютъ и уходятъ съ мамками.*)

Умылъ-Бородина (*робко.*)

А что же сказка?

Стеша Матута.

Власьевна доскажетъ
Намъ въ терему... Пойдёмте поскорѣе!

(*Всѣ выходятъ въ калитку; Стеша Матута роняетъ на полдорогѣ платокъ и останавливается.*)

ЯВЛЕНІЕ IV.

Стеша Матута и Четвёртка Терпигоревъ *за заборомъ*.

Стеша Матута (*подходитъ къ забору.*)

Четвёртка, ты?

Четвёртка.

Все я же, Степанида
Никитична!
(*Показываетъ голову изъ-за забора.*)
Поволишь перелѣзть?

Стеша Матута.

Вотъ я тебѣ поволю!.. Здѣсь Михайло
Андреичъ?

Четвёртка.

Туча?.. У меня на лавкѣ
Сидитъ, повѣся голову...

Стеша Матута.

Скажи,
Чтобы сюда пришёлъ и дожидался.

Четвёртка.

А я-то что жь, Терпигоревъ?

Стеша Маттуа.

А ты—
Проваливай!

Четвёртка.

Благодаримъ покорно.

Стеша Матута.

Смотри жь, Семёнъ Михайлычъ, тише...
(*Хочетъ уйдти.*)

Четвёртка.

Стеша!
(*Стеша Матута останавливается.*)
Зашлю я сватовъ?

Стеша Матута.

Засылай, пожалуй, —
Не ты первой: у тятеньки ворòта
Кáкъ впустятъ, тàкъ и выпустятъ.

Четвёртка.

Послушай:
Твой рòдный самъ жениться норовитъ?

Стеша Матута.

Не знаю.

Четвёртка.

Эхъ, не любятъ насъ, не скажутъ!..
Ну, Стеша, Богъ съ тобою! Дай хоть ручку!..

(*Стеша Матута, молча, подходитъ къ забору и подаётъ руку; Четвёртка беретъ её за руку, притягиваетъ къ себѣ и целуетъ.*)

Стеша Матута.

Пусти, Семёнъ Михайлычъ!

(*Четвёртка целуетъ её еще разъ.*)

Неотвязный!

(*Вырываетъ руку и убѣгаетъ.*)

Прощай!

Четвёртка (*тихо.*)

Прощай! Господь-Христосъ съ тобою!

ЯВЛЕНІЕ V.

Сцена сначала пуста. Михайло Туча *перелѣзаетъ черезъ заборъ и становится за бузинные кусты; на нёмъ терликъ и высокая шапка.* Четвёртка *за заборомъ. Изъ-за кремля выплываетъ мѣсяцъ.)*

Четвёртка (*поётъ вполголоса.*)

«Раскукуйся ты, кукушечка,
Во темнóмъ лѣсу, въ дубровушкѣ,
Посчитай ты дòбру молодцу
Его годы безталанные:
Долго ль будетъ такъ-то маяться —
На краснỳ-дѣвку поглядывать,
Горючи слёзы глотаючи,
Про бездольице гадаючи?..
Что̀, Миша, ладно ль схоронился?

Михайло Туча.

Ладно.

Четвёртка.

А ладно — стой! Не нѣмца вѣдь сторожишь.

(*Поётъ громче.*)

«Охъ! не тяжко мнѣ бездольице,
А тяжка̀ мнѣ кось-да пѐрекось
Со моимъ гнѣвливымъ батюшкой,
Съ моей гнѣвливой матушкой...
Охъ!...»

Михайло Туча (*шёпотомъ.*)

Сс! Нишни!..

Четвёртка (*также.*)

Ты, Миша, посмѣлѣе,
А я уйду...

ЯВЛЕНІЕ VI.

Ольга, *закутанная въ фату, входитъ въ садъ и быстро идётъ по дорожкѣ;* Настька *прокрадывается въ калитку ползкомъ и прячется въ малинникъ.*

Михайло Туча (*выходитъ изъ-за куста на встрѣчу Ольгѣ и приподнимаетъ шапку.*)

Княжна, ты не тревожься
И не пугайся. Повелишь — уйду.
Пришёлъ сюда въ первой да и въ послѣдній...
Велишь уйдти?..

(*Ольга вся дрожитъ и не отвѣчаетъ.*)

Велишь?..

Ольга (*еле-слышно.*)

Не уходи...
Мнѣ страшно... Какъ я ночью въ садъ попала—
Одним-одна... украдкой?.. Охъ, мнѣ страшно!
Застыла кровь и разумъ помутился...

Михайло Туча.

Я за тебя не властенъ отвѣчать,
А за себя, по совѣсти, отвѣчу:
Пришёлъ проститься... Полно мнѣ истомой,

Какъ угольемъ горячимъ, душу жечь!...
Коль доли нѣтъ, возьму свою недолю
И убѣгу за тридевять земель...
Скажи мнѣ только слово на прощанье:
Вѣдь за меня отецъ тебя не выдастъ?

Ольга.

Не выдастъ: я просватана другому.

Михайло Туча (*презрительно улыбается.*)

Матутѣ?

Ольга.

Да... Матутѣ.

Михайло Туча.

Экой свадьбы
Псковъ-осударь всей сходкой не попуститъ.
Твой батюшка не знаетъ, кто Матута.
Онъ—перевѣтчикъ, прихвостень московскій,
Кривая отрасль отъ прямого корня,
А псковичи не жалуютъ такихъ.
Нѣтъ! если Богъ грѣхамъ моимъ потерпитъ,
Не побоюсь Матуты...

Ольга.

Ахъ, Михайло
Андреевичъ! не знаешь ты отца:
Скорѣе вспять Великую отдвинешь,
Чѣмъ батюшкино княжеское слово...

Михайло Туча.

Богъ милостивъ:.. Жалѣла бъ ты меня,
А тамъ — на всё Его святая воля!

Ольга.

Да ка́къ же мнѣ тебя ещё жалѣть?

(*Подходитъ къ Тучѣ ближе.*)

Ты видишь самъ: потайно и обманомъ,
Пришла сюда, хоть мѐлькомъ поглядѣть,
Хоть слова два съ тобою перемолвить...
Чего жь тебѣ, безсовѣстный?

Михайло Туча.

Мнѣ надо
Тебя, княжна, да надо не потайно —
Предъ Богомъ и предъ добрыми людьми.
И быть тому!.. Я бѣденъ и безроденъ,
А никому тебя не уступлю.
Прислушай, что̀ я на̀крѣпко задумалъ:
Пойду, къ Успенью, подъ Сибирскій-Камень,
Съ Четвёркой и съ псковскими удальцами,
Добуду тамъ мѣховъ и серебра,
Вернусь къ веснѣ, и князю поклонюся
Моимъ добромъ и головой сиротской:
Волёнъ казнить и жаловать волёнъ,
А я на помощь Божію надѣюсь...
Благослови, княжна, меня на путь!

Ольга (*складываетъ руки.*)

Желанный мой! задумалъ ты мнѣ горе!...
Зачѣмъ пойдёшь въ такую даль и стужу?
Ужь сколько нашихъ полегло подъ Камнемъ,
А много ли вернулося оттуда?
Добыть добра ты хочешь, да отецъ
И самъ богатъ, и не добра, а зятя,
По сердцу и обычаю, онъ ищетъ.

Попуталъ Богъ: Матута подольстился —
Онъ слово далъ и заручилъ меня,
И о̀бъ полы ударили... Зачѣмъ же
Уѣдешь ты? Зачѣмъ меня покинешь —
На слезы да на смертную кручину?

Михайло Туча.

Нѣтъ, Ольга Юрьевна! смущать негоже.
Я порѣшилъ — и слово мое крѣпко.

Ольга.

Ты порѣшилъ! ты порѣшилъ, Михайло
Андреевичъ, сгубить меня совсѣмъ!

(*Закрываетъ лицё руками и плачетъ.*)

Михайло Туча (*берётъ ее за руку.*)

Не плачь, слезами горю не поможешь ..
Не плачь же, Ольга: ты пытаешь душу,
А съ лютой пытки мало ли что̀ скажешь!

Ольга (*поднимаетъ голову.*)

А ежели отцу я кинусь въ ноги,
Скажу ему, что мнѣ постылъ Матута,
Что я пойду скорѣе въ монастырь,
Чѣмъ подъ вѣнецъ?

Михайло Туча.

Отецъ твой посмѣётся
Надъ прихотью дѣвичьей — да и полно.

Ольга.

А ежели преложитъ гнѣвъ на милость
И отказно̀й поклонъ пошлётъ Матутѣ. —
Останешься?

Михайло Туча.

Не искушай, княжна!

Ольга.

А ежели во всёмъ ему покаюсь,
Ка̀къ, не спросясь его отцовской воли,
Я мо̀лодца другого полюбила
За сиротство, пригожество и удаль,
Ка̀къ безъ него и воля мнѣ — неволя,
И красный теремъ, что̀ досчатый гробъ...

(*Берётъ Михайлу Тучу за руки.*)

И ежели помилуетъ родимый,
Не прогнѣвится на мое безчастье —
Останешься, мой миленькій?

Туча (*рыдаетъ.*)

Останусь!

Ольга (*весело.*)

Такъ жди же! Я въ Печёрскій отпрошуся...
Тебѣ дамъ знать, и...

ЯВЛЕНІЕ VII.

Настька (*выскакиваетъ изъ куста.*)

Матушка-княжна!

(*Ольга вскрикиваетъ.*)

Скорѣе спрячься: тятенька идетъ...
Сюда съ Матутой... спрячься—не пужайся:

Я въ дѣлѣ — я въ отвѣтѣ...

(*Шелеститъ кустами.*)

Разойдитесь!...

Михайло Туча (*целуетъ Ольги руки.*)

Прости.

Ольга (*обнимаетъ его.*)

Прости, мой милый!

(*Исчезаетъ въ кустахъ. Михайло Туча безъ шума перелѣзаетъ черезъ заборъ. На дорожкѣ показываются князь Юрій и бояринъ Матута; оба въ кафтанахъ, но безъ шапокъ.*)

ЯВЛЕНІЕ VIII.

Князь Юрій, бояринъ Матута, Ольга и Настька *въ кустахъ.*

Князь Юрій (*обтираетъ лицё платкомъ.*)

Та́къ-то...

Вотъ здѣсь не то, что̀ въ теремѣ — прохладно,
Да и свободнѣй речь вести, бояринъ.

Бояринъ Матута.

Постой-ка, князь! свободнѣе ли полно?
Входили мы — почудилось мнѣ что̀ ли?
Какъ-будто кто-то крикнулъ...

(*Оглядывается кругомъ.*)

И кусты...

Вонъ тамъ...

(*Указываетъ рукой.*)

Гляди-ка, шевелятся.

Князь Юрій.

Что жь, поглядимъ... Не кошка ли залѣзла?

(*Идётъ къ кустамъ. Настька шевелитъ вѣтвями.*)

Бояринъ Матута.

Двурукая!.. Ты видишь, видишь?

Князь (*подходитъ къ кусту, громко.*)

Кто тутъ!

Настька (*раздвигаетъ вѣтви и падаетъ въ ноги князю.*)

Князь-осударь! помилуй: виновата!

Князь Юрій.

А!... это Настька... Что ты, пострѣлёнокъ?
Зачѣмъ ушла изъ дѣвичьей?

Настька (*на колѣняхъ.*)

Помилуй!
По ягодку... ядрёная такая...
Попутало... у мамки отпросилась,
Сказала: такъ...

Князь Юрій.

Грѣхъ, Настька, воровать!
Какъ-будто мамка ягодой обидитъ...

Настька.

Всего—еще пять ягодъ сорвала...

(*Показываетъ ягоды и кланяется въ ноги.*)

Помилуй!...

(*Плачетъ.*)

Князь Юрій.

Ну, пошла домой, дѣвчёнка!
Да берегись,—не попадись мнѣ въ шашняхъ.

Настька.

Не буду, осударь—мой князь, не буду!

Князь Юрій.

Пошла домой!

(*Настька вскакиваетъ и убѣгаетъ.*)

ЯВЛЕНІЕ IX.

Тѣ же, *кромѣ* Настьки.

Бояринъ Матута.

Я что-то плохо вѣрю...
Дѣвчёнка ужь на возростѣ: не станетъ
За ягодой шататься по ночамъ...
Смотри: одналь была въ саду, и нѣтъ ли
Ещё кого?

Князь Юрій.

Нѣтъ, не грѣши, бояринъ:
Вотъ тридцать лѣтъ худого не случалось
По цѣлой дворнѣ: люди у меня
Подъ страхомъ Божьимъ ходятъ; да и Настька—
Бойка-бойка, а что̀ еще она?
Писклёнокъ...

Бояринъ Матута.

Ну, на лѣта грѣхъ не смотритъ.
Не худо бы по кустикамъ пошарить
На всякъ случай...

Князь Юрій.

Э, перестань, Никита
Семеновичъ! Мы время только тратимъ
По пустякамъ...

Бояринъ Матута.

Какъ знаешь!... все бы лучше...
Покойнѣе... Хоть говори потише...

Князь Юрій.

Напуганъ же ты кѣмъ-то?

Бояринъ Матута.

Обожжёшься
На молокѣ, такъ знаешь—станешь дуть
И на̀ воду... Такое нонѣ время.

Князь Юрій.

Не время, а безвременье, бояринъ!
Да!... до̀жили до бури, до невзгоды...

(*Вздыхаетъ.*)

Бояринъ Матута (*тихо.*)

А что́, князь Юрій! не къ ночѝ сказать...
Что̀, если царь изъ Новгорода прямо
Свернётъ на Псковъ... да гнѣвный-то? да грозный?

Князь Юрій.

Что жь? мы — челомъ... Гроза — господня воля!

Бояринъ Матута.

Да мы–то такъ… А вольница-то наша?
Поди-ка, ломомъ нѣшто уломаешь!
Въ посадникахъ-то разума нисколько,
А сыновья посадничьи — тѣ хуже:
Всѣ въ лѣсъ глядятъ! Вонъ, хоть Михайло Туча
Съ своимъ дружкомъ Четвёрткой… Попадися
Подъ лапу имъ, такъ закричишь спасибо!
Нѣтъ, плохо намъ, и Пскову-то не лучше…

Князь Юрій.

Всё знаю, всё… Тяжелая обуза
Легла на плечи: Господу угодно
На старости послать мнѣ испытанье —
И голову подъ Божій гнѣвъ кладу,
А не дремлю: давно послалъ провѣдать
Я въ Новгородъ—ка̀къ тамъ у нихъ и что́?
Да вотъ всё жду отвѣта…

Бояринъ Матута.

Не дождёшься:
Извѣстно—задержали.

Князь Юрій.

Статься можетъ…
Опять — всё то жь: на всё Господня воля!
Мы, впрочемъ, завтра больше потолкуемъ,
Ка̀къ съ міромъ быть… Теперь своё покончимъ.

Бояринъ Матута.

Покончимъ, князь. Ужь мнѣ и не въ терпёжъ:
Пора кончать… Какъ хочешь, всё голубкѣ
Не бо̀язно и грозу перенесть
Въ гнѣздѣ сокольемъ, подъ крыломъ угрѣвнымъ.

Князь Юрій.

Святая правда! Я ужь и старенекъ,
И сталъ меня недугъ одолѣвать...
А ты въ порѣ — и съ Олею споёшься,
Что зимній вѣтеръ съ вешнею метелью...
Да, знаешь.. Я предъ тобою виненъ —
Не всё сказалъ...

Бояринъ Матута.

А не сказалъ, такъ скажешь.

Князь Юрій.

Скажу тебѣ великую я тайну...
Ты думаешь: мнѣ Ольга — дочь родная?

Бояринъ Матута (*изумлёнъ.*)

А кто же?

Князь Юрій,

Кто?... Ка̀къ и назвать — не знаю...
Слыхалъ ты про боярина Шелогу?

Бояринъ Матута.

Женатъ былъ на свояченѣ твоей?

Князь Юрій.

На Вѣрѣ на Насо̀новой...

Бояринъ Матута.

Слыхали.

Князь Юрій.

Ну, Ольга — дочь вотъ самой этой Вѣры.

Бояринъ Матута.

Такъ вотъ что̀?...

Князь Юрій.

Вотъ что... А отца... не знаемъ..

Бояринъ Матута.

Э!... такъ-то?...

(*Ольга слабо вскрикиваетъ.*)

Чу! ты слышалъ?...

Князь Юрій.

Что такое?

Бояринъ Матута (*встаетъ.*)

Въ кустахъ, налѣво кто-то крикнулъ.

Князь Юрій.

Полно!

Кому кричать?... Какой же ты чудной!

Ну, воробей съ просонокъ встрепенулся...

Бояринъ Матута.

Нѣтъ, князь, постой!..

(*Въ Кремлѣ ударъ колокола.*)

А это что ещё?

(*Ещё ударъ, третій, четвертый.*)

Князь Юрій.

Набатъ! набатъ!

(*Колоколъ не перестаетъ гудѣть.*)

На сходку созываютъ!

(*За дальнимъ заборомъ частые шаги и голоса; надъ Кремлемъ вспыхиваетъ зарево.*)

Бояринъ Матута.

На сходку, точно... Вонъ костры зажгли...

Князь, я съ тобой... аль въ теремѣ дождаться,

Пока ты сходишь?...

Князь Юрій.

Постыдись, Никита!
Тутъ, можетъ, Псковъ отстаивать прійдётся,
А ты — на пѐчь, со страху, словно баба!
Идёмъ проворнѣй..

(*Крестится.*)

Господи, помилуй!

(*Оба поспѣшно уходятъ.*)

ДѢЙСТВІЕ ТРЕТЬЕ.

Торговая площадь въ Псковскомъ Кремлѣ. На заднемъ планѣ Довмонтова стѣна, съ храмомъ св. Аѳанасія по срединѣ, и съ двумя всходами; по угламъ Гремяцкая и Кутная башни. Направо храмы Живоначальной Троицы, св. Спаса и Бориса и Глѣба; за ними новая стѣна съ Бурковской и Смѣтовою башнями; Святые и Петровскіе ворота; налѣво княжній дворъ, Владыченъ дворъ и Красный дворъ; старая стѣна съ всходомъ и тремя воротами: Княжими, Михайловскими и Смердьими. Посреди сцены вѣчевое мѣсто съ нѣсколькими ступеньками, крытое алымъ сукномъ. На площади разложены костры. На троицкой колокольнѣ гудитъ колоколъ. Во всѣ ворота поспѣшно входятъ на площадь толпы народа. Мѣсячная ночь.

ЯВЛЕНІЕ I.

Юшко Велебинъ, *гонецъ, стоитъ у нижней ступеньки вѣча. Около него кружокъ псковичей:* Иванко Торгоша; Ѳедосъ Гоголя, *мясникъ;* Клементій Сесторпиковъ, *кузнецъ;* Иванко Подкурской, Исакъ Шестникъ; Демешка, *мыльникъ;* Ѳедорко—царскій сынъ; Колтырь Раковъ; Василій Луковица, *суконникъ;* Кирей Шемётовъ; Яковъ Желѣзовъ. *Народъ постепенно прибываетъ. Смутный говоръ.*

Иванко Торгоша (*Велебину.*)

Оглохъ ты, Юшко? али закичился
И отвѣчать не хочешь? (*Велебинъ молчитъ.*)

Кирей Шемётовъ (*Тòргошѣ.*)

Э̀кой олухъ!

Ну, что̀ присталъ-то? Знаемо — гонецъ
Къ степенному посаднику и скажетъ...
А ты-то что̀?

Иванко Тòргоша.

Эхъ ты, Кирей Шемётовъ!

Ѳедосъ Гобòля.

Слышь, Тòргоша, не ба̀луй языкомъ
Съ похмѣлья-то...

(*Бьётъ его по плечу.*)

Иванко Тòргоша (*вскрикиваетъ.*)

Охъ!...

(Оборачивается.)

Онъ и есть — Гобóля!

(*Трётъ себѣ плечо.*)

Да какъ же?... Впрямь мясницкая рука!...
Да какъ же, дѣдко? Сходку созвонили,
А вѣсти нѣтъ—по что̀ и про кого?...

Ѳедосъ Гобòля.

А ты дождаться на̀большихъ не хочешь?

Иванко Тòргоша.

А что ихъ ждать?

Голоса въ толпѣ.

Ребята! сотской, сотской!

ЯВЛЕНІЕ II.

Тѣ же *и* Дмитро Патракѣевичъ, *сотской, пробирается къ* вѣчевому *мѣсту.*

Дмитро Патракѣевичъ (*приподнимаетъ шапку.*)

Здорово, людъ честно̀й!

(*Народъ также приподнимаетъ шапки.*)

Нѣсколько голосовъ.

Тебѣ во здравье!

Дмитро Патракѣевичъ.

Что̀, есть со всѣхъ концовъ по сотнѣ?

Голоса.

Надо-ть быть.

Ѳедосъ Гобо̀ля.

Побольше будетъ, Дми́тро Патракѣичъ!

Дмитро Патракѣевичъ.

Очередныхъ подняли?

Голоса.

Туто всѣ.

(*Народъ продолжаетъ сходиться; колоколъ не умолкаетъ; въ толпѣ шумъ и крики.*)

Дмитро Патракѣевичъ (*во весь голосъ.*)

По пошлинѣ, честные господа̀,
По старинѣ мірской и по порядку!

Голоса.

Повольте слушать сотскаго!

Повольте!

Очереднои... повольте, осудари!

Не поперечьте!

Голосъ.

Тише, чтобъ васъ тамъ!...

(*Народъ утихаетъ и сбирается въ кучки. Молчаніе.*)

Дмитро Патракѣевичъ.

Пока бояръ и тысяцкаго нѣтъ,

Очередныхъ бы переклнкнуть?

Голоса.

Ладно!

Дмитро Патракѣевичъ.

Очереднои Торговаго Конца?

Исакъ Шестникъ (*выходитъ изъ толпы.*)

Исакъ Шестникъ.

Дмитро Патракѣевичъ.

Опоцкаго?

Иванко Подкурской (*выходитъ впередъ.*)

Иванко

Подкурской...

(*Ударяетъ себя въ грудь.*)

Я!

Дмитро Патракѣевичъ.

Боловинскаго?

Мыльникъ Демёшко (*выходитъ впередъ.*)

Мыльникъ

Демёшко...

Дмитро Патракѣевичъ.

Городецкаго?

Гоболя (*изъ толпы.*)

Гоболя!

(*Въ толпѣ смѣются.*)

Голоса.

Ѳедосъ Гоболя! дѣдко-домосѣдка!
Воловій крёстный! медососъ-Ѳедосъ!

Гоболя (*громко.*)

Тьфу, зубоскалы! Распахнули глотки!...

Дмитро Патракѣевичъ.

По пошлинѣ повольте, осудари!

Голоса.

По пошлинѣ! по-тиху! шш! по-тиху!

(*Толпа снова смолкаетъ.*)

Дмитро Патракѣевичъ.

Кто съ Острой-Лавицы конца?

Клементій Сесторпковъ (*выходитъ изъ толпы.*)

Клементій

Ивановъ сынъ Сесторпковъ, кузнецъ.

Дмитро Патракѣевичъ.

А кто Конецъ Богоявленскій правитъ?

(*Никто не выходитъ.*)

Дмитро Патракѣевичъ, (*помолчавъ.*)

Очередной оправщикъ Богоявлянъ?...

Голоса.

Очередной!

Да кто очередной!

Желѣзовъ Яковъ...

Полно врать! вдругорядь:

Намедни былъ, и нонѣ за него же!

Да нѣту: нонѣ, братцы, Колтырь Раковъ...

И то вѣдь онъ...

Давай его сюда!

Куда уползъ?

Хватай его за клешни,

Ракушку!...

(*Въ толпѣ хохотъ.*)

Дмитро Патракѣевичъ.

Осудари-псковичи!

Присудите: быть сходкѣ, аль не надо?...

Идутъ бояре съ тысяцкимъ, съ судьёю,

И со дьякомъ царёвымъ, и съ подьячимъ...

И князь-намѣстникъ выйдти соизволилъ...

Народъ.

Быть сходкѣ! быть! На всей на псковской волѣ!

ЯВЛЕНІЕ III.

Изъ Княжихъ Воротъ входятъ на площадь: князь Юрій Токмаковъ, тысяцкой Никита Насоновъ; бояре: И. Тенишинъ, Я. Кротовъ, кн. С. Дябренскій, Г. Умылъ-Бородинъ. И. Матута. Андрей Коза, *царскій дьякъ;* Ортюша, *подъячій;* Сидоръ Оданья, *судья; московскіе стрѣльцы.* ***Вслѣдъ за ними посадники:*** Иванъ Гахоновичъ, Григорій Силычъ Хрустоловъ, Юрій Копылъ, Михайло Помазовъ, *псковскіе ратные люди и новыя толпы народа входятъ изъ Святыхъ Воротъ.*

Князь Токмаковъ (*идётъ къ мѣсту; толпа передъ нимъ разступается.*)

Кто созвонилъ?

Голоса.

Гонецъ Велебинъ Юшко.

Юшко Велебинъ (*выступаетъ впередъ и кланяется.*)

Я, осударь, пригнанъ со спѣшной вѣстью:
Вели держать ко Пскову речь.

Князь Токмаковъ.

Держи.

Юшко Велебинъ (*всходитъ на мѣсто, снимаетъ шапку, крестится на церкви и кланяется на три стороны.*)

Поклонъ и слово Новгорода:

«Братья

Молодшая, всѣ мужи псковичи!
Вамъ кланялся-де Новгородъ-Великій,
Чтобъ помогли вы сỳпротивъ Москвы,
И вы-де брату вашему старшòму
Не дàли пòмочь ниже никакую,
И целованье крёстное забыли:
Ино на то вся ваша власть и воля
И помоги вамъ Троица святая!
А братъ-де вашъ старшòй открасовался
И наказалъ вамъ долго жить, да править
По нёмъ поминки...»

(Кланяется и надѣваетъ шапку. Въ толпѣ поднимается шумъ.)

Голоса.

Новгородъ Великій!
Родимый нашъ!
Уже ли и взаправду
Конецъ ему?
Прійдётъ конецъ и Пскову!
И подѣлòмъ: сидѣли, склавши руки!
Чужой бѣдѣ порадовались!
Тише!
Пущай гонецъ всё скажетъ...
Говори
Всю правду, Юшко!
Али всей не скажетъ?
Ужь разомъ слушать!
Кàзниться, такъ вдòсталь.
Молчите жь!

Юшко Велебинъ (*опять снимаетъ шапку и кланяется на три стороны.*)

Осударь Великій Псковъ!...

ЯВЛЕНІЕ IV.

Тѣ же. Михайло Туча, Четвёртка Терпигоревъ, Богданъ Ковыринъ, Василій Борбошинъ *и псковская вольница входятъ въ Смердьи Ворота и пробиваются сквозь толпу къ вѣчевому мѣсту. Опять шумъ. Колоколъ смолкаетъ.*

Голоса.

Ну, привалили!

Вольница!

Буяны!

Ори пошибче — знать глаза-то пропилъ:

Вишь, сыновья посадничьи!

Да что жь я?...

Я только...

Юшко Велебинъ (*громче.*)

Осударь Великій Псковъ!

(*Говоръ утихаетъ.*)

Пусть Богъ меня не милуетъ на страшномъ

Судилищѣ Христовомъ, коль пролгуся

Въ единомъ словѣ: что завѣрно слышалъ,

А что и самъ сквозь слёзы доглядѣлъ...

(***Мёртвая тишина.***)

По-прежь всего, подъ Новгородъ Великій

Пришёлъ съ Москвы передній полкъ, изгономъ:
Бояре, и князья, и воеводы,
Съ дворянами, съ боярскими дѣтьми —
И всякимъ ратнымъ людомъ — туча-тучей…
Которые поставили заставы
Вкругъ города, а кто въ монастыри —
Казну печатать, иноковъ и старцевъ
Вязать, да въ станъ съ собою, на правёжъ,
До царскаго пріѣзда… Да собрали
Со всѣхъ церквей новогородскихъ прѝчетъ,
За приставовъ роздàли по десятку,
И тожь, до государева пріѣзда,
Велѣли ставить на правёжъ и бить
До искупа, всякъ Божій день, безщадно…
А правили по двадцати рублёвъ
Новогородскихъ съ каждаго…

Голоса.

Злодѣи!
Опричина кромѣшная!

Юшко Велебинъ.

Пождите:
Цвѣточки только — ягодки-то будутъ…
Дѣтей боярскихъ отрядили въ городъ —
Ловить гостей, приказныхъ именитыхъ,
И всѣхъ — въ желѣза, дòмы и имѣнье —
Всё запечатать, а дѣтей и жёнъ
Блюсти подъ стражей твёрдо…

Өедосъ Гобòля.

Юшко, врёшь ты!
Аль дѣти-то, младенцы-то повинны
Въ чёмъ ни на есть?

Юшко Велебин.

А вру — казни Господь!
Постой — ещё!... Прошло Богоявленье —
Прошла и поголовная бѣда:
Самъ государь пріѣхалъ... Разобрали —
Кто правый, кто виновный?...
Ну... неможно
Сказать: была ль доподлинно измѣна,
Аль наказалъ Господь новогородцевъ
За ихъ грѣхи... А только былъ разгро̀мъ
И городу, и всѣмъ его пяти́намъ,
И выселкамъ, за двѣсти верстъ, и больше...
Про это слышалъ...
А глазами видѣлъ
Такую ка̀ру грозную и казнь —
Не приведи Господь и лиходѣю...
Охъ! больно грозенъ царь Иванъ Васильичъ!...
Коль прогнѣвятъ, такъ что̀ твой громъ небесный!...
А тутъ ему лихое подшепнули —
Разгнѣвался на Пимена-владыку:
Не подошелъ и ко кресту святому,
«Ты» говоритъ «не Крестъ Животворящій
Въ десницѣ держишь, а на насъ оружье;
Ты наше сердце царское замыслилъ
Злотворною измѣной уязвить:
Богохранимый Новгородъ Великій,
Державы нашей вотчину, ты хочешь,
Со всѣмъ единомысленнымъ синглитомъ,
Предать Литвѣ, Жигмонту королю!...
Отселѣ наречёшься ты не пастырь,
Не сопрестольникъ всесоборной церкви
Премудрости Господніей Софіи,

А хищный волкъ, измѣнникъ и губитель,
И досадитель нашей багряницѣ
И нашему престольному вѣнцу!»
Какъ вымолвилъ — тàкъ Новгородъ—и полно!...
Вотъ цѣлый мѣсяцъ съ Волховскаго Моста
Въ кипучій омутъ мученыхъ бросаютъ:
Сначала стянутъ локти бечевою,
И ноги свяжутъ, а потомъ пытаютъ
Составомъ этимъ огненнымъ, *поджаромъ*,
Да такъ въ огнѣ и мечутъ съ моста въ воду...
А кто всплывётъ наверхъ, того зацѣпятъ
Баграми и рогатиной приколятъ,
Аль топоромъ снесутъ ему макушку...
Младенцевъ вяжутъ къ матерямъ верёвкой—
И тоже въ воду.

Князь Токмаковъ (*поднимаетъ руки къ небу.*)

Господи, мой Боже!
Не можетъ быть, чтобъ царь Иванъ Васильичъ
Казнилъ такъ крѣпко!

Юшко Велебинъ.

Царь на Городищѣ
Всѣмъ станомъ сталъ, а это безъ него
Опричники злодѣйствуютъ...

Ѳедосъ Гобòля.

Да чтò же?
Когда жь конецъ-то будетъ?

Кирей Шеметовъ.

Нѣтъ управы.
И нѣтъ суда на этихъ окаянныхъ.

Голоса.

Вѣстимо нѣтъ!
                    А мы-то, псковичи,
Положимъ также голову на плаху?
Подшепчутъ что̀ — тю-тю! не погнѣвися!
Нѣтъ!... какъ же такъ?
                    Аль стѣны развалились?
Аль у воротъ заржавѣли замки?
Не выдавай, ребята, Псковъ-Великій!
А щитъ — такъ щитъ!
                    И въ правду, что мы дремлемъ?
Звоните вѣче!
                    У святаго Спаса!
У Троицы!
                    За осударя-Псковъ!
За пошлину мірскую и за вѣче!
Рубись, ребята!
                    Съ улицы, аль съ дома?
Рубися съ дома!
                    Сельскіе съ сохи!
                    Звоните вѣче!
                    Любо!
                    Вѣче! вѣче!

(*За сценой звукъ колокольчика.*)

ЯВЛЕНІЕ V.

Тѣ же. *Въ Петровскія Ворота въѣзжаетъ взмыленная тройка. Изъ тельжки выскакиваетъ псковскій гость* Семёнъ Ивановъ Бороусовъ. *Онъ запыхался и еле переводитъ духъ.*

Кирей Шеметовъ.

Никакъ ещё намъ вѣсти?

Юшко Велебинъ.

Не къ добру!

Голоса.

Съ вѣстями гость!

Раздайся!

Пропустите!

Семенъ Бороусовъ (*прерывающимся голосомъ.*)

Бѣда!... бѣда намъ, мужи-псковичи!

На Псковъ идутъ!...

(*Пробивается къ вѣчу и нѣсколько времени не можетъ выговорить слова.*)

Иванко Торгоша.

Ещё какіе гости?

Литва?

(*Семёнъ Борусовъ машетъ рукою.*)

Кирей Шемётовъ.

Шальные нѣмцы?

Семенъ Бороусовъ (*переводитъ духъ.*)

Самъ идётъ!..

Татары изъ полку передоваго
Пригнали ужь въ Невадичи... насилу
Уѣхалъ...

Иванко Торгоша (*кричитъ:*)

Ой, голубчики, пропали!..

Юшко Велебинъ (*сбѣгаетъ съ вѣча.*)

Прости—прощай, головушка!

Голоса.

Пропали!..
Пропали мы!..
Идётъ!..
Идётъ изгономъ!..
Охъ, батюшки, ворота завалите?
Посады жечь!
Добро-то гдѣ намъ спрятать?
Дѣтей-то малыхъ съ жёнами куда?
Звоните вѣче!..

(*Общая суматоха; снова раздаются удары колокола.*)

Никита Матута (*тихо князю Юрію Токмакову.*)

Вотъ теперь за дѣло!
Струхнули скоро... Вразуми безумцевъ...

(*Князь Токмаковъ всходитъ на вѣчевое мѣсто.*)

Тысяцкой (*кричитъ:.*)

Потише, люди вольные, потише!
Степенный нашъ посадникъ держитъ слово!

Сотской (*бѣгаетъ въ толпѣ.*)

Повольте, осудари-псковичи!
Самъ князь намѣстникъ говорить желаетъ.

(*Вѣчевое мѣсто обступаютъ посадники, бояре, царскій дьякъ, подьячій, судья и московскіе стрѣльцы. Въ первыхъ рядахъ Михайло Туча, Четвёртка Терпигоревъ и Ѳедосъ Гобòля. Тишина.*)

Князь Юрій Токмаковъ (*снимаетъ шапку, крестится на соборы и кланяется народу.*)

Отцы и братья, мужи-псковичи,
Великая держава государя,
И отчина и дѣдина его —
Всѣ люди добровольные!
Къ вамъ слово!

Народъ.

Изволь повѣдать, осударь намѣстникъ!

Князь Юрій Токмаковъ.

Богъ жаловалъ и Троица святая,
Живоначальная!.. Здоровіемъ царя
И государя нашего, и князя
Великаго всея Руси, управу
Я взялъ на всей па вашей псковской волѣ...
А нонѣ любъ, аль не любъ — порѣшите!

Иванъ Тахоновичъ.

Князь-осударь! стоитъ твоимъ здоровьемъ
Великій Псковъ...

Григорій Хрустоловъ.

И ласкою твоею...

Юрій Копылъ.

И правдою твоею неумытной...

Иванъ Тенишинъ.

И хитростію ратной...

Яковъ Кротовъ.

И житіемъ монашескимъ...

Князь Дябринскій.

И... всѣмъ...

Никита Матута.

А наипаче милостью царёвой!

Четвёртка (*тихо.*)

Ну, погоди ты, старый—*наипаче!*

Князь Юрій Токмаковъ.

Посадники, бояре и князья!
Чёломъ вамъ бью за милостное слово,
А пусть меня Великій-Псковъ разсудитъ —
Отъ стàршаго и мѐньшаго!.. по правдѣ,
По всей завѣтной псков̀ской старинѣ...

Народъ.

Князь-осударь! намъ за тобою любо!
Съ тобою мы, князь Юрій, не боимся!
Всѣ за тебя — и старъ и малъ!

Князь Юрій Токмаковъ (*кланяется.*)

А любо,
Такъ слушайте!

Народъ.

Всё слышимъ, осударь!

Князь Юрій Токмаковъ.

Великій-Псковъ! Кого вы испугались?
Законнаго державца и владыки!..
Отца роднòго испугались дѣти!..
Чтò государь идётъ псковской святынѣ,
Живоначальной Троицѣ и Спасу,
Со страхомъ и молитвой поклониться,
Такъ вы тотчàсъ за шестопёръ и бердышъ,
Чтò вòрога встрѣчаете...

А, можетъ,

Насъ государь пожалуетъ и льготой:
Вѣдь мы — не ваша братья, новгородцы:
Съ Литвой и съ Мистромъ перевѣтъ не держимъ;
Обѣльное и всѣ подъѣзды правимъ;
Посòшной ратью завсегда готовы!
А буде нуженъ человѣкъ охочій —
Да только кликни царь и государь —
Весь Псковъ всѣлъ нà конь!...

Тáкъ ли, осудари?

Голоса.

Оно всё тàкъ,..

Вѣстимо: молодцы

У насъ охòчи..

Чтò и не срубиться?

Навыкнуть дѣлу надо молодымъ-то...

Князь Юрій Токмаковъ.

Вотъ видите!.. за чтò же государю
Прогнѣваться на отчину свою?..
А нè за чтó!.. Нѣтъ, царь Иванъ Васильичъ,

Ка̀къ сѣлъ на мѣсто царское свое,
Печаловался Псковомъ, да и нонѣ
Жалѣетъ Псковъ..

Четвёртка Терпигоревъ.

Жалѣлъ и волкъ кобылу —
Оставилъ хвостъ да гриву!

Өедосъ Гобо̀ля.

Такъ-то, такъ!
А Новгородъ-то какъ же? Нѣшто вправду
Владыка Пименъ перевѣтъ держалъ
Съ Литвою, али съ нѣмцами?

Иванко Торго̀ша.

Пожалуй,
И Псковъ-то будетъ безъ вины виновенъ!

Кирей Шемётовъ.

А Богъ ихъ вѣсть! лихому человѣку —
Наушнику бѣда чужая — прибыль...

Никита Матута.

Извольте князь-намѣстника дослушать:
Ему и сердце царское открыто.
Такъ намъ ужь онъ накажетъ, что̀ добро̀.

Князь Юрій Токмаковъ.

Спасибо за присловіе, бояринъ!...
А я не больно падокъ до наказовъ:
Прошу совѣта осударя-Пскова,
Ка̀къ намъ служить царю и государю?

Голоса.

По речи — князь!

Да онъ же нашъ посадникъ!
Да и степѐнный!
Чтȍ же, осударь.
Чтȍ намъ почать?
Кàкъ быть и кàкъ намъ съ бытомъ
Псковскимъ отъ злыхъ кромѣшниковъ отбиться!

Князь Юрій Токмаковъ.

Скажу я вамъ и — съ мѣста не сойдти —
Скажу на благо осударю-Пскову...
Пеките хлѣбы, хмѣльный мёдъ сытите,
Варите брагу... Каждый у воротъ
Накрой свой столъ съ гостиннымъ хлѣбомъ-солью;
Всѣмъ выходить, отъ мала до велика,
Во стрѣтенье царю и государю
И бить челомъ о милости его...
И простоитъ во вѣки Псковъ-Великій
Своимъ смиреньемъ, жалованьемъ царскимъ
И милостью Господнею...

Никита Матута.

Аминь!

(*Князь Юрій надѣваетъ шапку и садится на верхней ступени вѣчеваго мѣста. Нѣсколько мгновеній тишина.*)

Четвеёртка Терпигоревъ (*выступая впередъ.*)

И я скажу: аминь! аминь!.. разсыпься!
Не надо Пскову ȍборотней царскихъ:
Своимъ-то вбить осиновый колъ въ спину
Такъ только въ пору...
Князю не перѐчу:
Онъ любитъ осудàря, Псковъ-Великій,

И слово молвитъ — оторвётъ отъ сердца...
А ты-то что́, Матута? Ты отколѣ,
Что, словно попъ, обѣдню повершаешь?..
Мы пришлецовъ-то этакихъ видали
И провожали съ честью за рубёжъ
Татарской плетью, къ сватамъ ихъ, татарамъ.
Да не робѣй: по совѣсти, по чести,
Скажи ты намъ ..

Никита Матута (*дѣлаетъ надъ собою усиліе и перебиваетъ Четвёртку.*)

Что?.. Я-то оробѣю
Передъ тобой, нахаломъ первоусымъ?
Постой! тебя любезнаго дружка,
Какъ-разъ скрутятъ... Москва–то не далёко!

Четвёртка.

Подальше, чѣмъ кулакъ мой отъ иного...
Спасибо смиренъ, ссоры не люблю,
А то бы...

(*грозитъ кулакомъ.*)

Далъ раза̀, такъ было бъ мокро...

Ѳедосъ Гобо̀ля (*берётъ его за руку.*)

Четвёртка, стыдно!

(*Четвёртка наклоняетъ голову. Въ толпѣ шумъ и крики.*)

Ѳедосъ Гобо̀ля (*Михайлъ Тучѣ.*)

Что̀ же ты, Михайло
Андреевичъ? посадничій ты сынъ,
А словомъ не порадуешь...

Михайло Туча.

Гоболя!
Я жду старшо̀го нашего, что̀ скажетъ —
Тому и быть...

(*Оборачивается къ Михайловскимъ Воротамъ.*)

Да вотъ онъ самъ бредётъ.

ЯВЛЕНІЕ VI.

Тѣ же и *посадникъ* Максимъ Иларіоновичъ *входитъ на площадь, опираясь на клюку. Народъ разступается.* Князь Юрій Токмаковъ *встаетъ съ вѣчевой ступени, снимаетъ шапку и взводитъ Максима Иларіоновича на мѣсто.*

Народу:

Порадуйтесь! Родительской молитвой
Помиловалъ Спасъ Милостивый Псковъ —
Послалъ намъ умъ и разумъ стародавній.

(*Сходитъ съ вѣча и становится у нижне ступени.*)

Четвёртка Терпигоревъ (*подходитъ къ вѣчу, снимаетъ шапку и кланяется въ-поясъ.*)

Максимъ Иларіоновичъ! Пскову плохо...
Ты слышалъ: царь на Новгородъ былъ гнѣвенъ
И разгромилъ его, съ сердцовъ, до тла,
А нонѣ къ намъ идётъ — на Псковъ-Великій...
Такъ, что̀ ты намъ присудишь — то и будетъ...

(*Кланяется и надѣваетъ шапку.*)

Максимъ Иларіоновичъ (*крестится и кланяется. Тихимъ, но внятнымъ голосомъ.*)

Не чаялъ я, отцы мои и братья,
Что мнѣ еще прійдется молвить слово
Съ Великимъ Псковомъ осударемъ нашимъ,
А Богъ привелъ подъ старость... не взыщите,
Коль въ чёмъ и какъ, непомнящій, промолвлюсь.

Өедосъ Говѐля.

Ты говори, а мы ужь подберемъ...
Слова́ — что̀ жемчугъ: если закатились
Въ какую щёлку — лучше половицу,
Аль двѣ поднять, чѣмъ потерять добро.

Максимъ Иларіоновичъ.

Прослышалъ я про нашу про невзго́ду...
Знать, Богъ велѣлъ... а супротивъ велѣнья
Господняго никто не возмоги!..
Вотъ мнѣ теперь девятый ужь десятокъ. .
Видалъ я волю — красною дѣвицей.
Видалъ её — старухой безпомощной,
И самъ отнёсъ покойницу въ могилу...
Ну!... было время, и не въ нашу вёрсту,
И потягаться было бы кому
Съ Москвой... да нѣтъ! умнѣе были дѣды,
Аль Псковъ-отъ былъ имъ словно подороже:
Поко̀ра будто слыхомъ не слыхали;
Обиды будто видомъ не видали;
Какія слёзы къ горлу подступили —
Такъ отгонали къ сердцу пивомъ-мёдомъ..
И веселились... Что̀ жь не веселитесь
По–дѣдовски?..

Великій князь Василей
И колоколъ корсунскій снять велѣлъ,
И вѣче рушилъ... Какъ у насъ тогда
Не вышли зеницы со слезами —
И Богу вѣсть!.. А всё же веселились,
А всё же Псковъ Великій сберегли —
Любили Псковъ побольше внуковъ дѣды...
А я сказалъ...

Кто хочетъ мнѣ перечить,
Тотъ видно молодъ и Москвы не знаетъ...
Не то свое — чужое на счету:
Всё вывѣритъ, да вывѣситъ, да сметитъ,
Да и возьмётъ — поди ты съ ней—судися,
Въ великій день, передъ судомъ Христовымъ!
И то сказать: въ мое-то время были
Цари въ Москвѣ, да только-что царями
Въ Москвѣ звались, а нонѣ царь московскій
На всѣ страны и на народы — царь.
Тяжка рука, да и душа — потёмки
У Грознаго... Проститеся со Псковомъ.
Хорошій будетъ пригородъ московскій —
И слава Богу!

(*Сходитъ съ вѣча.*)

Четвёртка.

Правда, слава Богу
За всё... хоть даже за такія речи:
Какъ сказаны, такъ ихъ и заморозитъ...
А я такъ рѣчь иную поведу
И буду кликать нашихъ поимённо...
Желѣзовъ Яковъ!

Желѣзовъ (*поднимается изъ-за дальняго костра.*)

Тутъ онъ.

(*Идётъ на голосъ Четвёртки Терпигорева.*)

Четвёртка.

А Василій Суконникъ?

Василій Суконникъ (*выходитъ изъ толпы.*)

Тутъ же!

Четвёртка.

Колтырь Раковъ:

Колтырь Раковъ (*въ толпѣ.*)

Тутъ!

Четвёртка.

Всѣ *тутъ*... а *здѣсь*, со мною, остальные...

(*Михайлѣ Тучѣ.*)

Чего ты ждёшь?.. Добромъ не сговоришь?
Матута князя Юрія поставилъ
На вѣче, а тебя-то, братъ, Михайло,
Кому же ставить, коль не мнѣ, Четвёртке?

Богданъ Ковыринъ и Василій Борбошинъ.

И мы поможемъ...

Четвёртка.

Ну, кричи, Богданъ!
И ты, Борбошинъ!

Богданъ Ковыринъ.

Мужи псковичи!

Посадниковъ послушали, а кровныхъ,
А сыновей посадничьихъ не надо?

ВАСИЛІЙ БОРБОШИНЪ.

Зачѣмъ ихъ?.. Ну, ихъ къ ляду! Пусть ихъ гибнутъ
За міръ и вѣче — міру что̀ за дѣло?..
Пущай..

(*Народъ начинаетъ шумѣть.*)

ГОЛОСА.

А что жь мы, братцы—оплошали.
Своихъ забыли?

Гдѣ же сыновья
Посадничьи?

Зови Михайлу Тучу.
Пусть скажетъ слово...

Тучу! Тучу! Тучу!

(*Туча подходитъ къ вѣчевому мѣсту.*)

Михайлу Тучу!..

Вышелъ!.. не горланьте!
Пусть говоритъ намъ съ мѣста!

Тучу! Тучу!

МИХАЙЛО ТУЧА. (*Съ вѣчеваго мѣста, крестится и кланяется народу.*)

Псковъ-осударь!

Посадничьему сыну
И вѣчнику молòдшему не слѣдъ
И слово молвить поперёкъ старшòму,
А стольному намѣстнику и князю,
Аль выборнымъ посадникамъ степеннымъ
Перечить — стыдъ и грѣхъ неотпускнòй...
Коль нѣтъ на то господняго велѣнья...

Да Божьей воли намъ не исповѣдать:
Въ уста младенцевъ онъ влагаетъ правду
И слабую десницу укрѣпляетъ
На силу — силъ престоловъ и господствій...
Повольте молвить, мужи-псковичи
И люди добровольные, всю правду,
Какъ положилъ мнѣ на душу Господь!..
Вы, отчина крестопріимной Ольги,
Любимый столъ поборниковъ Руси,
Домъ Троицы святой Живоначальной,
Вы, осударь-Великій Псковъ! радѣйте
И о себѣ всѣмъ міромъ промышляйте
По пошлинѣ..
Аль были мы повинны
Въ чёмъ ни на есть передъ великимъ княземъ
И государемъ? Были, такъ скажите...

Голоса.

Да въ чёмъ повинны?..
Словно бы ни въ чёмъ...

Михайло Туча.

Аль мы Литвы дурной не сторожили?

Богданъ Ковыринъ.

Литвы-то?

Михайло Туча.

Аль жалѣли шестопёровъ
На нѣмцевъ?

Ѳедосъ Гоболя.

Ка̀къ-ста не жалѣть?.. А чѣмъ же
Свиней чудскихъ лобанить?

Василій Борбошинъ.

Ха–ха-ха!

Мясникъ свой!

Михайло Туча.

Скажите, осудари,

За коимъ прахомъ лечь намъ головою?

За правду-то? за наше-то добро?

За кровь-то нашу и за нашу службу?

За цѣлованіе крёстное?

Отбейте

Ворòта всѣ у нашего Кремля,

Мечи и копья нáши притупите,

Въ церквахъ съ иконъ оклады обдерите,

Кромѣшникамъ на хмѣльный смѣхъ и радость...

Пусть, кто слуга для Пскова-осударя —

Я дослужилъ...

А вы когда учнёте

Ловить ворòнъ да галокъ соколами,

Тогда меня вспомяните...

А я

Прощаюсь съ вѣчемъ и иду подъ Камень...

Кто носитъ сердце подъ крестомъ купельнымъ,

Пойдётъ со мной, чтобъ око не видало

Позора и безчестія псковскаго,

Чтобъ не слыхать, кàкъ Псковъ не скажетъ правды

И пошлины своей не отстоитъ

Передъ своимъ владыкою правдивымъ...

(*Молчаніе.*)

Аль я одинъ, и нѣтъ грозы за тучей?...

Голоса.

Есть, батюшка, есть батюшка, Михайло

Андреевичъ!

Напился?

Загрозили?

Помилуй Богъ!

Ѳедосъ Гоболя.

Охъ дурни!.. громъ не грянетъ,

Мужикъ не перекрестится...

Бояринъ Матута.

Ну, громъ

Изъ тучи!..

Четвёртка.

Знать, изъ ней, а не изъ кучи

Съ матутинскаго задворка!

Иванко Торгоша.

Ребята!

И вправду, нѣшто Пскову нѣтъ радѣльцевъ?

Голоса.

Да что тутъ! Слышь — за Псковъ и старину

Вались къ одной!

Катай-валяй за Тучей!

За Тучею Михайлой!

Михайло Туча (*сходитъ съ мѣста.*)

А за мною,

Такъ на поле — ужь тамъ поговоримъ,

Кто лишній-то во Псковѣ...

Голоса.

Гой—гой!

Четвёртка.

Дружнѣй!

Голоса.

Валися, людъ честной, валися!

(Толпа дѣлится на-двое. Смятеніе.)

Бояринъ Матута (*Князю Юрію.*)

Князь, князь! вели стрѣльцамъ палить въ буяновъ,
Не выпускай ихъ изъ Кремля!.

Михайло Туча (*снимаетъ рукавицу.*)

Матута!
Мы свидимся съ тобою! Повѣщаю
Тебя заранѣй... Вотъ-те и гонецъ!

(*Бросаетъ рукавицу въ лицѣ Матутѣ.*)

Бояринъ Матута, (*хватаясь за щеку.*)

Князь, не пускай: вели палить!

Михайло Туча.

Князь Юрій
Ивановичъ! съ тобою псковичи —
Охочій людъ — прощаются...

Князь Юрій Токмаковъ, (*опомнившись.*)

Куда?

Михайло Туча.

Господь сведётъ... Не поминай насъ лихомъ!.
Великій Псковъ оставилъ государю
Святыню храмовъ, вѣче вѣковое,
Дома̀ и землю, сѐмьи и могилы...
А волю сложитъ къ царскому подножью —
Гдѣ Богъ укажетъ — съ буйной головою...

(*Снимаетъ шапку и кланяется.*)

Князь Юрій Токмаковъ.

Да стойте жъ, полоумные!

Михайло Туча.

Стояли,

Пока стоялъ Великій Псковъ, а нонѣ
Пришлось идти, куда глаза глядятъ...

Четвёртка.

И лучше:

Пройдёмся — разгуляемся.

Василій Борбошинъ.

И пѣсню

Споёмъ на путь дорогу!..

Четвёртка (*бьётъ его по плечу.*)

Вотъ-такъ правда!

Гдѣ Кóлтырь Раковъ?

Голоса.

Запѣвало! Раковъ!

Проснися!.. Эй!...

Князь Юрій Токмаковъ.

Постойте! образумьтесь! .

Куда вы рветесь и кому грозите?
Безумцы!.. Чтò вы кличете на Псковъ
Правдивый гнѣвъ законнаго владыки?..
Иванъ Васильичъ Грозный вѣдь не шутитъ...

Четвёртка.

А пусть не шутитъ; шутка — не обида,
А отъ нешутки отпоёмся пѣсней...
Ну, Кóлтырь Раковъ, гдѣ ты?

Кóлтырь Раковъ (*выходитъ изъ толпы съ балалайкой.*)

Здѣсь... Ау!..

Четвёртка.

Прощальную!

Михайло Туча.

Со Псковомъ-осударемъ...

(*Машетъ шапкой. Полтолпы бѣжитъ къ нему съ криками.*)

Голоса.

Прощальную со Псковомъ-осударемъ!..

Кòлтырь Раковъ (*ударяетъ по балалайкѣ.*)

Осудари—псковичи!
Собирайтесь на дворы:
Зазубрилися мечи,
Притупились топоры...
Тò-то лёли, то-то лёли, то-тò лёшеньки мои!

Нѣсколько голосовъ (*подхватываютъ.*)

Тò-то лёли, тò—то лёли, тò-то лёшеньки мои!

(*Толпа уходитъ въ Смерды Ворота. М. Туча, Четвёртка Терпигоревъ и К. Раковъ впереди.*)

Голосъ Кòлтыря Ракова (*вдали.*)

Али нè зачѣмъ точить
Ни мечей, ни топоровъ?
Али нѐгдѣ намъ сложить
И головушекъ за Псковъ?
Тò-то лёли, тò-то лёли, тò-то лёшеньки мои!

Голоса (*вдали.*)

Тò-то лёли, тó-то лёли, тò-то лёшеньки мои!

ДѢЙСТВІЕ ЧЕТВЕРТОЕ.

Теремъ князя Юрія Ивановича Токмакова. Столовая. Вглуби четыре окна съ венецейскими стеклами. Кругомъ стѣнъ лавки съ полавочниками. Направо дверь и налѣво дверь. Передъ окнами большой столъ со скамьями. Направо кривой столъ и лавки: налѣво княжеское мѣсто съ навѣсомъ. Въ переднемъ углу кіотъ съ лампадкою; столы накрыты. За окнами шумъ и говоръ. По городу звонъ.

ЯВЛЕНІЕ I.

Перфильевна *оправляетъ скатерть на кривомъ столѣ.*

Голоса мальчишекъ за окнами.

По бабкамъ!..

Стой!..

Конъ за́ конъ!..

Когъ!.,.

Анъ ничка!..

Перфильевна (*прислушивается.*)

Ахъ, матушки! . никакъ они?..

И вправду... (*торопливо подходитъ къ окну*)

Ну, такъ и есть!..

(*Стучитъ въ окно.*)

Ахъ ты безстыжій глазъ,
Глаза твои безстыжіе, Матюшка:
Какіе дни, а ты всё за свое —
Опять за бабки!.. Вишь ты, пострѣлёнокъ?
Ты говори ему, а онъ тебѣ...

Голосъ мальчишки.

Корга̀!

Перфильевна.

И дразнишься? Вотъ черти-то потянутъ
Тебѣ языкъ!

Голоса Мальчишекъ.

Тебя-то, кочерга̀,
Въ три гибели согнутъ, да и заставятъ
Лизать горячій про̀тивень!. .

Перфильевна (*грозитъ кулакомъ.*)

Ужо васъ!
Скажу: подпимутъ на̀ воротъ рубашки.

Мальчишки (*поютъ съ присвистомъ.*)

Фить-фить-фить!
Видно для старушекъ —
Фить-фить-фить
Мало колотушекъ!
Бей долбнёй ихъ въ лобъ,
Чтобы бѣсъ ихъ сгрёбъ!

Перфильевна.

Вы такъ-то?.. Ну, постойте жь, жиденята!.
(*За окнами хохотъ. Перфильевна сталкивается въ дверяхъ съ Ольгою и Стешей Матутой.*)

ЯВЛЕНІЕ II.

Перфильевна, Ольга и Стеша Матута; *обѣ въ лѣтникахъ и повязкахъ съ покрывалами.*

Стеша Матута (*берётъ Перфильевну за плечи.*)

Постой, постой, не торопись, молодка:
Такъ съ ногъ собьешь!..

Перфильевна (*задыхается.*)

Голубушка моя,
Боярышня! мальчишки разсердили.
Тутъ смерть, они — поди ты — разыгрались...

Стеша Матута.

Такъ ты ихъ — знаешь?...

Перфильевна.

Нѣшто убѣжали,
А то я ихъ...

Стеша Матута.

Бѣги, бѣги скорѣе! (*Смѣётся.*)

(*Перфильевна уходитъ.*)

ЯВЛЕНІЕ III.

Ольга и Стеша.

Стеша.

Спровадила!

Ольга.

Ахъ, Стеша!... Какъ Господь
Тебѣ на шутки силу посылаетъ!

Стеша.

А что̀ же? Плакать?... Буду умирать —
Смѣяться буду.

Ольга (*обнимаетъ её.*)

Стешенька, я знаю,
Что для меня, голубушка, смѣёшься:
Мою кручину шуткою отводишь...
А мнѣ ужъ нѣту краснаго веселья...

(*Утираетъ рукавомъ слёзы.*)

Притужно мнѣ...

Стеша.

Да перестань же, Оля!

Ольга.

Что̀ перестать?... Да какъ я перестану!
Вѣдь я теперь безродная... Не знаю
И о̀тчества... не знаю кто̀ отецъ.
И живъ ли онъ... А Богъ послалъ по-ду̀шу —
Не знаю, какъ и въ церкви помянуть...
И матери своей не целовала...
Благословенья ро̀дной не приня̀ла,
Съ святымъ крестомъ...

А тутъ другое горе:
Росла̀ росла̀... пріёмнаго отца,
Какъ батюшку родно́го, облюбила,
Да съ измалу отцёмъ и величала,
И на могилку къ тётушкѣ ходила,
Какъ къ матери...

А рядышкомъ другая,
Забытая, могилка зеленѣла...

(*Падаетъ на колѣни.*)

Заступница Святая! покарай
Грѣхъ окаянный!...

Стеша (*Обнимаетъ её.*)

Ольга! Ольга! Оля!

Ольга.

Дочь матери могилы не узнала!...

(*Припадаетъ къ ней и рыдаетъ. Стеша отвёртывается и глядитъ въ окно. Слышенъ звукъ колокола. Ольга приподнимается и бросается къ окну вмѣстѣ со Стешей.*)

Голоса на улицѣ.

Ударили въ Застѣньѣ!

Скачутъ! скачутъ!

Въ Святыхъ воротахъ тронули хоругви!
Что̀ пономарь-то машетъ съ колокольни?
Передовые!

Ровно бы татаре...

Они и есть: вишь—мѣховыя шапки,
И лошади, что̀ звѣри, такъ и пышутъ...

Женскій голосъ.

Татаре?... съ плёткой!.. Мати пресвятая!..

Ольга (*заламываетъ руки.*)

Охъ, еслибъ мнѣ связали руки-ноги
Да прикрутили къ конскому хвосту —
Не видѣла бъ, не слышала бъ...

Стеша.

Чего?

Ольга.

Московскаго прихода...

Знаешь, Стеша,

Кого я жду, по комъ душа заныла?

Стеша.

Какъ мнѣ не знать?

Ольга.

Не знаешь?..

(*Потупляетъ голову.*)

По Иванѣ!..

(*Стеша хватаетъ её за руку.*)

Ольга.

По нёмъ... по нёмъ!..

(*Рвётъ раструбъ лѣтника; нѣсколько пуговокъ отлетаетъ.*)

Вотъ къ сердцу подкатило!..

Такъ-вотъ и жмётъ... Что жёрновъ... давитъ, давитъ...

И свѣтъ не милъ, покамѣ не взгляну...

Я на него... Про своего Михайлу,

Про бѣднаго, не вспомнила!...

(*Плачетъ. Стеша потупляетъ голову.*)

Голоса на улицѣ.

Встрѣчаютъ!

Стягъ за Псковой...

Никакъ что Юрги!

Знамо —

Никто, какъ онъ!

Ольга (*крестится.*)

Готова!...

ЯВЛЕНІЕ IV.

Князь Юрій и Никита Матута; *оба въ боярскихъ кафтанахъ; въ рукахъ высокія шапки.*

Князь Юрій.

Здравствуй, Оля!..
Ты что̀ здѣсь?... съ гостьей?... Лучше бы ушли
Пока въ свѣтёлку?.. Послѣ и сойдёте,
Во всёмъ приборѣ, съ чаркой и съ подносомъ,
Да и съ поклономъ надобнымъ хозяйскимъ
На встрѣчу гостю жданному... коль будетъ.

(*Указываетъ на окно.*)

Голоса на улицѣ.

Маячатъ!..

(*Ольга и Стеша уходятъ.*)

Слышь: еще маячатъ стягъ!..
Который?
Знать, что̀ отъ «большо̀го полку»...
Спасъ на̀ херуговѣ!
Вѣстимо: отъ большо̀го...
Готовы ли столы-то?
Вишь ты, шельма,
Какой ты хлѣбъ выносишь?

Женскій голосъ.

А вчерашній:

Сама пекла...

Сама!

ЖЕНСКІЙ ГОЛОСЪ.

А нѐшто ты?..

Печёшь ты!

НИКИТА МАТУТА.

Князь, прости меня: два слова...
Великій часъ!..

КНЯЗЬ ЮРІЙ.

Да говори, Никита
Семёновичъ: затѣмъ вѣдь и пришли.

(Оба молчатъ, понурясь.)

ГОЛОСА НА УЛИЦѢ.

Ещё два стяга, справа, да и слѣва —
А по какой дорогѣ?
По Дубовкѣ —
Тотъ, правой-то.
А лѣвой-то?
— По Врёвкѣ.
— Анъ по Изборской.
Экіе вы дурни!
Не видите: съ Нева́дичей...

НИКИТА МАТУТА *(указываетъ рукой на окно.)*

Ты слышишь,
Ты слышишь, князь, какъ Псковъ заговорилъ?...
Заговорю и я.

КНЯЗЬ ЮРІЙ.

Да только прежде

Меня послушай: если я рѣшился
Домъ Пресвятыя Троицы оставить
Оставить Псковъ для моего бы дома,
Хоть бы на мигъ, такъ, вѣрно, ужь не даромъ....
Съ тобой, бояринъ, я покончу разомъ:
Скажу всю правду, если не бѣжишь...
Не зналъ тебя — задумалъ породниться,
Узналъ — раздумалъ...

Никита Матута.

Что̀ ты, князь, съ похмѣлья,
Или со страху царскаго?

Князь Юрій.

Молчи!
Съ тобою насъ Господь и царь разсудятъ.
Какъ разсудила и мірская сходка...
А я тебѣ — передъ судомъ великимъ —
Поклонъ прощальный...

(*Низко кланяется и указываетъ на образа.*)

Вотъ тебѣ и Богъ...

Матута (*перебиваетъ его.*)

А вотъ порогъ, не правда ли?

Князь Юрій.

Безъ Бога
Ни до порога...

Никита Матута.

Ладно!... И не скажешь:
Ка̀къ и за что̀?...

Князь Юрій.

За то, что не псковичъ,

о не слуга ни Пскову-осударю,
Ни государю нашему, Ивану
Васильичу.

МАТУТА.

А кто же?

КНЯЗЬ ЮРІЙ.

Перевѣтчикъ!

НИКИТА МАТУТА.

Спасибо, князь, за честь и за почётъ,
За прòводы гостиные!...

(*Кланяется.*)

КНЯЗЬ ЮРІЙ.

Никита!
Я старъ и хилъ... рука отяжелѣла:
На вòрога поднимется ли, нѣтъ ли,
А на тебя...

НИКИТА МАТУТА.

А! ты еще глумишься!

(*Вытягиваетъ руку.*)

Глядь на кистень: на всякого былъ пòднятъ,
И гирей билъ во всякого — подавно...
Во псковскаго намѣстника!...

(*На улицѣ конскій топотъ и гикъ татарскихъ наѣздниковъ.*)

Мои!...

(*Указываетъ на окно.*)

Прихлынули!...

(*Смѣётся и грозитъ кулакомъ.*)

Попомни же, князь Юрій,

Каковъ я былъ... Каковъ я есть — увидишь
И не забудешь!...

(*Уходитъ въ дверь направо.*)

Князь Юрій (*бросается за нимъ.*)

Ахъ—ты, пёсъ паршивый!...
Отрёбье!... Я–те!

ЯВЛЕНІЕ V.

Въ столовой палатѣ князя Токмакова никого; на улицѣ говоръ и звонъ, неумолкавшіе ни на мигъ, слышны ближе и ближе.

Голоса.

Царь и государь!
Твои рабы ложатся головами
Ко твоему, ко царскому подножью:
Твоя на насъ царёва власть и воля.
Вели казнить!

(*Звукъ трубъ и роговъ.*)

Аль жалуй насъ и милуй.

(*Ещё ближе голоса.*)

Нѣсколько голосовъ.

Мы, государь, невинны-неповинны
И супротивъ тебя не поднимались!

(*Звукъ трубъ и роговъ становится явственнѣе; слышенъ мѣрный топотъ конной дружины.*)

Толпа (*у порога токмаковскаго дома.*)

Царь-государь! помилуй нас! помилуй!

ЯВЛЕНІЕ VI.

Двери справа распахиваются. Князь Юрій *держитъ шапку обѣими руками, кланяется въ-поясъ и входитъ, не оборачиваясь къ зрителямъ; за нимъ:*

Царь Іоаннъ Васильевичъ, (*въ кольчугѣ и шеломѣ, останавливается на порогѣ.*)

Войдти, аль нѣтъ?

Князь Юрій.

Ка̀къ, государь, поволишь?...

Царь Іоаннъ, (*помолчавъ.*)

Войдти, коль есть и Божье милосердье,
И милость Божья на дому...

Князь Юрій, (*ещё разъ кланяется въ поясъ.*)

А гдѣ же,
Коль не въ твоей державѣ, Божья милость?
Гдѣ милосердье Божье, коль не здѣсь —
Въ дому слуги царёва и радѣльца;
И въ отчинѣ царёвой?

Царь Іоаннъ.

Да не въ пско̀вской.

Князь Юрій.

Передъ Христомъ — во псковской!

Царь Іоаннъ.

Инъ-войдти!

ЯВЛЕНІЕ VII.

Царь Іоаннъ, князь Токмаковъ, Малюта Григорьевичъ Скуратовъ, князь Аѳанасій Вяземскій, бояринъ Матута. *Въ дверяхъ видны* рынды и опричники.

Царь Іоаннъ (*оборачивается и машетъ рукой.*)

Вы не входите...

(***Малютѣ***)

Да скажи, Малюта,
Ванюшѣ и Борису, что... того...

(***Малюта** уходитъ; двери запираются.*)

ЯВЛЕНІЕ VIII.

Царь Іоаннъ, князь Токмаковъ, князь Вяземскій *и* Матута.

Царь Іоаннъ.

Ну, здравія желаемъ вамъ, князь Юрій!
Присѣсть поволите?..

(***Князь Токмаковъ** и **Матута** торопливо*

подходятъ къ царю Іоанну и берутъ его пòдъ-руки —князь Юрій справа, Матута слѣва, и усаживаютъ на княжеское мѣсто.)

Спасибо... Отдохну...

Умаялся...

(*Снимаетъ шлемъ и отдаётъ Князю Вяземскому.*)

Возьми-ка, Аѳанасій!

(*Князь Вяземскій берётъ шлемъ и отходитъ къ двери.*)

Спасибо, право, мужи-псковичи!
Царя псковскимъ намѣстникомъ сажаютъ
Честь-честью—пòдъ-руки!... Ей ей, спасибо!..
И кàкъ еще сажаютъ-то? вдвоёмъ,
Какъ подобаетъ намъ, по христіански:
Направо — ангелъ, а налѣво — дьяволъ...
Молчатъ, а шепчутъ, устъ не отверзая,
Всякъ про своё...

(*Помолчавъ*)

Да я-то скудоумный,
Я худородный, грѣшный рабъ господній,
Васъ разберу... Коль Богъ на тò поволитъ.

(*Матута блѣднѣетъ, прокрадывается къ князю Вяземскому и целуетъ у него полу кафтана. Князь Вяземскій торопливо машетъ ему рукой. Князь Токмаковъ покорно наклоняетъ голову.*)

Усталъ теперь .. Пора бы чарку выпить
Да закусить... чѣмъ ни на есть во Псковѣ...
Чтò, у тебя, князь Юрій, есть хозяйка?

Князь Токмаковъ (*голосъ у него дрожитъ.*)

Нѣтъ, осударь, давно похоронилъ...
Осиротѣлъ... лѣтъ, надо быть, двѣнадцать...
Да такъ и маюсь...

Царь Іоаннъ.

Стало, бабъ-то нѣтъ?

Князь Токмаковъ.

Есть дочка...

Царь Іоаннъ.

И подросточекъ?

Князь Токмаковъ.

Да надо-ть
Вести къ вѣнцу...

Царь Іоаннъ (*гладитъ бороду.*)

Вели-ка поднести.

Князь Токмаковъ (*подходитъ къ боковой двери, отворяетъ её и шепчетъ.*)

Перфильевна!... Давай скорѣе Олю,
Въ приборѣ и съ подносомъ... Ну, и тѣхъ...
Кто тамъ у васъ, въ свѣтёлкѣ-то? съ закуской!

Перфильевна (*шопотомъ за дверями.*)

Готовы, князь мой, батюшка, голубчикъ,
Кормилецъ мой!.. Закуска только...

Князь Токмаковъ (*хочетъ махнуть рукой, но удерживается. Шопотомъ.*)

Полно!...

(*Оборачивается къ царю Іоанну и кланяется.*)

Ужь не взыщи, великій осударь, —
Чѣмъ Богъ послалъ.

Царь Іоаннъ.

Эхъ, князь, на перепутьѣ
И просфорѣ желѣзной будетъ радъ
Калика–перехожій...

Князь Токмаковъ (*Опять подходитъ къ двери. Шопотомъ:*)

Подносите!

ЯВЛЕНІЕ IX.

Тѣ же, Ольга, *съ подносомъ; на нёмъ медовая стопа и чарки.* Стеша Матута, *съ подносомъ; на нёмъ разныя закуски. Сзади Ольги* — Перфильевна, Настька *и нѣсколько сѣнныхъ дѣвушекъ.* Ольга, *потупивъ глаза, подходитъ съ подносомъ къ царю Іоанну и становится передъ нимъ на колѣни.*

Князь Токмаковъ (*кланяется въ землю.*)

Царь–осударь!

(*Протягиваетъ руки*).

Челомъ бью.

Царь Іоаннъ.

Осударь!...
Всѣ — осудари мы, и осударь нашъ Псковъ, —
И Новгородъ... Да кто же противъ Бога

И Новогорода великаго?

(*Хохочетъ.*)

Цари!

Цари Иваны — дѣдушка и внучекъ...
Во Псковѣ мы не царствуемъ, а въ гости
Пріѣхали!...

(*Повёртываетъ голову къ входной двери. Князю Вяземскому и Матутѣ:*)

Ну, милостивые гости!
Садитеся: хозяинъ подалъ мёду!

(*Князь Вяземскій и Матута садятся.*)

Садитеся за столъ-то: хоть кривой,
А все же княженецкій...

(*Встаетъ съ княжескаго мѣста и поднимаетъ Ольгу.*)

Позабылъ!
Прости, княжна: языкъ-то разболтался
Какъ вашъ же *вѣчникъ*... Глянь-ка на меня...

(*Ольга вздрагиваетъ и потупляетъ голову ещё ниже.*)

Стыдливая!... Прошу не погнѣвиться
На насъ, княжна!... Твой батюшка поволилъ,
Чтобъ ты мнѣ чарку мёда поднесла,
А какъ тебя по имени назвать, —
И не сказалъ... Пускай же, въ наказанье,
Самъ прежде выпьетъ, да потомъ и скажетъ,
Кàкъ звать тебя?

(*Ольга медлитъ.*)

Ну, поднеси же!... Развѣ
Во Псковѣ мёдъ полыни горче?

Ольга (*вся дрожитъ.*)

Ольга...

Іоаннъ.

Такъ, Оленька, возьми-ка — поднеси,
Да и налей сама.

(*Ольга взглядываетъ искоса на князя Токмакова; онъ ей киваетъ головой. Ольга наливаетъ и подноситъ съ поклономъ чарку.*)

Князь Токмаковъ (*пьётъ.*)

Тебѣ во здравье,
Царь-осударь!

Царь Іоаннъ, (*помолчавъ, Ольгѣ.*)

Ну, поднеси и мнѣ,
Да не съ поклономъ только—съ поцелуемъ...

(*Ольга быстро поднимаетъ голову и взглядываетъ въ первый разъ на Іоанна; онъ впивается въ неё глазами и почти вскрикиваетъ.*)

Что?.., Что такое!...

(*Проводитъ рукою по лбу.*)

Мати Пресвятая!...
Не навожденье-ль?..

(*Оправляется и насильственно хохочетъ.*)

Ты княжна, не хочешь?...
Не хочешь ты со мной поцеловаться?...

(*Въ это время Матута толкаетъ локтемъ князя Вяземскаго.*)

Со мною-то?..

Матута (*Вяземскому, шопотомъ.*)

Смекаешь ты?

Князь Вяземскій (*шопотомъ.*)

Нишни!

Ольга (*любовно глядитъ на царя Іоанна.*)

Царь-осударь! съ тобою целоваться
Твоей рабѣ побѣдной не достойно;
А повелишь — живая лягу въ гробъ,
Лишь ты бъ со мной простился поцелуемъ.

Царь Іоаннъ (*повеселѣлъ.*)

Спасибо!... Вотъ мой перстенёкъ завѣтный
Со малаго — съ мизинчика: носи
Его на память о рабѣ Иванѣ...

(*Голосъ у него слегка дрогнулъ. Она снимаетъ перстень и кладётъ его на блюдо.*)

За перстенёкъ ужь вѣрно поцелуешь?...

(*Целуетъ Ольгу, потомъ берётъ съ подноса чарку мёда.*)

А мёдъ-то слаще будетъ...

(*Пьётъ.*)

Право, слаще!
Пожалуй, что теперь и закусить
Не худо бы...

Стеша Матута (*подходитъ ближе къ царю Іоанну съ подносомъ.*)

Чѣмъ Богъ послалъ, во Псковѣ...

Царь Іоаннъ (*улыбается и, не глядя на Стешу, берётъ съ подноса кусокъ пирога.*)

Чего жь еще?... Пирогъ псковской!

Стеша Матута (*кланяется въ-поясъ.*)

Съ грибами...

Царь Іоаннъ (*строго взглядываетъ на Стешу.*)

Ась?... Съ чѣмъ?...

Стеша (*не смущается и кланяется ещё разъ.*)

Съ грибками, осударь! съ грибками:
У насъ, во Псковѣ, лѣта-то грибовны...
Вонъ издалека гости наѣзжаютъ,
Такъ ровно бы и хвалятъ...

Царь Іоанъ (*не спускаетъ со Стеши глазъ.*)

Ты бойка!..
А чьихъ ты?

Стеша (*кланяется третій разъ.*)

Дочь боярина Матуты.

Царь Іоаннъ.

А какъ зовутъ?

Стеша.

Крестили Степанидой.

Царь Іоаннъ (*улыбается.*)

Бойка ты и... приглядна! Знать, во Псковѣ

Грибы-то на красавицахъ ростутъ?..

(*Вздыхаетъ.*)

Не то, что въ нашей Слободѣ... Слыхала?

Стеша.

Какъ не слыхать?.. Неволею зовутъ.

Царь Іоаннъ

Неволей ли, аль волею, да только
Ты заѣзжай къ намъ, по дорогѣ, въ гости...

Стеша.

Вели свезти.

Князь Вяземскій (*толкаетъ локтемъ Матуту и говоритъ шопотомъ.*)

Смекаешь ты?

Матута, (*блѣдный и взволнованный, довольно-громко.*)

Нишни!

Царь Іоаннъ (*услыхалъ и оборачивается къ нимъ.*)

Вы что тамъ?

(*Князь Вяземскій и Матута дрожатъ всѣмъ тѣломъ.*)

...Я про васъ и позабылъ.
Да ладно!.. вы ступайте-ка!..

Князь Вяземскій и Матута уходятъ, но не вплоть притворяютъ дверь и подслушиваютъ.)

ЯВЛЕНІЕ X.

Тѣ же, *кромѣ* Князя Вяземскаго и Матуты.

Царь Іоаннъ (*Ольгѣ.*)

Княжна!

А ты въ Москву пожалуешь?

(*Ольга, во все время разговора царя Іоанна стоитъ, понуривъ голову, и не отвѣчаетъ на вопросъ.*)

Не бойся·

У насъ въ Москвѣ, высокій теремокъ...
А ты въ своёмъ, пока тамъ что̀, подумай...
Пора хозяйкѣ отдохнуть..

(*Дѣлаетъ знакъ рукой Ольгѣ и Стешѣ. Онѣ кланяются и уходятъ съ Перфильевной и сѣнными дѣвушками.*)

ЯВЛЕНІЕ XI.

Царь Іоаннъ *и* князь Юрій Токмаковъ.

Царь Іоаннъ.

Князь Юрій!

Изъ головы вонъ... всё хотѣлъ спросить
Я давеча...

(*Садится на мѣсто.*)

Хотѣлъ спросить: на комъ ты
Женатъ былъ?

Князь Юрій.

На Насоновой, великій
Царь-осударь!

Царь Іоаннъ.

На Вѣрѣ?.

Князь Юрій.

На Надеждѣ,
Царь-осударь!..

А Вѣра-то была
За тутошнимъ бояриномъ Шелогой.

Царь Іоаннъ

Да...

Гдѣ жь теперь онъ?..

Князь Юрій.

Нѣмцы уходили,
Царь-осударь, подъ Нѐвелемъ ..

А Вѣра,
Съ тоски-бы — что ли, словно-какъ рѣхнулась
И померла...

Царь Іоаннъ.

Такъ Ольга-то твоя
Племянница покойницѣ, выходитъ?

Князь Юрій.

Царь-осударь! передъ тобой не скрою :
Побольше, чѣмъ племянница...

Царь Іоаннъ.

Да какъ же?..

Князь Юрій.

Да такъ, что Вѣра родила безъ мужа,
И отъ кого — не знаемъ, Осударь.
А грѣхъ ея покойница-хозяйка
Своею честью дѣвичьей прикрыла,
Хоть и была тогда моей невѣстой!..
Да — лихъ — Иванъ Семенычъ-то Шелога
Повѣрилъ–было, только усомнился!..
Ну, и пошёлъ, съ великой со печали,
Подъ Нѐвель: тамъ и голову сложилъ...

Царь Іоаннъ (*взволнованъ.*)

А Вѣра?..

Князь Юрій (*вздыхаетъ.*)

Вотъ покинула намъ Олю
Съ Перфильевною, мамкой...

Царь Іоаннъ (*встаётъ и крестит-ся на иконы.*)

Помяни,
О, Господи! во царствіи небесномъ
Рабу твою!

(*Подходитъ къ входной двери и говоритъ громко:*)

Малюта!

(*Громче.*)

Гэй, Григорьичъ!..

ЯВЛЕНІЕ XII.

Тѣ же *и* Малюта Скуратовъ *на порогѣ.*

Малюта.

Что̀ повелишь, владыко?

Царь Іоаннъ (*торжественно.*)

Да престанутъ

Убійства!.. Много крови... Притупите

Мечи о камень: Псковъ хранитъ Господь!..

ДѢЙСТВІЕ ПЯТОЕ.

Царская ставка. Задняя пола откинута; видна лѣсистая мѣстность и крутой берегъ рѣки Медѣдни. Ночь. Свѣтитъ мѣсяцъ. Ставка устлана коврами. Спереди, налѣво, медвѣжья шкура поверхъ ковра; на ней крытый золотою парчёю столъ съ двумя шестирогими подсвѣчниками; на столѣ мѣховая шапка, кованный въ серебро ножъ, стопа, чарка, чернильница и нѣсколько свитковъ; направо походный аналогій и на нёмъ зажжёная лампадка, складень, развернутый требникъ, просфора и обожжённая восковая свѣчка. Ставка подперта столпникомъ; на нёмъ броня и оружіе.

ЯВЛЕНІЕ I.

Царь Іоаннъ *стоитъ посреди ставки, скрестивъ руки и опустивъ голову.* Царевичъ Іоаннъ *за-столомъ; въ рукахъ перо; передъ нимъ свитокъ. Подлѣ аналогія дьякъ* Елизаръ Вылузгинъ; *у стола* Борисъ Өедоровичъ Годуновъ. *Мимо приподнятой полы ставки ходитъ сторожевой опричникъ. На* Іоаннѣ *опашень съ мѣховой оторочкой на прочихъ цвѣтныя полукафтанья.*

Царь Іоаннъ.

Да̀, Боря, тяжко!...

Обѣлилъ я Псковъ,

Да... что̀-то вотъ...

Опять взяло̀ раздумье...
На благо ли его я обѣлилъ
И опричнилъ?... Что̀ ты, Боря, скажешь?

Борисъ Годуновъ.

Скажу я въ-ладъ: что̀, государь, укажешь?...

Царь Іоаннъ.

Что̀ указать?... Вѣдь вольница псковска̀я
Новгородской вольницѣ съ-родни...
Попомни ты: князей-то дѣдъ управилъ,
А, въ ладъ ему, какъ самъ ты говоришь,
Лихихъ бояръ, досмыслясь, внукъ убавилъ,
А съ малыми, съ моло́дшими людьми
Управиться?...

Борисъ Годуновъ.

Царь-государь, не время!

Царь Іоаннъ.

Что̀, Боря?..

Царевичъ Іоаннъ.

Отче!... ты на насъ не сѣтуй:
Съ Борисомъ мы не давно говорили —
Прижатъ,—прижатъ, да надо обождать.

Царь Іоаннъ (*смѣётся.*)

Ребята вы!.. Туда жь хитрятъ со мною:
Хотятъ задобрить, чтобъ не клалъ опалы...
Да на кого-о?... На людъ-то православный —
Краеугольный камень нашей власти
И наше всевозлюбленное чадо!...
Въ умѣ ли вы?... Къ тому ли речь я вёлъ?
Нѣтъ, Ваня, вотъ тебѣ завѣтъ отцовскій:
Поволитъ Богъ меня къ себѣ воззвати,

И будешь ты царемъ всея Руси:
Храни тебя Заступница — обидѣть
Единаго отъ малыхъ сихъ... Попомни:
То только царство крѣпко и велико,
Гдѣ вѣдаетъ народъ, что у него
Одинъ владыка, какъ въ единомъ стадѣ
Единый пастырь... Если же подпаскамъ
Пастухъ дастъ волю — погибай все стадо!..
Не то, что волки, сами будутъ рѣзать
Да сваливать вину свою на псовъ...
Нѣтъ! такъ-бы мнѣ управиться хотѣлось,
Русь оковать закономъ, что бронёю.
Да дастъ ли Богъ мнѣ разума и силы?...
Недуженъ я...

(*Вылузгину.*)

Елизаръ, найди-ко,
Вонъ, въ требникѣ...

(*Вылузгинъ берётъ требникъ.*)

Какая, бишь страница?..

(*Вылузгинъ смотритъ на Іоанна.*)

Сто... сорокъ... пятая...

(*Вылузгинъ перелистываетъ требникъ.*)

Нашёлъ?...

Вылузгинъ (*читаетъ.*)

Молитва...

Царь Іоаннъ (*перебиваетъ его.*)

Молитва... да!... надъ грѣшнымъ человѣкомъ
Очародѣяннымъ: «Всесильный Боже!...»

Вылузгинъ (*читаетъ.*)

«Всесильный и человѣколюбивый Господи, Іисусе Христе Боже нашъ!... Предвѣчнаго...»

Царь Іоаннъ.

Постой!.. пониже: пятая строка.

Вылузгинъ (*читаетъ.*)

«Яко да злодѣянія бѣсовская испраздниши, и ученикомъ своимъ власть давай, еже наступити на змія и скорпія, и на всю силу вражію».

Царь Іоаннъ.

Аминь!...

(*Протягиваетъ правую руку и выступаетъ впередъ.*)

На силу вражью!..

(*Хватается руками за грудь.*)

Что-то тошно!..

Какъ словно речь подхлынула подъ сердце
И вверхъ ползётъ, и за горло хватаетъ.

(*Царевичу.*)

Пусти-ко, Ваня!..

(*Царевичъ встаётъ. Іоаннъ садится на мѣсто.*)

Хочется гуторить...

Послушайте...

(*Царевичъ и Борисъ Годуновъ подходятъ къ столу.*)

Недаромъ я просилъ
Прочесть молитву: точно очарованъ
Я съ молоду... да, видно, зачурованъ...

Вылузгинъ.

«Мать Пресвятая!...»

Царь Іоаннъ (*машетъ рукой.*)

Полно, Елизарей,
Молчи и дай сказать нѣмому слово!

Вылузгинъ (*оторопѣвъ.*)

Я, Осударь...

Царь Іоаннъ.

Ну, ладно, помолчи!...

ЯВЛЕНІЕ II.

Тѣ же *и* дворецкій Л. Андреевичъ Салтыковъ.

Салтыковъ (*выглядываетъ изъ-за откинутой полы ставки и манитъ Вылузгина шёпотомъ.*)

Что?... можно?...

(*Вылузгинъ отмахивается.*)

Іоаннъ, (*замѣтивъ, оборачивается.*)

Кто тамъ?...

Салтыковъ (*входитъ и кланяется въ поясъ.*)

Осударь, поволишь:
Сокольничій Иванъ Бобрищевъ-Пушкинъ
Пришёлъ съ докладомъ?

Іоаннъ.

Что ему? Зови!

ЯВЛЕНІЕ III.

Тѣ же *и* Иванъ Бобрищевъ-Пушкинъ.

Царь Іоаннъ (*говоритъ, не поворачивая головы.*)

Нашёлъ гнѣздо?

Бобрищевъ-Пушкинъ.

Нашёлъ, Царь-Осударь,
Да какъ прикажешь?... Соколъ больно въ мытѣхъ...

Царь Іоаннъ.

Ну, переждать, а князю Токмакову
Велѣть сказать, что выслалъ бы съ надежнымъ
И съ спѣшнымъ къ нашей милости гонцёмъ.

Бобрищевъ-Пушкинъ (*почесываетъ затылокъ.*)

Ивашко Пушкинъ, ловчій, похвалялся,
Что царское величество твое
Потѣшитъ звѣремъ...

Царь Іоаннъ (*оборачивается.*)

Тура подсмотрѣли?

Бобрищевъ-Пушкинъ.

Ѣлъ, Осударь, въ стогу̀ полѣсномъ сѣно,
Тутъ недалечко, у само̀й Мѣдѣдни,
На за̀дворкахъ, у сельскаго дьячка...

Царь Іоаннъ.

Ступай!... Скажу потомъ... А казначею

Вели: дьячку дать полтрета̀ рубля
За до̀смотръ...

(*Пушкинъ уходитъ.*)

ЯВЛЕНІЕ IV.

Тѣ же, *кромѣ* Пушкина.

Царь Іоаннъ.

Наказать бы, Елизарей,
Чтобъ въ ставку, кромѣ Вяземскаго князя.
Да нашего Григорьича Малюты,
Живой души впускать не смѣли...

(*Вылузгинъ хочетъ уйдти.*)

Стой же!
Ложися спать. понадобишься—кликну.

(*Вылузгинъ уходитъ. Пола опускается.*)

ЯВЛЕНІЕ V.

Тѣ же, *кромѣ* Вылузгина.

Царь Іоаннъ.

Ну, вотъ одни... Ну, вотъ одинъ я съ вами.
Любезные сыны, порфирородный,
И воспріёмный!

Ужь кого я больше
Люблю — не знаю.

Борисъ Годуновъ (*прижимаетъ руки къ сердцу.*)

Смилуйся, Владыко!

Царевичъ (*бросается къ отцу и целуетъ ему руку.*)

Владыко-отче! не клади опалы
На своего несмысленнаго сына,
А первый разъ я, отче, домекнулся
Теперь, что ты — отецъ и государь!

Царь Іоаннъ (*обнимаетъ и говоритъ Годунову.*)

И ты ко мнѣ!

(*Годуновъ падаетъ на колѣна.*)

Царь Іоаннъ (*поднимаетъ его.*)

Ко мнѣ, ко мнѣ, голубчикъ!

(*Целуетъ его въ лобъ.*)

Борисъ, попомни!... Коль Иванъ Васильичъ
Не снялъ до селѣ буйной головы
Съ широкихъ плечъ малютинова зятя,
А целовалъ ту голову, такъ,—значитъ, —
Той головѣ не царскимъ поцелуемъ,
А Божіимъ нарядомъ красоваться!...
Ну, дѣти, вы послушайте теперь...

(*Помолчавъ.*)

Тогда — еще былъ живъ покойный Дмитрій,
А ты еще и не родился, Ваня,
Какъ боленъ былъ я при-смерти... Такъ крѣпко
Сломилъ меня недугъ, что я не чаялъ
Въ живыхъ остаться, и молился только,

Чтобъ васъ, сиротъ, и русскую державу,
Свой домъ отъ вѣка избранный, Святая
Заступница покровомъ осѣнила!..
Ни кѣмъ-кого у моего одра:
Лежу одинъ — недвижимъ и безгласенъ...
Послѣдній вздохъ мнѣ сердце поднимаетъ...
А за дверьми моей опочивальни
Всѣ слуги и всѣ близкіе мои
Заранѣе ужь ризы наши дѣлятъ,
И мечутъ жребій объ одеждѣ нашей,
И брата Володимера, соборнѣ,
Зовутъ на царство, а младенца Митю
Известь хотятъ, какъ извели голубку
Мою Настасью, мать твою родную!...
Взглянулъ я скорбно на Господній образъ,
На Спаса ликъ нерукотворенный: силюсь
Крестъ сотворить десно̀ю, — нѣту силы
Поднять десно̀й... И горько я заплакалъ!

(*Царевичъ утираетъ слезу.*)

И внялъ Господь мольбѣ моей безгласной
О сиротствѣ невиннаго младенца —
Не допустилъ, чтобъ лиходѣйный ножъ
Изъ тѣла душу ангельскую вынулъ!
Въ груди моей внезапу смерти льдину
Пробила слезъ горячая струя,
И снова кровь по жиламъ побѣжала,
И отошли замерзнувшія мышцы...
Я всталъ съ одра — на радость и веселье
Моимъ друзьямъ, моимъ слугамъ любезнымъ
Князьямъ-боярамъ... было же имъ любо!..

Борисъ Годуновъ.

А кто̀ тутъ были, государь?

Царь Іоаннъ.

Да всѣ:
Курлетевы и Шуйскіе, Алёшка
Адашевъ, со милымъ своимъ дружкомъ
Попомъ Сильвестромъ... Какъ припомню только,
Что̀ сотворили эти доброхоты
Съ державой нашей — сердце содрогнётся.
А, кажется кому бы и радѣть,
Коли не имъ, измѣнникамъ?

Царевичъ.

Я слышалъ,
Что жаловалъ Адашева ты много,
Не по заслугамъ?

Царь Іоаннъ.

По какимъ заслугамъ!
Не вѣдаю, какимъ ужь обыча̀емъ
Онъ изъ батожниковъ во дворъ нашъ царскій,
Когда мы были молоды, явился.
Я взялъ его отъ гноища, поставилъ
Съ вельможами моими наряду...
Какихъ честей, какихъ богатствъ не принялъ
Онъ отъ меня, да не одинъ онъ только —
Весь родъ его! Какое же смиренье
Я отъ него, лихой собаки, видѣлъ!
Сочли меня съ Сильвестромъ — недоумкомъ
И стали власть снимать съ меня безстыдно •
Не только въ думѣ нашей царской — въ домѣ,
Кормили, одѣвали, обували
И клали спать, когда и какъ хотѣли ..
Ну, наконецъ, меня взяла тоска!

Борисъ Годуновъ.

Царь-Государь, твое долготерпѣнье
Намъ вѣдомо...

Царь Іоаннъ.

Тогда я не стерпѣлъ!
Хоть мы порфиру золотую носимъ,
Но также тлѣнны, также человѣки
И немощью людской облечены...
Сыскалъ вины измѣнника Алёшки
И всѣхъ его совѣтниковъ лукавыхъ,
И милостивый гнѣвъ свой учинилъ:
Не положилъ на нихъ я смертной казни,
А разослалъ по дальнимъ городамъ.
Потомъ нашлись другіе доброхоты:
Вонъ Курбскій князь сбѣжалъ, какъ воръ, въ Литву
Да лается оттуда на меня,
Что я бояръ всеродно погубляю!
Лихъ лжётъ онъ, вѣроломецъ и предатель:
Кладу опалу на рабовъ ослушныхъ,
А казнь вездѣ измѣнникамъ бываетъ...
Да и казнённыхъ милую по смерти:
Въ монастыри, по грѣшнымъ ихъ душамъ,
Я сколько поминаній разсылаю;
Своей рукой синодики пишу,
И вкладами въ домъ Божій не скуплюся
За нихъ, моихъ злодѣевъ и враговъ...
Пускай насъ Богъ на свѣтѣ томъ разсудитъ.

(Пола ставки приподнимается; входитъ князь Вяземскій въ кольчугѣ и снимаетъ шлемъ.)

ЯВЛЕНІЕ VI.

Тѣ же *и* князь Вяземскій.

Іоаннъ.

Гдѣ побывалъ голубчикъ?

Князь Вяземскій.

Подъ Печёрскимъ.

Іоаннъ.

Не вздумалъ ли, за грубость, ты обидѣть
Николу старца?

Князь Вяземскій.

Нѣту, Осударь,
А по пути настигъ купца съ товаромъ,
Да не своимъ, захваченнымъ. Такъ, кстати,
Ужь и его съ собою захватилъ.

Іоаннъ.

Ну, розыскать... товаръ отдать хозяямъ,
А вора, до расправы съ нимъ, въ колодки.

Князь Вяземскій.

Онъ говоритъ, что вёзъ къ тебѣ съ поклономъ...
Товаръ хорошъ, и воръ-то мнѣ знакомый...

Іоаннъ.

Да что ты мнѣ загадки задаёшь?
Какой тамъ воръ?

Князь Вяземскій.

Бояринъ изо Пскова,
Матута.

Іоаннъ.

Что жь ему за треба?

Князь Вяземскій.

Треба
Такая, что... И какъ сказать — не знаю.
Шли въ монастырь псковскія богомолки...
Одна-то больно пригожа: такъ онъ
Наѣхалъ съ дворней и умчалъ голубку.

Іоаннъ (*нахмуриваетъ брови.*)

А кто она?

Князь Вяземскій, (*помолчавъ.*)

Дочь князя Токмакова.

Іоаннъ (*вскакиваетъ съ мѣста.*)

Холопъ!... и ты дерзнулъ съ такою речью
Предстать предъ око своего владыки?...
Малюту мнѣ!

Князь Вяземскій (*падаетъ на колѣни.*)

Помилуй, Осударь!

Іоаннъ (*грозно.*)

Долой съ очей!

(*Годунову*)

Борисъ, ввести скорѣе
Сюда, ко мнѣ, Матуту!... Гдѣ мой посохъ?

(*Вяземскій и Годуновъ быстро уходятъ;*
Іоаннъ беретъ въ углу ставки посохъ)

ЯВЛЕНІЕ VII.

Іоаннъ и Царевичъ.

Царевичъ (*тихимъ голосомъ.*)

Владыко-отче!

Іоаннъ (*въ сильномъ волненіи.*)

Не проси, Иванъ!
На псовъ жалѣть не подобаетъ палки...
Разбойники!... Я снялъ вину со Пскова,
Молился у угодниковъ печёрскихъ,
Не наказалъ монаха грубой речи,
А эти вѝры смѣли увезти
Дочь моего намѣстника и князя!

ЯВЛЕНІЕ VIII.

Малюта, Годуновъ, князь Вяземскій, Матута и нѣсколько опричниковъ.

Матута (*при входѣ въ ставку, падаетъ на колѣни и бьётъ челомъ о земь.*)

Помилуй!

Іоаннъ.

Я помилую тебя! (*Малютѣ.*)
Григорьичъ! тотчасъ молодцовъ въ желѣза
И въ Псковъ вести у стремени, а дочь
Князь Юрія сажайте прямо нá возъ
И отвезите бережно къ отцу:

Обидчиковъ, за то безчестье, князю
Я соизволилъ выдать головою,
Со всѣми ихъ помѣстьями и скарбомъ.
А прежде ихъ... (*поднимаетъ посохъ.*)

Матута (*складываетъ руки.*)

Царь-Осударь великій!
Казни своей рукою недостойныхъ,
Но повели сказать подъ пыткой слово.

Іоаннъ (*опускаетъ посохъ и опирается на него.*)

Солги еще!..

Матута.

Ни, Осударь, ни іоты.
Дочь Токмакова въ монастырь ходила —
Не Пресвятой Заступницѣ молиться,
А видѣться съ посадничімъ сыномъ
Михайлой Тучей: это онъ изъ Пскова,
Передъ твоимъ пріѣздомъ государскимъ,
Увёлъ съ собою вольницу псковскую.
Онъ, да ещё Четвёртка, тоже сынъ
Посадничій — ослушники твои,
Смутители... Такъ дочь-то Токмакова
Мы увезли, чтобъ ты велѣлъ о ворѣ,
Михайлѣ Тучѣ, опросить её.

Малюта.

Такъ, Государь! я посылалъ ужь сыскныхъ:
Развѣдали, что вольница псковская
Взаправду бродитъ по лѣсамъ печёрскимъ

Іоаннъ

Инъ — ладно... Уводи съ собою этихъ,

А ту ко мнѣ... Да одного оставьте
Меня на малый часъ.

(*Малюта, Вяземскій, Матута, опричники уходятъ.*)

ЯВЛЕНІЕ IX.

Іоаннъ, Царевичъ и Борисъ Годуновъ.

Іоаннъ.

Я говорилъ,
Что торопливо порѣшилъ со Псковомъ —
И вышло такъ...
Никакъ её ведутъ?
(*Царевичу.*)
Ступай въ шатеръ къ Борису...
Я узнаю
Всю подноготную...

(*Царевичъ и Годуновъ уходятъ.*)

ЯВЛЕНІЕ X.

Іоаннъ, Ольга *откидываетъ полу ставки и останавливается.*

Іоаннъ (*идётъ ей на встрѣчу.*)

Здорово, Ольга
Ивановна... бишь-Юрьевна! Здорово!

(*Ольга заламываетъ руки, кланяется Іоанну въ ноги и рыдаетъ.*)

Іоаннъ (*приподнимаетъ её.*)

Привстань, привстань! Поди-ко вотъ сюда,
Присядь, да отдохни.

(*Ведётъ и сажаетъ на мѣсто.*)

Не ждалъ — не чаялъ
Тебя увидѣть объ ночную пору,
Да гдѣ еще? въ моей походной ставкѣ.
Какъ довезли тебя?

(*Ольга рыдаетъ и не можетъ сказать ни слова.*)

Не плачь, косатка!
Я не медвѣдь, не людоѣдъ косматый,
А твой хозяинъ, гостья дорогая,
Да, правду молвить кстати, и должникъ:
Ты чарку мнѣ съ поклономъ подносила —
Я принималъ; теперь черёдъ за мною:
Мнѣ подносить, а принимать тебѣ.

(*Наливаетъ изъ стопы чарку и подноситъ съ поклономъ Ольгѣ.*)

Пригубь изъ нашей чарки, не гнушайся…
Отвѣдай: мёдъ и у меня недуренъ…

(*Ольга встаетъ, прихлёбываетъ и со слезами целуетъ у Іоанна руку.*)

Іоаннъ (*ставитъ чарку на столъ и опять усаживаетъ Ольгу.*)

Ну—вотъ, теперь немножко отдохнула…
Разсказывай, ка̀къ увезли тебя?

Ольга (*складываетъ руки.*)

Царь-Государь, спаси меня, помилуй!
Я сирота…

Іоаннъ.

А кто же князь-то Юрій
Ивановичъ?

Ольга.

Онъ мнѣ отецъ пріёмный.
Я ни отца, ни матери не знала...
Не откажи въ помогѣ безпомощной!
Оборони отъ нѐдруга лихова!...

Іоаннъ.

А кто твой нѐдругъ?

Ольга.

Самый онъ, Матута.
Ему меня просватали сначала,
Да я потомъ упала въ ноги Князю
И упросила слёзно умолила —
Не загубить моей дѣвичьей воли
За старымъ, ненавистнымъ и постылымъ...
За то и злится... Нынче наскакалъ
Съ холопьями у монастырской рощи...
Схватили, завязали ротъ платкомъ,
И на сѣдло втащили... Дѣвку Настю
Съ ногъ сбили плетью... Тутъ ужъ я не помню...

Іоаннъ.

За чѣмъ же ты ходила въ монастырь?

Ольга.

У князя отпросилась помолиться.

Іоаннъ.

Объ суженомъ?

Ольга.

Не скрою, Государь,
Есть суженый.

Іоаннъ.

Когда же будетъ свадьба?

Ольга.

Какъ Богъ велитъ.

Іоаннъ.

А за кого выходишь?

Ольга.

За сына за посадничьяго.

Іоаннъ.

Тучу?

Ольга, (*удивленная.*)

Такъ, Государь.

Іоаннъ.

Вѣдь свадьбѣ не бывать!...
За то, что ты всего мнѣ не сказала,
Я увезу тебя въ Москву съ собою...
Скажи: кого у рощи дожидалась?

Ольга (*падаетъ на колѣни.*)

Прости: его...

Іоаннъ.

И не проси прощенья!
Пошлю сказать князь Юрью, что въ Москву
Везу тебя, а воли моей царской
Ослушника, посадничьяго сына,
Велю поймать и привезти въ желѣзахъ...
Гдѣ онъ теперь?

Ольга.

Помилуй, Государь!

Іоаннъ.

Гдѣ онъ теперь?

Ольга.

Не вѣдаю, не знаю.

Іоаннъ (*грозно.*)

Гдѣ онъ теперь?

Ольга (*плачетъ.*)

Хотѣлъ быть въ келью старца
Николы.

Іоаннъ.

Встань и поцелуй меня.

(*Целуетъ её въ лобъ.*)

Я пошутилъ: въ Москву тебя возьму,
Отдамъ тебя за молодцà любова,
Кого сама захочешь... А Михайлы
Казнить не стану — засажу въ темницу...
И денегъ дамъ тебѣ на калачи —
Корми его по праздникамъ...

Ольга.

Вели
Меня казнить за то, что головою
Я выдала милóва.

Іоаннъ (*смѣётся.*)

Ни-ни-ни!
Зачѣмъ казнить красавицъ? Замужъ выдамъ.

Ольга (*складываетъ руки.*)

Охъ, Государь! не тѣшься надо мною:

Пусти во Псковъ молиться за тебя —
Я въ монастырь пойду.

Іоаннъ.

Небойсь, въ Печёрскій?
Ка́къ не пойдти!...

(*Смѣётся и опирается рукой о столъ.*)

Ольга.

Великій Государь!
Передъ тобою мнѣ, какъ передъ Богомъ,
И помысла не можно утаить.
Дозволь сказать всю правду?

Іоаннъ.

Только правду!

Ольга.

Дѣви́чьи слезы и дѣви́чье горе
Тебѣ смѣшки и шутка, Государь...
Да надъ молитвой ты шутить не станешь...
Такъ—вѣдай же: ребёнкомъ несмышлённымъ
Я за тебя молиться научилась;
За мамкою, передъ иконой Спаса,
Я лепетала: «Господи, помилуй
Отца и Государя моего!»

(*Іоаннъ видимо взволнованъ; Ольга складываетъ руки.*)

Ты властенъ посмѣяться надо мною
И не повѣрить истинному слову...
А я тебя тогда еще по часту
Во снѣ видала...

Іоаннъ.

Жаль—не на-яву!

Похожъ былъ, чай, я на царя Ивана
Васильича?

Ольга.

Да̀, государь, похожъ!...
Одно, что былъ моложе, веселѣе
И...

Іоаннъ

Что̀? красивѣй?...

Ольга.

Вымолвить не смѣю.

Іоаннъ.

Не бойся, Ольга Юрьевна!...

(*Качаетъ головой.*)

Не зналъ я,
Что ты у насъ забавница такая?...

(*Молчаніе. Ольга стоитъ, печально опустивъ голову.*)

Іоаннъ (*пристально глядитъ на Ольгу.*)

Скажи-ка ты мнѣ лучше, безъ утайки —
Кѣмъ чаще: букой, иль царемъ Иваномъ
Тебя пугали въ дѣтствѣ?...

(*Ольга молчитъ.*)

А когда
Ты подросла, чай, наслыхалась притчей
О нѣкоемъ злодѣ, кровопійцѣ,
Гонителѣ бояръ и слугъ усердныхъ,
Мучителѣ, казнителѣ...

Ольга.

Дозволь...

Іоаннъ, (*не слушая ея.*)

Объ извергѣ!... Отъ слова и до слова
Готовъ я всю ихъ пѣсенку пропѣть.
«Онъ, молъ, какой: чѣмъ только кто правѣе,
Тѣмъ на судѣ его и виноватѣй;
Кто житіёмъ, во истину молчальнымъ
И монастырскимъ, Господу угоденъ,
Тотъ у него — ханжа и лицемѣръ;
Кто лестію гнушается — завистникъ,
А кто стоитъ за правду, по присягѣ
целованью крёстному, — отмётникъ,
Злокозненный измѣнникъ и предатель!...
И вотъ, молъ, онъ мужей, толико доблихъ,
Преславныхъ царства русскаго синклитовъ,
Всеродно истребляетъ, аки звѣрь,
О немъ же намъ гласитъ Апокалипсисъ...
Ни возраста, ни пòла ни жалѣетъ:
Грудныхъ младенцевъ, старцевъ безпомощныхъ,
Невинныхъ дѣвъ терзаетъ лютой мукой
И тѣшится ихъ кровью, со своею
Кромѣшной тьмой, что сатана съ бѣсами...
Чтò? тàкъ ли Ольга Юрьевна, аль нѣтъ?
Аль, можетъ, и послаще напѣвали?
Ты не таи: вѣдь сказано — не бойся.

Ольга.

Мнѣ нечего бояться; не причастна
Моя душа ни лести, ни обману,
И видитъ Богъ, что я сказала правду.
Да и скажу: я въ бережѣ, въ охранѣ

У батюшки назва̀ннаго жила;
Пустыхъ рѣчей ко мнѣ, въ дѣвичій теремъ,
Не заносилъ никто и никогда;
А если отъ подружекъ и отъ мамокъ
И доводилось слышать что̀ такое,
Такъ понимать мнѣ было не по лѣтамъ
Про царскій гнѣвъ и царскую опалу...
А послѣ...

Іоаннъ.

Видно: послѣ домекнулась?

Ольга (*смѣло взглядываетъ на Іоанна.*)

Да̀: домекнулась!... Ка̀къ не домекнуться,
Когда вездѣ стонъ-стономъ по Руси?...
Охъ! не о томъ тебѣ бы допроситься,
А о моихъ молитвахъ многогрѣшныхъ,
Что слышала-ли, нѣтъ-ли — полуно̀чь...
Узналъ бы ты...

(*За ставкой слышенъ шумъ и окликъ сторожево̀го:*)

Что̀ за̀ люди такіе?
Что̀ за народъ?

Голосъ Четвёртки.

Народъ всё Божій: мы.

(*Къ ставкѣ приближаются быстрые шаги толпы; раздаётся звукъ рога; выстрѣлъ и шумъ схватки.*)

Впередъ, ребята, къ ставкѣ!

Іоаннъ (*откидываетъ по̀лу.*)

Что̀ такое?

Голосъ Четвёртки.

Вотъ это — ставка Вяземскаго вора:
Сюда! правѣй, правѣе забирайте!

(*Изъ шатровъ выбѣгаютъ толпы стрѣльцовъ; слышны выстрѣлы пищалей и звукъ оружія.*)

ЯВЛЕНІЕ XI.

Царевичъ, Годуновъ и Малюта *вбѣгаютъ въ ставку.*

Малюта, (*запыхавшись.*)

Царь, вольница псковскàя!

(*Ольга вскрикиваетъ.*)

Іоаннъ (*сдёргиваетъ со столпника мечъ*).

Всѣхъ ихъ лоскомъ!

Царевичъ (*заступаетъ Іоанну дорогу.*)

Владыко-отче! не труди напрасно
Своей десницы.

Іоаннъ (*въ бѣшенствѣ.*)

Слышишь? всѣхъ, Малюта!
А вожакà треклятыхъ взять живьёмъ!

ЯВЛЕНІЕ XII.

Тѣ же, *кромѣ* Малюты.

(*Крики, выстрѣлы и схватка сильнѣе.*)

Голосъ М. Тучи.

Князь Вяземскій! гдѣ Ольга Токмакова?
Отдайте Ольгу Токмакову! Ольга!
Ты здѣсь ли, Ольга?

Ольга.

Здѣсь!

(*Хочетъ броситься вонъ изъ ставки; Годуновъ сильно её отталкиваетъ.*)

Ольга (*шатается и падаетъ на одно колѣно.*)

Христе-Исусе!

(*За сценой бѣглый огонь и сѣча.*)

Голосъ Тучи (*ближе.*)

Прости! съ тобой намъ больше не видаться!

Голосъ Малюты.

Бери живьёмъ!

Нѣсколько голосовъ.

Не дался! соскочилъ
Въ Мѣдѣдню. Поплылъ... Вотъ онъ... Эй—вы—разомъ!

(*Ольга вскакиваетъ.*)

(*Залпъ.*)

Голоса.

Стрѣляй!
Попали!...

(*Выстрѣлы утихаютъ; входитъ Малюта.*)

ЯВЛЕНІЕ XIII.

ТѢ ЖЕ и МАЛЮТА *съ окровавленнымъ бердышемъ. За нимъ опричники.*

МАЛЮТА.

Всѣхъ угомонили!

ІОАННЪ *(безпокойно.)*

А Туча?

МАЛЮТА *(машетъ рукой.)*

Ко̀ дну!

ОЛЬГА *(хватаетъ со стола ножъ.)*

Господи! прости мнѣ...

(Падаетъ въ крови на полъ.)

ІОАННЪ.

Безумная!...

Бомелія сюда!

(Подбѣгаетъ къ Ольгѣ и относитъ её съ Царевичемъ и Годуновымъ на мѣсто.)

Безумная!... Ты слышишь ли?... Ты слышишь?...

Вѣдь я тебѣ...

(Наклоняется къ Ольгѣ и осыпаетъ её поцелуями.)

ЯВЛЕНІЕ XIV.

Тѣ же и Бомелій *поспѣшно подходитъ къ* Ольгѣ.

Іоаннъ (*задыхается.*)

Спаси её, Бомелій!

(*Бомелій берётъ Ольгу за руку и прикладываетъ ухо къ ея сердцу.*)

Іоаннъ (*ломаетъ себѣ руки.*)

Спаси мою голубку!..

Бомелій (*качаетъ головой.*)

Государь!

Господь единый воскрешаетъ мёртвыхъ...

ДИМИТРІЙ САМОЗВАНЕЦЪ.

НЕОКОНЧЕННАЯ ТРАГЕДІЯ

Ф. ШИЛЛЕРА.

ПЕРВЫЙ АКТЪ.

СЕЙМЪ ВЪ КРАКОВѢ.

При поднятіи занавѣса открывается большая зала сената, въ которой засѣдаетъ собраніе польскихъ государственныхъ чиновъ. На высокой эстрадѣ о трехъ ступеняхъ, крытыхъ алымъ сукномъ, королевскій тронъ съ сѣнью; по бокамъ висятъ польскіе и литовскіе гербы.

Король *возсѣдаетъ на тронѣ; справа и слѣва стоятъ на эстрадѣ десять* коронныхъ сановниковъ. *Подъ эстрадой, по обѣимъ сторонамъ сцены, сидятъ* епископы, палатины *и* кастелланы. *Близъ нихъ помѣщаются, въ два ряда,* выборные отъ шляхты *съ непокрытой головой. Всѣ вооружены.* Гнѣзненскій архіепископъ, *какъ примасъ королевства, сидитъ ближе всѣхъ къ авансценѣ; за нимъ его* капелланъ *держитъ золотое распятіе.*

Архіепископъ Гнѣзненскій.

И такъ, нашъ бурный сеймъ благополучно
Достигъ давно-желаннаго конца:
Король съ чинами разстается дружно;
Шляхта̀ съ себя оружіе слагаетъ;
Упрямый *Рокошъ* *) разойдтись согласенъ;

---

*) *Ро̀кошъ* (rokosz)—возстаніе шляхты противъ короля и сенаторовъ. *Прим. переводчика.*

А самъ король даётъ святое слово —
Внимать отнынѣ жалобамъ правдивымъ.
— — — — — — — — — — — — — — *)
Внутри все мирно, и теперь мы можемъ
Окинуть взоромъ внѣшнія дѣла.
— — — — — — — — — — — — — —
Угодно ли чинамъ свѣтлѣйшимъ будетъ,
Чтобъ князь Димитрій, правый притязатель
На русскую корону, какъ законный,
Какъ истый сынъ покойнаго Ивана,
Предсталъ и доказалъ свои права
На русскій тронъ здѣсь передъ *сеймомъ вальнымъ?* **)

Краковскій кастелланъ.

Конечно! Гдѣ же честь и справедливость?
И отказать намъ князю не прилично...

Епископъ вермеландскій.

Всѣ документы на его права̀
Просмотрѣны теперь, и оказались
Всѣ подлинными. Выслушать его
Намъ *можно.*

Нѣсколько выборныхъ шляхтичей.

Нѣтъ! не только можно — *должно.*

Левъ Сапѣга.

Но выслушать — всё то же, что признать.

---

*) Предлагаемая трагедія, какъ извѣстно, не была окончена Шиллеромъ. Строки, означенныя тире, находятся въ подлинникѣ: онѣ означаютъ монологи еще не написанные, не положенные авторомъ на бумагу, но уже обдуманные имъ и долженствовавшіе быть въ тѣхъ мѣстахъ. *Прим. перваго издателя* (Н. В. Гербеля.)

**) *Seym Walny* — генеральный сеймъ *Прим. переводчика.*

Одоевскій. *)

Не выслушать — все то же, что отвергнуть.

Архіепископъ Гнѣзненскій.

Благоволятъ ли допросить его?
Вопросъ въ другой и въ третій разъ предложенъ.

Великій коронный канцлеръ.

Пусть предстаётъ предъ королевскій тронъ!

Сенаторы.

Пусть говоритъ!

Выборные.

Мы всѣ готовы слушать.

(*Великій коронный маршалъ даётъ придвернику знакъ своимъ жезломъ; придверникъ отворяетъ двери.*)

Левъ Сапѣга.

Я протестую — пусть запишетъ канцлеръ —
Противъ всего, что несогласно съ миромъ
Межь Польшей и московскою короной.

---

*) Нѣкоторыя собственныя имена искажены у Шиллера: такъ, напримѣръ, вмѣсто *Одоевскій* — у него *Одовальскій* (Odowalsky). Вообще, какъ иностранный писатель тогдашняго времени, незнакомый съ русскимъ бытомъ и съ русской исторіей, онъ неминуемо долженъ былъ впасть въ погрѣшности и анахронизмы. Они будутъ указаны послѣдовательно въ выноскахъ. *Прим. переводчика.*

Входитъ Димитрій, *приближается на нѣсколько шаговъ къ трону, и, не снимая шапки, отдаётъ по поклону королю, сенаторамъ и выборнымъ; ему отвѣчаютъ наклоненіемъ головы. За тѣмъ Димитрій становится такъ, что ему видна большая часть собранія и присутствующихъ на сеймѣ; къ королевскому трону онъ только-что не повернулся спиной.*

Архіепископъ Гнѣзненскій.

Князь Дмитрій Іоанновичъ! Быть можетъ,
Блескъ сейма и величье короля
Тебѣ невольно связываютъ рѣчи?
Такъ вѣдай, что дозволено сенатомъ
Тебѣ избрать повѣреннаго: можешь
Его устами съ сеймомъ объясниться.

Димитрій.

Отецъ архіепископъ! я предсталъ
Искателемъ наслѣдственнаго царства
И скипетра державнаго: не гоже
Смущаться мнѣ передъ народомъ вольнымъ,
Передъ его владыкой и сенатомъ.
Я никогда еще не лицезрѣлъ
Подобнаго высокаго собранья —
И этотъ видъ мнѣ возвышаетъ душу,
Но — не страшитъ. Чѣмъ послухи *) достойнѣй,
Тѣмъ мнѣ желаннѣй; а теперь я слово
Держу наисвѣтлѣйшему собранью.

---

*) Я не нашелъ приличнѣе забытаго слова *послухъ* для передачи современнаго понятія *свидѣтель*. Оттѣнки обоихъ понятны.

Прим. переводчика.

Архіепископъ Гнѣзненскій.

— — — — — — — — — — — —

Рѣчь Посполита слову твоему
Благо воиметъ.
Скажи не обинуясь.

Димитрій.

Отцы-епископы, вельможный сонмъ
Достойныхъ палатиновъ, па̀ны-ра̀да
И выборные Рѣчи Посполитой!
Дивлюсь, и, съ несказа̀ннымъ изумленьемъ,
Себя, прінца русскаго престола,
Наслѣдника державы Іоанна,
На вашемъ сеймѣ всенародномъ вижу...
Кровавою враждою оба царства,
Русь съ Польшей, обмѣнялися; о мирѣ
И рѣчь не шла, пока отецъ былъ живъ...
И — вотъ теперь благо-рѣшило Небо,
Чтобъ плоть отъ плоти и отъ крови кровь,
Сынъ Іоанна, съ молокомъ всосавшій
Наслѣдственно-пріёмную вражду,
Чтобъ я предъ вами странникомъ явился,
И у враговъ, въ срединномъ градѣ Польши,
Отстаивалъ законныя права!...
Забудьте-жь прежде, чѣмъ держать мнѣ слово,
Забудьте быль-былую благодушно:
Не осудите сына за отца
И кровною войной не упрекните.
Я, русскій князь, ограбленъ, угнетёнъ,
Прошу защиты. Развѣ угнетённый
Не въ правѣ полагаться на участье
Людей правдивыхъ, благородно-вольныхъ?
А есть-ли что правдивѣе на свѣтѣ,

Какъ храбрый, независимый народъ?
Верховной властью древле-облечённый,
Онъ самъ свои дѣянья повѣряетъ,
И преклоняетъ ухо ко всему,
Что человѣчно.

Архіепископъ Гнѣзненскій.

Князь! ты передъ нами
Предсталъ, какъ сынъ законный Іоанна.
Твоя наружность и слова согласны
Съ такимъ высокомѣрнымъ притязаньемъ;
Но докажи намъ подлинность твою
Неотвержимо — и надѣйся смѣло
На благородство Речи Посполитой:
Она встрѣчалась съ Русскими на полѣ,
И доказала, что способна быть
Честнымъ врагомъ и вселюбезнымъ другомъ.

Димитрій.

Иванъ Васильичъ былъ женатъ пять *) разъ,
И первую супругу взялъ изъ дома
Романовыхъ. Царица родила
Царевича Θеодора: наслѣдникъ
И царь онъ былъ по смерти Іоанна.
Но у покойнаго еще былъ сынъ Димитрій,
Отъ брака съ Марθой, изъ роду Нагихъ **),
Съ послѣднею супругою. Димитрій
Въ пелёнкахъ былъ, когда скончался царь.
Θеодоръ Іоанновичъ, и тѣломъ,
И духомъ слабый, передалъ кормило

*) Ошибка: Іоаннъ былъ женатъ не пять, а семь разъ. *Прим. переводчика.*

**) У Шиллера: Нагори (Nagori). *Прим. переводчика.*

Правленія Борису Годунову,
Великому конюшему, и тотъ
Всѣмъ царствомъ русскимъ правилъ самовластно.
Бездѣтному Ѳеодору надежды
На сына и наслѣдника престола
Царицы юной лоно не сулило.
А между тѣмъ, правитель хитрый царства
Снискалъ любовь и преданность народа,
И на вѣнецъ возвёлъ свой смѣлый взоръ.
Одной препоной былъ царевичъ-отрокъ
Димитрій Іоанновичъ, взрощённый
Въ удѣльномъ Угличѣ царицей Марѳой.
Когда Бориса замыслы созрѣли,
Послалъ убійцъ онъ въ Угличъ потаенно,
Чтобъ умертвить царевича-младенца.
Глухою ночью, въ терему царицы,
Вдругъ вспыхнули отдѣльные покои,
Гдѣ съ дядькою опочивалъ царевичъ.
Всё сдѣлалось добычею пожара,
А самъ царевичъ бѐзъ вѣсти пропалъ
И мать и всѣ сочли его погибшимъ,
Оплакали безвременную смерть —
Тѣмъ дѣло и покончилось. Спросите —
И вся Москва вамъ въ этомъ присягнётъ.

Архіепископъ Гнѣзненскій.

Мы слышали тогда же эти вѣсти:
Всѣ государства обошла молва,
Что въ Угличѣ царевичъ средь пожара
Погибъ; и такъ какъ смерть его, конечно
Была желанна для царя Бориса,
Бориса въ этой смерти обвинили.

Теперь однакожъ не о смерти речи:
Царевичъ живъ. Ты увѣряешь, будто
Онъ живъ въ твоей особѣ: докажи,
Гдѣ основанье тождеству такому?
По чёмъ признать намъ подлинность твою?
Какъ поисковъ Бориса несомнѣнныхъ
Ты избѣжалъ, и, чрезъ шестьнадцать лѣтъ
Явился въ Божьемъ мірѣ такъ нежданно?

Димитрій.

И года нѣтъ, какъ самого себя
Обрёлъ я, ибо жизнь моя доселѣ
Была покрыта непроглядным мракомъ,
И о своемъ рожденьѣ я не вѣдалъ.
Едва себя запомню, былъ я служкой
За крѣпкой монастырскою оградой.
Охъ, какъ тѣсна монашеская жизнь,
Когда душа запроситъ вольной-воли,
И въ богатырскихъ, юношескихъ жилахъ
Забьётъ ключемъ наслѣдственная кровь!
Я сбросилъ ненавистный мнѣ подрясникъ
И убѣжалъ потайно въ вашу Польшу.
Здѣсь славный Сендомирскій воевода
Мнѣ далъ пріютъ въ своемъ вельможномъ зàмкѣ
И честнымъ званьемъ воина облёкъ.

Архіепископъ Гнѣзненскій.

Какъ? о себѣ ты самъ еще не вѣдалъ,
Когда по свѣту слухъ ходилъ издàвна,
Что былъ спасенъ отъ гибели царевичъ?
Борисъ, дрожа на òтнятомъ престолѣ,
По всѣмъ границамъ учредилъ заставы,
Чтобы слѣдить за путниками зорко.

Какъ? до тебя слухъ этотъ не достигнулъ,
И ты не выдавалъ себя нигдѣ
За Дмитрія?

Димитрій.

Я разсказалъ, что знаю.
Коль слухи о моемъ существованьѣ
Ходили — ихъ разсѣялъ Самъ Господь.
Себя не зналъ я. Въ домѣ палатина
Я прожилъ юность въ сонмѣ челядинцевъ.
Въ молчаніи благоговѣйномъ, страстно
Я полюбилъ одну изъ дочерей
Хозяина, хоть взоровъ и не поднялъ
На высоту, запретную пришельцу.
Но вотъ что было: Львовскій кастелланъ,
Женихъ моей красавицы, случайно
Узналъ про страсть мою къ его невѣстѣ,
И оскорбилъ меня кичливой бранью,
И даже руку поднялъ на меня...
Я взялся за оружіе: безумный,
Онъ въ бѣшенствѣ попался мнѣ подъ саблю —
И палъ... Но въ смерти этой я невиненъ.

Мнишекъ.

Да, такъ все было — — — — — —

Димитрій.

Боже! безъимённый
И бѣглый чужеземецъ умертвилъ
Сановника, пріятеля и зятя
Вельможнаго патрона своего!...
Ни явная невинность, ни участье
Всей челяди, ни даже милосердье

Патрона не могли меня спасти:
Законъ, къ полякамъ милостивый, прямо
Меня, пришельца, осуждалъ на казнь.
И вотъ меня приговорили къ смерти...
И я колѣна преклонилъ предъ плахой,
И шею подъ ударъ меча подставилъ...
Но въ это-то мгновенье у меня
Блеснулъ на шеѣ золота литова,
Каменьями осыпанный, напёрсный
Купельный крестъ! У насъ такой обычай,
Чтобы символъ святого искупленья
Не скидавать съ груди отъ колыбели.
Въ тотъ самый мигъ, какъ съ жизнію разстаться
Пришлося мнѣ, я этотъ крестъ купельный
Поднёсъ къ устамъ съ благочестивой думой.

(*Поляки знаками выражаютъ свое сочувствіе.*)

Замѣтили святую драгоцѣнность
Съ немалымъ изумленьемъ; любопытство
Понудило мнѣ узы разрѣшить
И допросить меня; но я не вѣдалъ —
Съ которыхъ поръ ношу святыню эту.
Тутъ были трое изъ дѣтей боярскихъ,
Бѣжавшихъ отъ Бориса въ Сендомиръ:
Они признали крестъ, по изумрудамъ
И аметистамъ, за напёрсный крестъ
Царевича Димитрія: возложенъ,
По ихъ словамъ, онъ былъ Мстиславскимъ княземъ *)
При самомъ воспріятьѣ отъ купели
Царевича. Оглядываютъ ближе

*) У Шиллера: Вестисловской (Westislowskoy) ***Прим. переводчика.***

Меня — и замѣчаютъ съ изумленьемъ,
Что правая рука моя короче,
Чѣмъ лѣвая: такая же примѣта
Была и у Димитрія, случайно.
Допрашиваютъ крѣпко... Я припомнилъ,
Что захватилъ съ собою, при побѣгѣ
Изъ монастырской келіи, псалтырь,
Что въ псалтырѣ есть греческая надпись,
Начерчена игумномъ — а какая —
Не знаю, по незнанью языка.
Псалтырь нашли и разобрали надпись.
Гласитъ:что братъ Василій–Филаретъ
(Тогда мое монашеское имя,)
Владѣтель псалтыря сего, — законный
Царевичъ Димитрій, младшій сынъ Ивана;
Что чудомъ спасъ младенца дьякъ Андрей
И скрылся отъ клевретовъ Годунова;
Что есть тому свидѣтельства: хранятся
Въ какихъ-то двухъ обителяхъ и нынѣ.
Тогда бояре *) мнѣ упали въ ноги;
И съ полнымъ убѣжденьемъ и сознаньемъ
Челомъ мнѣ били, какъ цареву сыну.
И такъ: внезапно, изъ потёмной бездны,
Горѣ меня судьбина вознесла?

Архіепископъ Гнѣзненскій.

— — — — — — — — — — — — — —

Димитрій.

И вотъ — теперь я чувствую, какъ будто

---

*) Шиллеръ смѣшиваетъ званіе боярина и боярскаго сына.

Прим. переводчика.

Съ моихъ очей испала чешуя;
Воспоминанья подняли завѣсу
Минувшаго, — и ясно, въ отдаленьѣ,
Какъ купола̀ въ лучахъ зори вечерней,
Два образа передо мной мелькаютъ, —
Двѣ первыхъ искры дѣтскаго сознанья.
Тѣ о̀блики: бѣгу я темной ночью;
Взглянулъ назадъ — потёмки словно спрыснулъ
Пылающими брызгами пожаръ...
Должно быть, вспоминанье стародавне,
Затѣмъ, что образы, съ нимъ слитые, погасли
Въ моей душѣ. Я смутно помню только
Вотъ этотъ страшный, неотступный образъ.
Потомъ яснѣй мои воспоминанья:
Припоминаю, какъ меня обидѣлъ
Одинъ изъ служекъ, урекнувши царскимъ
Пріёмышемъ... Тогда я счёлъ за шутку
Его слова; заушиной отвѣтилъ
На нихъ — и думалъ, что вполнѣ былъ правъ,
Какъ человѣкъ. Теперь я понимаю —
Не какъ простой я смертный былъ разгнѣванъ,
Какъ царскій сынъ... Теперь единымъ словомъ
Разрѣшена судьбы моей загадка:
Не по примѣтамъ, можетъ быть, обманнымъ,
А по біенью собственнаго сердца,
Я узнаю наслѣдственную кровь —
И ужь скорѣй пролью её по каплѣ,
Чѣмъ уступлю права̀ на мой вѣнецъ.

Архіепископъ Гнѣзненскій.

Нельзя же намъ-то на̀ слово повѣрить,
Что впечатлѣнья дѣтскія правдивы!
Кому должны мы вѣрить? Бѣглецу?

Иль показанью бѣглецовъ такихъ же?
Прости меня: я вижу — благороденъ
Ты, юноша! По голосу, по речи
И по осанкѣ — видимо не лжецъ;
Но можетъ быть и *самъ* вѣдь ты обманутъ?
Понятно: человѣческому сердцу
Простительно забиться ложно, если
Вопросъ идетъ о царственной игрѣ.
Что можетъ быть словамъ твоимъ порукой?

Димитрій.

Пятнадцать я свидѣтелей представлю,
Пятнадцать родовитыхъ поляковъ,
Отъ корня безукорнаго Піастовъ:
Пусть подтвердятъ, иль нѣтъ мои слова...
Вотъ къ слову, Сендомирскій воевода
И кастелянъ Люблинскій: полагаю,
Что за меня ручательство дадутъ.

— — — — — — — — — — — — — —

Архіепископъ Гнѣзненскій

Такъ что жь еще, пресвѣтлое собранье?..
Свидѣтельствомъ такихъ особъ высокихъ
Разрѣшено сомнѣніе. Давно
По свѣту слухъ прошёлъ, что князь Димитрій,
Сынъ Іоанна, живъ еще доселѣ:
Самъ царь Борисъ невольно подтверждаетъ
Слухъ этотъ непонятнымъ опасеньемъ.
Теперь предъ нами юноша лѣтами,
Обличьемъ, даже до примѣтъ малѣйшихъ,
Случайною природною игрою,
Онъ сходенъ съ тѣмъ, кто такъ необъяснимо
Пропалъ, кого такъ долго и такъ тщетно

Искали. Этотъ юноша достоинъ,
По разуму и сердцу, предъявить
Высокое такое притязанье.
Судьба его чудесна несказанно:
Изъ кельи монастырской бѣдный служка
Является, и на груди его —
Тотъ самый крестъ безцѣнный, что царевичъ
Носилъ когда-то… тотъ купельный крестъ,
Съ которымъ онъ ни разу не разставался.
Онъ, то есть — этотъ юноша… Припомнимъ,
Какъ рукопись смиренная монаха,
Безъ спору несомнѣнная, гласитъ
О томъ, что яко-бъ самый этотъ служка
И есть Димитрій… Я не говорю
Не помяну, что ясное чело
И речь по правдѣ — всякому порука:
Съ такимъ челомъ обманъ потайный въ свѣтѣ
Еще ни разу не посмѣлъ пройдти,
Закидывая громкими словами…
И такъ — я дальше возражать не смѣю
На притязанье юноши и имя; —
Даю ему, какъ примасъ, первый голосъ!

Архіепископъ Львовскій.

Мой голосъ — твой!

Нѣсколько епископовъ

И наши — также ваши!

Нѣсколько палатиновъ.

И я!

Одоевскій.

И я!

Выборные (*поспѣшно другъ за другомъ.*)

Мы всѣ!

Сапѣга.

Но нѣтъ позвольте,
Позвольте, паны-рада! не спѣшите:
Обдумать надо... Благородный сеймъ
Изъ пустяковъ не долженъ расходиться.

Одоевскій.

Тутъ нечего обдумывать: всё ясно
Свидѣтельство и дѣло — на лицё.
Здѣсь — не Орда: здѣсь горла не затянетъ
За слово правды, ханская верёвка!
Здѣсь истина чела не потупляетъ!
Надѣюсь, что въ собраньѣ благородномъ,
Здѣсь, въ Краковѣ, на главномъ польскомъ сеймѣ,
Ни одного нѣтъ ханскаго холопа.

Димитрій.

Благодарю сенаторовъ свѣтлѣйшихъ
За признанную истину! И если
Я подлинно *тотъ самый, за кого*
Меня признали, прибѣгаю къ сейму
Съ усердною, но правомѣрной просьбой:
Ужели благородный сеймъ допуститъ,
Чтобъ дерзостный и наглый похититель
Владѣлъ моимъ наслѣдіемъ законнымъ
И государскимъ скипетромъ моимъ?

— — — — — — — — — — — —

Мое — права, а ваша — мощь и сила.
Такого нѣтъ ни царства, ни престола,
Гдѣ не было бы слова: справедливость,

Гдѣ не было бы собственности правой.
Тогда и веселъ только человѣкъ,
Когда онъ знаетъ, что его наслѣдье
Ограждено закономъ, что надъ каждымъ
И домомъ, и престоломъ вѣетъ знамя
Свободнаго, святого договора,
Какъ бы хоругвь охранная правамъ.
Не даромъ говорятъ, что справедливость —
Десницей смертной возведённый сводъ,
На нёмъ же опочіетъ все — едино
Всё то, что съ нимъ же рушиться должно.
— — — — — — — — — — — —

(Одобрительныя мнѣнія сенаторовъ.)

Димитрій.

Король пресвѣтлый Сигизмундъ! Проникни
Мнѣ въ душу яснымъ и духовнымъ взоромъ;
Пойми, что участь скорбная моя
Сродна съ твоей; что ты и самъ родился
Въ темницѣ, самъ безропотно сносилъ
Судьбы несправедливые удары.
Твой первый взглядъ на склёнъ тюремный брошенъ;
И изъ тюрьмы избавиться ты могъ
Единымъ бѣгствомъ — на престолъ наслѣдный...
Достигъ — а съ нимъ достигъ великодушья:
Такъ будь же и ко мнѣ великодушенъ...
— — — — — — — — — —

А вы, сановники-представители сената,
Вы преподобно-твёрдые столпы
Всей церкви христіанской, палатины
И кастелланы! Вотъ удобный мигъ
Слить два родныхъ народа во-едино:
Давно они между собой враждуютъ...

Оставьте же вы славу за собою,
Что поняли, что даже доказали,
Какъ Польша сопрестольна со Москвой,
И какъ въ враждебномъ, видимо, сосѣдѣ
Вы друга благодарнаго нашли...
А вы, опора Речи Посполитой,
Вы, шляхтичи, скорѣй коней сѣдлайте,
Влетайте въ золотые ворота̀,
Что передъ вами распахнуло счастье!
Я подѣлюсь всей вражьею добычей.
Москва богата. Царская казна
Несчётна: награжу друзей по-царски:
Кто въѣдетъ въ Кремль за мной, такъ — вотъ клянусь! —
Тотъ въ бархатѣ, въ шелку, и въ соболяхъ,
И въ жемчуга̀хъ ходить по-буднямъ будетъ,
А серебромъ — подкуй коня, кто хочетъ...

(*Сильное волненіе между выборныхъ отъ шляхты.*)

Комля, козачій атаманъ.

(*Объясняетъ, что онъ готовъ привести Димитрію войско.*)

Одоевскій.

Ужели же козакъ у насъ похититъ
И славу, и богатую добычу?

— — — — — — — — — — — — — —

Мы въ мирѣ съ Крымомъ, съ Турками и съ Шведомъ.
Уже давно всю нашу молодёжь
Такой нежданно-долгій миръ тревожитъ...
Давно покрылись ржавчиною сабли...
Пора́!... Гайда̀ — на царскія владѣнья!....

Нѣсколько шляхтичей.

Правда!

Война, война съ Москвою!

Остальные.

Рѣшено!

По голосамъ рѣшимъ!

Сапѣга (*встаетъ.*)

Коронный маршалъ!

Вели молчать: хочу держать я слово.

Множество голосовъ.

Война, война съ Москвою!

Сапѣга.

Стойте: слово!

Вы, маршалъ, долгъ исполнить не хотите?..

Коронный маршалъ.

Вы, видите, что это невозможно.

Сапѣга.

Какъ? И коронный маршалъ также купленъ?..
На сеймѣ, значитъ, больше нѣтъ свободы?
Да бросьте жь жезлъ, въ знакъ общаго молчанья:
Я требую, упорствую, хочу.

(*Коронный маршалъ бросаетъ свой жезлъ на средину палаты; говоръ стихаетъ.*)

О чёмъ тутъ спорить? развѣ мы не въ мирѣ,
Не въ полномъ соглашеніи съ Москвою?
Я, полномочный короля посолъ,
Я на́ двадцать лѣтъ вѣрно, самолично,
Скрѣплялъ съ Москвой условье перемирья:
Я поднялъ руку правую къ соборамъ

Во имя королевское и Польши...
Царь слово держитъ... Но зачѣмъ же клятвы,
Зачѣмъ же и святые договоры,
Коль можно ихъ нарушить сеймомъ сразу?

Димитрій.

Князь Левъ Сапѣга! Вы намъ говорите,
Что миръ съ царемъ Московскимъ заключили?
Неправда: царь одинъ Московскій — я:
Во мнѣ Москвы величіе; за мною
Наслѣдная держава Іоанна...
Коль Поляки миръ съ Русью заключатъ,
Такъ заключатъ съ ея царемъ законнымъ —
Со мною: договоръ вашъ не пригоденъ.

Одоевскій.

А намъ-то что за дѣло? Мы тогда
Хотѣли такъ — теперь хотимъ другого.

Сапѣга.

А! вотъ куда зашло!.. И не найдётся
Здѣсь никого, кто-бъ сталъ теперь за правду?
Такъ стану я, такъ я сорву личину,
И обнаружу истину. Какъ? Примасъ,
Ты можешь такъ сочувствовать усердно
Налётной, недоказанной молвѣ?
Иль можешь такъ искусно притворяться?
Какъ? Польскіе сенаторы доступны
Для первой сплетни? Какъ?.. И ты, Король,
Такъ слабодушенъ, что повѣрилъ сплетни?
Да развѣ вы не вѣдали доселѣ,
Что были вы игрушкою въ рукахъ
У воеводы хитраго, что онъ-то
И сочинилъ вамъ русскаго царя,

Такого честолюбца, самозванца,
Что загодя, на нашихъ же глазахъ,
Свою Москву родную намъ же дѣлитъ?
Напоминать объ этомъ вамъ, помимо
Всѣхъ клятвенно-скрѣплённыхъ договоровъ,
Не нужно, а скажу, что воевода
Дочь младшую ему же, самозванцу,
Помолвилъ... Будто въ Рѣчи Посполитой
Всѣ слѣпы такъ, что разглядѣть не могутъ, —
Гдѣ омутъ? Но зачѣмъ же намъ вдаваться
Въ опасности, въ случайности войны,
На пользу воеводы Сендомира
И быть ступенькой для его Марины,
Чтобъ легче ей взойдти на русскій тронъ?
Онъ — мало *покупаетъ* — *подкупаетъ*...
Про сеймъ теперь ужъ я не говорю:
Что̀ сеймъ, когда по Кракову повально
Приняняты и праздные ватаги,
И тридцать тысячъ праздныхъ лошадей?..
Сторонники его и здѣсь, въ палатѣ,
Свободный голосъ заглушить хотятъ
Неправо, покупными голосами...
Но страхъ душѣ правдивой не причастенъ,
А потому, пока течётъ по жиламъ
И не застыла родова̀я кровь,
Упорно я отстаиваю право
Свободой мнѣ дарованнаго слова:
Я заручался миро̀во съ Москвою —
И *по рукамъ* мнѣ свято по неволѣ.

Одоевскій.

Не слушайте его! — По голосамъ.

(*Епископы—краковскій и виленскій встаютъ*

и становятся на сторону Одоевскаго, чтобы отбирать голоса.)

Многие.

Война! война съ Москвою!

Архиепископъ Гнѣзненскій (*Сапѣгѣ.*)

Панъ, сдавайся!
Нельзя противу видимости спорить,
Иначе выйдетъ неразумный споръ
И несогласье.

Коронный Канцлеръ (*сходитъ со ступенекъ трона и говоритъ Сапѣгѣ.*)

Король васъ очень проситъ,
Чтобъ какъ нибудь, разнорѣчивымъ мнѣньемъ,
Разстроенъ не былъ общій голосъ сейма.

Придверникъ (*на ухо Одоевскому.*)

Васъ просятъ: стойте смѣло на своёмъ,
А проситъ — цѣлый Краковъ, за дверями.

Коронный маршалъ (*Сапѣгѣ.*)

Рѣшенье обще: лучше — согласитесь!

Краковскій епископъ (*отобравъ съ одной стороны голоса.*)

Направо — всѣ согласны.

Сапѣга.

Пусть согласны,
А всё-таки и всѣмъ скажу я: нѣтъ!
Я сеймъ, по праву, распускаю: Veto!

Кричите, какъ хотите, но вашъ крикъ
Никѣмъ, нигдѣ не можетъ быть услышенъ!

(*Общее смятеніе. Король встаётъ съ трона. Перила раздвигаются. Шумъ. Выборные обнажили сабли и сверкаютъ ими, справа и слѣва, передъ Сапѣгой. Епископы съ обѣихъ сторонъ прикрываютъ его своими столами.*)

Что̀ видимость? въ ней нѣту даже смысла,
Затѣмъ, что смыслъ-то есть, да не у всѣхъ.
Что̀ для слѣпаго значитъ очевидность?
Что̀ потерять, пожалуй — всё, тому,
Кто не имѣетъ ничего? Для нищихъ
Есть развѣ выборъ? Нѣту: нищій долженъ
Служить тому, кто милосердо кормитъ
И обуваетъ за продажный голосъ:
Не счётъ, а вѣсъ быть долженъ голосамъ:
То государство, рано или поздно,
Обрушится, гдѣ *видимость* царитъ,
А неразумье дѣло разрѣшаетъ.

Одоевскій.

Вы слушайте извѣтчика!

Выборные.

Долой!

Долой его! Рубите на куски!

Архіепископъ Гнѣзненскій.

(*Вырываетъ изъ рукъ своего капеллана крестъ и становится между спорщиками.*)

Миръ!... Уступи, Сапѣга благородный!

Ужели сеймъ быть можетъ... окровавленъ?

(Епископамъ.)

Скорѣй его отсюда... Потихоньку ..
Въ дверь боковую... Защитите грудью,
Чтобы толпа въ куски не растерзала...

(Сапѣга, всё еще грозя очами, насильно уводится епископами. Архіепископы Гнѣзненскій и Львовскій удерживаютъ въ это время выборныхъ отъ шляхты. При общемъ шумѣ и звукѣ сабель, палата пустѣетъ; остаются только: Димитрій, Мнишекъ, Одоевскій и козачій атаманъ.)

Одоевскій.

Мы промахнулись. — — — — — —
— — — — — — Только не отсюда!
Вы помощи и ждите: пусть тамъ Польша
Съ Москвою въ мирѣ — справимся мы сами.

Корела.

И кто бъ подумалъ, чтобы онъ одинъ
На цѣлый сеймъ такъ дерзко поднялъ голосъ?

Мнишекъ.

Король идётъ.

Входитъ король Сигизмундъ; *за нимъ коронные* канцлеръ, маршалъ *и нѣсколько* епископовъ.

Король.

Позвольте васъ, царевичъ
Димитрій Іоанновичъ, обнять:

Вы признаны всей Речью Посполитой,
Хоть наше сердце васъ признало прежде.
Мы тронуты до глубины души
Судьбою вашей: столько въ ней уроковъ
Для насъ, владыкъ, по милости Господней!...

Димитрій.

Я всё забылъ, что прожито когда-то
И на груди у васъ я возрождаюсь.

Король.

Я много словъ не трачу, но спрошу васъ:
Какъ властвовать возможно королю,
Когда вассалы и его богаче?
Вы видѣли теперь примѣръ плачевный;
Но худа не подумайте о Польшѣ:
Случайно государственный корабль
Былъ потрясёнъ грозою мимолётной.

Мнишекъ.

А смѣлый кормчій и подъ шумомъ бури
Направитъ судно въ пристань безопасно.

Король.

Сеймъ на́ двое распался. Я не властенъ,
Коль и хотѣлъ бы, миръ съ Царёмъ нарушить,
Но — сильные друзья у васъ... Поляки
Могли-бъ и на̀ свой страхъ вооружиться,
И козаки могли бы попытать
Удачи: тѣ, да и другіе во̀льны.

Мнишекъ.

Весь *Рокошъ* подъ оружьемъ, Государь!
Коль вашему величеству угодно,

Потокъ мятежный можете отвесть
Вы на другое русло — на Москву.

Король.

Царевичъ, вамъ сильнѣйшее орудье,
Дастъ Русь; щитомъ вамъ будетъ грудь народа.
Русь побѣдима развѣ только Русью.
Какъ нынче говорили передъ сеймомъ,
Такъ точно говорите и въ Кремлѣ:
Всѣ вашимъ сердцемъ доблестнымъ плѣнятся,
И властвовать вы будете конечно.
Я въ Швеціи, наслѣдникомъ природнымъ,
Вступилъ когда-то на престолъ законно,
Но потерялъ отцовское наслѣдье,
Затѣмъ, что мнѣ противился народъ.

Марина (*входитъ.*)

— — — — — — — — — — — —

Мнишекъ.

Всепресвѣтлѣйшій, вотъ къ твоимъ стопамъ,
Вотъ дочь моя молòдшая, Марина
Со всеусердной просьбой припадаетъ:
Ей руку, вмѣстѣ съ сердцемъ, предлагаетъ
Царевичъ... Ты — одна у насъ опора:
Твоей рукѣ единой подобаетъ
Ввести къ намъ въ домъ достойнаго супруга.

(*Марина колѣно-преклоняется передъ королёмъ.*)

Король.

Согласенъ съ вами, братецъ! Если нужно,
И если вамъ пріятно, я готовъ
Быть у царевича въ отцово мѣсто.

(*Димитрію, влагая руку Марины въ его руку.*)

Я лучшій фантъ теперь вамъ вынимаю:
Богиню счастья... Только бы дожить,
Пока чета прелестная такая
Возсядетъ на достойномъ ей престолѣ.

Марина.

Я, государь, всегда всеуниженно
Склонюсь передъ твоимъ великодушьемъ,
Всегда твоей останусь рабою.

Король.

Царица, встаньте! Здѣсь вы не у мѣста —
Здѣсь мѣста нѣтъ возлюбленницѣ царской
И дочери такого воеводы,
Какимъ отецъ вашъ нами признается.
У насъ онъ — первый, и хоть вы моложе
Сестёръ, однакожь умъ вашъ и любезность
На высоту должны васъ возвести.

Димитрій.

Король, изъ рукъ передаю я въ руки,
Какъ государь такому-жь государю,
Вотъ эту клятву: принимаю руку
Дѣвицы Мнишекъ, какъ залогъ на счастье!
Клянусь, взойдя на отческій престолъ,
Взвести её торжественно туда же,
Какъ подобаетъ, истою царицей!
На утро, послѣ свадьбы, ей даю,
Какъ брачный даръ, и Псковъ и Новый-Городъ,
Всю пригородь ихъ, волости, концы,
И сёла, и посёлки, и угодья, —
Даю ихъ ей я въ вѣчное владѣнье —
И грамоту пишу въ Кремлѣ московскомъ!

За то, что благородный воевода,
Въ защиту правъ моихъ, теперь сбираетъ
По шляхтѣ ополченье, предлагаю
Милльонъ дукатовъ польскаго чекана!
— — — — — — — — — — — —
Помогъ бы мнѣ Господь и всѣ святые,
А клятву я сдержу ненарушимо!

Король.

Вы сдержите: нельзя вамъ позабыть,
Чѣмъ одолжилъ васъ польскій воевода.
Тотъ, кто свое завѣдомое благо,
Кто дщерь свою любимую бросаетъ
Какъ упованье лучшее на жребій —
Такого друга надобно цѣнить,
И, если посчастливится, вамъ должно
Припомнить всѣ престольныя ступени...
Съ одеждою вы сердца не смѣняйте —
И не забудьте, что нашлися въ Польшѣ,
Что Польша васъ вторично породила.

Димитрій.

Я выросъ вѣдь въ бездольѣ, я узналъ,
Какъ только узы чувства и пріязни
Людей взаимно межъ собой связуютъ.

Король.

Но вы теперь вступаете на царство,
Гдѣ права и обычаи не схожи
Съ такой землей свободною, какъ Польша.
Здѣсь самъ король, хотя изъ первыхъ первый
По блеску, долженъ часто уступать...
Тамъ, на Руси — священныя права,

Семейныя; тамъ — *отческая* власть...

. . . .

— — — — — — — — — — — — — —

Димитрій.

Я здѣсь свободу сладкую вкусилъ —
Перенести ее хочу въ отчизну...

. . . .

. . . .

Король.

Не торопитесь! Время нужно выждать!
Послушайте, царевичъ, три совѣта,
И слѣдуйте имъ вѣрно: предлагаетъ
Вамъ ихъ старикъ, а въ старческомъ совѣтѣ
Для юноши всегда таится польза.

Димитрій.

О, научите, доблестный король!
Вы почтены, вы избраны народомъ
Свободнымъ: какъ достигнуть мнѣ того же?

Король.

— — — — — — — — — — — — — —

Вы на Русй явились изъ чужбины,
Явилися подъ вражескимъ оружьемъ —
Съумѣйте жъ, чтобъ про это позабыли,
Чтобъ прйзнали васъ родичемъ Москвы,
И мѣстные обычаи уважьте.
Блюдите слово, данное полякамъ:
На новомъ тронѣ нуженъ старый другъ,
Иначе та же самая рука,
Что вознесла, и низпровергнуть можетъ.
Но помните, что подражать не надо;
Обычай чуждый для страны не въ прокъ...

— — — — — — — — — — — —

А главное: къ чему-бъ ни приступали,
У матери своей благословитесь —
Вѣдь вы ее найдете?

Димитрій.

Государь!

Король

Какъ сынъ, ее вы чтить должны сыновне —
Почтите же... Межъ вами и народомъ
Она да будетъ связію священной.
Конечно — нѣтъ законовъ для царей;
Но для людей законы естества
Не только есть, а — боязливо чтимы..
Для вашего народа нѣтъ святѣе
Залога, доказательства и права,
Какъ дѣтская — *сыновняя* любовь.
Я замолчу объ этомъ. Слишкомъ много
Препятствій неожиданныхъ прійдется
Вамъ побороть, чтобъ наконецъ достигнуть
До золотаго вашего руна.
Вамъ предстоитъ не легкая побѣда.
Силёнъ и чтимъ престолъ царя Бориса.
Не съ нѣженкой вступаете вы въ споръ.
Въ чьи руки скипетръ вложенъ всенародно,
Того не скоро опрокинетъ вѣтеръ
Молвы пролетной: у того въ замѣну
Всѣхъ предковъ есть дѣянья и заслуги.
Я васъ ввѣряю вашему же счастью:
Оно спасло васъ два̀ раза отъ смерти —
Спасло какимъ-то непонятнымъ чудомъ —
Оно же васъ и увѣнчать должно.

———

Марина, Одоевскій.

Одоевскій.

Ну, панна, я исполнилъ договоръ:
Жду, чтобъ мое усердье похвалили.

Марина.

Да... Хорошо, что мы теперь одни,
Одоевскій! Поговорить намъ нужно
О многомъ, очень важномъ. Чтобъ царевичъ
Не зналъ объ этомъ, впрочемъ. Еслибъ онъ
Могъ до конца небесному внушенью
Послѣдовать! Въ себя онъ вѣритъ такъ же,
Какъ свѣтъ въ него. И пусть его объемлетъ
Тамъ тьма, та тайна, изъ которой столько
Исходитъ дѣлъ и подвиговъ великихъ;
Но между нами все должно быть *ясно.*
У насъ въ рукахъ все дѣло; такъ разсудимъ:
За нимъ, конечно, имя, вдохновенье,
За нами — мысль, и если мы разумно
Идемъ къ желанной цѣли и успѣху,
Пускай онъ остается въ заблужденьи,
Что это все ему низпало съ неба.

Одоевскій.

Повелѣвайте, панна! Я дышу,
Живу затѣмъ, чтобъ вашимъ быть слугою.
Ужель мнѣ занимателенъ вопросъ
О томъ, кто сядетъ на московскомъ тронѣ?
Меня величье ваше занимаетъ
И слава: я за нихъ готовъ отдать
И жизнь, и кровь — всю до послѣдней капли.

Вѣдь для меня ужь не бывать весны;
Зависимый и бѣдный, я не смѣю
Моихъ желаній дерзостно возвысить;
Но милость вашу я снискать хочу
И домогаюсь одного я только,
Чтобъ, панна, вы взошли на высоту;
Затѣмъ — пускай другой владѣетъ вами!
Вы всё-таки мое произведенье.

МАРИНА.

Затѣмъ и я сердечно васъ люблю,
И дѣло вамъ спокойно довѣряю.
Король его считаетъ вовсе ложнымъ.
Я вижу пресвѣтлѣйшаго насквозь:
Игра съ Сапѣгой тайная — и только.
Хотя ему, конечно, по душѣ,
Что мой отецъ, кого онъ такъ боится,
Что все дворянство, страшное ему,
Вмѣшалось въ это дѣло, отклонило
Всю силу къ чужеземной сторонѣ;
Но, всё-таки, онъ самъ въ борьбу не вступитъ,
А всю удачу съ нами раздѣлитъ.
Насъ побѣдятъ — ему тѣмъ легче будетъ
Нагнуть всю Польшу подъ свое ярмо.
Одни мы въ полѣ. Жеребій нашъ выпалъ.
Онъ — за себя; такъ, стало, мы — за насъ.

— — — — — — — — — — — — —

Вы — въ Кіевъ, съ войскомъ. Пусть дадутъ присягу
Царевичу Димитрію и мнѣ. —
Мнѣ, слышите? Необходимо нужно...

— — — — — — — — — — — — —

ОДОЕВСКІЙ.

— — — — — — — — — — — — —

Марина.

Мнѣ мало рукъ — мнѣ нужны и глаза.

Одоевскій.

Повелѣвайте!

Марина.

Самъ царевичъ съ вами,
И безотлучно: ровно ни на шагъ;
Иначе мнѣ отвѣтите за каждый.

Одоевскій.

Повѣрьте: ни на шагъ не отпущу

Марина.

Неблагодарны люди! Какъ почуетъ,
Что царь — тотчасъ и сброситъ наши путы.

— — — — — — — — — — — —

. . . .

. . . .

— — — — — — — — — — — —

Марина, Одоевскій, Опалинскій, Бѣльскій *и множество* Шляхтичей.

Опалинскій.

Намъ очень нужно денегъ, патронесса!
Сеймъ истощилъ въ конецъ насъ, а вѣдь надо
Тебя поставить русскою царицей.

Марина.

Епископъ Каменецкій, онъ же Кульмскій,
Подъ общинный залогъ земли и душъ,
Вамъ вышлетъ деньги. За его порукой,
Продайте или заложите избы
Своихъ крестьянъ, все обратите въ деньги

На вашего коня и на оружье!
Война — торговецъ смѣтливый; пожалуй,
Хоть изъ желѣза золото скуетъ.
Москва убытокъ въ десять разъ оплатитъ.

Бѣльскій.

Двѣ сотни пьютъ теперь еще въ корчмѣ.
Войди туда и выпей съ ними кубокъ,
Тамъ всѣ твои: я коротко ихъ знаю.

Марина.

Жди: ты сейчасъ меня проводишь.

Опалинскій

— — — — — — — — — — — —

Ты рождена, конечно, королевой.

Марина.

Конечно. Ей и буду непремѣнно.

Бѣльскій.

Такъ. Только вотъ что: прикажи сѣдлать
Ты иноходца бѣлаго, садися,
Броней покройся, и — вторая Ванда —
Сама веди безстрашныя дружины.

Марина.

Зачѣмъ? Мой духъ вамъ соприсущимъ будетъ.
Войну не слабымъ женщинамъ вести!
Вамъ сборнымъ мѣстомъ — Кіевъ. Мой отецъ
Немедленно отправится туда,
И съ нимъ три тысячи коней. Мой деверь
Даетъ двѣ тысячи; да съ Дону
Мы ждемъ коней и всадниковъ въ подмогу.
Даете вы присягу мнѣ?

Всѣ.

Даемъ!

(Обнажаютъ сабли.)

Одни.	Другіе.
Vivat Marina!	Russiae regina!

(Марина рветъ на себѣ покрывало и раздаетъ куски шляхтичамъ. Всѣ кромѣ нея уходятъ.)

Мнишекъ, Марина.

Марина.

Зачѣмъ отецъ, такъ хмуренъ, если счастье
Нашъ каждый шагъ улыбкою встрѣчаетъ,
И всѣ для насъ берутся за оружье?

Мнишекъ

За тѣмъ-то именно! Все, все на ставку
Поставлено. О! это ополченье
Задавитъ силу твоего отца!
Опора есть да грустно вѣдь подумать,
Какъ измѣнятъ и счастье и успѣхъ?
— — — — — — — — — — — —

Марина.

— — — — — — — — — — — — —

Мнишекъ.

Ты вовлекла меня въ такое дѣло,
Что опасаюсь... Слабый я отецъ...
По королѣ я первый воевода:

И всѣхъ богаче... Еслибъ мы *тогда*
Не заключили договора, ну — ничто бы
Покоя не нарушило; но ты
Рвалась душей повыше: скромный жребій
Твоихъ сестеръ тебѣ былъ не подъ стать;
Стремилась ты всечасно къ высшей цѣли;
Тянула руку къ царскому вѣнцу;
А я, родитель слабый, я для милой,
Для дочери, готовъ былъ заблуждаться
И позволялъ себя вполнѣ дурачить.
И грёзѣ совѣсть честную повѣрить.

Марина.

Какъ? Ты отецъ раскаялся? Да въ чемъ?
Не въ добротѣ-ль... Тотъ капли не услышитъ,
Надъ кѣмъ неслышно пролилась рѣка

Мнишекъ.

Однако сестры счастливы покуда.
Хотя не коронованы — — — — — —
— — — — — — — — — — — —

Марина.

Кто счастливъ?
Онѣ-то, сестры? Развѣ это счастье,
Когда изъ дому моего отца
И воеводы я перевожуся
Въ домъ мужа моего и палатина?
Что̀ новаго кому въ такомъ обмѣнѣ?
Какъ для меня должно быть это *завтра*
Пріятнѣй, чѣмъ *сегодня?* Какъ и чѣмъ
Одно и тоже, все одно и тоже!
Нѣтъ ни стремленья, даже ни надежды?

Но мнѣ — одно: любовь или величье,
А все другое — ровно ничего.

МНИШЕКЪ.

— — — — — — — — — —

МАРИНА.

Развеселись мой дорогой родитель!
Довѣримся несущему потоку!
Не думай ты о жертвѣ принесённой —
А о давно намѣченной ужь цѣли:
Подумай ты, что дочь свою увидишь
Царицей, въ полномъ царственномъ убранствѣ,
На томъ московскомъ царственномъ престолѣ,
Гдѣ возсѣдать твои же будутъ внуки!

МНИШЕКЪ.

Я не о чемъ не думаю, опричь,
Какъ я тебя, дитя мое родное,
Въ вѣнцѣ увижу царскомъ. Такъ ты хочешь,
А я тебѣ не смѣю отказать.

МАРИНА.

Еще — вотъ просьба милый мой родитель!

МНИШЕКЪ.

Какая?

МАРИНА.

Не ужели въ Сандомирѣ
Я схимницей все буду изнывать?
Мой жребій далеко переброшенъ
Поверхъ Днѣпра: искать его мнѣ долго
И тяжело сносить его — нѣтъ силы!
Ты знаешь самъ, что ожиданье — пытка,

И что его измѣрить можно только
Тоскливыми біеніями сердца.

МНИШЕКЪ.

Такъ что же ты? Скажи: чего ты хочешь?

МАРИНА.

Пусти меня ты въ Кіевъ за удачей!
Тамъ буду черпать новости вседневно
Изъ свѣжаго, живаго родника,
Тамъ на предѣлахъ нашихъ царствъ обоихъ.

— — — — — — — — — —

МНИШЕКЪ.

Ты вся теперь въ волненьи! Успокойся!

МАРИНА.

Какъ упрекать меня теперь за то,
Во что ты самъ вовлекъ меня.

МНИШЕКЪ

Нѣтъ! ты,
Ты вовлекла меня — твоя и воля!

МАРИНА.

Родитель мой любезный, если я
Московскою царицей буду, ты досмотришь,
Чтобъ Кіевъ былъ у *насъ* въ предѣлахъ:
Ты царствовать тамъ будешь.

МНИШЕКЪ.

Грезишь ты!
Тебѣ ужѐ сама Москва тѣсна:
Ты польскія владѣнья отбираешь?

МАРИНА.

Да Кіевъ развѣ Польша? Тамъ Варяги

Спокòнъ-вѣка наслѣдственно княжили.
Я лѣтопись старинную читала
И вникла: онъ отъ русскаго княженья
Оторванъ — надо и назадъ отдать.

Мнишекъ.

Се! Се! Не говори при воеводѣ!

(*Слышны трубы.*)

Здѣсь говорятъ, и письма-то вскрываютъ.

ВТОРОЙ АКТЪ.

ПЕРВЫЙ ВЫХОДЪ.

МОНАСТЫРЬ. БѢЛОЕ ОЗЕРО

По сценѣ переходитъ длинный рядъ Монахинь, въ черныхъ рясахъ и покрывалахъ. На нихъ смотритъ Мароа *изъ подъ бѣлаго покрывала: она уединенно склонилась надъ надгробнымъ камнемъ.* Ольга *выходитъ изъ ряда, съ минуту смотритъ на Мароу и подходитъ къ ней.*

Ольга.

Весна идетъ и зиму разбудила,
А у тебя къ ней сердце не лежитъ?
Вѣдь вотъ и солнце, да и ночь короче;
Ледъ ломится по рѣчкамъ и оврагамъ,
И сани — ужь не сани — челноки,
И птицы перелетныя — вотъ тянутъ...
Земля вздохнула; обновленный воздухъ
Всѣхъ выманилъ на монастырскій дворъ
Изъ душныхъ келій; только ты одна
Печальна, общей радости не дѣлишь.

Мароа.

Оставь меня, не покидай сестеръ.
Кому есть радость въ свѣтѣ — есть надежда!

Мнѣ ничего не принесетъ весна:
Все прошлое, какъ слѣдуетъ, за мною.

Ольга.

Неужели ты вѣкъ не перестанешь
Оплакивать потеряннаго сына
И прежнее величіе твое?
Я слышала, что время проливаетъ
Бальзамъ на раны сердца: отчего же
Оно безсильно только надъ тобой?
Была ты царства мощнаго царицей
И матерью цвѣтущаго младенца:
Онъ былъ случайно у тебя похищенъ;
Ты скрылася въ стѣнахъ монастыря,
Здѣсь на предѣлѣ всякой жизни... Что жъ?
Шестнадцать лѣтъ съ поры той миновало,
Шестнадцать разъ юнѣлъ Господній міръ
И измѣнялся — ты не измѣнилась:
Ты холодна, какъ памятникъ надгробный,
Обсаженный цвѣтами юной жизни!
Похожа ты на неподвижный обликъ,
Изваянный художникомъ изъ камня,
И навсегда *однимъ* запечатлѣнный.

Мареа.

Да, годы всю меня окаменили
На память о судьбѣ моей ужасной!
Я не могу ни сдвинуться съ былаго,
Ни позабыть того, что было прежде.
То сердце слабо, ежели ужь время
Ему способно раны заживить
И замѣнить, что вѣкъ не замѣнимо.
Моей печали подкупить нельзя:

Какъ сводъ небесный путника повсюду
Сопровождаетъ, такъ и скорбь меня.
Она меня объяла, словно море,
И не изсякнетъ никогда отъ слезъ.

Ольга.

А! Посмотри: вонъ тамъ столпились сестры
Вокругъ мальчишки—рыбака. Онъ вѣсти
Принесъ намъ изъ далекой стороны,
Гдѣ есть жильё и люди. Посмотри же —
Теперь отливъ и улицы свободны.
Уже ль тебя не тянетъ любопытство?
Мы всѣ здѣсь словно умерли для свѣта,
Но слушаемъ о немъ еще охотно.
Пойдемъ на берегъ: тамъ съ тобой мы можемъ
Пожаромъ волнъ спокойно любоваться.

Монахини *подходятъ съ маленькимъ* рыбакомъ.

Ксенія и Елена.

Скажи, скажи, что̀ новаго?

Алексія.

Что̀ въ мірѣ?

Рыбакъ.

Дозвольте, сестры, духъ перевести.

Ксенія.

Война, иль міръ?

Алексія.

Кто властвуетъ надъ міромъ?

Рыбакъ.

Пришелъ корабль въ Архангельскъ ото льдовъ,
Гдѣ, говорятъ, и кровь–то замерзаетъ.

Ольга.

А какъ зашелъ онъ въ Ледяное море?

Рыбакъ.

То англійскій купеческій корабль.
Къ Архангельскому въ первый разъ заходитъ.

Алексія.

Ой! Люди гдѣ не будутъ изъ наживы!

Ксенія.

Теперь отъ міра никуда не скрыться.

Рыбакъ.

Да это новость малая, а вотъ что;
Молва другая по–свѣту прошла...

Алексія.

Что? что?

Ольга.

Скажи, пожалуйста, скорѣе!

Рыбакъ.

На свѣтѣ снова появились дива:
Возстали изъ могилы мертвецы.

Ольга.

Какъ–такъ?

Рыбакъ.

А вотъ какъ: Дмитрій–то царевичъ
(Тужили лѣтъ шестнадцать, говорятъ,

По немъ по мёртвомъ) — Дмитрій-то царевичъ
Теперь вѣдь въ Польшѣ!

Ольга.

Что? Царевичъ Дмитрій?

Марѳа (*подходя.*)

Мой сынъ!

Ольга.

Скрѣпися! сердце удержи,
Пока всѣ сестры не слыхали вѣсти.

Алексія.

Царевичъ Дмитрій!... Да его убили:
Онъ въ Угличѣ погибъ среди пожара.

Рыбакъ.

Вишь: отъ огня и полымя онъ спасся;
Его укрыли гдѣ это монахи;
Въ монастырѣ подросъ и появился,
Какъ, значитъ, время самое пришло.

Ольга (*Марѳѣ.*)

Царица! Ты дрожишь... Вся поблѣднѣла?...

Марѳа.

Я знаю, знаю: это только грёза!
Но такъ еще малѣйшая надежда
И страхъ меня тревожитъ, что невольно
Трепещетъ сердце.

Ольга.

Отчего-же грёза?
Послушай... Даромъ не идетъ молва.

Рыбакъ.

Какъ даромъ! Да вѣдь дѣло-то какое:

На насъ Литва поднялася, Поляки.
Царевичъ въ градъ престольный свой грядетъ?...

(*Марѳа дрожитъ всѣми членами и должна опереться на Ольгу и Алексію.*)

Ксенія.

Да говори-жъ ты, говори, что знаешь!

Алексія.

Да ты скажи — откуда эти вѣсти?

Рыбакъ.

Я развѣ лгу?... Вѣдь грамота царева
Давно пришла̀, и намъ читалъ посадникъ
На городу̀, на вѣчевой на сходкѣ,
А писано, что, слышите, обманщикъ,
И намъ тому обману бы не вѣрить...
А мы-то вѣримъ. Коль была-бъ неправда,
Такъ... Что̀ тутъ ужь!... Царевичъ не солжетъ.

Марѳа.

Такъ оттого мнѣ сердце защемило?
Ужель оно прислушливо такъ къ міру,
Что слухъ пустой его тревожить можетъ?
Шестнадцать лѣтъ оплакиваю сына —
И вѣрю сразу, что онъ живъ еще.

Ольга.

Шестнадцать лѣтъ ты плакала по мертвомъ,
А никогда и трупа не видала!
Молвы ничто не можетъ опровергнуть
И кто такой бы сторожилъ судьбу
Народовъ и надъ ними главъ вѣнчанныхъ?...
Открой же въ сердце путь для упованья:

Свершилось нѣчто большее, какъ видно,
Чтó ты недавно называла грёзой...
Предѣла Всемогуществу вѣдь нѣтъ!

Мароа.

Уже ли взоръ приходится на тò
Мнѣ обратить, что такъ давно ужь было?
— — — — — — — — — — —
На мертвыхъ я тогда не уповала...
Не говори, сестра, мнѣ ничего!
Не раздражай видѣньемъ ложнымъ сердца!
Не допусти вторично потерять
Возлюбленнаго сына. Нѣтъ покоя
И мира нѣтъ въ душѣ моей давно!...
Охъ! и слова-то даже я забыла...
Съ тѣхъ самыхъ поръ, какъ сына потеряла,
Не знаю я — жива, иль умерла?
Отчаянье безмѣрное!...

(*Слышенъ ударъ колокола. Входитъ сестра-привратница.*)

Ольга.

Что значитъ?

(*Привратницѣ.*)

Сестра скажите — что такое значитъ?

Привратница.

У монастырскихъ вратъ архіепископъ
Желаетъ быть допущенъ отъ царя.

Ольга.

Архіепископъ! Самъ архіепископъ!..
За чудомъ чудо!...

*

Ксенія.

Поскорѣе всѣ
На встрѣчу!...

(Монахини отправляются къ воротамъ; при входѣ архіепископа преклоняютъ предъ нимъ колѣна; онъ ихъ осѣняетъ благословеннымъ крестомъ.)

Іовъ.

Миръ обители, во имя
Отца и Сына и Святаго Духа!

Ольга.

Владыко! паству допусти къ рукѣ
Святительской...

Іовъ.

Гдѣ инокиня Мареа?

Ольга.

Владыко, здѣсь: твоихъ ждетъ повелѣній!

(Всѣ инокини удаляются.)

Іовъ и Мареа.

Іовъ.

Самъ государь послать меня изволилъ
Къ тебѣ, царица, съ государскимъ словомъ
Со своего высокаго стола
Онъ келію отшельницы попомнилъ,
Зане: какъ солнце лучезарнымъ окомъ
Вселенную повсюду освѣщаетъ,

Такъ государь своимъ всезрящимъ взглядомъ
Все освѣщаетъ царство, ибо свыше
Печалуетъ о всемъ и обо всѣхъ.

МАРѲА.

Я знаю, какъ рука его *печальна!*

ІОВЪ.

Познавъ твою великую печаль,
Позналъ онъ также и всю силу духа
И все твое безвременье, царица!
Разгнѣванъ онъ правдиво, какъ и ты,
Тебѣ же нанесенною обидой...

МАРѲА.

— — — — — — — — — — — — —

ІОВЪ.

Уразумѣй, царица! Отъ Поляковъ
Является какой-то отщепенецъ
Какой-то бѣглый, безъизвѣстный служка,
Всей братіей отторнутый соборнѣ,
И Божье имя призываетъ всуе
О имени младенца твоего,
Представшаго передъ престолъ Господній;
И сыномъ Іоанновымъ дерзаетъ
Сей скоморохъ народно величаться!
Мнро-измѣнникъ, польскій воевода,
Ведетъ на Русь изъ Польши самозванца
Во всеоружьѣ, вѣрныя сердца
Къ предательству и мятежу склоняя.

— — — — — — — — — — — — —

Теперь свою державную *печаль*
Царь восхотѣлъ мнѣ возложить на рамо —
Послалъ къ тебѣ... Душевно понимая
Покойнаго младенца, ты не можешь

Дозволить потревожить прахъ и имя
Во гробѣ опочіющаго сына;
Ты не должна дозволить проходимцу
Права у непорочнаго похитить...
Но объяви всегласно, что скиталеца
Не признаешь за собственное чадо,
Что этой подлой крови не могло
Быть у тебя подъ сердцемъ благороднымъ.
Царь ждетъ, что ты конечно отречешься
Отъ выдумки позорной, наказуя
Ее правдиво заслужённымъ гнѣвомъ.

Марѳа (*въ продолженіи всей рѣчи силится сдержать душевное волненье.*)

Владыко, что я слышу?... Невозможно!...
Какой же признакъ, по̀водъ, да и до̀водъ?...
Какъ кто-нибудь обманщику повѣрилъ?

Іовъ.

Со Іоанномъ сходство, письмена̀
И крестъ святой — вотъ чѣмъ обманщикъ этотъ
Къ себѣ привлекъ не мало легковѣрныхъ.

Марѳа.

Какой же крестъ?... Повѣдай мнѣ, владыко!

Іовъ.

Крестъ золотой... въ немъ девять изумрудинъ...
А говоритъ, что князь Иванъ Мстиславскій
Какъ воспріемникъ, имъ благословилъ.

Марѳа.

Владыко, какъ?... И крестъ онъ этотъ знаетъ?
(*Подавляетъ сердечный порывъ.*)

А объяснилъ обманщикъ, какъ онъ спасся!

Іовъ.

Онъ говоритъ, что былъ спасенъ дьякомъ
Отъ смерти и полночнаго пожара,
Что былъ въ Смоленскъ потайно увезенъ.

Марѳа.

Да гдѣ же пребывалъ-то онъ доселѣ?
Гдѣ, говоритъ, доселѣ онъ скрывался?

Іовъ.

Онъ выросъ въ Чудовомъ монастырѣ,
Не вѣдая и самъ-то — кто такой?
Бѣжалъ оттуда онъ въ Литву и въ Польшу,
Гдѣ, разъ, при сендомирскомъ воеводѣ
Узналъ свое происхожденье...

Марѳа.

Будто
Такою побасенкой онъ нашелъ
Такихъ друзей, что крови не жалѣютъ?

Іовъ.

Царица, всѣ лукавы Поляки,
Завистливо на нашу землю смотрятъ
И ловятъ случай — какъ бы имъ внести
Войну въ предѣлы русскіе.

Марѳа.

Послушай!..
Но есть ли легковѣрные въ Москвѣ?

Іовъ.

Царица, знаешь, что народа голосъ

Разноситъ вѣтромъ... Перемѣну любятъ...
Имъ новость власти вдохновляетъ вѣру.
Не ложь, а правда въ спасенье... За тѣмъ-то
И пожелалъ державный государь,
Чтобъ ты, по праву, съ глазъ сняла повязку
У цѣлаго народа: скажешь слово —
И для Руси обманщикъ сей — ничто,
Обманщикъ сей твой яко-бъ сынъ, царица!
Твое смущенье радуетъ меня:
Я вижу — скоморошество его
До глубины души тебя волнуетъ,
И гнѣвъ тебѣ ланиты зарумянилъ.

Мароа.

Но гдѣ, скажи мнѣ, гдѣ тотъ дерзновенный,
Что имя сына нашего присвоилъ?

Іовъ.

Изъ Кіева идетъ онъ подъ Черниговъ;
За нимъ толпа вооруженныхъ Ляховъ
И цѣлый хвостъ козáковъ, прямо съ Дону.

Мароа.

Благодарю Тебя я, Всемогущій,
Благодарю, что далъ Ты наконецъ
Мнѣ право права, вмѣстѣ съ правомъ мести.

Іовъ

Да что съ тобой? Какъ разумѣть велишь?

Мароа.

Всѣ Силы и Господствія, спасите!
Архангелы крылами осѣняйте
Его хоругвь!

Іовъ.

Какъ?.. И тебя обманщикъ...

Марѳа.

Мнѣ сынъ онъ! Я по признакамъ всѣмъ знаю —
И признаю.,. хоть по боязни царской...
Онъ, самый онъ! Онъ живъ! онъ недалеко!
Долой, тиранъ, съ престола! Трепещи!
Въ конецъ не сгибла Рюрикова отрасль,
И царь грядетъ, наслѣдный царь грядетъ
Спросить у вѣрноподданныхъ отчета!

Іовъ.

Безумная, слова́ свои обдумай!

Марѳа.

Вотъ наконецъ зардѣлся день отмѣстный:
На Божій свѣтъ выводитъ изъ могилы
Невинность угнетённую Господь!
Самъ Годуновъ, смертельный врагъ мой, долженъ
У ногъ моихъ пощады вымолять:
Услышаны горячія молитвы!

Іовъ.

Ужели месть слѣпитъ тебя на столько?

Марѳа.

А не на столько страхъ слѣпитъ царя,
Что онъ себѣ спасенья ожидаетъ
Отъ женщины, обиженной самимъ же?

— — — — — — — — — —

Мнѣ отрекаться надобно отъ сына,
Что изъ могилы вызвало мнѣ чудо?
И отрекаться для чего? Въ угоду

Всероднаго убійцы моего?
Мнѣ избѣгать Господняго спасенья
Отъ материнскихъ скорбей и печалей,
Ниспосланнаго свыше наконецъ?

Іовъ.

— — — — — — — — — —

Марѳа.

Не убѣждай, а выслушай меня!
Не выслушавъ, ты не уйдешь, владыко!
Охъ, наконецъ вздохнула грудь свободно.
Мнѣ наконецъ пришлось излить всю желчь,
Подъ сердцемъ хороненную! — — —
— — — — — — — — Скажи мнѣ:
Кто за́-живо зарылъ меня въ могилу,
Со всею силой свѣжею моей
И дѣвственнымъ волненьемъ юныхъ персей?
Кто отнялъ сына милаго отъ лона
Подъ ножъ убійцы? Не найдешь ты словъ
Для передачи всѣхъ моихъ страданій,
Когда меня безсонница томила
Всѣ ночи, вмѣстѣ съ ясными звѣздами
Когда платила я за каждый часъ
Тоскою и горячими слезами.
Насталъ и часъ спасенія и мести:
Мнѣ мощь влагаетъ въ душу Всемогущій!

Іовъ.

Не мнишь ли ты, что царь тебя боится?

Марѳа.

Онъ у меня во власти: только слово,
Одно-вотъ слово — и ему конецъ!

За нимъ-то онъ послалъ тебя, владыко!
Все на меня — и Русь, и Польша — смотритъ.
Признай теперь я сыномъ Іоанна
Царевича — ему удастся все;
А не признай — все словно въ воду канетъ.
Вотъ почему: кто и когда повѣритъ,
Чтобы, какъ я, обиженная мать
Отъ подлиннаго сына отреклася,
Съ убійцею семейнымъ по согласью?..
Скажу другое слово — цѣлый міръ
Отступитъ отъ обманщика. Не правда-ль?
Вотъ это слово вамъ теперь и нужно;
И услужить могу я Годунову.

Іовъ.

Нѣтъ, не царю, а царствію всему:
Ты отъ войны спасла бы государство
Правдивымъ словомъ. Ты сама царица,
Не можешь въ смерти сына твоего,
По совѣсти и чести, сомнѣваться.

Мароа.

Я плакала объ немъ шестнадцать лѣтъ,
А мертвымъ не видала; да и въ смерти
Его затѣмъ лишь только убѣдилась,
Что всѣ сказали... что мнѣ было тяжко,
Теперь — молвѣ всеобщей, да и сердцу
Я вѣрю, что мой сынъ не умиралъ.
Сомнѣніемъ заблудшимся не должно
Переступать прямыхъ путей Господнихъ.
Но, еслибъ я подъ сердцемъ не носила
Его, теперь подъ сердцемъ мщенье носитъ
Его же. Я того усыновляю,
Кого мнѣ возродили небеса.

Іовъ.

Несчастная! Ты съ сильнымъ не борися!
Его рука, ты знаешь, далека:
Въ обители достанетъ.

Марѳа.

Пусть убьетъ —
Мой голосъ вѣдь не то, чтобъ изъ темницы,
Изъ-за могилы будетъ слышенъ міромъ...
Въ ту и въ другую онъ повергнуть можетъ,
Да вотъ чего не можетъ: приказать
Мнѣ говорить со словъ его, и даже
Не сможетъ онъ при хитрости своей.

Іовъ.

Твое, царица, остальное слово?..
Но... что жъ сказать царю и государю?

Марѳа.

Пусть на́ небо надѣется, коль смѣетъ,
И на народъ, коль можетъ!

Іовъ.

Помолчи,
Не завершай заранѣй преступленья:
Ты бѐремя берешь себѣ на плечи,
Да бѐремя-то плечи къ зѐми клонитъ.

Марѳа, *одна*.

Сынъ — несомнѣнно!.. Дальніе края
И дикія пустыни возмутились —
И за него оружіе подняли;

Полякъ-вельможа, гордый палатинъ,
Рѣшается отдать ему въ супруги
Не дочь свою, а золото литое...
И я одна, я, мать, его отвергну?
И буду очевидицей нѣмой,
Какъ вихорь общей радости и счастья
Всю Русь охватитъ въ день вѣнчальный сына?
Онъ *сынъ* мой — знаю, чувствую и вѣрю!
Хочу повѣрить и берусь за якорь,
Ниспущенный мнѣ съ неба для спасенья.
Онъ! онъ! Идетъ вооруженно —
Спасти меня и отомстить врагу!..
Я слышу звуки громкихъ трубъ и бубновъ!
Сбирайтеся отъ сѣвера и юга,
Изъ всѣхъ степей, изъ вѣковыхъ лѣсовъ,
Всѣ языки, державному на встрѣчу,
По всѣмъ путямъ! сѣдлайте и коня,
Взнуздайте и оленя и верблюда!
Какъ волны моря, слейтесь ото-всюду
Безчисленно подъ царскую хоругвь!
О, для чего же здѣсь съ тоской-печалью
(А имъ конца и мѣры нѣтъ) я гибну?
Ты, солнце вѣковѣчное! Ты ходишь
Кругомъ земли — снеси мои желанья!
Ты воздухъ, необъятный и летучій,
Вѣй на *него* моимъ благословеньемъ.
Опричь молитвъ и скорби ничего
Нѣтъ у меня. Изъ глубины душевной
Ихъ окрыленно шлю я въ выси неба,
Чтобъ воинствомъ помощнымъ низошли
Ко моему возлюбленному сыну.

ВТОРОЙ ВЫХОДЪ.

Пригорокъ, осѣненный деревьями. Открывается вдали веселая окрестность, широкая рѣка; кругомъ зеленыя нивы; тамъ-и-сямъ мелькаютъ церковные купола нѣсколькихъ городовъ; за сценой трубы и звуки военной музыки.

Появляются Одоевскій *и прочіе* военачальники; *вслѣдъ за ними* Димитрій.

Одоевскій.

Лѣсъ окружить всѣмъ войскомъ, а покуда
Осмотримъ мы окрестности съ пригорка.

(*Нѣкоторые изъ приступающихъ уходятъ. Димитрій выступаетъ на авансцену.*)

Димитрій, (*осматриваясь кругомъ.*)

Га! Что за видъ!

Одоевскій.

Теперь ты предъ собою
Свое же царство видишь, государь!
Русь!..

Разинъ.

На межѣ поставленъ столбъ московскій;
А польскія владѣнья прекратились.

Димитрій.

Что жъ это Днѣпръ?

Одоевскій.

Нѣтъ, государь, Десна́:
Вонъ это — кремль въ Черниговѣ бѣлѣетъ.

Разинъ.

А дальше — вонъ сверкаютъ купола̀:
Самъ Новгородъ-то Сѣверскій.

Димитрій.

Прелестно!
Что за поляны!

Одоевскій.

Государь, весна!
Беременна роскошной жатвой нива.

Димитрій.

И взглядомъ не окинешь.

Разинъ.

Государь!
По правдѣ молвить, это вѣдь начатокъ
Руси. Идетъ она необозримо
Къ востоку и къ востоку, а на сѣверъ
Предѣлъ ей тамъ, гдѣ кончились предѣлы
Всему живому. — — — — — —
— — — — — — — — — —

Разинъ.

— — — — — Посмотри: нашъ царь
Задумался надъ чѣмъ-то.

Димитрій.

И вотъ эти
Поля, доселѣ мирные, я долженъ
Наслѣдовать оружіемъ, какъ врагъ.

Одоевскій.

Такъ, государь, и слѣдуетъ.

Димитрій.

Послушай:
Вѣдь ты Полякъ, а я Москвичь природный,
Вѣдь это все — все родина моя.
Прости меня, прости, земля родная!
Прости меня и ты, столбъ пограничный
Съ наслѣдственнымъ родительскимъ орломъ!
Простите, что съ оружіемъ враждебнымъ
Я въ мирный храмъ насильственно вхожу,
Чтобъ возвратить законное по праву
И достоянье отчее, и имя!
Здѣсь властвовало тридцать поколѣній
Моихъ родоначальниковъ-Варяговъ;
Но дубъ упалъ — осталась только отрасль,
Единственно въ моемъ лицѣ осталась
Неизреченной милостью Господней.
— — — — — — — — — —

ТРЕТІЙ ВЫХОДЪ.

Русское село. Церковный погостъ. Звучитъ набатъ.

Глѣбъ Илья *и* Тимошка *выходятъ на сцену; за поясами у нихъ топоры.*

Глѣбъ, (*выходя изъ избы.*)

Куда народъ?

Илья, (*выходя изъ другой избы.*)

Да кто въ набатъ ударилъ?

Тимошка.

Сосѣдушка, скорѣе всѣ на сходку!

Входитъ Олегъ *и* Игорь; *за ними толпа крестьянъ, бабъ и ребятишекъ съ пожитками.*

Глѣбъ.

Куда вы всѣ, бабьё и ребятёжь?

Игорь.

Бѣги скорѣй: подъ Муромомъ Поляки,
И бьютъ и рѣжутъ, кто не попадется.

Олегъ.

Бѣги, бѣги!.. Скорѣе!.. Въ городъ! въ городъ!
А ужь село со всѣхъ концовъ зажгли.
Всѣмъ міромъ снялись — прямо въ царскій станъ

Тимошка.

Ну, вонъ и тѣ!

Съ противуположной стороны выходитъ Ивашка *и* Петрушка; *за ними вооруженная толпа.*

Ивашка.

Да здравствуетъ на вѣки
Великій князь Димитрій!

Глѣбъ.

Это что?

Илья.

Ты что̀ такое?..

Тимошка.

Да ты кто̀-такой?

Петрушка.

А вотъ: кто только носитъ крестъ — за мною.

Тимошка.

Да что жь такое? Все село бѣжитъ
Отъ Поляковъ, а ты — вотъ та́къ и лѣзешь
Подъ лапу имъ? Аль ворогъ-то — не ворогъ?

Петрушка.

Какой онъ ворогъ?.. Онъ нашъ другъ, а хочетъ
Свое наслѣдье отобрать, по правдѣ...

Входитъ посадникъ и начинаетъ читать манифестъ Димитрія. Между поселянами замѣтно колебаніе и они дѣлятся на двѣ стороны. Поселянки первыя склоняются въ пользу Димитрія и даютъ перевѣсъ его партіи.

Станъ Димитрія. Онъ разбитъ въ первомъ сраженіи, но войско царя Бориса одержало побѣду какъ бы нехотя и не пользуется своимъ успѣхомъ. Димитрій, въ отчаяніи, хочетъ умертвить себя; Комля и Одоевскій съ трудомъ его отговариваютъ. Своевольные поступки казаковъ, даже противъ самаго Димитрія.

Царскій станъ. Самъ царь Борисъ находится въ отсутствіи, и это очень вредитъ царю, потому что его больше страшатся, чѣмъ любятъ. Войско сильно, но очень не надёжно. Воеводы несогласны между собою, и, по разнымъ причинамъ, держатъ сторону Димитрія. Одинъ, изъ воеводъ, Салтыковъ, объявляетъ себя сторонникомъ Димитрія, по убѣжденію. Его переходъ влечетъ за собою самыя важныя послѣдствія: большая частъ войска переходитъ къ Димитрію.

Борисъ въ Москвѣ. Онъ еще не утратилъ самодержавной своей власти и окруженъ вѣрными слугами; но постоянно огорченъ худыми вѣстями. Страхъ народнаго возстанія въ Москвѣ не дозволяетъ ему принять военачалія надъ войскомъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ онъ, какъ царь, стыдится вступить въ борьбу съ обманщикомъ. Сцены между имъ и патріархомъ.

---

*

Со всѣхъ сторонъ гонцы приносятъ печальныя вѣсти, и опасенія Бориса увеличиваются все болѣе и болѣе. Онъ слышитъ объ измѣнѣ крестьянъ и уѣздныхъ городовъ, о бездѣйствіи и мятежѣ войска, о народномъ волненіи въ Москвѣ, о приближеніи Димитрія. Романовъ, тяжело оскорбленный Борисомъ, прибылъ въ Москву. Его прибытіе возбуждаетъ новое опасеніе царя. Приходитъ вѣсть, что бояре перебѣгаютъ изъ стана къ Димитрію и что все войско передалось ему.

Борисъ и Ксенія. Царь растроганъ и какъ отецъ, и въ разговорѣ съ дочерью открываетъ всю свою душу.

Борисъ достигнулъ престола преступленіемъ, но всѣ обязанности самодержавнаго владыки безтрепетно взялъ себѣ на рамена и выполнялъ добросовѣстно!—Онъ безцѣнный повелитель страны и истинный отецъ народа. Только въ своихъ личныхъ отношеніяхъ онъ гнѣвенъ, мстителенъ и суровъ. По своему уму и положенію онъ выше всего, что его окружаетъ. Долговременная привычка къ верховной власти, умѣнье повелѣвать людьми и самодержавная форма правленія развили въ немъ гордость до того, что онъ не въ силахъ пережить своего величія. Онъ видитъ ясно, что его ожидаетъ, но онъ еще царь и никогда не дойдетъ до униженія, потому что рѣшился умереть.

Онъ вѣритъ въ примѣты, и, въ настоящемъ настроеніи его духа, ему кажутся важными такія бездѣлицы, которыми онъ пренебрегалъ нѣкогда. Случайныя обстоятельства принимаетъ онъ за предвѣщаніе судьбы, и оно заставляетъ его прибѣгнутъ къ рѣшительной мѣрѣ.

Незадолго до смерти, въ душѣ его происходитъ перемѣна: онъ кротко выслушиваетъ даже вѣстниковъ неудачи и стыдится преж-

нихъ порывовъ гнѣва. Онъ заставляетъ разказывать себѣ всё, до мельчайшихъ подробностей, мало того — награждаетъ разсказчика.

Получивъ вѣсть объ окончательной неудачѣ, онъ хладнокровно и самоотверженно рѣшается покончить съ собою: облекается въ иноческую одежду, и въ послѣднее мгновеніе удаляетъ отъ себя дочь. Въ стѣнахъ обители должна она найдти защиту отъ оскорбленій; сыну его Өеодору, какъ юношѣ, грозитъ меньшая можетъ быть опасность. Борисъ принимаетъ ядъ и удаляется въ уединенную горницу, чтобы умереть спокойно.

Общее смущеніе при вѣсти о смерти царя. Бояре составляютъ государскую думу и правятъ въ Кремлѣ. Романовъ (въ послѣдствіи царь и прародитель нынѣшняго императорскаго дома) является во главѣ вооруженнаго отряда передъ останками царя Бориса, присягаетъ сыну его Өеодору, и принуждаетъ бояръ послѣдовать его примѣру. Месть и честолюбіе не сродны его душѣ: онъ служитъ единой правдѣ. Ксенію любитъ онъ безнадежно и любимъ взаимно, не подозрѣвая этой любви.

Романовъ спѣшитъ къ войску, чтобы склонить его на сторону юнаго царя. Волненіе въ Москвѣ, произведенное приверженцами Димитрія. Народъ врывается въ боярскіе дома, овладѣваетъ особами Өеодора и Ксеніи, заключаетъ ихъ въ темницу и посылаетъ выборныхъ къ Димитрію.

Димитрій въ Тулѣ, на высотѣ своего благополучія. Войско ему присягнуло; ему подносятъ ключи отъ городовъ. Одна Москва, по видимому, противится. Димитрій ласковъ и любезенъ, съ благороднымъ сердечнымъ волненіемъ выслушиваетъ онъ вѣсть о

о смерти царя Бориса; прощаетъ обличеннымъ заговорщикамъ покушеніе на его жизнь; отклоняетъ отъ себя рабскія изъявленія покорности Русскихъ и выказываетъ намѣреніе уничтожить съ корнемъ низкопоклонничество. Напротивъ, окружающіе Димитрія Поляки обращаются съ Русскими сурово и презрительно. Димитрій изъявляетъ желаніе видѣться съ своею матерью и отправляетъ пословъ къ Мареѣ.

Посреди толпы Русскихъ, скопившихся въ Тулѣ около Димитрія, появляется человѣкъ, котораго царевичъ признаетъ сразу, и встрѣча съ которымъ въ высшей степени его обрадовала. Онъ удаляетъ отъ себя всѣхъ и, оставшись наединѣ съ этимъ человѣкомъ, приноситъ ему сердечную благодарность, какъ своему спасителю и благодѣтелю. Незнакомецъ объясняетъ, что Димитрій, безо всякаго сомнѣнія, очень обязанъ ему, и даже болѣе, чѣмъ самъ думаетъ. Димитрій вынуждаетъ его объясниться опредѣлительнѣе — и убійца законнаго царевича показываетъ всю правду. Онъ не получилъ награды за убійство, и могъ ожидать отъ Бориса только смерти. Пылая мщеніемъ, онъ увидалъ случайно одного отрока и былъ пораженъ его сходствомъ съ царемъ Иваномъ. Случая нельзя было опустить. Убійца усыновилъ мальчика, бѣжалъ съ нимъ изъ Углича, поручилъ своего пріемыша одному духовному лицу, принявшему участіе въ его предпріятіи и передалъ этому сообщнику драгоцѣнный крестъ, снятый имъ самимъ съ умерщвленнаго царевича. И вотъ теперь онъ отомстилъ своему врагу въ лицѣ этого отрока, котораго никогда не терялъ изъ виду и за которымъ слѣдилъ незамѣтно. Лжедимитрій, его орудіе, царитъ надъ Русью вмѣсто Бориса.

Во время этого разсказа въ душѣ Димитрія кипитъ борьба. Молчаніе его ужасно. Въ то самое мгновеніе, какъ онъ предается необузданному отчаянію, убійца выводитъ его изъ себя кичли-

вымъ и дерзкимъ требованіемъ награды. Димитрій закалываетъ его.

Монологъ Димитрія. Онъ борется съ властолюбіемъ, но сознаніе необходимости — объявить себя царемъ, превозмогаетъ.

Являются выборные отъ Москвы и подчиняютъ городъ власти Димитрія. Ихъ принимаютъ сурово и съ грозными предосторожностями. Между ними находится патріархъ. Димитрій слагаетъ съ него патріаршее званіе и вслѣдъ затѣмъ осуждаетъ на смертную казнь одного изъ знатныхъ Россіянъ, усомнившагося въ его неподложности.

Марѳа и Ольга ожидаютъ Димитрія въ роскошно убранной ставкѣ. Марѳа говоритъ о предстоящемъ свиданіи болѣе съ волненіемъ и боязнію, чѣмъ съ надеждою, и трепещетъ того мгновенія, которое сулитъ ей полное благополучіе; Ольга ее уговариваетъ, хотя и сама не вѣритъ своимъ словамъ. Во время долгаго пути онѣ успѣли обсудить всѣ обстоятельства, и восторженность уступила мѣсто раздумью. Суровое молчаніе и угрюмые взгляды стражей только увеличиваютъ сомнѣнія.

Гремятъ трубы. Марѳа въ нерѣшимости: идти ли ей на встрѣчу Димитрія, или нѣтъ? И вотъ онъ стоитъ предъ нею, одинъ. При первомъ взглядѣ на царевича, въ сердцѣ Марѳы угасаетъ послѣдняя искра надежды. *Что-то невѣдомое* стало между ними; природа не сказалась: они на вѣкъ чужды другъ другу. Въ первое мгновеніе была обоюдная попытка — кинуться другъ другу въ объятія; но Марѳа отшатнулась назадъ. Димитрій замѣтилъ ея движеніе — и пораженъ. Знаменательное молчаніе.

Димитрій.

И ничего не говоритъ тебѣ сердце? И не сказалась во мнѣ кровь твоя?

Марѳа (*молчитъ.*)

Димитрій.

Голосъ естества святъ и свободенъ: не изнасиловать его, не исказить. Забейся твое сердце при взглядѣ на меня — и мое отвѣтило бы, и палъ бы тебѣ на грудь покорный и любящій сынъ. Чему суждено — сбылось бы добро-склонно, любовно, искренно. Но ежели ты не чувствуешь, какъ мать, обдумай все, какъ великая княгиня, укрѣпи свой духъ, какъ царица. Меня судьба повергаетъ въ твои объятія нежданнымъ сыномъ — прими же меня на свое лоно, какъ даръ небесный. Если бы я не былъ твоимъ сыномъ какъ теперь, что же я отнимаю у твоего дитяти? Отнимаю я что нибудь — только у твоего врага. Тебя и кровь твою извлекъ я изъ бездны, гдѣ тебя заживо похоронили, — извлекъ и возвелъ на «царское мѣсто». Пойми, что твой жребій скованъ съ моимъ. Ты — высоко стоишь возлѣ меня, и упадешь со мной. Народъ не спускаетъ съ насъ глазъ. Ненавижу я скоморошества, облыжнымъ чувствомъ не кичуся, но передъ тобой благоговѣю и достойно преклоняю колѣна. (*Марѳа молчитъ; въ ней замѣтна сильная душевная тревога.*)

Димитрій.

Рѣшайся. Не стѣсняй своей воли, говори по душѣ. Я не требую ни лицемѣрія, ни лжи: требую истиннаго чувства. ***Полно тебѣ казаться моею матерью — будь ею.*** Откинь отъ себя прошлое, прилѣпись всѣмъ сердцемъ къ настоящему! Если я не сынъ твой — я царь. За меня — сила, за меня — счастіе ***Тотъ*** лежитъ въ гробу, тотъ — прахъ, и ничего болѣе: у него

нѣтъ сердца, чтобы любить тебя, нѣтъ взора, чтобъ привѣтствовать. Полюби того, кто живъ.

(*Марѳа плачетъ.*)

Димитрій.

О, эти слезы — золотая роса! Пусть ихъ падаютъ, пусть на нихъ смотритъ народъ!

(*Димитрій дѣлаетъ знакъ: пола шатра поднимается и толпы Русскихъ становятся зрителями этой сцены.*)

Въѣздъ Димитрія въ Москву. Торжество пышно, но лица окружающихъ царевича угрюмы. Поляки и козаки въ главѣ поѣзда. Какая-то мрачность и боязнь нарушаютъ общее веселіе. Такъ и вѣетъ недовѣріемъ и предчувствіемъ бѣды.

Романовъ прибылъ въ войско въ недобрый часъ: онъ опоздалъ, и возвратился въ Москву, чтобы защитить Ѳеодора и Ксенію. Попытки его напрасны; онъ становится узникомъ. Ксенія прибѣгаетъ подъ покровъ царицы Марѳы и бьетъ ей челомъ о защитѣ отъ Поляковъ. Здѣсь видитъ ее Димитрій и въ душѣ его вспыхиваетъ мгновенная, неодолимая страсть. Ксенія гнушается Димитрія.

Димитрій царь. Несетъ его вдаль грозная стихія, и онъ не можетъ противостать ей; его увлекаютъ страсти другихъ людей. Въ глубинѣ души своей онъ никому не довѣряетъ: у него нѣтъ ни друга, ни преданнаго сердца. Поляки и казаки вредятъ ему въ народномъ мнѣніи своею дерзостію. Даже то, что дѣлаетъ ему честь, то есть его любовь къ народу, простота обращенія, пренебреженіе къ стариннымъ льстивымъ обрядамъ и обычаямъ, даже и эти достоинства возбуждаютъ общій ропотъ. Иногда онъ необдуманно попираетъ ногами завѣтъ праотцевъ. Онъ преслѣдуетъ монаховъ, потому что долго вращался между ними. Бы-

ваютъ мгновенія, когда его гордость глубоко уязвлена, и тогда онъ становится причудливымъ деспотомъ. Одоевскій съумѣлъ сдѣлаться для него необходимымъ человѣкомъ, удалилъ отъ него Русскихъ и окончательно упрочилъ свое вліяніе.

Димитрій задумалъ измѣнить Маринѣ. Онъ разсуждаетъ объ этомъ съ патріархомъ Іовомъ, а тотъ, въ надеждѣ отстранить Поляковъ, одобряетъ его замыслы и представляетъ ему царскую власть во всемъ ея величіи.

Марина прибыла въ Москву съ многочисленною свитою. Свиданіе съ Димитріемъ. Съ обѣихъ сторонъ коварство и холодность: но Марина лучше умѣетъ носить личину. Она торопитъ бракосочетаніемъ. Приготовленія къ пышному празднеству.

По приказанію Марины, Ксеніи подносятъ отравленный кубокъ. Смерть отрадна для молодой царевны: она боялась, что Димитрій поведетъ ее къ алтарю.

Неутолимая печаль Димитрія. Съ растерзаннымъ сердцемъ онъ становится подъ вѣнецъ съ Мариною.

Послѣ вѣнца, Марина открываетъ своему супругу, что она никогда не считала и не признавала его за истиннаго Димитрія, и оставляетъ его въ самомъ безпомощномъ, въ самомъ ужасномъ положеніи.

Между тѣмъ одинъ изъ воеводъ царя Бориса, Шуйскій *)

---

*) У Шиллера ***Шинской*** (Schinosky).

Прим. переводчика.

пользуется возрастающимъ негодованіемъ народа и составляетъ заговоръ противъ Димитрія.

Романовъ, въ темницѣ, утѣшенъ неземнымъ видѣніемъ: ему является душа Ксеніи, заставляетъ его прозрѣть въ будущія счастливыя времена, повелѣваетъ ему спокойно дожидаться своего жребія и не обагрять своихъ рукъ въ крови. Въ словахъ призрака слышенъ намекъ, что Романовъ самъ нѣкогда взойдетъ на престолъ. Вскорѣ затѣмъ его приглашаютъ сдѣлаться участникомъ въ заговорѣ.

Салтыковъ горько упрекалъ себя, что измѣнилъ отчизнѣ, ради Димитрія; но не хочетъ быть вторично измѣнникомъ и невольно держится прежней партіи. Бѣда уже стряслась надъ головами: по крайней мѣрѣ, нужно отвратить ее хоть сколько нибудь, нужно ослабить власть Поляковъ. За свою попытку Салтыковъ платится жизнію, но считаетъ смерть заслуженною карою, и, умирая, самъ сознается въ этомъ Димитрію.

Казиміръ, братъ молодой польки Лодойской, тайно и безнадежно любившей Димитрія, въ дому Сендомирскаго воеводы, сопровождалъ Лжецаревича во всѣхъ походахъ и, по просьбѣ своей сестры, не одинъ разъ мужественно защищалъ его. Въ минуту величайшей опасности, когда всѣ приверженцы оставили Димитрія, Казиміръ остался ему вѣрнымъ и сложилъ за него голову.

Заговоръ обнаруживается. Димитрій у царицы Мароы; мятежники врываются въ ея покои. На мгновеніе величавый видъ и смѣлость Димитрія производятъ впечатлѣніе на заговорщиковъ. Онъ едва не обезоруживаетъ ихъ обѣщаніемъ — предать имъ въ жертву Поляковъ. Но вотъ появляется Шуйскій въ челѣ по-

вой разъяренной толпы. Они настоятельно требуютъ отъ царицы крестной присяги, что Димитрій ея сынъ. Царица не въ силахъ клятвопреступно измѣнить своей совѣсти: молча отворачивается она отъ Димитрія и хочетъ выйдти—«Она молчитъ!» вскрикиваетъ шумная толпа. — «Она отрекается отъ него! Умри же, обманщикъ!» И заколотый Димитрій падаетъ къ ногамъ Мароы.

ЛАГЕРЬ ВАЛЛЕНШТЕЙНА

ДРАМАТИЧЕСКОЕ СТИХОТВОРЕНІЕ

ШИЛЛЕРА.

ДѢЙСТВУЮЩІЯ ЛИЦА:

Вахмистръ, } изъ карабинернаго полка Терцкаго.
Трубачъ, }

Констабль.

Стрѣлки.

Два конные егеря Голька.

Драгуны Буттлера.

Пищальники изъ полька Тиффенбаха.

Кирасиръ валлонскаго полка.

Кирасиръ ломбардскаго полка.

Кроаты.

Уланы.

Рекрутъ.

Горожанинъ.

Крестьянинъ.

Парень, его сынъ.

Капуцинъ.

Учитель солдатской школы.

Маркитантка.

Служанка.

Солдатёнки.

Гобоисты.

Дѣйствіе—передъ городомъ Пильзеномъ, въ Богеміи.

ПРОЛОГЪ.

Произнесенъ при возобновленіи и открытіи Веймарнскаго театра, въ октябрѣ 1798 года.

Шутливой маски важная игра,
Къ которой мы и взоръ и слухъ и сердце
Такъ часто и охотно преклоняли,
Вновь въ этомъ залѣ насъ соединяетъ...
И вотъ — старинный залъ помолодѣлъ:
Его во храмъ искусство превратило,
И слышится намъ голосъ благозвучный
За благородной этой колоннадой, —
И вновь въ душѣ—торжественныя чувства.
А между тѣмъ не разъ помостъ старинный
Былъ колыбелью юношескихъ силъ
И поприщемъ возросшаго таланта,
Мы тѣ-же все, которые когда-то
Такъ ревностно предъ вами развивались.
На этомъ мѣстѣ пламенный художникъ
Переносилъ васъ творчествомъ своимъ
Въ обитель лучезарную искусства.

О, если-бы величье новой сцены
Достойнѣйшихъ въ среду насъ привлекло,
И столько лѣтъ лелѣянной надежды
Исполнилась завѣтная мечта!
Въ душѣ высокой образецъ высокій
Соревнованье долженъ пробудить
И творчеству дать высшіе законы.
Да будетъ-же возникшій вновь театръ
Свидѣтелемъ созрѣвшаго таланта!
И гдѣ же можно испытать такъ силы,
Помолодить маститый обликъ славы,
Какъ не предъ кругомъ зрителей избранны́мъ?
На первый-же волшебный зовъ искусства,
Они летучей мыслію и чувствомъ
Уловятъ образъ мимолетный духа.

Да! скоро и безслѣдно передъ мыслью
Скользитъ искусство пламенное мима
А образцы рѣзца и пѣснь поэта
Тысячелѣтья могутъ пережить.
Да! обоянье гибнетъ вмѣстѣ съ мимомъ
И замираетъ отдаленнымъ звукомъ,
И вѣковѣчной славы за собою—
Мгновенное созданье — не оставитъ.
Искусство мима строго, но потомство
Не дл[illegible] него сплететъ вѣнокъ лавровый:
За тѣ[illegible]ь скупится настоящимъ
И жа[illegible]дымъ мигомъ до[illegible]житъ,
Чтобъ [illegible]жечь, въ сіяніи и блескѣ,
Сердца людей достойнѣйшихъ и лучшихъ,
Себѣ поставить памятникъ при жизни,
И слить безсмертье съ именемъ своимъ:

Кто лучшимъ современникамъ приноситъ
Благую пользу — не умретъ во вѣки.

Теперь, когда для Таліи настала
На этой сценѣ новая эпоха,
Становится смѣлѣе стихотворецъ:
Онъ покидаетъ наторённый путь —
И васъ, за тѣсный кругъ мѣщанской жизни,
Выводитъ на позорище иное,
Достойное великаго момента
Намъ современной и тревожной жизни.
Великаго: потрясть основы міра
Могли одни великія событья.
Какъ тѣсный кругъ тѣснитъ мысль человѣка,
Такъ эта-жъ мысль ростетъ съ высокой цѣлью.
Такъ и теперь, на самомъ склонѣ вѣка,
Когда вся жизнь—поэзія, когда
Кипитъ борьба межъ ярыми бойцами,
И все стремится къ неуклонной цѣли,
И подняты великіе вопросы
О власти самобытной и свободѣ, —
Такъ и теперь, подъ сѣнію театра,
Искусство выше воспарить должно,
Не устыдясь житейской сцены всуе.
Мы видимъ — распадается во-прахъ
Та старая, устойчивая форма,
Что, полтораста лѣтъ тому, Европѣ
Миръ благодатный далъ, — та форма,
Безцѣнный плодъ войны тридцатилѣтней.
Но васъ опять фантазія поэта
Въ ту мрачную эпоху переноситъ —

И веселѣй глядѣть на наше время,
И свѣтитъ мнѣ надежды лучь въ грядущемъ.

Война въ разгарѣ. Въ самый пылъ васъ вводитъ
Пѣвецъ. Шестьнадцать лѣтъ опустошенья,
Разбоя и невзгоды пронеслися;
Міръ все еще бурливой массой бродитъ, —
И не блеститъ надежды лучъ вдали;
Все царство обратилось въ поле битвы;
Всѣ города и села запустѣли;
Лёгъ грудой щебня Магдебургъ; торговля,
Промышленность — о нихъ нѣтъ и помину;
Вездѣ и всё — солдатъ, а горожанинъ —
Ничто; и безнаказанная наглость
Надъ правами безстыдно поругалась;
И шайки, одичалыя въ войнѣ,
Разбили станъ въ странѣ опустошённой.

На этомъ мрачномъ и кровавомъ полѣ
Выходитъ ярко горделивый образъ —
Съ неукротимымъ нравомъ человѣкъ.
Вы знаете творца отважныхъ шаекъ,
Кумира ихъ, бича страны, опору
Для цесаря, страшилище его
И перваго любимца — полководца.
Онъ счастья баловень, достигнулъ быстро
Всѣхъ почестей, но все стремился дальше —
И палъ безумной жертвой честолюбья.
Духъ партіи, благосклонность и вражда,
Какъ историческій характеръ, намъ не ясно
Представили его: теперь искусство
Должно его приблизить къ вашимъ взорамъ —

И къ сердцу. Находя всему предѣлы
И связь, искусство все наружное опять
Приводитъ въ первый прирожденный образъ:
Оно слѣдитъ за человѣкомъ въ жизни
И многія вины его относитъ
Къ вліянію несчастливыхъ созвѣздій.

Не онъ сегодня появиться долженъ
На сценѣ. Но средь шаекъ удалыхъ,
Ему покорныхъ, имъ одушевленныхъ,
Предстанетъ передъ вами тѣнь его,
Покамѣстъ муза робкая рѣшится
Облечь его въ живую плоть и тѣло:
За тѣмъ, что власть ему прельстила сердце,
А *лагерь* будетъ только обличитель
Его высокомѣрнаго проступка.

Простите-же поэту, если онъ
Не поведетъ теперь васъ прямо къ цѣли,
А развернуть посмѣетъ передъ вами
Лишь рядъ картинъ великаго событья.
Пусть это представленіе успѣшно
Преклонитъ слухъ вашъ къ необычнымъ звукамъ.
Со временемъ я скоро васъ опять
На дикую, воинственную сцену,
На мѣсто дѣйствій нашего героя
Перенесу.

Но если-бы сегодня
Богиня пѣнія и пляски, муза,
По старому германскому закону,
Потребовала риѳмы — ничего!

Благодаря ей, мрачный обликъ правды
Въ обители искусства озарёнъ
И измѣнился, но подлогъ невинный
Исчезнетъ самъ собою, а сіянье
Горитъ затѣмъ, что не горѣть не можетъ:
Жизнь сумрачна, но свѣтъ искусства ясенъ.

ЯВЛЕНІЕ I.

Маркитантская палатка и передъ ней мелочная и ветошная лавочки. У входа тѣснятся солдаты разныхъ мундировъ и знаменъ; всѣ столы заняты. Кроаты и уланы что-то варятъ на жаровнѣ. Маркитантка наливаетъ вино. Солдатенки играютъ въ кости на барабанѣ, въ палаткѣ слышны пѣсни.

Крестьянинъ *и его* Сынъ.

Парень.

Батька, смотри не — случилось бы худа:
Видишь — ихъ сколько! — Уйдти бы отсюда.
Къ этимъ ходить неповадно и въ гости:
Какъ бы они не помяли намъ кости!

Крестьянинъ.

О, ничего! Не съѣдятъ. А солдату
Надо-жь гульнуть на наемную плату.
Видишь-ли, всё собралисъ новички —
Прямо съ Заалы, да съ Майны полки:
Чай понаграбили вдоволь, злодѣи!
Только бы дѣло повесть по-умнѣе,
Всё будетъ наше. Парнюга, смотри —
Съ этимъ народомъ хитри, да хитри!

Ротный — зарѣзали бѣднаго черти —
Пару костей подарилъ мнѣ при смерти:
Ну, ужь и кости! — какъ хочешь ихъ кинь,
Деньги бери со стола — и аминь! —
Знаешь, прикинуться, парень, намъ надо:
А ужь какое солдатикъ нашъ чадо —
Дѣло извѣстное: только польсти—
И, какъ угодно, его оплети.
Пусть нашу брагу онъ цѣдитъ ковшами,
Всю перечерпаемъ ложками сами;
Пусть онъ и рубитъ, и колетъ съ плеча —
Хитрость крестьянину вмѣсто меча.

(*Въ палаткѣ пѣсни и хохотъ.*)

Экъ разшумѣлися! — видно въ охотку!
Если бъ попались — заткнулъ бы имъ глотку.
Тѣшатся съ нашего все-же добра.
Не сбережешь ни кола, ни двора:
Какъ побываютъ любезные гости,
Въ цѣломъ селѣ не найдешь ни пера —
Хоть голодай, хоть гложи себѣ кости.
И при Саксонцѣ — нельзя не сказать —
Было не лише, — а эти-то псарни
Надо имперскими, вишь, величать...

Парень.

Батька! вотъ двое идутъ изъ поварни:
Кажется, съ этихъ ужь нечего взять?

Крестьянинъ.

Ничего! Это, голубчикъ, не Нѣмцы, —
Просто и на просто, видишь, — Богемцы,
Карабинеры у Терцкаго... Ой!

Вотъ — такъ на славу пришли на постой!
Вотъ—такъ ужь сказано: дикіе звѣри
Сѣли — себѣ на теплѣ и квартерѣ,
Да ужь и рюмка-то станетъ коломъ,
Ежели выпить пришлось съ мужикомъ,
Къ чорту ихъ!... Сказано: всѣ однопольцы,
Стало-быть, всѣ — и стрѣлки и Тирольцы.
Вѣрно, хоть руку себѣ отрубить,
Эдакихъ намъ-бы добыть—да добыть:
Пташки веселыя, ну, и ботливы, —
Благо имъ много добра и поживы.

(***Входятъ въ палатку.***)

ЯВЛЕНІЕ II.

Прежніе. Вахмистръ, Трубачъ, Уланъ.

Трубачъ.

Что тебѣ, сволочь? Проваливай что ль!

Крестьянинъ.

Воинъ честной, молвить слово дозволь.
Крошки не съѣлъ я — вотъ цѣлыя сутки.

Трубачъ.

Да, вамъ-бы только что пичкать желудки.

Уланъ (*со стаканомъ.*)

Ну, коль не завтракалъ, вотъ тебѣ, пёсъ!

(***Ведетъ крестьянина въ палатку; прочіе выходятъ на авансцену.***)

Вахмистръ.

Слушай-ка, братецъ! такой тебѣ спросъ:
Думаешь ка́къ ты, что даромъ *двойное*
Выдали намъ на харчи и хмѣльное?

Трубачъ.

Выдадутъ даромъ! Не даромъ, когда,
Ѣдетъ сама Герцогиня сюда
Вмѣстѣ съ сіятельной дочкой...

Вахмистръ.

Едва-ли!
Сказки-то эти мы сами слыхали:
Тутъ Герцогиня твоя ни при чемъ.
Тутъ не ее, а вотъ пришлыя войска
Надобно намъ приголубить по свойски —
Добрымъ глоткомъ, да хорошимъ кускомъ —
Чтобы не только остались друзьями,
А побрата̀лися на̀-крѣпко съ нами.

Трубачъ.

Да... Знать — идти на другія квартиры...

Вахмистръ.

Все генералы вѣдь, все командиры...

Трубачъ.

Да... Ну, опаснаго очень-то нѣтъ?

Вахмистръ.

Нѣту: послалъ Богъ любовь и совѣтъ.

Трубачъ.

Что же слетѣлись-то? Али для смѣны?

Вахмистръ

Шепчутся... Видно: въ чесоткѣ языкъ...,

Трубачъ.

Развѣ!

Вахмистръ.

А этотъ-то старый изъ Вѣны?
Видно по волосу, что̀ за парикъ!
Коль на груди золотая цѣпочка,
Значитъ — не даромъ, голубчикъ!... и точка.

Трубачъ.

Правда! охотиться, норовятъ,
Вотъ и послали такую ищейку,
Что хоть и Герцога выслѣдитъ, братъ!

Вахмистръ.

Выслѣдитъ, если узнаетъ лазейку...
Намъ-то нѣтъ вѣры; Фриндландецъ-то имъ
Кажется только не чортомъ самимъ —
Выросъ — такъ видишь-ли: дай опрокинемъ!

Трубачъ.

Какъ-же! А мы его нешто покинемъ?
Нешто не всѣ мы ему не рука?

Вахмистръ.

Полкъ нашъ, и прочихъ четыре полка
Терцкій управитъ — онъ Герцогу шуринъ,
Ну и полки — ни который ни дуренъ;
Да подъ каждымъ мундиромъ сердца
Бьются за Герцога, что за отца:
Только-бы выбралъ, да далъ бы намъ ходу, —
Всѣ за него, и въ огонь и въ воду!

ЯВЛЕНІЕ III.

Кроатъ *съ ожерельемъ, за нимъ* Стрѣлокъ. Прежніе.

Стрѣлокъ.

Гдѣ ожерѣлье подтибрилъ, Кроатъ??
Вотъ–такъ находка! Послушай-ка, братъ,
Развѣ съ тобой помѣняться мнѣ что ли?
Хочешь, возьми за него терцероли...

Кроатъ.

Нѣтъ, братъ, надуешь.

Стрѣлокъ.

Хитри — ты, хитри!
Мало? Такъ трону тебя я за струнку:
Вотъ — посмотри–ка колпакъ-то какой?
Синій, дворянскій достался въ фортунку.

Кроатъ (*играетъ ожерельемъ на солнцѣ.*)

Ну, да и мой-то товаръ не простой:
Купимъ, такъ будемъ съ тобою богаты:
Это вѣдь жемчугъ, а это гранаты —
И настоящія: видишь ли — какъ
Блещутъ на солнцѣ?

Стрѣлокъ (*берётъ ожерелье.*)

Ты — просто дуракъ!
Вотъ тебѣ только ужь такъ, для подарку,
Дамъ я, пожалуй, походную чарку:
(*Глядитъ на ожерелье.*)
Такъ-только—будто игра не дурна...

Трубачъ.

Правда, что дѣло мое — сторона,
А надуваетъ, голубчикъ. Кроата...
Чуръ — пополамъ, такъ пожалуй, смолчу.

Кроатъ (*надѣвъ колпакъ.*)

Точно: колпакъ твой съ дворянчика-хвата —
Я потому и купить-то хочу.

Стрѣлокъ (*киваетъ трубачу.*)

Стало быть, мы помѣнялись съ тобою —
Будьте свидѣтельми всѣ, господа!

ЯВЛЕНІЕ IV.

Прежніе. Констабль.

Констабль (*подходитъ къ вахмистру.*)

Какъ поживается карабинерамъ?
Долго-ли эдакимъ, братцы, манеромъ
Около печекъ-то руки намъ грѣть?
Вѣдь непріятелю скучно сидѣть!

Вахмистръ.

Скучно? Зудятъ у него, видно, ноги;
Только, голубчикъ, не сыщетъ дороги.

Констабль.

Мнѣ — такъ на вѣрное не сыскать!
А вотъ на мѣстѣ пришлося узнать,
Что Регенсбургъ удалося имъ взять.

Трубачъ.

Что-же, что взяли! Назадъ мы отнимемъ.

Вахмистръ.

Да и съ Баварцемъ умкомъ пораскинемъ,
Какъ онъ на Князя не злись! Ничего!

Констабль.

Будто-бы? Знать — не слыхали всего.

ЯВЛЕНІЕ V.

Прежніе. Двое егерей, *потомъ* Маркитантка, солдатёнки, школьный учитель, служанка.

Первый егерь.

Вотъ-такъ компанія! Вотъ удалая!

Трубачъ.

Что за плащи?... знать — не сволочь какая?

Вахмистръ.

Гольковцы: слово ты молвилъ не зря —
Всѣ на подборъ, какъ одинъ, егеря.

Маркитантка (*входитъ и приноситъ вино.*)

Здравствуйте! Съ праздникомъ!

Первый егерь.

Вотъ-такъ находка:
Изъ Близевица попалась красотка!

Маркитантка.

Прямо оттуда... Здорово мусьё,

Петеръ въ двѣ сажени, изъ Ицеӣо!
Какъ ты, припомни-ка, чуть не сорочку
Пропилъ въ Глюкштадтѣ, въ веселую ночку,
Съ нашимъ полкомъ?..

ПЕРВЫЙ ЕГЕРЬ.

Видно знаетъ сноровку —
Какъ на перо мы мѣняемъ винтовку?

МАРКИТАНТКА.

Охъ! вѣдь мы изъ-стари съ нимъ знакомы.

ПЕРВЫЙ ЕГЕРЬ.

Вотъ и сошлися въ Богеміи мы.

МАРКИТАНТКА.

Точно въ Богеміи нонче сошлися,
Только вотъ завтра-то гдѣ, шуринокъ,
Гдѣ-бы сойдтися? Война, что потокъ:
Мчитъ тебя вдаль, и, какъ знаешь, держися...

ПЕРВЫЙ ЕГЕРЬ.

Вѣрю: понятно само по себѣ.

МАРКИТАНТКА.

Вѣришь? — Такъ слушай — скажу я тебѣ:
Отъ Тамесвара пришла я съ обозомъ.
Тамъ мы травили Мансфельдера... Да,
Такъ-то травили, что просто бѣда!
Ну, не повѣрила я и угрозамъ:
Вмѣстѣ съ Фридландцемъ я въ Штральзундъ пошла —
И обобрали голубку до тла!
Въ Мантуѣ вмѣстѣ съ резервомъ жила
И воротилася, съ Феріей рядомъ,
Вмѣстѣ съ помощнымъ испанскимъ отрядомъ.

Вотъ и пришла маркитанткой я въ Гентъ,
А изъ него въ эти страны: быть можетъ,
Здѣсь получу за долги хоть процентъ,
Ежели добрый нашъ Герцогъ поможетъ.
Вишь, маркитантскую ставку разбила...

Первый егерь.

Такъ-то все такъ! Что тужить о грошѣ!
Ты — вотъ мнѣ лучше скажи по душѣ —
Гдѣ твой Шотландецъ?

Маркитантка.

А ну его къ чорту!
Просто мошенникъ перваго сорту.

Солдатёнокъ (*вбѣгаетъ въ припрыжку.*)

Мама! да ты про кого-такъ? Про тятю?

Первый егерь.

Ну, этихъ Цесарь кормить не усталъ:
Войско ему годъ отъ года нужнѣе

Школьный учитель (*входитъ.*)

Эй, ребятишки! маршъ въ школу скорѣе!

Первый егерь.

Тоже вѣдь знаютъ, что тѣсенъ ихъ классъ.

Служанка (*входитъ.*)

Тетушка, гости уходятъ.

Маркитантка.

Сейчасъ

Первый егерь.

Это какая — такая плутовка?

Маркитантка.

Это — племянница.

Первый егерь.

Ай-да головка!

Будь я ей дядей?!...

Второй егерь, (*удерживая дѣвушку.*)

Куда ты? Аль тутъ

Скучно?

Служанка.

Не скучно, да гости-то ждутъ.

(*Вывернулась и ушла.*)

Первый егерь.

Да!... На охотника эта красотка!
Только-бъ поспорила прежде съ ней тетка...
Всѣ передрались въ полку за нее.
Ну, не такое и было житье:
Нонѣче развѣ на прежде похоже?
Нонѣче развѣ, какъ прежде, все тоже?
Право—не то: да и дни-то летятъ —
Хочешь — лови, а поймаешь наврядъ!

(*Вахмистру и трубачу.*)

Аль, на здоровье вамъ, вспрыснуть сердечко?
Только дадите-ль намъ, грѣшнымъ, мѣстечко?

ЯВЛЕНІЕ VI.

Егеря, Вахмистръ, Трубачъ.

Вахмистръ.

Милости просимъ! Садитесь сюда.

Ждали въ Богемію васъ, господа,
Мы ужь давненько...

Первый егерь.

Да вамъ ничего!
Вы-бы спросили: вотъ намъ каково?

Трубачъ.

Вамъ-то?... Да щеголей эдакихъ мало!

Вахмистръ.

Точно, что съ Мейссена, да и съ Заалы —
Вѣсти, покуда, худыя про васъ.

Второй егерь.

Полноте! Лучше послушайте насъ:
Мы передъ Богомъ и правы, и святы;
Если шалилъ кто, такъ развѣ Кроаты.

Трубачъ.

Ой! воротникъ-то у васъ въ кружевахъ,
Да и франтите вы въ знатныхъ штанахъ!
Ну и бѣлье, и перо на беретѣ —
Все это стоитъ вѣдь денегъ на свѣтѣ:
Буршъ будетъ радъ, коли такъ наряди,
А ужь на насъ, горемыкъ, не гляди. [1]

Вахмистръ.

Тряпки-то! Бабамъ ихъ развѣ? А съ нами
Честь и почетъ, и Фридландское знамя.

Первый егерь.

Что-жь ты Фридландцемъ-то тычешь насъ зря?
Будто-бы мы не его егеря́!

Вахмистръ.

Точно: и вы въ косякѣ замѣшались.

Первый егерь.

Мы-то?... А вы-то что больно зазнались?
Разница только въ мундирахъ — такъ стой:
Въ свой я, пожалуй, уйду съ головой.

Вахмистръ.

Вы, господинъ егерь, въ дѣло не вникли:
Вы къ деревенщинѣ только привыкли, —
Ну, а манеры хорошія, тонъ —
Ихъ надо видѣть въ персонѣ-персонъ,
То есть, въ фельдмаршалѣ!

Первый егерь.

Экая штука!
Вотъ ужь наука, такъ — наука:
Плюнетъ онъ что-ли, аль высморкнетъ носъ,
Вы за нимъ тоже... Да вотъ вѣдь вопросъ:
Умъ-то его, глубину его взгляда
Вынесъ-ли кто за собой съ вахтпарада?

Второй егерь.

Чортъ побери! Поспросили-бъ объ насъ,
Такъ и узнали-бы правду какъ разъ —
Скажутъ всѣ въ голосъ вамъ: «*у самого-то*
Вотъ-такъ охотники, вотъ-такъ охота!»
Вражье-ли поле, аль нивы друзей —
Слышны повсюду рога егерей!
Мигъ—мы вотъ здѣсь, а другой—нѣтъ и слѣду;
Дальше ищите, гдѣ трубятъ побѣду...
Какъ-бы сказать-то?... Да вотъ-какъ, точь въ точь,
Пламя обхватитъ деревню въ полно̀чь;
Спятъ сторожа; суматоха; задаромъ
Мечется сонный, испуганный людъ:

Гдѣ ему сладить съ лукавымъ пожаромъ!
Такъ-то и мы: жжемъ и тамъ, да и тутъ —
Пламенемъ вспыхнемъ, потопомъ нахлынемъ,
Сзади насъ нѣтъ ни кола, ни двора:
Все истребимъ, разоримъ, опрокинемъ,
А потому, что такая пора,
Дѣло военное — пахнетъ добычей.
Тутъ не до жалости, не до приличій:
Каждая дѣвушка — наша сестра,
Ну и бра́тались... бывала пора!...
Не въ похвальбу... а вы то̀ разумѣйте:
Если въ Вестфаліи, или въ Байрейтѣ,
Или въ Фойхтландѣ распросите вы:
Знаете Го̀льковцевъ? Что? Каковы?
Лѣтъ черезъ триста — а меньше нисколько —
Можетъ, забудутъ про насъ и про Голька!

Вахмистръ.

Вотъ — оно что̀! Вамъ бы въ рыло, да въ усъ,
Да на разводѣ прикрикнуть въ придачу, —
Вы ужь того... разрѣшили задачу:
Можетъ солдатомъ быть даже хоть трусъ,
А что до смѣтки, приглядки, привѣсу —
Нѣтъ вамъ и дѣла!...

Первый егерь.

Да — ну тебя къ бѣсу!
Что̀ ты поёшь мнѣ! По моему, братъ,
Всякая школа — прямая докука,
Воля — кормилица, мать и наука:
Ежели воленъ, такъ вотъ и солдатъ!
Нѐшто за тѣмъ я со школьной-то лавки
Къ вамъ убѣжалъ, чтобъ, какъ мальчикъ, опять

Прѣть надъ указкой, читать и писать,
Въ душной коморкѣ, да въ каторжной давкѣ?
Нѣтъ, извините! Я воли хочу:
Я, на просторѣ, какъ вѣтеръ лечу
Встрѣчу всего, что и свѣже, и ново,
Въ чемъ я заслышалъ законное слово!...
Продалъ я цесарю шкуру за тѣмъ,
Чтобъ не тревожиться мнѣ ужь ни чѣмъ,
Ни въ настоящемъ, ни въ будущемъ. Скажетъ
Старшій мнѣ слово — истлѣю въ огнѣ,
Кинуся въ бродъ, хоть бы въ Рейнъ по веснѣ,
Тамъ, гдѣ не трое, такъ третій ужь ляжетъ,
Словомъ: и бровью наврядъ шевельну, —
Ну, а конецъ, — не взыщите: гульну!

Вахмистръ.

Ну, если только и надобно вамъ,
Милости просимъ подъ крылышко къ намъ.

Первый егерь.

Вотъ живодерство-то видѣли тоже
Мы при Густавѣ, при Шведѣ... Ахъ, Боже!
Въ пустынь свой станъ обратилъ—почитай:
Съ первой зорею—вставай и читай:
А загуляешь—сейчасъ и нагрянетъ, —
Съ клячи читать поученіе станетъ.

Вахмистръ.

Богобоязненный былъ молодецъ!

Первый егерь.

Дѣвушка въ лагерѣ — истое чудо,
А заманилъ, такъ веди подъ вѣнецъ...
Вижу я: плохо!... и драла оттуда!

Вахмистръ.

Нынче тамъ иначе все, говорятъ?

Первый егерь.

Вотъ и махнулъ я къ Лигистамъ-то, братъ!
Только-что—только подъ Магдебургъ сбились,
Тамъ ужь иная статья подошла,
И покутили мы, повеселились:
Пьешь, да играешь — была не была!
А ненаглядныхъ-то — цѣлое стадо...
Лихо жилося — убей меня Богъ!
Тилли смекалъ, какъ командовать надо:
Самъ-то къ себѣ ужь куда онъ былъ строгъ,
А для солдата съ нимъ льгота прямая...
Только его сундуковъ не замай,
А у него поговорка такая:
«Самъ поживай, и другимъ жить давай!»
Эхъ! сорвалося у насъ, ускользнуло
Прежнее счастье, что рыба съ крючка!
Съ самаго Лейпцига намъ не рука,
Сунешься — глядь: на рожонъ и наткнуло.
Гдѣ ни покажешься, гдѣ ни стучишь—
Заперто, братецъ, и подъ носъ-те шишъ!
Шлялись мы шлялись такъ съ мѣста на мѣсто,
Нѣтъ намъ почета нигдѣ и никакъ...
Я поскорѣе съ такого насѣста
Прямо къ Саксонцамъ — и деньги въ кулакъ.

Вахмистръ.

Мм!... разумѣется: васъ раздразнили
Чешской добычей.

Первый егерь.

Дери ихъ горой!

Просто — пришли на казенный постой...
Насъ дисциплиной въ конецъ заморили:
За̀мки имперскіе, вишь, карауль,
Честь отдавай, снаряжайся въ патруль...
А на войну, какъ на шутку, бывало,
Смотришь... и сердце-то къ ней не лежало...
Думаешь: право, не лестно и бить —
Гдѣ ужь тутъ чести воинской добыть?
Я — вѣдь, пожалуй, безъ шума-огласки,
Въ школу свою, за перо и указки,
Мигомъ опять-бы вернулся... Да вотъ
Вашъ-то Фридландецъ подъ знамя зоветъ...

Вахмистръ.

Ну, и пробудете съ нами вы долго?

Первый егерь.

Шутите что-ли?... Не знаю я долга?
Вотъ вамъ: покуда начальникомъ онъ,
Не убѣгу я изъ лагеря вонъ...
А потому, что вѣдь нашему брату
Негдѣ такую добыть себѣ плату.
Да и опять-же: здѣсь пахнетъ войной;
Здѣсь у васъ все на широкій покрой;
Всѣ за одно; всѣ — что вихорь, да вьюга:
Рейтеръ послѣдній — и тотъ головой
Ляжетъ тотчасъ за товарища-друга...
Какъ-же, подумайте, къ вамъ не пристать?
Знаю, какой вы почтенный народецъ!
Знаю, что съ вами начну помыкать
Цѣлымъ мѣщанствомъ, какъ нашъ полководецъ
Герцогствомъ, или тамъ княжествомъ что-ль?
Стало-быть, съ вами: что хочешь — изволь,

Лишь-бы палашъ-то побрякивалъ съ бока...
Правда: дождешься, пожалуй, попрека.
Да вѣдь за что-же?... Особая рѣчь:
Слову начальника ты не перечь;
Что-жь не бывало въ полку запрещёно
Значитъ — дозволено... во̀ время о́но...
А ужь про то̀ и не спроситъ никто:
Вѣришь-ли ты? почему? и во что?
Служба гласитъ намъ простыми словами:
«Это вотъ — наше, а это вотъ — нѣтъ!
Вѣрь въ нихъ, да вѣрь въ полководца и въ знамя.

Вахмистръ.

Ай, молодецъ! Что ни слово — привѣтъ:
Словно родился и росъ между нами.

Первый егерь.

Точно: *онъ* началъ командовать вамъ
Не по имперскому, не по чинамъ ..
Нешто онъ Цесарю служитъ изъ службы?
Развѣ-что-развѣ пожалуй, изъ дружбы...
И удружилъ-же! Смотри-ка какой
Цѣлой державѣ сулитъ онъ покой!
Чѣмъ оградилъ ее? Чѣмъ успокоилъ?
Царство военное въ царствѣ устроилъ.
Жжетъ да громитъ, ну, и вся не долга́;
Станетъ на верхъ, коль не дрогнетъ нога.

Трубачъ.

Тише! Мы рѣчи такой не выносимъ.

Первый егерь.

Вы не выносите? Милости просимъ!
«Слово свободно!» — *онъ* самъ намъ сказалъ.

Вахмистръ.

Точно: не разъ говорилъ Генералъ:
«Слово свободно и дѣлу закрѣпа;
Дѣло безъ словъ; послушаніе слѣпо.»
Такъ онъ говаривалъ намъ за-всегда.

Первый егерь.

Онъ-ли, не *онъ*-ли, а точно—что: да!

Второй егерь.

Да!... Къ нему счастье не станетъ спиною:
Онъ — не другой кто; иного покрою...
Тилли — вонъ пережилъ славу свою,
А за Фридландцемъ и горя мнѣ мало.
Ежели онъ полководецъ мой, стало —
Будетъ побѣда — на томъ и стою.
Приколдовалъ къ себѣ счастье, сдается...
Кто у него подъ знамёнами бьется,
Тотъ завороженъ, того сторожатъ
Темныя силы: вѣдь всѣ говорятъ,
Что полководецъ нашъ чорта изъ ада
Нанялъ въ услуги и платитъ, что надо.

Вахмистръ.

Не безъ грѣха тутъ, сдается и мнѣ:
Вотъ хоть подъ Люценомъ — жарко намъ стало
Такъ, что ой-ой-же! А онъ-то во огнѣ
Рыщетъ себѣ, какъ ни въ чемъ ни бывало!
Пулями весь продырявленъ беретъ
Сквозь сапоги у него и колетъ —
Видимъ мы — пули свистятъ то и дѣло,
И хоть одна-бъ ему кожу задѣла!
А отъ чего? Знаетъ чортову мазь.

Первый егерь.

Вотъ — такъ доподлинно дивная штука!
Чай, онъ лосинный колетъ не вчерась
Вздѣлъ на плечà? Прошиби его, ну-ка!

Вахмистръ.

Нѣтъ это мазь ужь такая: она,
Слышь, изъ волшебной травы сваренà.

Трубачъ.

Не сдобровать ему!

Вахмистръ.

Вотъ — вѣдь, болтаютъ,
Будто читаетъ онъ все по звѣздàмъ,
Будто онѣ ему все открываютъ;
Все это сказки — провѣдалъ я самъ.
Дѣло-то вотъ оно въ чемъ, чтобъ вы знали:
Пò-ночи ходитъ къ нему старичекъ,
Даромъ, что дверь заперта на крючекъ...
И часовые не разъ окликали...
Вотъ — какъ прійдетъ этотъ сѣденькій — быть
Важнымъ дѣламъ: замѣчали нарочно.

Второй егерь.

Закабалилъ себя чорту онъ, точно...
Ну, оттого намъ и весело жить.

ЯВЛЕНІЕ VII.

Прежніе. Новобранецъ, Горожанинъ, Драгунъ.

Новобранецъ (*выходитъ изъ палатки; на головѣ у него шишакъ; въ рукѣ фляжка.*)

Батькѣ и дядямъ — поклонъ, и — клянуся
Честью солдата — домой не вернуся!

Первый егерь.

Вонъ: притащили еще новичка!

Горожанинъ.

Францъ! образумься — не поздно пока...

Новобранецъ (*поётъ.*)

Бьютъ барабаны;
Трубы трубятъ;
Въ страны и страны
Борзые мчатъ...
Въ воду, въ огонь —
Вихремъ твой конь;
Острый мечъ съ бóка;
Гладко — широко...
Зябликомъ пой
Въ шири лѣсной!
То-ли не доля?
То-ли не воля?
Лугъ и лѣса, —
И небеса!

Эхъ! поступлю подъ знамёна къ Фридландцу!

Второй егерь.

Парень-то бравый! Мы будемъ свои!

(*Кланяются ему.*)

Горожанинъ.

Полно! Онъ, право, изъ честной семьи...

Первый егерь.

Что же? а мы — не чета новобранцу?
Нешто на улицѣ подняли насъ?

Горожанинъ.

Есть у него кое-чтó про запасъ:
Вонъ балахонъ-то — притроньтеся разъ —
Чтó за сукно-то — ужь, стало, есть средства...

Трубачъ.

Ежели цесарь кафтанъ дастъ, ну, да —
Это вотъ честь!

Горожанинъ.

Вѣдь ему, господа,
Шляпная фабрика будетъ въ наслѣдство.

Второй егерь.

Деньги безъ воли — да чортъ-ли мнѣ въ томъ!

Горожанинъ.

Да мелочную отъ бабушки лавку
Пріиметъ онъ...

Первый егерь.

Фуй! торговать-то тряпьёмъ!

Горожанинъ.

Ну, да отъ крестнаго — вонъ, на прибавку,

Погребъ достанется знатный такой,
Бочекъ десятокъ–другой наберётся.

Трубачъ.

Что-же? Съ друзьями не то разопьётся!

Второй егерь (*новобранцу.*)

Слышь! Мы съ тобою въ палаткѣ одной.

Горожанинъ.

Да безъ него вѣдь невѣстѣ болѣзно;
Плачетъ бѣдняжка всѣ дни на пролётъ...

Первый егерь.

Что-жъ? — молодецъ! Значитъ — сердце желѣзно.

Горожанинъ.

Ну, а какъ бабушка съ горя умрётъ?

Второй егерь.

Съ Богомъ! Скорѣе наслѣдство получитъ.

Вахмистръ (*важно подходитъ къ новобранцу и кладетъ ему на шишакъ руку.*)

Слушай! Вотъ, ты на дорогу попалъ,
Просто другимъ человѣкомъ ты сталъ:
Каска и перевязь сразу научитъ,
Какъ межъ достойныхъ товарищей жить...
Долженъ ты храбрость въ душѣ пробудить...

Первый егерь.

Главное деньгами долженъ сорить.

Вахмистръ.

На кораблѣ у Фортуны вы вновѣ,
А ужь поднять паруса̀ на готовѣ;

Какъ на ладонѣ весь міръ предъ тобой:
Будь только — смѣлымъ и всюду удача.
Что мѣщанинъ съ его глупой башкой?
Словно въ красильнѣ лѣнивая кляча,
Ходитъ въ кругу на верёвкѣ бѣднякъ...
Ну, солдату живется не такъ:
Онъ можетъ всѣмъ быть, за тѣмъ — что на свѣтѣ
Въ дѣлѣ война и она же въ отвѣтѣ.
Вотъ погляди на меня: вотъ кафтанъ
Съ посохомъ вмѣстѣ мнѣ цесаремъ данъ.
А почему? По такому, вишь, толку:
Посохъ — управа всемірному полку;
Скипетромъ держится наша земля —
Что-онъ? — посохъ въ рукѣ короля
Это ужь вѣдаютъ даже ребята...
Если-жь капраломъ ты сталъ изъ солдата,
Тутъ ужь рукою тебя не достать,
Тутъ ни-по-чемъ ни граница, ни мѣра...

Первый егерь.

Если умѣешь читать и писать.

Вахмистръ.

Вотъ, разскажу я тебѣ для примѣра, —
Это я пережилъ самъ на вѣку.
Видишь-ли, шефъ есть въ драгунскомъ полку,
Буттлеръ... Ну, съ нимъ постояли довольно
Мы рядовыми, на Рейнѣ, у Кельна,
Лѣтъ этакъ съ тридцать прошло съ этихъ поръ...
Что-же? Вѣдь онъ — генералъ ужь маіоръ!
Все отъ того: отличился съ оглаской,
По̀ свѣту славу умѣлъ протрубить...
Я не трубилъ, — такъ съ капральской указкой

Нянчусь... Да что тутъ далеко ходить?
Нашъ высокоповелительный самъ-отъ:
Что у него и титуловъ и грамотъ!
Есть-ли на какомъ-нибудь эдакой чинъ!
Что-жь онъ былъ прежде да такъ — дворянинъ...
Ну, а къ войнѣ прилѣпился душою,
Экую добылъ и славу и честь:
Сдѣлался цесарю правой рукою!
Да — еще то-ли съ нимъ будетъ?... Богъ вѣсть!

(*Лукаво.*)

Вечера утро всегда мудренѣе...

Первый егерь.

Да!—началъ малымъ, а кончилъ большимъ.
Помню его я студентомъ простымъ
Въ Альтдорфѣ: жилъ, какъ умѣлъ, веселѣе;
Вѣтренымъ буршемъ былъ. Право — не лгу;
Разъ уходилъ было на-смерть слугу.
Вотъ господа Нюренбергцы за это
Приговорили къ темницѣ его,
Просто — вотъ такъ — ни съ того ни съ сего.
А гнѣздо-то, какъ на смѣхъ, пригрѣто
Не было пташкой еще ни одной:
Только что свили, и не было клички —
Назвали-бъ именемъ первой жилички.
Что-жь молодецъ-то нашъ? Передъ собой
Пуделя въ двери пустилъ на забаву!
Такъ и зовется собачьей тюрьмой
До сихъ поръ... вотъ одурачилъ на славу!
Больше громкихъ и доблестныхъ дѣлъ
Эта мнѣ штучка пришлася по праву.

(*Въ это время сходитъ служанка и на-*

чинаетъ прислуживать; второй егерь заигрываетъ съ нею.)

Драгунъ (*становится между ними.*)

Полно, не трогай!

Второй егерь.

А ты что поспѣлъ?

Драгунъ.

Сказано толкомъ: дѣвчонки не трогай.

Первый егерь.

Хочетъ одинъ прогуляться дорогой—
Прочіе въ сторону! Что̀ ты? Проснись!

Второй егерь.

Хочетъ особо мѣсить толоконце?
Въ лагерѣ нашемъ красотка, кажись,
Всѣхъ достоянье, какъ красное солнце.

(*Целуетъ дѣвушку.*)

Драгунъ (*вырываетъ её у него изъ рукъ.*)

Слушай, пока до грѣха, не замай!

Первый егерь.

Тише вы! Экой народъ сумасбродный!
Пра̀говицы идутъ...

Второй егерь (*драгуну.*)

Ты драться? Давай!

Вахмистръ.

Полно-же вамъ! Поцелуи свободны!

ЯВЛЕНІЕ VIII.

Входятъ Рудокопы *и начинаютъ наигрывать вальсъ, сначала медленно, потомъ быстрѣе и быстрѣе.* Первый егерь *пляшетъ съ* Служанкой; Маркитантка *съ* Новобранцемъ. *Служанка отскакиваетъ въ сторону, егерь гонится за ней и ловитъ только-что вошедшаго* Капуцина.

Капуцинъ.

Гэй—вы! раз—гэй вы! Ну, какъ васъ—и какъ?...
Сразу попалъ я на пиръ и въ просакъ!...
Это-ль блюстители Божіей воли?
Анабаптисты, иль Турки мы, что-ли?
Видно Всевышній лицо отвратилъ,
Видно отринулъ Онъ васъ и забылъ,
Что не ударитъ въ васъ громомъ небеснымъ?
Шутите что ли вы днемъ-то воскреснымъ?
Развѣ теперь вамъ настала пора
Пить-пировать отъ утра до утра!
Quid hic statist otiosi?
Что вы сложили и руцѣ и нози?
Ужь подъ Дунаемъ былъ трахъ-тарарахъ;
Пали окопы Баваріи въ прахъ;
Регенсбургъ также во вражьихъ клещахъ;
А вы — въ Богеміи... близко отъ дѣла!...
Что же утроба за то потолстѣла!
Не о войнѣ вѣдь здѣсь рѣчь — о винѣ;
Лучше точить себѣ зубы — не сабли;
Лучше дѣвченокъ захватывать въ грабли!
Что Оксенштирнъ вамъ? — бычачій-то лобъ!
Лучше, коль цѣлую тушу загрёбъ!...

Всѣ христіанѣ, во вретищѣ, въ пеплѣ,
Еле отъ слезъ пролитыхъ не ослѣпли,
А у солдата карманы полны̀.
Въ небѣ явленія знаменья, дива;
Въ облацѣхъ ризой кровавой войны
Богъ потрясаетъ надъ міромъ правдиво,
И съ многозвѣздной выси голубой,
Людямъ кометой грозитъ, что лозой.
Свѣтъ обратился въ юдолю печали;
Церкви ковчегъ утопаетъ въ крови;
Римской *имперіей* прежде мы звали
Римской *остеріей* нынче зови;
Рейнскія волны погибели полны;
Монастыри всѣ теперь — ***пустыри***;
Всѣ-то аббатства и *пустыни* нынѣ
Стали не братства — прямыя *пустыни*;
Каждый маститый епископства *склепъ*
Преобразился въ позорный *вертепъ*;
И представляетъ весь *край* благодатный
Край безобразія... Всё отъ чего!
Все отъ того, что вы грѣшны, развратны,
Не признаете святымъ ничего;
Идолочтеніе — вотъ ваша вѣра
Отъ рядоваго и до офицера.
Грѣхъ вѣдь магнитъ неотклонный, и вотъ
Въ нашу страну онъ желѣзо влечетъ.
А за неправдой жди кару да муку,
Словно слезы послѣ горькаго луку;
Послѣ *онъ* слѣдуетъ тотчасъ *покой:*
Въ азбукѣ нашей порядокъ такой. .
Ubi erit victoriea spes
Si offenditur Deus? Какая побѣда,

Если лукавый смущаетъ васъ бѣсъ,
Если вы пьяны еще до обѣда,
Если вамъ проповѣдь — скука одна?
Правда, что во время оно жена
Нѣкая лепту свою отыскала;
Вотъ и Саулъ заблудился сначала,
Да отыскалъ-же ослицъ онъ отцу;
Братьевъ Іосифъ нашелъ-же къ концу;
Все это правда; но кто у солдата
Будетъ искать божій страхъ и почётъ,
Скромность и стыдъ, тотъ не много найдетъ,
Если хоть сто фанарей онъ зажжетъ.
Такъ-то въ пустыню пророка когда-то,
Нѣсколько воиновъ слушать сошлось:
Каясь крестились, во имя закона,
И вопрошали: Quid faciemus nos?
Какъ намъ достичь Авраамова лона?
Et ait illis, и сталъ имъ вѣщать:
Neminem consutiatis—
Не живодерничать и не терзать,
Neque calumniam faciatis—
Не клеветать никогда и не лгать;
Contenti estote — а будьте вы рады,
Stipendiis vestris—коль дали оклады...
Будь въ васъ привычка ко злу проклята.
Слышали заповѣдь: Имени Бога
Всуе твои не глаголятъ уста?
Ну, разсудите вы: гдѣ же такъ много
Божатся и проклинаютъ подчасъ,
Какъ на фридландскихъ постояхъ у васъ?
Еслибъ за каждою клятвою вашей —
Только ее изрыгнете вы зря —

Въ колоколъ бить, скоро-бъ въ области нашей
Ни одного не нашлось звонаря;
Если-жь бы съ каждой молитвы лукавой,
Сродной нечистому лишь языку,
Брать изъ хохла у васъ по̀ волоску, —
За ночь бы вы оплѣшивили,—право!—
Будь вашъ загривокъ такой-же густой,
Какъ у Давидова Авессолома.
У Іисуса Навина съ войной
Тоже была вѣдь десница знакома,
И Голіаѳа низвергнулъ Давидъ.
Кто-же про нихъ, какъ про васъ, говоритъ?
Гдѣ про нихъ писано слово: ругатель?
То-то не очень-то глотку дери,
Чаще молися: помилуй, Создатель!
Нежели вскрикивай: чортъ подери!
Но у кого ужь сосудъ въ недоглядѣ
И переполненъ — всегда потечётъ...
Заповѣдь есть и еще: «Не укради!»
Этой вы держитесь—честный народъ!—
Явно утащите что ни попало...
Да, для такихъ ястребиныхъ когтей
И для крючковъ никогда не бывало,
Да и не будетъ надежныхъ ларей;
Вы и въ коровѣ теленка найдете;
Курицу вмѣстѣ съ яичкомъ въ мѣшокъ...
Что говорятъ вамъ? *Contenti estote*,
Сирѣчь: «вотъ ѣшьте артельный кусокъ.»
Впрочемъ въ какомъ-же тутъ слуги расчетѣ,
Ежели сверху—соблазнъ и порокъ?
Ужь голова для такого народца!
Онъ ни во что и не вѣруетъ, чай?

Первый егерь.

Отче! солдатъ ты, пожалуй, ругай,
Но не моги оскорблять полководца.

Капуцинъ.

Ne custodios gregem meam!
Это—Ахавъ, или Іеровоамъ!
Правую вѣру съ лица земли сгонитъ,
Къ идоламъ сердце народа преклонитъ!

Трубачъ и Новобранецъ

Не говори ты еще такъ при насъ!

Капуцинъ.

Вотъ шпаго-ѣдъ-то, ужь — вотъ Брамарбасъ!
Хочетъ всѣ замки разрушить заразъ,
Хвалится нагло, въ безбожной гордынѣ,
Что овладѣетъ штральзундской твердыней —
Съ неба держись она сотней цѣпей.

Трубачъ.

Глотки никто не заткнетъ ему вѣрно?

Капуцинъ.

Эдакой онъ заклинатель чертей,
Хуже Іегуа и Олоферна!
Вздумалъ отречься, исчадье грѣха, —
Вотъ ему страшенъ и крикъ пѣтуха.

Оба егеря.

Ну! Берегись: не спасетъ власяница!

Капуцинъ.

Вотъ ужь лукавый-то Иродъ—лисица!

Трубачъ и оба егеря (*бросаются къ нему.*)

Эй, замолчи ты! Иль чешется лобъ?...

Кроаты (*загораживаютъ капуцина.*)

Батюшка, полно, не трусь: разскажи-ка
Лучше намъ притчу какую, аль что-бъ?

Капуцинъ (*кричитъ громче* *.)

Вотъ Вавилона надмѣнный владыка!
Вотъ прародитель всѣхъ золъ, еретикъ!
И Валленштейномъ вѣдь зваться привыкъ:
Я, дескать, камень—какой вамъ опоры?
Подлинно—камень соблазна и ссоры!
Донде-же войско въ когтяхъ сатаны,
Мира не будетъ для цѣлой страны.

(*При послѣднихъ словахъ, произнесенныхъ громкимъ голосомъ, капуцинъ начинаетъ по-немногу отступать; Кроаты охраняютъ его отъ остальныхъ солдатъ.*)

ЯВЛЕНІЕ IX.

Прежніе, *кромѣ* Капуцина.

Первый егерь (*вахмистру.*)

Что за нелѣпость про крикъ пѣтушиный
И полководца несла эта дрянь?
Такъ-что-ли брякнулъ, въ насмѣшку и брань?

*) Вся рѣчь капуцина исполнена у Шиллера едва-ли переводимою игрою словъ, а переводъ заключительныхъ строкъ рѣшительно не возможенъ, по крайней мѣрѣ, для меня. *Л. Мей.*

Вахмистръ.

Нѣтъ! онъ сказалъ не совсѣмъ безъ причины.
Нашъ полководецъ рожденъ мудренó —
Ухо его черезчуръ щекотливо;
Кошки мяуканье, а особливо
Крикъ пѣтуха для него—все равнó —
Ножъ.

Первый егерь.

У него это общее съ львами.

Вахмистръ.

Вкругъ его ставки не пикни никто,
И часовые ужь знаютъ про то.
Правда, что занятъ такими дѣлами...

Голоса.

(*въ палаткѣ, гдѣ суматоха.*)

Тáкъ его, шельму! — скрути его! — бей!

Голосъ крестьянина.

Ай, помогите! уходятъ до смерти!

Нѣсколько голосовъ.

Полно вамъ, смирно!

Первый егерь.

Колотятъ, ей-ей!

Второй егерь.

Какъ, безъ меня-то?

(*Оба бѣгутъ въ палатку.*)

Маркитантка (*выходитъ изъ палатки.*)

Бездѣльники! черти!

Трубачъ.

Что вы, хозяйка, въ такихъ попыхахъ?

Маркитантка.

Воръ! побродяга! безстыднымъ манеромъ,
Смѣть плутовать у меня на глазахъ!
Что я скажу господамъ офицерамъ?

Вахмистръ.

Что тамъ, сестрица?

Маркитантка.

А то, господа:
Шельма-крестьянинъ забрался къ намъ въ гости —
Вздумалъ поддѣть на фальшивыя кости!

Трубачъ.

Вонъ, его тащатъ съ сынишкой сюда.

ЯВЛЕНІЕ X.

Солдаты.

(*Волочатъ по землѣ крестьянина.*)

Первый егерь.

Этому петля!

Стрѣлки и драгуны.

Къ профосу! къ профосу!

Вахмистръ.

Да, и приказъ есть на это.

Маркитантка.

А тотъ
Мигомъ повѣситъ его, безъ допросу!

Вахмистръ.

Подлинно: худо къ добру не ведетъ.

Первый пищальникъ (*другому*.)

Это съ отчаянья онъ и съ недоли.
Видишь: ихъ прежде въ конецъ разорятъ —
Ну, къ воровству и пріучатъ.

Трубачъ.

Что̀, братъ?
Ты за него заступаешься, что-ли?
Чортъ-ли во псѣ?

Первый пищальникъ.

Да возьмите въ домекъ:
Хоть и крестьянинъ, а все человѣкъ!

Первый егерь (*трубачу*.)

Полно, оставь ихъ! Изъ Брига невѣжи;
Все гарнизонные; смотришь — портнымъ
Или башмачникамъ сваты — такъ гдѣ-же
Знать и обычай военный такимъ?

ЯВЛЕНІЕ XI.

Прежніе. Кирасиры.

Первый кирасиръ.

Смирно! Зачѣмъ здѣсь крестьянское рыло?

Первый стрѣлокъ.

Шельма!... въ игрѣ плутовать захотѣлъ!

Первый кирасиръ.

Что-жь, не тебя-ль и поддѣлъ-то онъ—было?

Первый стрѣлокъ.

Да-вѣдь и какъ еще ловко поддѣлъ!

Первый кирасиръ.

Что?.. Ты—фридландскій солдатъ,—и не стыдно,
И не зазорно тебѣ, не обидно
Счастья съ крестьянскою швалью пытать?

(*Крёстьянину.*)

Эй! удирай, чтобы пятки сверкали!

(*Крестьянинъ убѣгаетъ; прочіе сходятся въ кружокъ.*)

Первый пищальникъ.

Сразу покончилъ—его-ли видали:
Этотъ молодчикъ и намъ-бы подъ стать...
Кто онъ такой? Не Богемецъ.

Маркитантка.

Валлонецъ.
Этому низкій, да низкій поклонецъ:
Онъ паппенгеймовскій былъ кирасиръ!

Первый драгунъ (*вмѣшивается въ разговоръ.*)

Да... Молодой Пикколомини ими
Нынче начальствуетъ: какъ командиръ,
Былъ онъ подъ Люценомъ ими самими
Выбранъ, когда Паппенгеймъ былъ убитъ.

Первый пищальникъ.

Видно, что очень ихъ полкъ знаменитъ?

Первый драгунъ.

И не задаромъ: дерутся чертовски;
Всѣхъ впереди они въ каждомъ бою;

Ну, и управу имѣютъ свою,
Да и Фридландецъ ихъ любитъ отцовски.

Первый кирасиръ (*въ сторону.*)

Вѣрно-ли это? Кто вѣсти принесъ?

Второй кирасиръ.

Самъ я сейчасъ отъ полковника слышалъ.

Первый кирасиръ.

Катъ подери ихъ! Да нѣшто я песъ?

Первый егерь.

Что у нихъ тамъ? Али споръ какой вышелъ?

Второй егерь.

Нѣтъ-ли чего, господа, и до насъ?

Первый кирасиръ.

Да въ Нидерланды идти есть приказъ...
Врядъ-ли утѣшатъ кого эти вѣсти!

(*Солдаты подходятъ къ нему.*)

Съ конныхъ стрѣлковъ, съ кирасиръ, съ егерей
Выставить восемь что-ль тысячъ людей...

Маркитантка.

Вотъ тебѣ разъ! Не сидится на мѣстѣ...
Только вчера я изъ Фландріи—на!

Второй кирасиръ (*драгунамъ.*)

Буттлерцы! съ нами и вы въ стремена!

Первый кирасиръ.

Пуще всего имъ—Валлонцевъ въ разгоны.

Маркитантка.

Что ни-на-лучшіе всё эскадроны!

Первый кирасиръ.

Что-же? вѣдь служба должна быть слѣпа;
Намъ провожать приказали Миланца.

Первый егерь.

Какъ-такъ? Инфанта? забавно!...

Второй егерь.

Попа? —
Лопни самъ чортъ!

Первый кирасиръ.

Мы оставимъ Фридландца,
И распрощаемся съ нашимъ отцомъ?
Въ поле съ кощеемъ-Испанцемъ мы выйдемъ,
Съ тѣмъ, что издавна душой ненавидимъ?
Нѣтъ!... Подождутъ: мы—на лѣво кругомъ.

Трубачъ.

Чорта-ль тамъ дѣлать? Мы продали кровь
Цесарю,—но ужь не шапкѣ испанской.

Первый егерь.

Мы изъ довѣрія къ слову Фридландца
Въ рейтары шли, и когда-бъ не любовь
Наша къ Фридландцу, конечно-бъ подъ знамя
Насъ Фердинандъ не собралъ никогда.

Первый драгунъ.

Насъ вѣдь Фридландецъ сбиралъ—такъ надъ нами
Пусть и сіяетъ Фридландца звѣзда!

Вахмистръ.

Слѣдуетъ прежде подумать: словами
Дѣла не двинешь впередъ, господа!

Вѣрьте, я вижу васъ далѣе вдвое;
Кроется въ этомъ походѣ дурное.

Первый егерь.

Слушай приказа, и смирно народъ!

Вахмистръ.

Ну-ка, сестрица Густэль! Напередъ
Чарку мельнéккерца мнѣ, для желудка,
Да и за рѣчи…

Маркитантка (*наливаетъ вино.*)

Вотъ ва́мъ, господинъ
Вахмистръ!… Ахъ, Господи, страхъ-то одинъ!…
Видно—плохая сыграется штука!…

Вахмистръ.

Видите: точно что надо ступать
Каждый шагъ въ жизни весьма осторожно;
Но полководецъ насъ учитъ неложно:
Главное—надо все дѣло понять.
Всѣ мы фридландскіе носимъ мундиры:
Намъ горожанинъ готовитъ квартиры, —
Долженъ похлебку варить для стола;
Долженъ крестьянинъ—во сколько ни стало-бъ—
Впрячь намъ въ обозъ и коня и вола,
Да еще какъ—безо всякихъ безъ жалобъ.
Что тутъ! Ефрейторъ, да семь молодцовъ,
Чуть появились—деревня и наша:
Всѣмъ и командуй! И каждый готовъ
Лучше на чорта взглянуть, воля ваша,
Чѣмъ на фридландскій нашъ желтый колетъ!
А отчего у нихъ смѣлости нѣтъ
Выгнать насъ вонъ—и съ руками пустыми?

Ихъ вѣдь гораздо насъ больше числомъ;
Машутъ дубьемъ, что и мы палашемъ;
Такъ отчего-жь мы смѣемся надъ ними?
Вотъ что: сплошною стѣною идемъ!

Первый егерь.

Именно, именно! Въ этомъ вся сила!
Это Фридландецъ и самъ разгадалъ,
Вотъ—какъ для цесаря войско сбиралъ,
Лѣтъ тому девять... Они-то вѣдь, было,
Тысячъ двѣнадцать задумали сбить:
«Ихъ», говоритъ, «будетъ нѐчѣмъ кормить;
Вотъ шестьдесятъ тысячъ—дѣло иное:
Эти не будутъ со мной голодать!»
Съ тѣхъ поръ и на́чалъ онъ насъ собирать.

Вахмистръ.

Взять для примѣра, ну, что-бы такое?
Ну—хоть, положимъ: такой-то отсѣкъ
Правый мизинецъ мнѣ... Всѣ и рѣшили!
Только моль палецъ отсѣкъ! А забыли,
Что онъ мнѣ руку испортилъ на-вѣкъ.
Все, что увѣчно, куда оно тоже?...
Да... Вотъ и восемь-то тысячъ коней,
Что отряжаютъ во Фландрію, тоже —
Только мизинецъ у арміи всей;
А отпусти ихъ, небойсь насъ убудетъ
Только что пятая часть? Какъ не такъ:
Все распадется! И всякой забудетъ
Страхъ и почтенье къ намъ: каждый батракъ
Гребень заломитъ, что твой пѣтушина,
Да еще въ Вѣну отпишетъ иной:
Мнѣ моль давно, за прокормъ и постой,

Слѣдуетъ во̀тъ—что, съ такого-то чина.
Ну, и начнемъ мы опять бѣдовать;
Все и пойдетъ, что подъ кручу колеса;
И полководца замыслятъ отнять:
Тамъ, при дворѣ, на него̀ смотрятъ косо...
Тутъ и пріидетъ намъ погибель сама.
Кто намъ оклады отдастъ по рзасчёту?
Кто о контрактахъ приложитъ заботу?
И у кого изъ нихъ столько ума
И прозорливой воинской науки?
Столько значенья?... Чьи крѣпкія руки
Спло̀тятъ въ одно составные куски
Нашего войска—съ доски до доски?
Вотъ, я примѣръ приведу вамъ покуда...
Слушай, драгунъ: ты записанъ откуда?

Первый драгунъ.

Изъ самодальней губерніи знать.

Вахмистръ (*обоимъ кирасирамъ.*)

Вы вѣдь—Валлонецъ: узналъ мимоходомъ;
Вы—Итальянецъ: по рѣчи слыхать.

Первый кирасиръ.

Кто̀ я?... не знаю—откуда я родомъ?
Знаю, что краденъ съ младенческихъ лѣтъ.

Вахмистръ.

Чай, вѣдь и ты не изъ-близка, поди-ка:

Первый пищальникъ.

Я изъ Буха̀у.

Вахмистръ.

А вы-то, сосѣдъ?

Второй пищальникъ.

Прямо изъ Швица.

Вахмистръ (*второму егерю.*)

Ну, егерь, скажи-ка:
Ты-то отколѣ забрелъ къ намъ въ полки?

Второй егерь.

Да за Висмàромъ живутъ старики.

Вахмистръ (*указывая на трубача.*)

Этотъ и я—мы изъ Эгера оба.
Видите—вòтъ оно чтò! — Ну, а кто-бы,
Глядя на всѣхъ насъ, ну, кто-бы такой
Могъ догадаться, что съ сѣвера, съ юга
Вѣтеръ насъ сдулъ и наснѣжила вьюга?
Будто-бы мы не изъ щепки одной?
Будто-бы, вражьи встрѣчая колонны,
Мы не стоимъ, словно слиты-склеены?
Будто, летучѣе мельничныхъ крылъ
Мы не стремимся одинъ за другова —
Съ перваго знака и съ перваго слова?
Кто-же насъ вмѣстѣ такъ крѣпко сплотилъ,
Что отличить насъ нельзя посемейно?
Все это дѣло его—Валленштейна!

Первый егерь.

Ну, признаюся, что мнѣ никогда
Не приходило и въ голову даже,
Будто мы пригнаны такъ, господа!
Мнѣ-бы лишь воля, а жизнь все одна-же...

Первый кирасиръ.

Вахмистра всѣ мы одòбрить должны:

Дворскіе точно не любятъ войны,
Тотчасъ солдата унизить готовы,
Только-бы въ руки всю власть захватить...
Это — *ихъ* заговоръ, это — *ихъ* ковы!

Маркитанта.

Заговоръ! Господи! Какже мнѣ быть?
Вѣдь господа перестанутъ платить!

Вахмистръ.

Да! Тутъ банкротства бываютъ не малы...
Многіе шефы у насъ, генералы
Войску платили изъ собственныхъ кассъ:
Сильно хотѣлось имъ стать на показъ —
И зарвались выше средствъ, поджидая,
Что ниспадетъ къ нимъ роса золотая.
Ну, а когда полководецъ упалъ —
Нечего дѣлать, прости, капиталъ!

Маркитанта.

Ахъ, мой Спаситель! На мнѣ какъ вериги!
Чуть не пол-войска записано въ книгѣ.
Графъ Изолани — ужь вотъ господинъ! —
Двѣсти мнѣ талеровъ долженъ одинъ.

Первый кирасиръ.

Какъ-же, товарищи? надо рѣшиться!
Намъ остается спасенье одно:
Слѣдуетъ слиться въ такое звѣно,
Чтобъ побоялися къ намъ подступиться.
За *одного* поголовно стоимъ,
И — хоть приказами-бъ насъ завалили —
Мы здѣсь, въ Богеміи, корни пустили
И не идемъ никуда — не хотимъ,

А остаемся спокойно на мѣстѣ:
Ныньче солдатъ вѣдь дерется изъ чести.

Второй егерь.

Мы не позволимъ собой помыкать:
Сунься-ка къ намъ — мы дадимъ себя знать!

Первый пищальникъ.

Эхъ, господа̀! Да поймете вы сразу;
Тутъ вѣдь кто? — цѐсарь!.. Съ его же приказу.

Трубачъ.

Очень намъ нужно! — пожалуй! скажи!

Первый пищальникъ.

Слышишь — языкъ за зубами держи!

Трубачъ.

Какже! Сказалось — пускай и сказалось!

Первый егерь.

Да вотъ и мнѣ это слышать случалось,
Что голова намъ Фридландецъ одинъ.

Вахмистръ.

Точно! на немъ и урядъ весь и чинъ.
Знайте, что властенъ онъ бѐзпрекословно
Длить намъ войну, или покончить любовно;
Властенъ имѣнія ко̀нфисковать;
Властенъ онъ вѣшать и властенъ прощать.
Можетъ въ полковники онъ рядового
Жаловать, если захочетъ какого:
Все это цесарь довѣрилъ ему.

Первый пищальникъ.

Герцогъ свѣтлѣйшій великъ по всему,

Но, какъ и всѣ мы, — не самъ онъ собою —
Цесарскимъ долженъ почтенъ быть слугою.

Вахмистръ.

Нѣтъ! не какъ всѣ мы! Ума не спросясь,
Сказано. Онъ — независимый, вольный,
Какъ и Баварецъ, имперіи князь.
Былъ на часахъ я въ палатѣ престольной,
Слышалъ какъ цесарь его убѣждалъ,
Чтобъ онъ берéта предъ нимъ не снималъ.

Первый пищальникъ.

Въ тѣ-поры цéсарь, мнѣ помнится это,
Мéкленбургъ о̀тдалъ Фридландцу, какъ есть.

Первый егерь (*вахмистру.*)

Какъ, передъ нимъ не снимаетъ берета?
Вотъ ужь такъ подлинно рѣдкая честь!

Вахмистръ (*шаритъ въ карманѣ.*)

Ежели васъ не увѣришь словами,
Вотъ — поглядите, увѣрьтеся сами,

(*Показываетъ монету.*)

Чья здѣсь фигура и чья здѣсь печать?

Маркитантка.

Ну! Валленштейна-то намъ не узнать!

Вахмистръ.

Вотъ вамъ! Ну что̀-жь ещё? Князь онъ, аль нѣту?
Али чеканить не можетъ монету,
Какъ Фердинандъ, да и всѣ короли?
Аль нѣтъ людей у него и земли?
Если свѣтлѣйшимъ Фридландца признали,
Стало — онъ можетъ солдатъ вербовать.

Первый пищальникъ.

Спору нѣтъ, точно; но — правду сказать —
Насъ вѣдь въ цесàрскія войски сбирали:
Цесарь за это и платитъ теперь.

Трубачъ.

Цесарь-то нашъ и не платитъ, повѣрь!
Хочешь, присягу дадутъ всѣ солдаты?
На обѣщанья-то всѣ тороваты,
А на оклады-вотъ — туги куда!

Первый пищальникъ.

Не пропадетъ нашъ окладъ никогда:
Въ вѣрныхъ рукахъ онъ теперь...

Первый кирасиръ.

Господà,
Полно вамъ! Эдакъ дойдетъ и до ссоры...
Что за сомнѣнія, что тутъ за споры:
Цесарь властитель надъ нами, иль нѣтъ?
Именно въ томъ-то у насъ и совѣтъ,
Что, ратовáвъ подъ его знамéнами,
Намъ не пригоже пастися стадами,
И не пригоже ревѣть табуномъ
Подъ шутовскимъ, иль испанскимъ бичемъ!
Ну, вѣдь и цесарю прибыли мало...
Надо, чтобъ войско его поддержало,
Надо, чтобъ цесарь нашъ былъ поттентатъ
Купною силою вѣрныхъ солдатъ.
Да и кому-жь коль не намъ, его слово
Ставить закономъ, во имя Христово?
Ужь не ярёмникамъ робкимъ его,
И не ватагѣ льстецовъ безтолковыхъ,

Что съ нимъ пируетъ въ чертогахъ дворцовыхъ?
Что-же намъ цесарь дастъ? Ничего,
Кромѣ труда и заботы вседневной...
Вотъ и люби его тутъ задушевно!

Второй егерь.

Даже и въ Римѣ тиранъ и злодѣй
Велъ себя въ этомъ гораздо умнѣй:
Мучили прочихъ они и казнили,
Но ужь куда–какъ солдата чтили.

Первый кирасиръ.

Такъ! И по этому каждый солдатъ
Долженъ быть честенъ въ душѣ, благороденъ,
Или солдатомъ онъ быть не пригоденъ.
Ежели ставлю я жизнь на угадъ,
Долженъ-же быть я другого достойнѣй
Въ чемъ нибудь, — или не битвой, а бойней
Станетъ борьба, и солдатъ, какъ Кроатъ,
Шею подставитъ.

Оба егеря.

Честь жизни дороже!

Первый кирасиръ.

Мечъ — не соха и не заступъ вѣдь тоже;
Глупъ, кто захочетъ имъ землю пахать:
Всходовъ зеленыхъ ему не видать...
Нѣтъ у солдата родимаго крова,
Нѣтъ у него своего очага,
Быстро его пробѣгаетъ нога
Мимо приманокъ жилья городскаго
И деревенскихъ зеленыхъ луговъ;
Нѣтъ для него колосистыхъ вѣнковъ,

Нѣтъ для него винограднаго сбора...
Что-же, скажите, солдату опора,
Что-же онъ долженъ хранить и беречь? —
Честь! Надо собственность дать человѣку, —
Иначе станетъ онъ рѣзать и жечь.

Первый пищальникъ.

Плохо житье намъ!

Первый кирасиръ.

А лучше отъ вѣку
Не было людямъ. Помыкался я,
Понасмотрѣлся житья да бытья!..
Всѣмъ послужилъ: и коронѣ испанской,
Ну, и Неаполю... Что-жь? какъ на зло,
Ну и республикѣ Венеціанской.
Просто нигдѣ мнѣ, нигдѣ не везло!
Видѣлъ я рыцарей, знался съ купцами,
Съ мастеровыми, — подумайте сами, —
Вотъ ни одинъ мнѣ нарядъ не пришелъ
Такъ по душѣ, какъ вотъ этотъ камзолъ.

Первый пищальникъ.

Ни?.. Не могу съ вами я согласиться.

Первый кирасиръ.

Ежели въ свѣтѣ кто хочетъ нажиться,
Долженъ работать и долженъ трудиться;
Кто за почётомъ сановнымъ пойдетъ,
Пусть себѣ спину предъ золотомъ гнетъ;
Кто съ юныхъ лѣтъ осѣненъ благодатью,
Благословенъ отъ родителей, радъ
Жить посреди и дѣтей, и внучатъ, —
Мирному пусть предается занятью...
Всё — это такъ, только мнѣ не рука:

Жилъ я на волѣ, умру я на волѣ;
Грабить чужое, наслѣдовать что-ли —
Я не хочу, и за мною пока
Нѣту наслѣдства, опричь чапрака.

Первый егерь.

Браво! И самъ я такихъ-же вотъ правилъ.

Первый пищальникъ.

Правила просты: конемъ какъ управилъ,
Такъ и рыщи по чужимъ головамъ!

Первый кирасиръ.

Нѣтъ! тяжелы времена, и мечамъ
Столько не висѣть, какъ прежде... Конечно,
Не упрекнуть меня, если сердечно —
Такъ сказать — я примѣнился къ мечу:
Значитъ, что быть человѣкомъ хочу
И не позволю себя оболванить,
Иль на спинѣ у себя барабанить.

Первый пищальникъ.

Ну, а кому коль не всѣмъ намъ укоръ,
Что горожаниномъ зваться — позоръ?
Штука! Шестнадцатый годъ, безъ отдышки,
Длится война, и рѣзня, и нужда!

Первый кирасиръ.

Братецъ! — и Богъ — вонъ, съ лазоревой вышки,
Разомъ всѣхъ просьбъ-то не выполнитъ. Да!
Проситъ одинъ, чтобы солнце свѣтило,
А для другого, вишь больно свѣтло;
Этому надо, чтобъ сухо всё было,
А вонъ тому, чтобъ побольше дождило,

Что для тебя на подъемъ тяжело,
То для меня, можетъ, кладъ, а не ноша...
Спору нѣтъ: если коснется что гроша,
Иль горожанъ, или тамъ поселянъ, —
Жалко мнѣ будетъ за ихній карманъ,
Да пособить я не въ силахъ. Сравненье:
Вотъ началося, положимъ, сраженье...
Кони зафыркали — только держи,
Взвились — и кто на пути не лежи —
Братъ-ли родимый твой, сынъ-ли любезный,
Какъ ни терзай тебя стонъ ихъ болѣзный,
Скачешь на нихъ, и нельзя своротить
Даже съ дороги...

ПЕРВЫЙ ЕГЕРЬ.

Куда тутъ!

ПЕРВЫЙ КИРАСИРЪ.

Бываетъ —
Счастье солдата порой приласкаетъ:
Кажется, какъ-бы руками схватить,
Да и держать! Анъ схватилъ неудачу:
Вечеромъ — бой; къ ночи — миръ заключенъ,
Ну, и конецъ? — и разнуздывай клячу...
А у крестьянина конь запряженъ,
Значитъ, что старые будутъ порядки.
Но вѣдь покамѣстъ мы всѣ за одно,
Не выпускаемъ изъ пальцевъ тетрадки
И другъ на друга пока безъ оглядки
Мы вѣдь не скачемъ .. А то, не равно —
Съ хлѣбомъ мѣшокъ и повыше поднимутъ.

ПЕРВЫЙ ЕГЕРЬ.

Ну, ужь куска-то у насъ не отнимутъ:
Всѣ мы — одинъ человѣкъ.

Второй егерь.

Рѣшено!

Первый пищальникъ (*вынимая кожаный кошелекъ, маркитанткѣ.*)

Сколько кума?

Маркитантка.

Ахъ, не стоитъ и счета!

(*Считаются.*)

Трубачъ (*пищальникамъ.*)

И хорошо, что пришла вамъ охота
Взяться за шапки: вы намъ не подъ стать.

(*Пищальники уходятъ.*)

Первый кирасиръ.

Жаль ихъ: ребята на что ужь честнѣе!

Первый егерь.

Честны, за то — мыловаровъ глупѣе.

Второй егерь.

Благо свои все, пора-бъ столковать,
Какъ намъ разрушить-то замыселъ новый?

Трубачъ.

Что-же? Какъ будто не всѣ мы готовы?

Первый кирасиръ.

Отъ дисциплины, друзья, ни на пядь!
Каждый въ свой корпусъ иди, да толково
Дай сослуживцамъ разумный совѣтъ
И докажи имъ, отъ слова до слова,
Что расбрестися намъ порознь — не слѣдъ.
Я за Валлонцевъ ручаюся смѣло:
Если моё — такъ и ихнее дѣло,

Вахмистръ.

Терцки поляки, на конѣ и пѣшкомъ,
Всѣ за-одно, и одна у нихъ доля.

Второй кирасиръ (*становится рядомъ съ первымъ.*)

Вотъ и Ломбардецъ съ Валлонцемъ рядкомъ.

Первый егерь.

Воля для егеря — воздухъ.

Второй егерь.

А воля
Слѣдомъ за силою ходитъ всегда:
Жизнь или смерть — при одномъ Валленштейнѣ!

Первый стрѣлокъ.

Мы, Лотарингцы, что волны на Рейнѣ,
Любимъ просторъ и стремимся туда,
Гдѣ намъ привольнѣе.

Драгунъ.

Счастья звѣзда
Водитъ Ирландца.

Второй стрѣлокъ.

Тиролецъ отъ вѣку
Службу несетъ одному человѣку.

Первый кирасиръ.

Ладно! Теперь по полкамъ отъ солдатъ
Взять *Pro Memoria*: пусть ихъ напишутъ,
Что расходиться они не хотятъ;
Что про походъ хоть и слышатъ — не слышатъ,
И не идутъ; что ни сила, ни лесть
Не загрозитъ имъ, фридландскимъ ребятамъ:

Такъ-какъ Фридландецъ отцомъ былъ солдатамъ...
А какъ напишется, — чинно отнесть
Всё къ Пикколомини — вѣдомо — къ сыну:
Тотъ разберетъ всему дѣлу причину,
У Фридландца всё сдѣлаетъ онъ...
И при дворѣ-то куда-какъ силёнъ:
Жалуетъ цесарь его безпримѣрно...

Второй егерь.

Конечно! Всѣ по рукамъ! — и ужъ вѣрно,
Что отстоитъ Пикколомини насъ.

Трубачъ, драгуны, первый егерь, оба кирасира и стрѣлки (*вмѣстѣ*)

Пусть отстоитъ Пикколомини насъ!

(*Хотятъ уйдти.*)

Вахмистръ.

Стой: по стакану!... Вѣдь насъ не убудетъ...

(*Пьетъ.*)

За Пикколомини!

Маркитантка (*приноситъ бутылку.*)

Рада всегда!
Этой бутылки на биркѣ не будетъ
Счастливо кончить дѣла́, господа!

Кирасиры.

Всѣ мы и всякой да здравствуемъ въ станѣ!

Оба егеря.

И да прокормятъ нашъ станъ горожане!

Драгуны и стрѣлки.

Да процвѣтаетъ веселіе въ войскѣ!

Трубачъ и Вахмистръ.

И да царитъ въ немъ Фридландецъ — геройски!

Второй кирасиръ (*поетъ.*)

Живѣе, друзья! На коня, на коня!
На поле! на волю честную!
На полѣ—на волѣ ждетъ доля меня,
И сердце подъ грудью я чую!
Мнѣ въ полѣ защитникомъ нѣтъ никого:
Одинъ я стою — за себя одного!

(*На пѣсню изъ глубины сцены подходятъ нѣсколько солдатъ и составляютъ хоръ.*)

Хоръ.

Мнѣ въ полѣ защитникомъ нѣтъ никого:
Одинъ я стою — за себя одного!

Драгунъ.

Нѣтъ воли на свѣтѣ!... Владыка казнитъ
Рабовъ безотвѣтно-послушныхъ;
Притворство, обманъ и коварство царитъ
Надъ сонмомъ людей малодушныхъ...
Кто смерти безтрепетно выдержитъ взглядъ —
Одинъ только воленъ... А кто онъ? — Солдатъ!

Хоръ.

Кто смерти безтрепетно выдержитъ взглядъ —
Одинъ только воленъ... А кто онъ? — Солдатъ!

Первый егерь.

Житейскія дрязги — съ души онъ долой,
Нѣтъ страха ему и заботы;
Онъ смѣло судьбу вызываетъ на бой:
Не ныньче, такъ завтра съ ней счёты,

А завтра — такъ что-же? Вѣдь чаша полна:
Сегодня-жь её мы осушимъ до дна!

Хоръ.

А завтра — такъ что-же? Вѣдь чаша полна;
Сегодня-жь её мы осушимъ до дна!

(*Стаканы налиты снова; пѣвцы чокаются и пьютъ.*)

Вахмистръ.

Солдату веселье хоть съ неба сошли
А самъ онъ труда и не знаетъ!
Подёнщикъ копаетъ утробу земли
И думаетъ—кладъ откопаетъ.
И заступомъ роетъ, всю жизнь удручёнъ
Покамѣстъ могилы не выроетъ онъ.

Хоръ.

И заступомъ роетъ, всю жизнь удручёнъ,
Покамѣсть могилы не выроетъ онъ.

Первый егерь.

И къ замку ѣздокъ подлетѣлъ на конѣ —
Нечаянный гость и нежданный;
А въ свадебномъ замокъ пылаетъ огнѣ,
И въ замокъ онъ входитъ незваный,
Не долго онъ ждалъ, серебромъ не бренчалъ
Съ налёту награду любви онъ сорвалъ!

Хоръ.

Не долго онъ ждалъ, серебромъ не бренчалъ
Съ налёту награду любви онъ сорвалъ!

Второй кирасиръ.

Что̀ плачетъ, красотка? Тоскуетъ по комъ?

Пусти! не собьешь вѣдь съ дороги:
Съ семейною кровлей солдатъ незнакомъ —
Не вѣдалъ сердечной тревоги...
Влечётъ его быстро судьба за собой,
И словъ онъ не знаетъ: *пріютъ и покой.*

Хоръ.

Влечетъ его быстро судьба за собой,
И словъ онъ не знаетъ: *пріютъ и покой.*

Первый егерь.

Живѣй-же, друзья! Вороного сѣдлай:
Бой жаркую грудь расхолодитъ...
И юность, и жизнь такъ и бьетъ черезъ край:
Пей смѣло, пока еще бродитъ...
И жизни своей на игру не жалѣй:
Не выиграть иначе ставки, ей-ей!

Хоръ.

И жизни своей на игру не жалѣй:
Не выиграть иначе ставки, ей–ей!

(*Занавѣсъ опускается при пѣніи хора.*)

ПРИМѢЧАНІЯ.

[1]) «Скучая вдовствомъ... Царь Іоаннъ Васильевичъ Грозный уже искалъ себѣ третьей супруги. Впаденіе ханское прервало сіе дѣло; когда же опасность миновалась, Царь снова занялся онымъ. Изъ всѣхъ городовъ свезли невѣстъ въ Слободу, и знатныхъ и незнатныхъ, числомъ болѣе двухъ тысячъ: каждую представляли ему особенно. Сперва онъ выбралъ 24, а послѣ 12, коихъ надлежало осмотрѣть доктору и бабкамъ, долго сравнивалъ ихъ въ красотѣ, въ пріятностяхъ, въ умѣ; наконецъ предпочёлъ всѣмъ Маѳу Васильевну Собакину, дочь купца новгородскаго, въ то же время избравъ невѣсту и для старшаго Царевича Евдокію Богданову Сабурову... Но царская невѣста занемогла, начала худѣть, сохнуть: сказали, что она испорчена злодѣями, ненавистниками Іоаннова семейнаго благополучія. Разыскивали, вѣроятно, страхомъ и лестію домогались истины или клеветы... Не знаемъ всѣхъ обстоятельствъ; знаемъ — кто и какъ погибъ въ сію «пятую» эпоху убійствъ. Открылись казни инаго рода: злобный клеветникъ, докторъ Елисей Бомелій предложилъ Царю истреблять лиходѣевъ ядомъ, и составлялъ, какъ увѣряютъ, губительное зелье съ такимъ искусствомъ, что отравляемый издыхалъ въ назначаемую

минуту. Такъ Іоаннъ казнилъ одного изъ своихъ любимцевъ Григорія Грязного. Между тѣмъ Царь женился 28-го октября (1572 г.) на больной Марѳѣ... чрезъ шесть дней женилъ и сына на Евдокіи; но свадебные пиры заключились похоронами: Марѳа 13-го ноября скончалась, бывъ или дѣйствительно жертвою человѣческой злобы, или только несчастною виновницею казни безвинныхъ.»

Вотъ лѣтописныя указанія, собранныя Карамзинымъ о третьемъ бракѣ Царя Іоанна Васильевича Грознаго: онѣ послужили исторической канвою для моей драмы. Завязка, развязка и весь ходъ драмы, разумѣется, — вымыселъ; но вымыселъ, основанный на «могло быть», и выведенныя въ драмѣ лица, по возможности, исторически-вѣрны. Скажемъ объ этомъ нѣсколько словъ.

Семейный бытъ нашихъ предковъ, не смотря на усильные труды любителей старины, всё еще не вполнѣ разгаданный вопросъ. Въ нашихъ лѣтописяхъ одни голые факты, одни описанія мѣстничества бояръ, царскихъ опалъ, царскихъ пиршествъ и т. п., и очень мало о внутренней жизни народа. Иностранцы, очевидцы былинъ Святой Руси, говорятъ иногда о нравахъ и обычаяхъ «полудикихъ Москвитянъ»; но сообщаемыя ими свѣдѣнія—въ половину грубыя выдумки, въ половину указанія на то, что выдалось бы угломъ въ собственномъ ихъ семейномъ и гражданскомъ быту, да и эти указанія для насъ весьма незначительны. Остаётся—воссоздать былую жизнь по аналогіи съ нынѣшней жизнію народа, остаётся ещё изустная, переходящая изъ рода въ родъ лѣтопись: пословицы и пѣсни. Въ пословицахъ, этой обиходной философіи нашихъ предковъ, отпечатлѣлся глубокій, затѣйливый русскій умъ, въ пѣсняхъ вылилось горячее русское сердце, и въ особенности— сердце женщины. Мёртвая, едва замѣтная въ лѣтописи, русская женщина является въ пѣснѣ живою, повсемѣстною двигательницею страсти. Здѣсь она — то лютая свекровь, которая «ходя похваляется: хорошо учить чужихъ дѣтей, нерòженыхъ, нехòженыхъ, невспоенныхъ, невскормленныхъ,» то печальная невѣстка «думающая крѣпкую думу о томъ, какъ вчера ея милъ-сердечный другъ загадалъ недогадливую загадку, повѣдалъ ей про свою затѣю — застрѣлить ея нелюба въ зеленòмъ саду: не тужитъ она о постыломъ, о постыломъ своемъ мужѣ, а тужитъ о любимыхъ, о любимыхъ своихъ дѣтяхъ;» «то душа красная дѣвица, отъ которой огнёмъ

горитъ ретивое сердце молодецкое;» то—разгульная жена, которой «стряпня — рукава стряхня», который «доспѣхъ — всѣмъ на смѣхъ.» Такова-то въ пѣснѣ русская женщина, а «изъ пѣсни слова не выкинешь.»

Въ моей драмѣ два главныя женскія лица: Мареа и Любаша.

О Мареѣ говоритъ самъ Іоаннъ: «Благословленный Митрополитомъ Кирилломъ, я долго искалъ себѣ невѣсты, испытывалъ, наконецъ избралъ; но зависть, вражда погубили Мареу, только именемъ царицу: еще въ невѣстахъ лишилась она здравія и чрезъ двѣ недѣли супружества представилась дѣвою.»

Мареа — одинъ пѣсенный типъ: робкая, застѣнчивая дѣвушка, покорная волѣ отчей, покорная своему жеребью. Безотчетно, безъ бѣшеныхъ порывовъ страсти, полюбила она; безотвѣтно, безъ порывовъ отчаянія, склонила побѣдную голову подъ яремъ горя. Подъ кикою жены она могла позволить себѣ однѣ слезы, одни тихіе упреки:

«И я батюшкѣ говорила,
И я свѣту своему доносила,
Не давай меня, батюшка, замужъ,
Не давай, государь, за неровню,
Не мечись на большое богатство,
Не гляди на высоки хоромы:
Не съ хоромами жить — съ человѣкомъ,
Не съ богатствами жить мнѣ — съ совѣтомъ.»

У нея не достало силъ наложить на себя руки при раставаньѣ съ милымъ, но не достало бы также и силъ — пережить этой разлуки:

«Я въ-тѣ-поры мила друга забуду,
Когда засыплются глаза мои песками,
Закроются бѣлы груди досками!»

Она и безъ зелья истаяла бы, «какъ свѣча воску ярова,»

«Не жилица я на бѣломъ свѣту
Безъ тебя, моя надеженька!»

По этому-то и сумасшествіе ея — тихая мономанія, отчужденіе всего, кромѣ задушевной мысли, постоянное присутствіе друга передъ очами души.

Любаша — другой типъ, другая олицетворенная пѣсня, начинающаяся жалобами красной дѣвицы на заѣзжаго добра молодца, «что сманилъ онъ ее отъ батюшки и матушки, завезъ на чужедальнюю сторону, а завезши хочетъ кинути.»

Продолжающаяся упреками:

«Хорошо тому на свѣтѣ жить,
У кого нѣту стыда въ глазахъ,
Нѣтъ стыда въ глазахъ, ни совѣсти:
Нѣтъ у молодца заботушки,
Въ ретивомъ сердцѣ зазнобушки...
Зазнобилъ меня сердечный другъ,
Зазнобилъ, сердце повысушилъ,
Безъ краснòва солнца высушилъ,
Безъ мороза сердце вызнобилъ.»

Кончающаяся угрозами:

«Я сама дружка повысушу —
Не зельями, не кореньями,
Безъ мороза сердце вызноблю,
Безъ краснова солнца высушу!
Схороню тебя, мой миленькій,
Въ зеленомъ саду подъ грушею,
Я сама сяду — послушаю:
Не стонетъ ли мать сыра-земля,
Не вскрывается ль гробова доска,
Не встаетъ ли мой сердечный другъ?
Зарости, моя могилушка,
Ты травушкой-муравушкой!
Не достанься, мой любезный другъ,
Ни дѣвушкамъ, ни молодушкамъ,
Ни своей змѣѣ — полюбовницѣ!»

Вотъ два пѣсенные первообраза, по которымъ мнѣ хотѣлось создать Мароу и Любашу. О Любашѣ нужно еще замѣтить, что она была воспитанницей Александровской Слободы, одной изъ обитательницъ слободскихъ гинекеевъ, и потому не могла быть разборчивой на средства къ достиженію своей цѣли: голосъ страсти легко долженъ былъ заглушить въ ней чувство стыда.

Перейдемъ къ другимъ дѣйствующимъ лицамъ.

Понятно, что такой характеръ, какъ характеръ Грязного могъ вылиться въ эту эпоху смутъ, козней и казней. Грязной не былъ однимъ изъ тѣхъ опричниковъ, которыхъ Курбскій называетъ «прегнуснодѣйными, богомерзкими кромѣшниками, тмы-тмами горшими палачей.» Нѣтъ. Онъ былъ, говоря словами Курбскаго же, однимъ изъ «согласующихъ Царю ласкателей и товарищей трапезы,» однимъ изъ молодцевъ, жалованныхъ Іоанномъ за отвагу и преданность, однимъ изъ тѣхъ, которые могли похвалиться:

«Было, братцы, попито-поѣдено,
Въ краснѣ-хорошѣ похожено,
Съ одного плеча платья поношено.»

Прихотливый, избалованный удачами, уже утомленный наслажденіями, Грязной полюбилъ Марѳу всѣми силами буйной души. Препятствія только раздражили его страсть. Безъ раскаянія, безъ сожалѣнія, погубилъ онъ Лыкова, земскаго: — врага по сердцу и по долгу; не пощадилъ прежней полюбовницы, но не пощадилъ и себя.... Безумная страсть и дикая сила воли вели его до конца, и онъ выкупилъ свой проступокъ страшными муками тѣла и души!... Смерть Висковатаго, Шибанова, Митькова и сотни другихъ, свидѣтельствуя объ упорныхъ нравахъ нашихъ предковъ, подтверждаетъ возможность существованія «вымышленнаго Грязного.»

О Лыковѣ не стоило бы упоминать, если бы вводъ его въ драму не былъ анахронизмомъ. Курбскій, разсказывая о казни Михаила Матвѣевича Лыкова, нарвскаго воеводы, говоритъ, что Царь убилъ съ нимъ «ближняго сродника его, юношу зѣло прекраснаго, въ самомъ наусію, иже посланъ былъ на науку во Ерманію и тамо навыкъ добрѣ Алеманскому языку и писанію: бо тамъ пребывалъ, учась, и объѣздилъ всю землю Нѣмецкую и возвратился былъ къ намъ въ отечество....» Но Лыковы казнены за годъ до смерти Марѳы. Еще одно замѣчаніе. Въ первомъ дѣйствіи Лыковъ защищаетъ нѣмцевъ и хвалитъ ихъ жизнь; эти похвалы относятся собственно къ внутреннему устройству Германіи и семейному быту германцевъ, а тишины и спокойствія въ эти года не могло быть въ Германіи.

Лицо Бомелія, извѣстное исторически, представляетъ много

затрудненій относительно языка: я предпочелъ ломанныя фразы искаженному выговору. Эта роль вся въ рукахъ актера.

Прочія лица драмы незначительны, но, кажется, очерчены вѣрно.

Вотъ краткая отповѣдь на нѣкоторые вопросы, могущіе возродиться при чтеніи моей драмы. Повторяю: основное ея слово — «могло быть.»

---

[2]) Историческое содержаніе моей драмы требуетъ нѣсколькихъ предварительныхъ словъ о стоицизмѣ вообще и объ укореніи его въ Римѣ.

Въ древнихъ Аѳинахъ, галерея, открытая сверху и украшенная картинами, называлась *стоа*. Философъ Зенонъ обратилъ такую галерею въ свою аудиторію, и основанная имъ [1]) философская школа получила названіе *стоической*. Современникъ Эпикура, вскормленный идеями послѣдователей Сократа, циниковъ и академиковъ, Зенонъ противопоставилъ скептицизму ученіе, опирающееся на нравственныхъ основаніяхъ [2]). Не распространяясь объ ученіи Зенона, скажемъ, что наука служили ему путемъ для достиженія мудрости; мудрость заключалась въ познаніи божества и людей, а примѣненная къ жизни, порождала добродѣтель. Добродѣтель, по понятіямъ Зенона, есть истая гармонія человѣка съ самимъ собою; она достигается владычествомъ надъ страстями, предполагаетъ въ человѣкѣ высшее внутреннее спокойствіе и изящество въ наслажденіяхъ; она не дѣлаетъ мудреца безчувственнымъ, но облекаетъ его несокрушимой броней и даетъ духу полную власть надъ тѣломъ, допускающую даже лишеніе себя жизни. Самопожертвованіе, или самолишеніе, Зенонъ считаетъ главною добродѣтелью, а порокомъ признаетъ такія человѣческія дѣйствія, которыя противорѣчатъ природѣ дѣйствующаго лица. Зенонъ и его ученикъ, Клеанѳъ Ассосскій, сами лишили себя жизни въ глубокой старости. Клеанѳъ подраздѣлилъ стоическую философію на діалектику, реторику, этику, политику, физику и теологію. Послѣ-

---

[1]) За 300 лѣтъ до Р. X.

[2]) ***Нравственныя основанія*** приняты здѣсь въ смыслѣ относительномъ: языческая мудрость — все-таки мудрость человѣческая и исчезаетъ предъ глаголами евангельскихъ истинъ.

дователь Клеаноа, Хризиппъ Солійскій [3]), приводитъ въ своей физикѣ явные доводы того, что вліяніе судьбы или необходимыхъ соотношеній между предметами, не можетъ стѣснять ни божественнаго промысла, ни человѣческой воли въ ея разумныхъ проявленіяхъ. Сочиненія Хризиппа образовали римскихъ философовъ, между которыми Сенека, Эпиктетъ и Маркъ Аврелій Антонинъ, кесарь-философъ, сдѣлались поборниками стоицизма. Римскіе философы обработали преимущественно практическую сторону стоицизма, а нравственную его силу старались развить назидательными сочиненіями; но сочиненія ихъ блестятъ заимствованнымъ свѣтомъ — вѣроятнымъ плодомъ тайныхъ сношеній стоиковъ съ христіанами.

Римскій стоицизмъ, или, правильнѣе, нео-стоицизмъ, возникшій еще до Катона, получаетъ полное развитіе въ первые годы правленія Нерона. Представителями стоицизма при Кесарѣ являются Сенека и Бурръ. Побѣдивъ своимъ вліяніемъ на Нерона вліяніе Агриппины, Сенека и Бурръ, послѣ ея смерти, управляютъ дѣлами Рима; но владычество ихъ было непродолжительно: оно кончилось со смертью Бурра, бывшаго префектомъ преторіи. Преемникъ его, Софоній Тигеллинъ, пріобрѣтаетъ полную довѣренность Нерона и съ этой минуты начинается борьба философовъ съ временщикомъ и его клевретами. Обстоятельства ея извѣстны: одни за другими слѣдуютъ изгнаніе и смерть Рубеллія Плавта, смерть его жены и тестя, смерть самого Сенеки и племянника его, поэта Лукана. Философы и стоики: Корнутъ, Персъ, Аполлоній и Музоній Руфъ изгоняются изъ Рима. Вмѣстѣ съ ними и тогда же (въ 67 году по Р. Х.) изгоняются римскій юрисъ-консультъ Кассій и родственникъ его Силанъ, оба — опоры стоической школы.

Въ это время, при консулахъ Каѣ Светоніи и Люціи Телезинѣ, выступаютъ нео-стоики: Тразеа Петъ и Соранъ Бареа.

Приведемъ нѣсколько отрывковъ изъ разсказа Тацита [4]).

XXI. «По умерщвленіи столькихъ именитыхъ мужей, Неронъ вознамѣрился напослѣдокъ истребить самую добродѣтель въ лицѣ Тразеи Пета и Бареи Сорана, которые оба ему были ненавистны

---

[3]) Умершій въ 212 году до Р. Х.

[4]) См. Тацита Лѣтописи, кн. XIV, гл. XXI и послѣдующія.

съ-давнихъ-поръ, а Тразеа по особеннымъ причинамъ, за то, что вышелъ изъ куріи, когда сенатъ разсуждалъ объ убіеніи Агриппины, о чемъ я уже упоминалъ, за то, что неохотно принималъ участіе въ ювенальскихъ играхъ — обида тѣмъ болѣе чувствительная, что въ своемъ родномъ городѣ Патавіи [5]), на учрежденныхъ Троянцемъ Антеноромъ играхъ въ честь, Тразеа пѣлъ въ трагедіи. При этомъ, въ тотъ день, когда осуждали на смерть претора Антистія, за сочиненныя на Нерона сатиры, Тразеа высказалъ болѣе снисходительное мнѣніе, одержавшее верхъ; а когда присуждали божескія почести Поппеѣ, самовольно отлучился изъ Сената и не былъ на похоронахъ. Эти поступки не предавались забвенію стараніями Капитона Коссуціана [6]), человѣка съ душою, склонною къ низости, и недруга Тразеи, за то, что Тразеа помогалъ своимъ авторитетомъ киликійскимъ легатамъ [7]), ходатайствовавшимъ о взысканіи съ Капитона за его лихоимство.»

Капитонъ поддерживалъ подозрѣнія Нерона постоянными упреками Тразеѣ въ непринесеніи торжественной присяги и жертвъ, въ нерадѣніи о благополучіи кесаря и т. д. По словамъ Капитона, Тразеа и его приверженцы-подражатели составляли партію, которая грозила открытою войною. «Жадный до раздоровъ городъ говоритъ о тебѣ, Неронъ, и о Тразеѣ, какъ о Ю. Кесарѣ и о М. Катонѣ... Провинціи и войско читаетъ дневники римскаго народа единственно для того, чтобъ убѣдиться изъ нихъ въ молчаніи и бездѣйствіи Тразеи... Впрочемъ, не пиши ни слова противъ Тразеи; пусть сенатъ разсудитъ между нимъ и мною.» Неронъ, одобривъ Капитона, далъ ему въ помощники Марцелла, оратора, замѣчательнаго силою краснорѣчія.

Между-тѣмъ Соранъ, по окончаніи азійскаго проконсульства, былъ обвиненъ римскимъ всадникомъ Сабиномъ Осторіемъ въ дружественныхъ сношеніяхъ съ Рубеліемъ Плавтомъ и въ намѣреніи снискать любовь провинціи для исполненія честолюбивыхъ замысловъ. Въ это время Римъ ожидалъ прибытія Тиридата, который долженъ былъ получить изъ рукъ Нерона армянскій вѣнецъ. Тразеѣ было запрещено появляться въ публикѣ. Тразеа написалъ Не-

---

[5]) Въ Падуѣ.

[6]) Тигеллиновъ зять.

[7]) Выборнымъ посламъ.

рону письмо, въ которомъ удостовѣрялъ, что если ему объявятъ его вину, онъ представитъ полное оправданіе. Противъ ожиданія, Неронъ не нашелъ въ этомъ письмѣ никакихъ льстивыхъ выраженій и повелѣлъ сенату собраться для сужденія Тразеи и Сорана.

Тразеа собралъ друзей. Одни совѣтовали ему оправдываться; другіе старались доказать, что всякое оправданіе навлечетъ только преслѣдованіе на супругу и дѣтей Тразеи. Молодой трибунъ Рустикъ Арулеnъ просилъ дозволенія воспротивиться сенатскому рѣшенію властью, присвоенною его званію, но Тразеа удержалъ этотъ порывъ благоразумнымъ совѣтомъ.

Тацитъ продолжаетъ такъ:

«На другой день, на разсвѣтѣ, двѣ когорты преторіанцевъ обложили храмъ Венеры-родотворной; толпа гражданъ тѣснилась у входа; по форумамъ и базиликамъ были разставлены отряды воиновъ; сенаторы вошли въ курію посреди этого скопища, нещадившаго угрозъ. Рѣчь кесаря была прочтена его квесторомъ. Не называя никого, Неронъ укорялъ сенаторовъ въ томъ, что они уклоняются отъ исполненія общественныхъ обязанностей и своимъ примѣромъ поощряютъ бездѣйствіе римскихъ всадниковъ. Неудивительно, что одни не являются къ должности изъ отдаленныхъ провинцій, когда другіе, получившіе консульство и жреческое достоинство, избрали исключительнымъ своимъ занятіемъ украшеніе садовъ.» Эта стрѣла была поймана обвинителями на-лету.

Капитонъ и Марцеллъ осыпали упреками отсутствовавшаго Тразею. Марцеллъ вопіялъ, между-прочимъ, что сенаторамъ стыдно оставлять безъ преслѣдованія законовъ Тразею, Гельвидія Приска, раздѣлявшаго вражду своего тестя, Паконія Агриппина, наслѣдника отеческой ненависти къ Нерону, и Курція Монтана, автора безстыдныхъ пѣсенъ.

Рѣчь Марцелла, всегда свирѣпаго и грознаго, а тогда пламенѣвшаго гнѣвомъ, устрашила сенаторовъ, хотя и убѣжденныхъ въ невинности обвиненныхъ.

Выписываемъ далѣе изъ Тацита:

XXX. «Между-тѣмъ входитъ Осторій Сабинъ, обвинитель Сорана, и укоряетъ его въ сношеніяхъ съ Рубелліемъ Плавтомъ и въ стремленіи, во время азійскаго проконсульства въ ущербъ Риму,

снискать народную любовь возмущеніемъ азійскихъ племенъ. Къ этимъ стариннымъ упрекамъ Осторій присоединилъ еще новый: онъ обвинилъ дочь Сорана въ раздачѣ денегъ волшебникамъ. И дѣйствительно, дочерняя привязанность породила это заблужденіе: Сервилія (такъ называлась молодая женщина), по любви своей къ отцу и по молодости лѣтъ, обращалась за совѣтами къ магамъ; но она хотѣла узнать единственно о томъ, какая участь ждетъ ея семейство, умилостивится ли Неронъ и не будетъ ли процесъ ея отца имѣть гибельныхъ послѣдствій?

«Итакъ Сервилія явилась въ Сенатъ. Передъ трибуналъ консуловъ предстали, съ одной стороны, престарѣлый отецъ, съ другой, дочь, едва достигшая двадцатилѣтняго возраста и уже осужденная на вдовство и одиночество недавнимъ изгнаніемъ ея супруга, Полліона. Сервилія не осмѣливалась взглянуть на своего отца, почитая себя виновною въ усиленіи грозившей ему опасности.»

XXXI. «Когда обвинитель спросилъ ее: не продавала ли она своего ожерелья и свадебныхъ подарковъ съ цѣлью употребить деньги на волхвованіе, Сервилія сначала простерлась ницъ, долго молчала и плакала; наконецъ, обнимая алтари, сказала: «Я не призывала подземныхъ боговъ»... и т. п.

Рѣчь ея и отвѣтъ Сорона сохранены, съ нѣкоторыми отступленіями, въ моей драмѣ. Чтобъ не повторять, продолжимъ повѣствованіе Тацита:

«Приступили къ слушанію свидѣтелей, и къ чувствамъ состраданія, возбужденнымъ жестокостью обвиненія, присоединились омерзѣніе и ужасъ, вызванные показаніемъ Эгнатія. Этотъ кліентъ Сорана, продавшій своего друга, прикрывался строгостью стоической секты, придавалъ своему лицу и всей наружности тщательно-изученное выраженіе благодушія, а въ глубинѣ души таилъ вѣроломство, обманъ, скупость и развратъ. Деньги обнажили всѣ пороки этого презрѣннаго, который доказалъ, что не только нужно опасаться отъявленныхъ хитрецовъ и людей, заклейменныхъ безчестіемъ, но что и подъ личиною добродѣтели скрываются иногда лицемѣры, а подъ личиною дружбы—предатели.

XXXIV «Тѣмъ неменѣе, въ этотъ же самый день, Кассій Аскле-

піодотъ явилъ собою примѣръ честности. Богатый и знатный виѳинецъ, онъ знавалъ Сорана въ дни его славы; не покинулъ и въ несчастіи.»

Описаніемъ послѣднихъ минутъ Тразеи оканчивается лѣтопись Тацита, но со смертью Тразеи не прекратилось значеніе стоицизма. При Веспасіанѣ, Гельвидій Прискъ, возвращенный изъ изгнанія, преслѣдуетъ обвинителя Тразеи, Марцелла; Музоній Руфъ преслѣдуетъ П. Эгнатія (Публій Эгнатій Целеръ).

Читатели могутъ усмотрѣть, на сколько остался я вѣренъ въ моей драмѣ разсказу Тацита, на сколько измѣнилъ его.

Напримѣръ: лицо мужа Сервиліи, Полліона, замѣнено лицомъ Рустика Арулена, которому придано названіе Валерія; вмѣсто Кассія Асклепіодота, защитниками нео-стоиковъ являются ихъ кліенты; Трезеа выведенъ на сцену вдовцомъ; участіе Нерона въ обвинительномъ процесѣ отстранено; дальнѣйшая судьба Тразеи и Сорана оставлена въ безвѣстности.

Отвѣчать на вопросы о причинахъ такихъ измѣненій — и долго и трудно. На всякій случай ограждаюсь пресловутымъ рѣченіемъ: *licentia poëtica!*

³) ***Римскій форумъ*** (Forum romanum). Декорація представляетъ собственно часть форума, прилегавшую къ Капитолію и священной дорогѣ. Зданія размѣщены по плану *Дезобри*, составленному по историческимъ указаніямъ и по остаткамъ знаменитаго древняго плана Рима, вырѣзаннаго на мраморѣ. [8]) Значеніе римскаго форума извѣстно: на немъ происходили засѣданія Сената и народныя собранія, рѣшались дѣла общественыя и частныя. Сенатъ собирался обыкновенно въ Юлійской Куріи, народъ въ Комиціумѣ; политическія дѣла разбирались въ базиликѣ Эмиліи, дѣла денежныя въ базиликѣ Аргентаріи и въ храмѣ Сатурна; частные процесы разсматривались въ трибуналѣ претора, при Колоннѣ-Менніи, и т. д.

⁴) ***Термополіи*** замѣняли у римлянъ современныя кофейни; въ нихъ преимущественно продавались подогрѣтыя вина и разные напитки [9]).

---

[8]) См. Poме au siècle d' Auguste par Desobry, t. I.

[9]) См. «Помпея» Классовскаго.

[5]) *Locusta*, Локуста — отравительница, содержавшаяся при началѣ правленія Нерона въ темницѣ. По случаю отравленія Британика, Неронъ освободилъ ее отъ заключенія, одарилъ и предоставилъ ей полную свободу дѣйствій. Впослѣдствіи она имѣла даже учениковъ [10]). Объ учиникахъ Локусты упоминаетъ также Ювеналъ [11]) Поэтому, въ первой декораціи моей драмы, имя Локусты, написанное на дверяхъ ея дома, служитъ какъ-бы вывѣскою школы.

[6]) *Игральныя кости* назывались у римлянъ *talt*; числомъ ихъ было четыре; видомъ онѣ походили на употребляемыя въ наше время, съ тою разницею, что были перемѣчены очками не со всѣхъ шести сторонъ, а только съ четырехъ, и именно: очкомъ, тремя, четырьмя и шестью.

Кости высыпались изъ рожка на особоустроенную доску, или на столъ. Число выпавшихъ на верхней сторонѣ очковъ и различное ихъ сочетаніе составляло 35 различныхъ *ударовъ*, названныхъ по именамъ боговъ, богинь, героевъ и т. д. Главнымъ ударомъ считался *ударъ Венеры*, состоявшій изъ четырехъ различныхъ чиселъ; самымъ неудачнымъ — *ударъ собаки*, состоявшій изъ четырехъ очковъ, по очку на каждой кости [12]). Игра въ кости бывала иногда очень-значительна; напримѣръ, Неронъ игралъ по 400 сестерцій на очко.

[7]) У римлянъ были въ обращеніи монеты мѣдныя, серебрянныя и золотыя Мѣдныя монеты были: *ассъ* и его подраздѣленія — *семиссъ* (полуассъ), *тріентъ* (треть), *квадрантъ* (четверть), *секстантъ* (шестая доля) и *стипсъ* (двѣнадцатая доля асса). Четыре асса составляли мелкую серебрянную монету — *сестерцію*, равную нашему пятачку. Другая серебрянная монета — *квинарій*, равнялась нашему гривеннику, *динарій* — двугривенному. Золотая монета была одна и называлась *nummus aureus*, или просто (*uareus* золотой), и стоила 25 динаріевъ. Считали обыкновенно сестерціями (*sestertius*), отъ которыхъ слѣдуетъ отличать боль-

[10]) См. Светонія въ Неронѣ, гл. 23, и Тацита Лѣт., XIII, 15.
[11]) Сат. I, 71.
[12]) См. Аавла, Гелле, I, 20. Проперція, II, 18. Марціала XIV, 14 и др.

шія сестерціи (*sestertium*), воображаемую монету, заключавшую въ себѣ 1000 обыкновенныхъ сестерцій. Другою воображаемою монетою былъ *талантъ*, стоившій около 300 р. сер. [13])

[8]) ***Aedèpol!*** Это слово сокращено изъ двухъ словъ: ***aede Pollucis*** и означаетъ: клянусь храмомъ Поллукса! Мужчины обыкновенно употребляли эту клятву въ минуту волненія страстей; женщины клялись Касторомъ: ***Mècastor!*** [14]).

[9]) ***Патроны и кліенты.*** Слово патроны (***patroni***) происходитъ отъ ***patres*** (отцы), слово кліенты (***clientes***) — отъ ***colentes*** (почитающіе). Ромулъ, при учрежденіи гражданской системы Рима, предоставилъ каждому плебею выбирать себѣ защитника и покровителя изъ среды патриціевъ. Обязанности покровителей, или патроновъ, и покровительствуемыхъ, или кліентовъ, были обоюдны и заключались въ слѣдующемъ: 1) Патронъ долженъ былъ замѣнять кліентамъ отца, долженъ былъ заботиться—какъ о присутствовавшихъ, такъ и объ отсутствовавшихъ кліентахъ; долженъ былъ объяснять имъ гражданскія ихъ обязанности, оказывать денежныя пособія, защищать отъ несправедливостей, и, словомъ: охранять ихъ во всѣхъ дѣлахъ общественныхъ и частныхъ. 2) Кліенты были обязаны хлопотать о замужествѣ дочерей своего патрона, въ случаѣ его недостаточности, помогать ему собирать приданое, выкупать изъ плѣна, какъ самого патрона, такъ и его дѣтей; платить за того и за другихъ въ случаѣ проигранной тяжбы и доставлять имъ деньги, необходимыя для занятія общественныхъ должностей и для другихъ общественныхъ расходовъ. Патронамъ и кліентамъ воспрещались взаимныя обвиненія и свидѣтельства передъ судомъ, возбранялась и взаимная вражда: уличенный въ одномъ изъ этихъ проступковъ считался измѣнникомъ, а по закону Ромула, всякій гражданинъ имѣлъ право убить измѣнника [15]).

Эти отношенія патроновъ и кліентовъ, сохранявшіяся въ теченіе шести вѣковъ, ощутительно измѣнились при кесаряхъ. Еще при Августѣ, слово «кліентъ» означало (за немногими исключені-

---

[13]) См. Плинія, XXX, 3.

[14]) См. Плавта.

[15]) См. Плутарха Ромулъ 13, Марій 5 и Діон. Галикарн., II, 10.

ями) бѣдняка, обязаннаго, за кусокъ насущнаго хлѣба, льстить и всячески угождать богатому патрону, незнавшему своего кліента даже и по имени. Съ утра толпясь въ атріумѣ патрона, кліенты по нѣскольку часовъ дожидались выхода своего лѣниваго покровителя и ежедневной подачки (sportula), состоявшей или изъ съѣстныхъ припасовъ, или изъ незначительной суммы. Марціалъ упоминаетъ, что въ его время любимые кліенты получали каждый день отъ своихъ патроновъ до трехъ динаріевъ; [16]) но большая часть довольствовалась десятью сестерціями въ мѣсяцъ. Правда, что кліентамъ не возбранялось имѣть по нѣскольку патроновъ и что многіе изъ плебеевъ успѣвали въ одно утро обѣгать за подачками до десяти домовъ. Подобныя отношенія породили, съ одной стороны, высокомѣріе, съ другой—готовность на всякую низость и вѣроломство: кліенты продавали себя тому, кто имъ платилъ дороже, и не питали ни къ кому особенной привязанности. Но между-тѣмъ самая продажность кліентовъ вынуждала патроновъ къ строгому выполненію ихъ обязанностей, и это понятно: кліенты были гражданами и имѣли голоса на выборахъ въ общественныя должности, а съ этими должностями соединялось и политическое значеніе, и богатство. Рѣдкіе примѣры привязанности кліентовъ къ патронамъ составляли исключеніе изъ общаго правила, но тѣмъ не менѣе они достовѣрны. Римляне дѣлили кліентовъ, по мѣрѣ приближенности ихъ къ патронамъ, па нѣсколько разрядовъ: тѣ, которыхъ обязанность состояла единственно въ обычномъ посѣщеніи и поклонѣ, назывались *salutatores*, выходившіе съ патрономъ изъ дома именовались *anteambulones*, а сопровождавшіе его повсюду—*assectatores* и *prosecutores* [17]). Намъ остается замѣтить, что патроны могли быть въ то же время и кліентами. Напримѣръ: Помпей былъ кліентомъ оратора Гортензія [18]), Марій былъ кліентомъ Герсинія [19]).

[10]) Съ большою вѣроятностью можно полагать, что полента

[16]) См. Марціала, III, 7. IV, 26. IX, 103. X, 75.

[17]) См. Цицерона de Petit. Consul. Тацита de Orat. 13. Марціала, II, 18.

[18]) См. Сенеку Controvers, VII, 2.

[19]) См. Плутарха, Марій, 5. Катуллъ (46, V. 7) называетъ Цицерона всесвѣтнымъ патрономъ, «optimus omnium patronus».

употреблялась древними римлянами [20]. *Dea Fornax* была кухонною богинею римлянъ.

[11]) *Атріумъ.* Постройка римскихъ домовъ [21]) и расположеніе комнатъ имѣли нѣкоторыя особенности, непонятныя для незнакомыхъ съ древнею архитектурою.

Чтобъ дать нашимъ читателямъ понятіе объ устройствѣ римскихъ домовъ, приведемъ описаніе Дизобри [22]).

Авторъ переноситъ насъ въ вѣкъ Августа и заставляетъ присутствовать при осмотрѣ дома Мамурры тогдашнимъ архитекторомъ-писателемъ Витрувіемъ, который показываетъ это вновь-отстроенное имъ зданіе молодому галльскому путешественнику Камулогену и греческому писателю Діонисію Галикарнасскому.

«Витрувій-старикъ: изъ уваженія къ его лѣтамъ, я (Камулогенъ) и Діонисій отправились къ нему на домъ, а отъ него пустились въ путь уже втроемъ. Взобравшись на Целіусъ, мы вышли на площадку передъ домомъ Мамурры. Я поспѣшно прошелъ площадку и направился-было къ двери дома, но Витрувій остановилъ меня словами: «Не торопись Камулогенъ; здѣсь должно начаться наше объясненіе. Ты нѣсколько разъ проходилъ эту площадку, но знаешь ли, что она составляетъ часть дома и знаешь ли, какъ она называется? Это—сѣни (aréa или vestibulum), продолжалъ Витрувій, замѣтивъ, что я молчу. Мнѣ нѣтъ нужды объяснять тебѣ, что находящаяся посреди сѣней статуя представляетъ, по обычаю, хозяина дома. Статуя отлита изъ мѣди и изображаетъ Мамурру на конѣ, въ одѣяніи префекта работнаго отряда при кесарскомъ войскѣ. При постройкѣ большаго дома, мы имѣемъ обыкновеніе оставлять между фасадомъ зданія и улицей пустое пространство, обрамляемое или портиками, или двумя сосѣдними домами. Эти сѣни придуманы для того, чтобъ кліентамъ, приходящимъ иногда къ патрону съ слишкомъ раннимъ поклономъ,

---

[20]) См. «Помпею» Классовскаго и Rome au siècle d' Auguste, Desodry, t. I., l. XIV.

[21]) Дома раздѣлялись на собственно домы (domus) и на такъназываемые *острова* (insulae), дома-особняки, окруженные со всѣхъ сторонъ улицами.

[22]) Rome au sieclè d' Auguste. Lettre IX.

не дожидаться пробужденія невольниковъ на улицѣ. Теперь пойдемъ: здѣсь нечего болѣе осматривать.»

«При этихъ словахъ, онъ приблизился къ двустворчатой дубовой двери, вставленной между двухъ пилястровъ, увѣнчанныхъ изящнымъ карнизомъ, половинки двери были обиты мѣдью и усажены крупными гвоздями, съ золотой насѣчкой на шляпкахъ. Витрувій позвонилъ въ колокольчикъ, употребляющійся почти во всѣхъ домахъ для призыва придверника, и мы уже переступали порогъ, какъ вдругъ передъ нами появился изъ своей келейки придверникъ (ostiarius) и, протянувъ длинный прутъ, крикнулъ: «Кто вы?» Въ то же мгновеніе помѣщенная рядомъ съ придверникомъ собака (римляне постоянно держатъ у входа въ домъ собакъ, какъ помощниковъ сторожей), залаяла такъ сильно, что нѣсколько времени мы не могли разслушать другъ друга. Придверникъ насъ узналъ, заставилъ замолчать пса, и мы вошли въ коридоръ, устланный штучнымъ помостомъ изъ бѣлаго мрамора, перемѣшаннаго съ квадратиками изъ чернаго мрамора.

«Мы теперь въ *протирумѣ*» (protyrum) сказалъ Витрувій...

Въ концѣ протирума, ощутительно покатаго къ дверямъ, находится вторая дверь: она ведетъ на красивый четырехъ-угольный дворъ, обнесенный со всѣхъ сторонъ мраморными колоннадами, образующими портики.

«Мы называемъ этотъ дворъ *атріумомъ*» продолжалъ Витрувій. «Слово atrium, происходитъ отъ Atria, этрусскаго города, въ которомъ получила начало эта счастливая архитектоническая выдумка—примкнуть къ дому крытые портики, подъ которыми можно прогуливаться въ тѣни, а посреди двора устроить водоемъ, отъ котораго вѣетъ свѣжею прохладою... Ежели вы хотите знать поименно всѣ части атріума, я вамъ скажу, что примыкающіе къ дому портики называются *cavaedia*, невымощенное пространство, т. е. самый дворъ называется *impluvium*, а водоемъ, находящійся въ его центрѣ—*comluvium* [23]).

---

[23]) Г. Классовскій высказалъ болѣе-вѣроятное мнѣніе, что слово *дождникъ* (compluvium) должно было означать отверстіе, оставляемое въ потолкѣ атріума, для пропуска дневнаго свѣта и дождевой воды, стекавшей въ impluvium, водоскопильникъ.

Поименовавъ пять видовъ атріума: тосканскій (*Toscanicum*), четырехъ-колонный (*tetrastyle*), коринѳскій (*Corinthium*), бездождничный, или атріумъ съ сплошнымъ навѣсомъ *displuviatum* и черепаховидный (*testudinatum*), авторъ продолжаетъ.

«Замѣтьте украшенія атріума. Колонны въ немъ изъ цѣльныхъ кусковъ бѣлаго лунскаго мрамора; помостъ, изъ того же мрамора, обрамленъ черною чертою, для отдѣленія отъ стѣнъ, которыхъ обводы выложены также мраморомъ, а верхняя часть покрыта живописью. «И очень странною, сказалъ я Витрувію. Сколько разъ останавливался я передъ этими рисунками, а все-таки не понимаю значенія этихъ фигуръ людей и животныхъ, оканчивающихся причудливыми орнаментами. Напримѣръ: что означаютъ эти бюсты женщинъ съ хвостами дельфиновъ, эти листья, свивающіеся въ раковины, эти цвѣты, изъ чашечки которыхъ выходитъ передняя часть льва? Воображеніе живописца, расписавшаго эти портики, слишкомъ ужь вычурно...»—«Скажи лучше, сумасбродно», возразилъ нашъ проводникъ. Прежде живописцы старались примѣнять свои рисунки къ роду, положенію и назначенію комнатъ, но теперь все перемѣнилось, и Мамурра, какъ и всякій другой, уступилъ общему вліянію дурнаго вкуса.

По-крайней-мѣрѣ этимъ мнѣніемъ объясняется хозяйственное значеніе дождника: онъ служилъ для освѣщенія римскихъ комнатъ, неимѣвшихъ оконъ на улицу, потому-что римляне до конца перваго вѣка не знали употребленія оконныхъ стеколъ и свѣтъ проникалъ въ ихъ комнаты сквозь окна, закрываемыя на ночь ставнями, или сквозь окошечки, прорѣзываемыя въ дверяхъ. Для сохраненія въ комнатахъ тепла и для защищенія ихъ отъ дождя, необходимо было обратить окна на внутренній дворъ, крытый навѣсомъ, или на *атріумъ*. Недостаткомъ дневнаго свѣта въ римскихъ домахъ порождены, по словамъ г. Классовскаго, многія условія домашней жизни древнихъ, какъ-то: а) ихъ ночныя занятія всѣмъ, что не могло совершаться на форумѣ; напримѣръ, чтенія, пиршества, дружескія собранія; б) отсутствіе зданій для помѣщенія школъ, кабинетовъ чтенія, присутственныхъ мѣстъ и т. п., несообразное съ тѣмъ, что мы положительно знаемъ о большомъ числѣ въ древности тяжебъ, риторовъ, софистовъ и преподавателей наукъ, о числѣ, предполагающемъ цѣлыя сотни слушателей.»

Посѣтители разсматриваютъ въ атріумѣ разныя мѣдныя и мраморныя статуи—произведеніе иностранныхъ художниковъ. Витрувій указываетъ имъ на льняное пурпуровое покрывало, натянутое надъ атріумомъ. «Оно поддерживаетъ такую свѣжесть, говоритъ онъ, что въ атріумѣ можетъ рости мохъ». Глубину атріума занимаютъ три комнаты: пріемная (tablinum) и крылья (alae). Въ первой хранятся семейные архивы, во вторыхъ—семейные портреты, т. е. восковые фигуры, каждая въ отдѣльномъ шкапу; надписи на шкапахъ означаютъ титулъ, заслуженныя почести и подвиги изображеннаго лица.

— Начнемъ по порядку, сказалъ Витрувій. — Не выходя изъ атріума, осмотримъ окружающія его комнаты. Начнемъ со столовыхъ (triclinia). Онъ отворилъ нѣсколько дверей, однѣ за другими, а мы послѣдовали за нимъ.

— Столовые блещутъ роскошью утвари и всѣми затѣйливыми выдумками утонченнаго римскаго вкуса. Онѣ размѣщены сообразно временамъ года; зимнія обращены на западъ, весеннія и осеннія на востокъ, лѣтнія на сѣверъ... украшены колоннами и вымощены или мраморными плитами, или мозаикою.

По бокамъ атріума находятся съ лѣвой стороны кухня, сараи и конюшни (carceres, equilia) съ правой — пекарня и помѣщеніе для рабовъ.

Мы снова вошли въ атріумъ

— Все, что вы видѣли до-сихъ-поръ (сказалъ намъ Витрувій), составляетъ переднюю половину дома, половину публичную, въ которую могутъ проникать кліенты. Теперь мы осмотримъ *хозяйскую* половину, въ которую никто не можетъ войти безъ приглашенія. Пройдемъ этими коридорами, (fauces), проведенными съ обѣихъ сторонъ пріемной. Мы въ перистилѣ.

— Этотъ портикъ, болѣе длинный чѣмъ короткій, и поддерживаемый колоннами, напоминаетъ своей формою атріумъ, но убранъ гораздо-роскошнѣе: передъ каждою колонною возвышается статуя; между колоннъ вырыты канавки (plutei); онѣ обложены мраморомъ, наполнены землею и замѣняютъ цвѣточныя грядки Посреди перистиля находится цвѣтникъ (xystus) и мраморный фонтанъ.

Витрувій направляется къ западной оконечности перистиля и

водитъ посѣтителей въ разныя залы, украшенныя колоннами. — Вотъ женское отдѣленіе, сказалъ онъ. — Эти залы называются *oeci* и служатъ женщинамъ рукодѣльнями [24]).

За рукодѣльнями слѣдуетъ библіотека; она обращена на востокъ, потому-что въ ней занимаются обыкновенно утромъ.

На западной оконечности перистиля Витрувій показываетъ *экзедру* — большую галерею, украшенную живописью и служащую для пріема ученыхъ людей, ораторовъ и поэтовъ. Въ экзедру входятъ чрезъ *базилику*, ничѣмъ неотличающуюся отъ базиликъ общественныхъ. Изъ экзедры посѣтители переходятъ въ бани и въ игорныя залы. Зала для игры въ мячъ называется *spheristerium*, а залы для болѣе-мирныхъ игоръ—*aleatoria*. Возвратясь снова въ перистиль, посѣтители осматриваютъ расположенныя вокругъ него *спальни*, (*cubicula*) и *божницу* (*sacrarium*).

— Намъ остается осмотрѣть верхніе этажи дома (*coenacula*), сказалъ Витрувій:—но въ нихъ нѣтъ ничего любопытнаго. Полюбуемся лучше общимъ видомъ дома. Пойдемте на *solarium*. Вы, безъ-сомнѣнія, знаете, продолжалъ онъ, что такъ называется терраса, возвышающаяся надъ главнымъ корпусомъ зданія и служащая мѣстомъ прогулки. На solarium всходятъ иногда погрѣться весенними или осенними лучами солнца...

Общій видъ дома привелъ Діонисія и меня въ истинное изумленіе: Витрувію пришлось поименовывать отдѣльно каждую часть зданія, для доказательства, что передъ нашими глазами находится одинъ домъ, а не семь или восемь.

Сойдя съ террасы, посѣтители выходятъ изъ дома тайнымъ ходомъ (*posticum*) въ заднюю дверь (*pseudothyrum*); но при выходѣ Витрувій обращаетъ ихъ вниманіе на особый портикъ, примыкающій къ картинной галереѣ (*pinacotheca*).

Греческія названія комнатъ указываютъ на происхожденіе римской архитектуры отъ греческой.

Верхніе этажи занимались или бѣдными жильцами, или невольниками: Вотъ почему въ моей драмѣ сказано:

«Конурка Неволеи наверху,
Подъ дождникомъ.»

---

[24]) Классовскій считаетъ *oeci* будуарами.

[12]) О колокольчикахъ см. Плинія, XXXVI, 19.

[13]) *Мессалина — Статилія* [25]), третья супруга Нерона. Она была внукою Статилія Тавра, одного изъ консуловъ при Августѣ; вышла за мужъ за Нерона, послѣ четвертаго своего супруга, консула Вестина; по смерти Нерона, намѣревалась сочетаться бракомъ съ кесаремъ Оттономъ и одна преждевременная кончина кесаря помѣшала исполненію этого намѣренія. Красавица и образованнѣйшая женщина своего времени, Статилія занималась риторикой и философіей и написала нѣсколько сочиненій, недошедшихъ до насъ.

[14]) *Софоній Тигеллинъ*, родомъ изъ Агригента, былъ изгнанъ изъ Рима при Калигулѣ, за преступную связь съ Агриппиной. Нѣсколько лѣтъ провелъ онъ въ изгнаніи, проживая въ калабрскомъ городѣ Сквиллаціумѣ и занимаясь рыбною ловлей. Неожиданно доставшееся наслѣдство дало ему возможность пріобрѣсти въ Калабріи пажити, на которыхъ онъ воспитывалъ отличную породу бѣгуновъ для цирка. Это занятіе сблизило Тигеллина съ Нерономъ. Впослѣдствіи Тигеллинъ сдѣлался префектомъ преторіи и всевластнымъ человѣкомъ. Тацитъ (см. Истор. кн. 1, гл. 72) говоритъ о Тигеллинѣ такимъ образомъ: «Софоній-Тигеллинъ, низкаго происхожденія, развращенный съ малолѣтства, безстыдный въ старости, достигъ своими пороками (а тогда пороки были ближайшимъ путемъ къ достиженію чего-нибудь) префектуры городской стражи, префектуры преторіи и всѣхъ почестей, вознаграждающихъ добродѣтель. Потомъ, прославившись другими, болѣе-зрѣлыми преступленіями, жестокостями и грабежами, онъ увлекъ во всѣ эти злодѣянія Нерона, совершалъ ихъ, даже безъ вѣдома кесаря, и кончилъ тѣмъ, что оставилъ его и предалъ. Поэтому римляне никогда еще не требовали съ такимъ ожесточеніемъ ни чьей смерти, какъ смерти Тигеллина; въ этомъ требованіи соединились и тѣ, которые ненавидѣли Нерона, и тѣ, которые о немъ сожалѣли. При Гальбѣ Виній поддерживалъ Тигеллина своею властью, подъ тѣмъ предлогомъ, что Тигеллинъ спасъ жизнь его дочери. И въ-самомъ-дѣлѣ Тигеллинъ ее спасъ, но не изъ милосердія, а по разсчету.»

---

[25]) См. Тацита Лѣт., кн. XV, LXVIII.

[15]) *Базиликами* назывались общественныя зданія, въ которыхъ производились и рѣшались общественныя дѣла.

[16]) *Панаѳенеи*. Римляне, заимствовавшіе свою религію отъ грековъ, естественно заимствовали вмѣстѣ съ нею религіозные обряды и процессіи. Къ послѣднимъ относится шествіе *канефоровъ*, происходившее во время празднества *Панаѳеней*. Панаѳенеи учреждены были греками съ незапамятныхъ временъ, въ честь побѣды Минервы надъ титанами. Тезей установилъ ежегодное ихъ празднованіе въ память соединенія всѣхъ аттическихъ племенъ, отчего и происходитъ греческое названіе празднества. Панаѳенеи праздновались въ первый мѣсяцъ послѣ солнцестоянія и продолжались нѣсколько дней: ристанія на колесницахъ, конныя скачки, состязанія пѣвцовъ и музыкантовъ, бѣганье съ зажжеными свѣтильниками и общія трапезы ознаменовывали народное торжество.

Самое шествіе канефоровъ, то-есть *корзиноносцевъ*, приведено въ моей драмѣ; оно взято изъ описанія *Бартелеми* [26]).

Перенесенныя въ Римъ, празднества панаѳеней подверглись нѣкоторымъ измѣненіямъ Г. Классовскій замѣчаетъ, что впослѣдствіи шествіе канефоровъ внесено въ кругъ свадебныхъ римскихъ обрядовъ [27]). Въ корзинахъ, носимыхъ канефорами, заключались священныя орудія, священные пироги и разные жертвенные аттрибуты.

([17]) *Онъ льва задушитъ голыми руками*. По поводу этого стиха и послѣдующихъ, считаю нужнымъ привести нѣсколько строкъ Светонія, обрисовывающихъ личность Нерона. ([28])

«Неронъ, съ дѣтскихъ лѣтъ, упражнялся почти во всѣхъ свободныхъ искусствахъ; но Агриппина отклонила его отъ изученія философіи, по ея мнѣнію, безполезной для будущаго кесаря, а учитель его, Сенека, возбранилъ ему чтеніе древнихъ ораторовъ, чтобы на одномъ себѣ сосредочить удивленіе своего питомца. Итакъ Неронъ обратился къ поэзіи и сочинилъ, безъ труда и безъ усилій, нѣсколько стихотвореній. Несправедливо увѣряютъ, что онъ выдавалъ чужіе стихи за свои: у меня были таблички со стихами,

---

[26]) См. Voyage d' Anacharsis, t. II., ch. XXIV.

[27]) См. «Помпею» Классовскаго.

[28]) См. Свет. Неронъ, LII, LIII, LIV и LV.

несомнѣнно-принадлежащими Нерону и написанными его рукою. Легко было убѣдиться, что эти стихи не были ни переведены, ни написаны подъ диктовку, а составляли плодъ заботливаго размышленія:—такъ много было въ нихъ поправокъ, вставокъ и помарокъ. Онъ имѣлъ также замѣчательную склонность къ живописи, и въ особенности къ ваянію.

«Алкавшій болѣе всего народныхъ рукоплесканій, Неронъ являлся соревнователемъ всякого, кто имѣлъ какое бы то ни было вліяніе на толпу. Общее мнѣніе утверждало, что, не довольствуясь вѣнками; полученными на сценѣ театра, Неронъ намѣревался въ слѣдующее пятилѣтіе появиться на олимпійской аренѣ между атлетами. И дѣйствительно, онъ тщательно упражнялся въ борьбѣ, а на гимнастическія игры въ Греціи смотрѣлъ не иначе, какъ сидя, по обычаю судей, на пескѣ стадіума: ежели какая-нибудь пара борцовъ удалялась отъ центра арены, онъ собственными руками приводилъ ихъ снова на средину. *При этомъ, такъ какъ его называли Аполлономъ за пѣніе и Өебомъ за искусство править колесницею, онъ вознамѣрился подражать подвигамъ Геркулеса и, говорятъ, былъ уже приготовленъ левъ, котораго Неронъ хотѣлъ убить дубиной, или задушить голыми руками на аренѣ амфитеатра, передъ глазами всего народа...*

«При концѣ своей жизни, онъ далъ торжественный обѣтъ: ежели одолѣетъ враговъ, отпраздновать побѣду играми и впродолженіе ихъ играть на гидравлическомъ органѣ, на флейтѣ и на волынкѣ, а въ послѣдній день игоръ сдѣлаться гистріономъ и проплясать *Turuns* Виргилія.

«Желаніе увѣковѣчить свою память обратилось у него въ плачевное помѣшательство. Такимъ-образомъ онъ измѣнилъ названія многихъ предметовъ и даже городовъ, чтобы придать имъ свое имя. Мѣсяцъ апрѣль онъ назвалъ мѣсяцомъ Нерона (Neroneum) и намѣревался назвать Римъ *Нероноградомъ* (Neropolis).»

[18]) *Квадрига* — четверка коней.

[19]) *Отпущенникъ*. Значеніе римскихъ отпущенниковъ превосходно развито у Шампаньи въ его сочиненіи «Кесари». Перескажемъ нѣсколько его словъ·

Римляне не были очень склонны къ дружественнымъ отношеніямъ. Друзья видались на форумѣ между двухъ рѣчей. Женщины оставались дома, съ ними обращались почтительно, болѣе какъ съ матронами, чѣмъ съ супругами: онѣ пряли шерсть и не являлись къ столу. Ученый, вѣрный и сметливый рабъ провожалъ своего господина на форумъ, не отходилъ отъ него дома, лежалъ у его ногъ во время пира, льстилъ ему, развеселялъ его, оказывалъ ему тысячи услугъ и заботъ, на которыя не согласились бы ни одинъ римлянинъ, ни одна римлянка. Этотъ рабъ былъ наперсникомъ, неизмѣннымъ, а иногда и безстыднымъ повѣреннымъ римскаго гражданина. Взоры его постоянно были обращены на одну цѣль — полученіе свободы. Когда же онъ прикрывался колпакомъ отпущенника, когда господинъ облекалъ его тогою, онъ, въ качествѣ свободнаго человѣка, становился еще необходимѣе, еще полезнѣе. Чѣмъ ниже онъ стоялъ въ обществѣ, чѣмъ меньше возбуждалъ зависти, чѣмъ меньше принималъ громкаго участія въ дѣлахъ, тѣмъ яснѣе понималъ онъ ихъ, тѣмъ лучшимъ становился совѣтникомъ. Отпущенникъ былъ произведеніемъ своего господина, носилъ его имя, былъ членомъ его фамиліи, увеличивалъ на форумѣ число его кліентовъ, вступалъ какъ-бы въ родство съ своимъ господиномъ-благодѣтелемъ и, не выходя изъ его дома, оставался человѣкомъ, готовымъ на всѣ услуги, но не слугою, не рабомъ: отпущенникъ и господинъ, какъ свободные люди, дѣлались друзьями, и ихъ отношенія облагороживались отпущенничествомъ, всегда выражавшимъ благодѣяніе съ одной и преданность съ другой стороны. Отпущенники кесаря имѣли иное значеніе...

Дальнѣйшее объясненіе Шампаньи не идетъ къ дѣлу. Замѣтимъ только, что кесарскіе отпущенники имѣли огромное вліяніе на дѣла: неоспоримыя доказательства на-лицо у Тацита, Светонія, Плинія, Ювенала и Діона.

[20]) А *старый гдѣ?* Аферъ намекаетъ на пожаръ Рима, приписываемый Светоніемъ и Тацитомъ Нерону. Однакожь, Неронъ обвинилъ въ этомъ пожарѣ христіанъ, выкупившихъ страшными муками несовершенное ими преступленіе.

[21]) ***И самъ сновидѣцъ съ горя удавился!*** Въ 66-мъ г. по Р. X., нѣкто Цезеллій Бассъ, родомъ карѳагенецъ, прибылъ въ Римъ и, явившись къ Нерону, объявилъ, что посланное богами

сновидѣніе указало ему, подъ его полемъ, глубокую пещеру, наполненную огромными золотыми слитками и золотыми колоннами. По его мнѣнію, это сокровище принадлежало нѣкогда Дидонѣ, которая зарыла его, тотчасъ же по основаніи Карѳагена, во избѣжаніе новой вражды съ нумидійскими царями. Неронъ не только повѣрилъ на слово карѳагенцу, но отрядилъ ему въ помощь цѣлыя толпы воиновъ и поселянъ и далъ въ его распоряженіе лучшія свои суда, для перевоза сокровища въ Римъ; мало того: въ счетъ будущихъ благъ, онъ истратилъ огромныя суммы на подарки своимъ друзьямъ Между-тѣмъ Бассъ, перерывъ все свое поле и большое пространство окружной земли, долженъ былъ наконецъ убѣдиться въ своемъ безуміи. Тацитъ, разсказывающій это происшествіе, заключаетъ: «Не постигая какимъ образомъ всѣ его сновидѣнія дотолѣ сбывались, а послѣднее его обмануло, Бассъ избавился отъ стыда и страха добровольною смертью. Нѣкоторые удостовѣряютъ, что онъ былъ заключенъ въ темницу, но вскорѣ освобожденъ, а имѣніе его конфисковано, взамѣнъ (небывалаго) клада.»

[22]) ***Ты началъ говорить о христіанахъ.*** Повѣствованіе о водвореніи въ Римѣ истинной вѣры принадлежитъ исторіи Церкви. Дѣянія святыхъ апостоловъ, житіе священномучениковъ и первыхъ отцовъ Церкви освѣтили передъ міромъ и торжество евангельскаго ученія, и тернистые пути, по которымъ страстотерпное воинство Христово, ***отвержась себѣ,*** несло крестъ свой во имя Искупителя.

Мы, съ своей стороны, приведемъ первыя свидѣтельства римскихъ писателей о христіанахъ.

Светоній смѣшиваетъ сначала христіанъ съ іудеями; но въ описаніи правленія Нерона уже называютъ христіанъ по имени: ***«afflicti suppliciis christiani, genus hominum superstitionis novae ac maleficae.»***

Тацитъ въ XV-й книгѣ выражается такъ: «Для уничтоженія этихъ слуховъ (то есть слуховъ, обвинявшихъ Нерона въ пожарѣ Рима), Неронъ сталъ разыскивать виновныхъ и подвергъ страшнымъ мученіямъ несчастныхъ, которыхъ обыкновенно называютъ христіанами». Описывая мученія христіанъ, Тацитъ говоритъ: «Казнь ихъ была сопряжена съ какимъ-то посмѣяніемъ: ихъ зашивали въ звѣриныя шкуры и травили псами; ихъ обливали смо-

лой, привязывали къ крестамъ и ночью зажигали вмѣсто факеловъ. Неронъ уступилъ свои сады для этого зрѣлища, а самъ въ тоже время давалъ игры въ циркѣ, толкался между народомъ въ одѣяніи возницы и правилъ колесницами; поэтому христіане, хотя были виновны [29]), возбудили общее состраданіе.

Тацитъ описывалъ казнь христіанъ не бывши ея очевидцемъ; но другой писатель, Сенека, повидимому, былъ личнымъ свидѣтелемъ смерти мучениковъ. Подтверждая свидѣтельство Тацита, онъ говоритъ [30]): «Мученики спокойно и съ веселой улыбкой смотрѣли на свои растерзанныя утробы и ставили страданія ни во что. Итакъ да не убоится тотъ угрозъ, кто понялъ вѣчность своей душою. Да и какъ ихъ бояться тому, для кого смерть — надежда!» Марціалъ [31]) и Ювеналъ [32]) упоминаютъ съ содроганіемъ о безчеловѣчныхъ мукахъ, исчисленныхъ Тацитомъ.

Между-тѣмъ христіане, со времени гоненія, воздвигнутаго на нихъ Нерономъ, не могли уже гласно появляться въ Римѣ. Оставшіеся въ живыхъ укрылись въ *катакомбахъ*, гдѣ и основалась первая церковь, утвердившая свои алтари во мракѣ этихъ погребальныхъ подземелій, этихъ бывшихъ каменоломень, изъ которыхъ вышли зданія языческаго Рима и долженствовалъ излетѣть духъ Рима христіанскаго.

[23]) *Термы Агриппы*. Термами у римлянъ назывались бани. Термы Агриппы были одиѣми изъ общественныхъ бань, въ которыхъ римляне проводили по нѣскольку часовъ въ день. Термы строились съ необычайной роскошью и великолѣпіемъ, украшались произведеніями изящныхъ искусствъ и вмѣщали въ себѣ всѣ удобства общественной жизни: при нихъ находились библіотеки, столовыя, игорныя залы и т. и. Считая излишнимъ входить въ подробности, замѣтимъ только, что римскія общественныя термы могли назваться городками. Любознательные читатели найдутъ описанія термъ у Лампридія, Марціала, Амміена Марцеллина и другихъ.

---

[29]) Благоволятъ гг. читатели попомнить, что здѣсь, также, какъ и въ моей драмѣ, говоритъ язычникъ.

[30]) См. Сенеку Ess. 14, 85 и 102.

[31]) См. Марц., X.

[32]) См. Ювен., VIII, 235 id. Sat., I, 155.

[24]) *По мнѣнію ученыхъ*. Я позволилъ себѣ эту шутку на объясненіе г Классовскимъ изображенія на жертвенномъ возліяльникѣ рогатаго сатира [33]). Въ моей драмѣ Пакопій измѣняетъ стихъ Горація, который читается такъ: *in praelia trudit inermem.*

[25]) *Напомнить соименницу свою*. Мессалину Валерію, жену Клавдія, извѣстную своей жестокостью и распутствомъ.

[26]) *И прекратить ехидные доносы*. По римскимъ законамъ, имѣніе осужденнаго поступало въ казну, то-есть въ пользу кесаря. Расточительному Нерону нужны были деньги, а деньги доставлялись очень-легко, по завѣщаніямъ осужденныхъ, поставленныхъ въ необходимость отказывать часть своего имущества кесарю и Тигеллину, безъ чего ихъ дѣти и родственники лишались наслѣдства. Отсюда множество доносовъ и доносчиковъ, губившихъ общественную жизнь Рима [34]).

[27]) *Деметрій*, философъ-циникъ, былъ другомъ Тразеи и стоиковъ, преслѣдовалъ своими рѣчами роскошь и развратъ богатыхъ римлянъ, которые охотно собирались его слушать. Впослѣдствіи онъ былъ изгнанъ изъ Рима.

[28]) ***Благословите, Гигія и Бахусъ!*** Излишне говорить о роскоши римскихъ пировъ и о римской гастрономіи. Всякому извѣстно, до какого безумія доходила эта роскошь, поглощавшая въ одинъ ужинъ годовые доходы съ цѣлыхъ провинцій. Напримѣръ, однажды Калигула истратилъ на вечерній столъ десять мильйоновъ сестерцій. Частные люди соперничали съ кесарями въ сумасбродныхъ тратахъ на пиршества. Имена Лукулла, Октавія, Апиція, Полліона и кесаря Клавдія, восклицавшаго въ Сенатѣ; *rogo vos—qui potest sine offulâ vivere?* [35]) достаточно свидѣтельствуютъ о сластолюбіи римлянъ, породившемъ изрѣченіе; *«edunt ut vomant, vomant ut edunt.»*

[29]) *Архимагиръ* — главный поваръ. Во время Нерона учредились въ Римѣ гастрономическія школы, и изъ нихъ то выходили пресловутые повара, стоявшіе на челѣ дворской челяди и получавшіе огромное жалованье и подарки.

---

[33]) См. «Помпею» Классовскаго, примѣч. 191.

[34]) См. Светонія и Тацита.

[35]) Спрашиваю: кто можетъ прожить день безъ куска хлѣба?

[30]) *Ритоны* — греческое слово, означающее питейные рога.

[31]) *Менадами* назывались въ Греціи вакханки. Слово менада значитъ собственно бѣснующаяся. Римскія танцовщицы, являясь на пиры, одѣвались иногда вакханками, и безумная пляска, доводившая ихъ до самозабвенія, упрочила за ними прозваніе менадъ.

[32]) *Сосѣдки нашей Силіи.* Силія—лицо историческое. Она была близкой пріятельницей Петронія, описавшаго, подъ вымышленными именами, любовныя похожденія Нерона и его приближенныхъ. Петроній, замѣшанный въ дѣлѣ Пизона, самъ лишилъ себя жизни, а передъ смертью послалъ Нерону упомянутое нами сочиненіе. Подозрѣвая нѣкоторое содѣйствіе со стороны Силіи, бывшей замужемъ за сенаторомъ и знакомой съ тайнами римскаго общества, Неронъ изгналъ ее изъ Рима. Тацитъ выражается такъ: ...«*agitur in exsilium tanquam non siluisset quae viderat pertuleratque, proprio odio*» [36])

[33]) *Центуріонъ*—сотникъ римскаго войска. Центуріоны обыкновенно посылались къ обвиненнымъ для возвѣщенія воли кесаря и Сената.

[34]) *Латиклава*—бѣлая тога съ красными каймами. Носить ее имѣли право только сенаторы и важные сановники.

[35]) *Кукулемъ* (cucullus) назывался капюшонъ, который накидывали себѣ на голову римскія женщины, когда не хотѣли быть узнанными.

[36]) *Канидія.* Извѣстная волшебница, о которой нѣсколько разъ упоминаютъ Горацій и Овидій. Декорація лабораторіи, костюмъ и заклинанія Локусты основаны также на свидѣтельствахъ обоихъ поэтовъ. Волшебницъ называли сагами (*sagae*), отъ глагола *sagire*, значащаго имѣть тонкое чутье [37]).

[37]) *Имплювіата*—длинная женская одежда, употреблявшаяся въ ночное, или ненастное время.

[38]) *Капище Венеры.* Тацитъ къ имени Венеры придаетъ эпитетъ *родотворной* (*genitrix*). Открытіе судебнаго засѣданія удостовѣреніемъ жреца, размѣщеніе консуловъ, претора, сенаторовъ

---

[36]) См. Тац. Лѣт., XVI, 20.

[37]) См. Горація, II, s. 80 вид. Heroid, 6. Его же Amor., III ч. и др.

и прочихъ лицъ, вызовъ осужденныхъ и свидѣтелей черезъ глашатая, чтеніе судебнаго протокола, словомъ: весь порядокъ римскаго уголовнаго судопроизводства сохраненъ въ моей драмѣ почти безъ измѣненія.

[39]) *Пaконія.* Паконій Агриппинъ показалъ замѣчательное хладнокровіе. Эпиктетъ [38]) разсказываетъ, что друзья Паконія пришли къ нему съ извѣстьемъ: «Тебя судятъ въ Сенатѣ».—«Въ добрый часъ! Однакожь, мнѣ пора на гимнастическія игры» По окончаніи игоръ, ему говорятъ. «Ты осужденъ».—«На смерть, или на изгнаніе?»—«На изгнаніе».—«А мое богатство? — «Тебѣ его оставили».—«Прекрасно! отправимся въ Арисію... [39]) обѣдать.»

[40]) *Нѣтъ, я боговъ подземныхъ не звала!* Эта рѣчь Сервиліи переведена изъ Тацита. Слѣдующій за нею монологъ Сорана также оттуда, но нѣсколько измѣненъ.

[41]) *Veto!* Римскіе трибуны, обязанные защищать права своего триба, могли останавливать рѣшенія Сената однимъ словомъ; veto! (не дозволяю). Трибунство, знаменательное при Гракхахъ, Сатурнинѣ, Друзѣ и Руллѣ, при кесаряхъ не значило ровно ничего, хотя удержало прежній видъ и de jure—прежнюю власть.

Боясь утомить вниманіе читателей, я ограничился самыми необходимыми примѣчаніями и ссылками на авторовъ. Теперь да дозволено мнѣ будетъ поговорить о языкѣ, о строѣ моей драмы... Строй ея холоденъ и однозвученъ; рѣчи дѣйствующихъ лицъ слишкомъ-торжественны; движенія души передаются витіеватыми фразами, но эта, холодная торжественность, эта однозвучная витіеватость—намеренны. Меня спросятъ: для чего? Постараюсь отвѣтить.

Жизнь древняго римлянина проходила на форумѣ, въ базиликахъ и въ термахъ. Привычка къ общественности, соединенная съ римскою важностью, положила на тогдашніе нравы отпечатокъ какой-то официальности; самые пріемы древнихъ римлянъ, обусловленные отчасти и одеждою, отзывались чѣмъ-то заученнымъ, ораторскимъ. Предназначенное къ неизбѣжной трибунѣ, римское юношество получало образованіе въ риторскихъ школахъ, привыкало къ ораторскимъ оборотамъ и періодамъ. Поэтому ораторская рѣчь

[38]) См. Эпитк. in Arriano.

[39]) Вилла, принадлежавшая нѣкогда Агриппѣ.

проникла во всѣ поры римской жизни. Это положеніе подтверждается на каждомъ шагу историческими данными. Приведемъ въ примѣръ подготовленную импровизацію Антонія противъ Цицерона, рѣчь 12-ти-лѣтняго Октавія въ похвалу покойной бабки, предсмертную рѣчь Германика, рѣчь Сенеки и отвѣтъ Нерона и т. д. Припомнимъ теперь, что въ моей драмѣ дѣйствуютъ те жѣ римляне, да еще ремляне-стоики, которые выше всего ставили разумное безстрастіе. Естественно, что, желая быть вѣрнымъ взятой эпохѣ, я придалъ моей драмѣ холодно-ораторскій тонъ. Но можетъ-быть, мнѣ возразятъ, что, избѣгая анахронизмовъ, не слѣдуетъ вмѣстѣ съ тѣмъ грѣшить передъ искусствомъ...

Это ужь другой вопросъ.

Я вполнѣ сознаю недостатки своего сочиненія и вполнѣ буду благодаренъ за всякое добросовѣстное замѣчаніе.

—

[42]) Царь Иванъ Васильевичъ Грозный былъ двà раза во Псковѣ—одинъ разъ въ 1546 году, другой разъ въ 1570. Первый разъ былъ онъ во Псковѣ какъ-то загадочно, глухо; второй его пріѣздъ еще загадочнѣе.

На этихъ двухъ загадочныхъ посѣщеніяхъ и основанъ вымыселъ моей драмы. Вотъ лѣтописное свидѣтельство о первомъ пріѣздѣ царя Іоанна:

«Въ лѣто 1546, князь великій Иванъ Васильевичъ, да братъ его князь Георгій, быша въ Новѣгородѣ и во Псковѣ мѣсяца декабря 28-й день въ недѣлю; одну ночь ночевали и на другую ночь на Вороночи были, а 3-ю ночь были у Пречистой въ Печёрахъ; паки во Псковѣ въ среду; и бывъ не много и поѣде къ Москвѣ, съ собою земъ Князя Володимера Андреевича, а Князь Юрій, братъ его, оста̀, и той бывъ немного, и пойде и той къ Москвѣ, а не управивъ своей отчины ничего. А Князь Великій все гонялъ на ямскахъ; а христіаномъ много прòторъ и волокидѣ учинили.» Пск. лѣтопись.

Какой же былъ тогда Великій Московскій Князь и какія были отношенія Москвы ко Пскову?

Лѣтопись отвѣчаетъ и на послѣдній вопросъ, и на первый.

На послѣдній отвѣчаетъ она такъ:

«Въ лѣто $^{7018}/_{1510}$ Князь Великій Василій Ивановичъ ходилъ ратью ко Пскову, Генваря въ 24 день, на Оксеньинъ день, и городъ Псковъ взялъ, и колоколъ свезъ къ Москвѣ, и посадниковъ, и Псковичь торговыхъ людей вывелъ къ Москвѣ, а Москвичь гостій прислалъ во Псковъ.»

На первый вопросъ, Новгородская 1-я лѣтопись отвѣчаетъ сначала кратко:

Того же лѣта $^{7038}/_{1530}$ родись великому князю сынъ князь Иванъ Васильевичъ, августа въ 25 день **), а крестили его у Троицы въ Сергіевѣ монастырѣ, а держали его игуменъ Данилъ Всесвяцкой изъ Переславля, да Косьянъ Босой изъ Осифовы пустыни...» Новг. 1-я лѣтопись.

А потомъ лѣтопись распространяется, и даже начинается заголовкомъ.

ПОСТАВЛЕНІЕ

ЦАРЯ ІОАННА ВАСИЛЬЕВИЧА.

Привожу это лѣтописное *поставленіе*, отъ слова до слова:

«Того же лѣта $^{7056}/_{1548}$ **) вѣнчанъ бысть на царство Московское государь царь и великій князь Іоаннъ Васильевичь, всея Росіи самодержецъ, генваря въ 16-й день и помазаша святымъ мгромъ, и вѣнчанъ бысть святыми бармами и вѣнцемъ Мономаховымъ, по древнему закону царскому, яко-же Римстіи и и Гречестіи царіи православніи поставляхуся; и наречеся царь и великій князь всея великія Росіи самодержецъ великій показася, и страхъ его обдержаше всея языческія страны, и бысть вельми премудръ, и храбросердъ, и крѣпкорукъ, и силенъ тѣломъ и легокъ ногами, аки пардусъ подобенъ дѣду своему великому князю Іоанну Васильевичу: прежде бо его никто же отъ прадѣдъ его царемъ словяше въ Росіи, не ***смѣяше*** отъ нихъ

*) Ошибка: Іоаннъ родился 29-го августа, 1530 года: умеръ 18 марта 1584 г.

**) Невѣрно: Іоаннъ вѣнчанъ несомнѣнно въ $^{7055}/_{1547}$

никійждо поставится царемъ, и зватися тѣмъ *новымъ* именемъ, бл.годуще ся зависти и возстанія на нихъ *поганыхъ* царей и невѣрныхъ...»

Новгор. 3 лѣтопись.

Двумя-тремя чертами обведёнъ въ этомъ лѣтописномъ очеркѣ грозный òбразъ царя Ивана IV-го, за то какъ вѣрно и какъ смѣло!

Весьма премудрый, и *силенъ тѣломъ* и *легокъ ногами, аки пардусъ*, «гонястъ», юный царь, «***на мскахъ и ишакахъ*** по лѣснымъ островамъ великаго Пскова...

«***А христіанамъ много проторъ и волокидъ учинили...***»

Другими словами: въ волю натѣшился тогда царь надъ псковскими дубрòвами и псковскими теремами...

Второй пріѣздъ царя Ивана Грознаго былъ лѣтъ 15-ть спустя, а именно: въ 1570 году.

Лѣтописи говорятъ объ этомъ пріѣздѣ подробно, но я предполагаю, что лучше сдѣлать изъ нихъ извлеченіе.

«Того же лѣта $^{7063}/_{1555}$ ноября въ 20-й день, поставленъ бысть Новуграду и Пскову Пиминъ, клирикъ честныя обители Кирилова монастыря съ Бѣлаозера..»

Въ 1570 году прогнѣвался царь и государь Иванъ Васильевичъ на владыку Пимена. Неизвѣстно — за что? Встрѣчаются въ лѣтописи тёмныя указанія на то, что держалъ владыка ***перевѣтъ*** съ Литвою, то есть хотѣлъ присоединить Новгородъ къ велико-княжеству Литовскому; но положительныхъ доказательствъ этому—нѣтъ. Такъ или не такъ, только пошёлъ Иванъ Васильевичъ на Новгородъ изгонною ратью и разгромилъ ее по всѣмъ концамъ.

Въ мою драму вошелъ весь лѣтописный разсказъ объ этомъ плачевномъ событіи, и повторять его нè-зачѣмъ. *)

Съ Новгорода Иванъ Васильѐвичъ свернулъ ко Пскову... но псковичи его уже ждали и встрѣтили хлѣбомъ солью и повин-

---

*) Въ 3-й Новгородской лѣтописи это событіе озаглавлено такъ:

«***О приходѣ царя и великаго князя Іоанна Васильевича всея Русіи самодержца, какъ казнилъ великій Новгородъ, еже оприщина и разгромъ именуется.***»

ными головами, а впереди всѣхъ — его же царскій намѣстникъ, князь Юрій Ивановичъ Токмаковъ. Умилился государь и пожаловалъ Псковъ своею царскою милостью: ни казнилъ Псковъ, во гнѣвѣ своемъ, нещадно, а указалъ опричникамъ: «Притупите мечи о камень: да престанутъ убійства!»

Съ перваго взгляда, это нежданное помилованіе покажется дѣйствительно загадочнымъ, и Карамзинъ не могъ объяснить его обстоятельно, а вдался въ какія то психологическія отвлеченности, даже въ мистицизмъ.

По его словамъ, Царь Иванъ Васильевичъ посѣтилъ въ Печёрскомъ монастырѣ юродиваго схимника Николу Салоса, и убоялся его откровенной рѣчи.

Дѣло было постомъ. Никола подалъ царю кусокъ кроваваго мяса.—«Не ѣмъ я въ постъ мясного,» возразилъ ему Іоаннъ.— «Ты дѣлаешь хуже, царь!» (отвѣчалъ, по Карамзину, инокъ.)— «Ты пьешь кровь христіанскую!!!»

И не разсердился государь, и Псковъ помиловалъ...

Сталъ онъ станомъ невдалекѣ отъ Пскова, на рѣкѣ Медѣднѣ, и пробужденъ былъ въ первую же ночь благовѣстомъ псковскихъ церквей.

«Сердце его умилилось чудеснымъ образомъ,» говоритъ опять же Карамзинъ, «и...»

И Псковъ простоялъ дольше Новгорода...

Но такъ-ли это? Потому-ли это?

Врядъ-ли.

Царь Іоаннъ IV, прежде всего, былъ политикомъ. Разгромляя Новгородъ, онъ хладнокровно расчитывалъ, какъ и кѣмъ населитъ онъ его сожжёные концы и урочища, кто и какъ пріурочитъ этотъ вольный городъ къ Московскому велико-княжеству?... Да еще и не такъ, не къ велико-княжеству московскому, — къ царству... И населили, по царскому его государеву слову, великій Новгородъ, ярославцы, калужане, рязанцы, москвичи; а новгородскія семьи переселены въ Вологду, въ Вятку, въ Пермь, въ Архангельскъ, подъ Сибирскій Камень и къ Бѣлому морю... Всё, что было въ Новгородѣ живого и стародавняго, всё или вырвано съ корнемъ вонъ, или выселено и замѣщено другими стихіями. Словомъ, покончилъ Царь Иванъ Васильевичъ съ Но-

вымъ-городомъ, да ужь кстати хотѣлъ и со Псковомъ покончить и вдругъ... передумалъ.

Отчего же?

Неужели для Іоанна, неустрашившагося ни святыни собора, ни митры московскаго святителя, были такъ важны слова печёрскаго отшельника? Неужели повѣрилъ онъ чистосердечно колѣнопреклоненнымъ воздѣяніямъ руку Псковичей и возгласамъ ихъ, и моленіямъ, и повинной ихъ головѣ, и хлѣбу-соли посаднина своего?

Положительно можно отвѣчать: *нѣтъ!*

До тѣхъ поръ онъ крѣпко не жаловалъ Псковъ: въ лѣтописи псковской то и дѣло читаешь, что князь великій опалився на псковичъ, а псковичи ему челомъ бьютъ, «чтобъ князь великій печаловался своею отчиною, мужей псковичь добровольныхъ людей.» Но рѣдко удавалось псковскимъ посламъ сразу умилостивить разгнѣваннаго государя. Онъ приказывалъ сажать ихъ въ порубъ, жечь имъ бороды, по мѣсяцамъ не отпускалъ въ Псковъ, и только псковское серебро, которымъ псковичи начали торговать съ 1420 года, задерживало *возметную* грамоту. Намѣстникамъ своимъ во Псковѣ, Государь не разъ напоминалъ, «что они дѣлаютъ не гораздо, гораздо государева указа и росписи не слушаютъ, и государевымъ дѣломъ не промышляютъ.» О первомъ его пріѣздѣ во Псковъ, мы уже говорили; но тогда съ нимъ не было ни опричниковъ, ни войска, и отъ пріѣзда его пострадали не многіе, бо́льшею частію богатые псковичи. Второй его приходъ былъ вполнѣ грозенъ и вѣщалъ недоброе Пскову. Съ государемъ была вся опричина и отборное войско, до 25 тысячъ человѣкъ.

Взглянемъ на тогдашнюю:

РОСПИСЬ ВОЕВОДАМЪ:

Въ большомъ полку: Кн. Великій Семіонъ Бекбулатовичъ Тверской, да бояр. Князь Ив. О. Мстиславскій, да К. Данило Андр. Ногтевъ, да Кн. В. Кривоборской.

Въ правой рукѣ: Кн. Петръ Тутаевичъ Шейдяковъ, да бояр. Кн. Ив. Петр. Шуйскій, да окольничій Вас. Шереметевъ.

Въ передовомъ полку, бояре: Кн. Ѳ. И. Мстиславской, да Кн. Сем. Дан. Пронской, да окольничей Кн. Дмитр. Иван. Хворостининъ.

Въ сторожевомъ полку, бояре: Кн. В. Ив. Мстиславской. да Кн. Вас. Юрьев. Голицынъ, да воевода Кн. Мих. Юрьев. Лыковъ.

Въ лѣвой рукѣ: бояр. Кн. Ив. Юр. Голицынъ, да окольничей Борисъ Вас. Шеинъ, да воевода Князь Андрей Дмитріевичъ Палецкой.

А бояръ и приказныхъ людей изъ земскаго съ государемъ: Бояр. Ник. Романов. Юрьевъ, дворецкой, кн. Ѳед. Ив. Мих. сынъ Пушкинъ, казначей Петръ Головинъ.

Изъ двора бояре: кн. Ѳед. Михайловичъ Трубецкой, кн. Вас. Ѳед. Скопинъ-Шуйскій, Дмитрій Ивановичъ Годуновъ,

Кравчей Борисъ Ѳедоровичъ Годуновъ, оружничей Богданъ Яковлевичъ Бѣльской.

Дворяне, которые въ думѣ:.

Аѳ. Ѳед. Нагой, Вас. Григ. Зюзинъ, Дементей Ив. Черемисиновъ, Боимъ Вас. Воейковъ, Романъ Мих. Пивовъ.

Дьяки: Андрей Шерефединовъ, Иванъ Стрешневъ, Андр. Арцыбашевъ, Сава Фроловъ, Елизарей Вылузгинъ, Петръ Тіуновъ.

А которымъ людямъ съ государемъ быти: князей служилыхъ и Черкаскихъ князей, и Оболенскихъ князей, Суздальскихъ кн., Ярославскихъ кн., Стародубск. кн., Мосальскихъ и дворянъ выборныхъ 212 человѣкъ.

Рынды: у большаго саадака кн. Ив. Шуйскій, *у большаго копья* Ѳ. Мих. Романовъ.

У другаго саадака Ал. Мих. Романовъ.

У рогатины кн. Борисъ Петровичъ Татевъ.

У третьяго саадака кн. Анд., княж. Вас. сынъ Сицкой.

У сулицы кн. Ѳед. Андр., сынъ Татевъ.

Поддатни рындовъ — жильцы.

Дворецкій, Лёвъ Андреевичъ Салтыковъ.

Протопопъ Евстафій.

И всего всякихъ людей 27,969 человѣкъ.

Зачѣмъ же, при ясномъ желаніи — сокрушить Псковъ, пощадилъ царь Иванъ свою отчину?

Ужь, во первыхъ, потому, что досталась она ему отъ крестопреимной Ольги.

Потому, во вторыхъ, что со Псковомъ, прежде его, управился его родитель, великій князь Василій Іоанновичъ, по лѣтописи тако: *) «По семъ нача князь В. деревни давати бояромъ совимъ сведёныхъ бояръ Псковскихъ и посади намѣстники во Псковѣ: Григорія Өедоровича Морозова, да Ивана Андреевича Челагина, а Дьяка Мисюря Мунехина, а другимъ Діякомъ якскимъ Андрея Волосатаго и 12 городничихъ и старостъ Московскихъ 12, и Псковскихъ 12, и деревни имъ даша.»

Потому ещё пощадилъ царь Иванъ Псковъ Великій, что добиваясь своей отчины, Лифляндовъ, или по просту сказать Балтійскаго моря, Царь при всей опалѣ на своеволіе и неурядицу, очень хорошо помнилъ, что Новгородъ и Псковъ были Ганзейскими городами и что въ нихъ, всѣми Балтійскими заливами, входила Европейская жизнь, на шведскихъ и норвежскихъ шкунахъ, на голландскихъ и англійскихъ судахъ, и наоборотъ — новогородскія и псковскія лодки передавали Европѣ, могучими веслами могучую Русскую жизнь.

И, наконецъ, потому что билъ ему осударь великій Псковъ челомъ и просилъ его, великаго осударя, печаловатися о его осударевой отчинѣ...

Ну, какъ было устоять царю Ивану противъ этихъ, такъ называемыхъ, *политическихъ* доводовъ?

На этомъ-то, признаться, утломъ историческомъ *челнокѣ* и основалъ я свою драму.. Не знаю — впопадъ ли?

Впрочемъ, такъ-какъ, по закону, собственное признаніе паче всего, привожу:

«ВЫПИСКИ ИЗЪ СКАЗАНІЯ КНЯЗЯ КУРБСКАГО.»

Содержаніе 1-го письма Іоанна къ Курб.(Смот. часть 2-ю, страп. 11.

И аще праведенъ еси и благочестивъ, почто не изволилъ еси отъ меня, строптиваго владыки, страдати и вѣнецъ жизни наслѣдити?

---

*) Въ 1510 г.

Понеже, Божіимъ изволеніемъ, дѣлу нашему, великому Государю, Богъ ихъ поручилъ въ работу, и они давъ свои души, и и до смерти своей служили, и вамъ, своимъ дѣтямъ, приказали служити дѣда нашего дѣтемъ и внучатамъ. И ты то все забылъ, собацкимъ измѣннымъ обычаемъ преступилъ крестное цѣлованіе ко врагомъ христіанскимъ соединился еси, и къ тому своея злобы не разсмотряя, сицевыми и скудоумными глаголы, яко на небо каменіемъ меща, нелѣпая глаголеши и раба своего во благочестивіи не стыдишися, и подобная тому сотворити своему владыцѣ,—отвергся еси.

Аще есть малое согрѣшеніе, но сіе отъ вашего жь соблазна и измѣны; паче же и человѣкъ есмь: нѣсть бо человѣка безъ грѣха, токмо единъ Богъ; а не яко же ты, яко мнится быти выше человѣка, со ангелы равенъ. А о безбожныхъ человѣцѣхъ что и глаголати? Понеже тіи всѣ царствіи своими не владѣютъ: како имъ повелятъ работные ихъ, тако и владѣютъ, а Россійское Самодержство изначала сами владѣютъ всѣми Царствы, а не бояре и Вельможи. И того въ своей злобѣ не могъ еси разсудити, нарицая благочестіе, еже подъ властію нарицаемаго Попа и вашего злочестія повелѣнія Самодержству быть! А се по твоему разуму нечестіе, еже отъ Бога данной намъ власти самимъ владѣти и не восхотѣхомъ подъ властію быти Попа съ вашего злодѣянія! Се ли разумѣваемая сопротивъ яко вашему злобѣсному умышленію тогда, Божіею милостію и Пресвятыя Богородицы заступленіемъ, всѣхъ Святыхъ молитвами и родителей своихъ благословеніемъ, погубити себѣ не дали есми? А какова зла я тогда отъ васъ тогда пострадахъ! Се убо пространнѣйши напреди слова извѣститъ

Какъ же и сего не моглъ еси разумѣти, яко подобаетъ властелемъ не звѣрски яритися, ниже безсловесно смиритися? Яко же рече Апостолъ: *своихъ убо милуйте разсуждающе, овѣхъ же страхомъ спасайте, отъ огня выхищающе;* видиши ли, яко Апостолъ повелѣваетъ страхомъ спасати? Тако же и во благочестивыхъ Царей временѣхъ много обращается злѣйшее мученіе. Како

же убо, по твоему безумному разуму, одинако быти Царю и не по настоящему времени? То убо разбойницы и татіе мукамъ неповинни, наче же и злѣйшія сихъ лукавыя умышленія, то убо вся Царствія не въ строенія и междоусобными браньями вся растлятся! И тако ли убо пастырю подобаетъ, еже не разсмотряти о настроеніи отъ подвластныхъ своихъ?

Како же не стыдишися злодѣевъ мученики нарицати, не разсуждая, за что кто пострадаетъ? Апостолу вопіющу: *аще кто незаконно мученъ будетъ, сирѣчь не за вѣру, не вѣнчается* Божественному убо Златоусту и великому Аѳанасію въ своемъ исповѣданіи глаголющимъ: *мучими убо суть татіе, и разбойницы, и злодѣи, и прелюбодѣи: таковы ли убо блаженіи?* Понеже грѣхъ ради своихъ мучими бысть, а не Бога ради. Божественному же Апостолу Петру глаголющу: *лучше убо благотворяще пострадати, не сіе зло творящимъ мученія.* Вы же злобѣснымъ своимъ обычаемъ, подобящеся ехиднину прыганію, ядъ изливающи, ничто же повиновенія, человѣкъ и законопреступленія, и временъ разсуждающи, свою злолукавую измѣну, бѣсовскимъ умышленіемъ, лестію языка покрыти хотяше! Се ли убо сопротивно разуму, еже по настоящему времени жити? Воспомяне же и во Царехъ великаго Константина: како, Царствія ради сына своего, рожденнаго отъ себе, убилъ есть! Князь Ѳеодоръ Ростиславичъ, прародитель вашъ, въ Смоленскѣ на Пасху колико крови пролiялъ есть! И во святыхъ причитаются.

И на всегда убо Царемъ подобаетъ обозрительнымъ быти: овогда кротчайшимъ, овогда же ярымъ; ко благимъ убо милость и кротость, къ злымъ же ярость и мученіе; аще ли же сего не имѣя, нѣсть Царь: Царь бо нѣсть боязнь дѣломъ благимъ, но злымъ: хощеши ли не боятися власти? благотвори; аще ли злое творши, бойся: небо туне мечъ носишь, въ месть злодѣемъ, въ похвалу же добродѣемъ.

Почесому же и учитель еси души моей и тѣлу моему? Кто убо постави судію или властелѣ надъ нами? Или ты даси отвѣтъ за душу мою въ день Страшнаго Суда, Апостолу Павлу глаголющу: *како убо вѣруютъ безъ проповѣдующаго, како же и проповѣдуютъ, а не послани будутъ?* И се убо бысть въ пришествіе Христово: ты же отъ кого посланъ еси? и кто тя рукополагателя постави, яко учительскій санъ восхищающи, Апостолу Іякову сіе и т. д.

Нигдѣ же бо обрящеши, иже не разоритися царству, еже отъ поповъ владому. Ты же убо по что ревнуеши? иже во Грецѣхъ Царствіе погубившихъ и Туркомъ повинувшихся? сію убо погибель и намъ совѣтуеши? И сія убо погибель на твою главу наче да будетъ! Къ сему же и сему подобенъ.

Или убо сіе свѣтло, попу и прегордымъ, лукавымъ рабомъ владѣти, Царю же токмо председѣданіемъ и Царствіи честію почтену быти, властію же ни чѣмъ же лучше быти раба? А се ли тьма яко Царю содержати повелѣнная? Како же и Самодержецъ наречется, аще не самъ строитъ? яко же рече Апостолъ Павелъ къ Галатомъ пиша: *въ нѣсколько лѣтъ наслѣдникъ есть младенецъ, ни чимъ же есть лучше раба; но подъ повелительми и приставники есть, до нарока отча.* Мы же, благодатію Христовою, дойдохомъ лишь нарока отча, и подъ повелительми и приставники быти намъ не пригоже. Речеши же убо, яко едино слово, обращая сѣмо и овамо, пишу? Понеже бо есть вина всѣмъ дѣломъ вашимъ, злобѣснаго умышленія, понеже съ Попомъ положисте совѣтъ, дабы азъ словомъ былъ Государь, а вы–бъ съ попомъ владѣли: сего ради вся сія случишася, понеже и доднесь не престаете, умышляюще совѣты злые. Воспомяни же, егда Богъ, изводяще Израиля изъ работы, егда убо постави Священника владати людьми, или многихъ рядниковъ? Но единаго Моисея, яко Царя постави владѣтелемъ надъ ними; священствовати же ему не повелѣ, но Аарону брату его

повелѣ священствовати, людскаго же строенія ничего не творяти; егда же Ааронъ сотвори людскіе строи тогда и отъ Бога люди отведи. Смотри же сею, яко не подобаетъ Священникомъ Царская творити. Тако же Даөанъ и Авиронъ...»

Убѣжденъ *былъ* царь Иванъ Васильевичъ, что противниковъ его и сопостатовъ поглотитъ сама земля... Да и какъ же не убѣдиться было въ этомъ царю всея Руси, тому, про кого весь православный народъ сложилъ пѣсню:

„Зачиналася каменна Москва—
Зачинался въ ней и грозный царь,
Грозный царь Иванъ Васильевичъ:
Онъ Казань — городъ походомъ взялъ;
Мимоходомъ городъ — Астрахань;
Полонилъ царство Сибирское;
Выводилъ измѣну изъ Новагорода,
Выводилъ измѣну изъ Пскова...“

Какъ же было не вѣрить ему въ свою звѣзду? Онъ и комету 1584-го года считалъ провозвѣстницей своей судьбы—и не ошибся: 18-е марта 1584 г. скатилась звѣзда его съ поднебесья...

Кажется, изъ приведенныхъ мною лѣтописныхъ отрывковъ, изъ народныхъ пѣсенъ, изъ личной исповѣди Іоанна на ухо князю Курбскому,—ясно видно—что за мощь, что за свѣтлая мысль таилась, *подъ мономаховой шапкой*, на челѣ Царя Ивана?

Вотъ мой отвѣтъ на всѣ грядущія возраженія противъ моей «*Псковитянки.*»

«Отцы и братія! Чтите, Бога дѣла, но не кляните...»

ОГЛАВЛЕНІЕ.

